Современная фантастика

Джон Варли

ФЕЯ

Научно-фантастический роман



Издательство «Терра»

Фея

Джон Варли

Аннотация
Джон Варли. Фея
ПРОЛОГ. Достойнейшая из Достойных
ГЛАВА I. Причудливый флаг
ГЛАВА II. Безумный мажор
ГЛАВА III. Визжач
ГЛАВА IV. Маленькая великанша
ГЛАВА V. Прекрасный принц
ГЛАВА VI. Палаточный город
ГЛАВА VII. Гармоничные небеса
ГЛАВА VIII. Летунья
ГЛАВА IX. Свободная художница
ГЛАВА X. Фонотека
ГЛАВА XI. Пурпурный карнавал
ГЛАВА XII. Брачный выбор
ГЛАВА XIII. Гостеприимство
ГЛАВА XIV. Пробуждение
ГЛАВА XV. «Волшебный кот»
ГЛАВА XVI. Клуб кругосветников
ГЛАВА XVII. Знакомство
ГЛАВА XVIII. Сна ни в одном глазу
ГЛАВА XIX. Вечная молодость

ГЛАВА XX. Снова в путь
ГЛАВА XXI. Пути полночного моря
ГЛАВА XXII. Окно идола
ГЛАВА XXIII. Буря и затишье
ГЛАВА XXIV. Грот
ГЛАВА XXV. Инглезина
ГЛАВА XXVI. Тропа славы
ГЛАВА XXVII. Всплеск огня
ГЛАВА XXVIII. Триана
ГЛАВА XXIX. По пескам
ГЛАВА XXX. Раскаты грома
ГЛАВА XXXI. Зарницы
ГЛАВА XXXII. Пропавшая армия
ГЛАВА XXXIII. Зачинщица
ГЛАВА XXXIV. Откровение
ГЛАВА XXXV. Побег
ГЛАВА XXXVI. Терпение
ГЛАВА XXXVII. Западный конец
ГЛАВА XXXVIII. Бравада
ГЛАВА XXXIX. Аванпост
ГЛАВА XL. Достойное наследство
ГЛАВА XLI. Гладиаторы на арене
ГЛАВА XLII. Битва ветров
ГЛАВА XLIII. Тонкая алая линия
ГЛАВА XLIV. Гром и молния
ГЛАВА XLV. Слава и удача

ЭПИЛОГ. Semper fidelis

Аннотация

Разумная планета, чей мозг начинает разрушаться от старости… И тут уж время идет на секунды. Капитан Сирокко Джонс, она же Фея, объявляет беспощадную войну безумному Титану.

Джон Варли
Фея

ПРОЛОГ
Достойнейшая из Достойных

Три миллиона лет вращалась Гея в своем гордом великолепии.

Некоторые из ее обитателей ведали о более обширном космосе вне великого колеса. Задолго до создания ангелов летучие твари влетали в могучие своды ее спиц, выглядывали в верхние ряды ее окон и так узнали форму богини. Но нигде во тьме не увидели они другой такой, как Гея.

Ибо таков был естественный порядок вещей: Богиня была их миром, мир был колесом, а колесо было Геей.

Ревнивой богиней Гею было трудно назвать.

Никому не требовалось ей поклоняться — да никому это и в голову бы не пришло. Гея не требовала ни жертв, ни храмов, ни распевавших бы ей хвалу хоров.

Гея упивалась пьянящими энергиями — теми, что можно найти близ Сатурна. А сестры ее рассеяны были по всей галактике. Богинями были, разумеется, и они — но удаленность в пространстве вызвала к жизни мифологию Геи. Ее

общение с ними растягивалось на столетия — при скорости света. На орбите Урана вращались ее дети. Они также были богами, но это мало что значило. Гея была Верховным титаном, Достойнейшей из Достойных.

Гея вовсе не была неким отвлеченным представлением. Ее можно было увидеть. С ней можно было поговорить. Чтобы до нее добраться, требовалось одолеть всего-навсего шестьсот километров по вертикали. Прогулка не из легких, но все же осуществимая. Таким образом, небеса становились достижимыми — для тех, кто отваживался на подобный маршрут. Гея принимала примерно одного визитера в тысячу лет.

Молиться было бессмысленно. Гея не могла выслушивать всех в ней живущих, да и желания такого не имела. Она стала бы беседовать только с героями. Ибо она была богиней крови и сухожилий, чьи кости крепили землю, — богиней с массивными сердцами, пещеристыми артериями, — богиней, вскармливавшей свои народы собственным молоком. Сладким молоко не было, зато его всегда хватало.

Когда на Земле строили первые пирамиды, Гея начала сознавать, что внутри у нее происходят перемены. Средоточие ее разума располагалось

в ступице. И в то же время, примерно как у динозавров древности, мозг Геи делился на части, обеспечивая локальную автономию для более примитивных ее действий. Такая организация не позволяла богине погрязнуть в ненужных деталях. Очень долгое время все работало превосходно. По всему ее массивному ободу располагались двенадцать подчиненных мозгов, ответственных каждый за свой регион. Все двенадцать признавали главенство Геи; собственно говоря, поначалу трудно было даже говорить о вассальных мозгах, отдельных от ее собственного.

Врагом Геи стало время. Смерть не была для нее новостью — во всех видах и обличьях. Она ее не боялась. Некогда ее не существовало, и Гея прекрасно понимала, что такое время снова наступит. Вечность для богини, таким образом, аккуратно делилась на три равные части.

Гея знала, что титаны подвержены старению, — она уже прислушивалась к тому, как три ее сестры дегенерировали в бессвязные бредни, а затем умолкли навеки. Но она и ведать не ведала, какую шутку выкинет с нею собственное стареющее тело. Ни один человек, которого вдруг взялись бы душить его собственные руки, не удивился бы так, как удивилась Гея, когда

подчиненные ей мозги вдруг стали проявлять своеволие.

Три миллиона лет владычества неважно подготовили Гею к искусству компромисса. Может статься, ей и удалось бы ужиться со своими периферическими мозгами, будь она способна прислушиваться к их недовольству. С другой стороны, два ее региона впали в безумие, а третий сделался настолько злонамерен, что безумным можно было считать и его. Целое столетие великое колесо Геи буквально вибрировало от бешенства войны. В результате грандиозные баталии едва не уничтожили самое Гею и нанесли страшный урон ее народам, которые оказались так же беспомощны, как любой индус перед божествами ведийской мифологии.

Но никакие титанические фигуры по изгибу колеса Геи, сыпля молниями и руша целые горы, не расхаживали. Ибо божествами в этой войне были сами земли. Разумные расы пропали, когда земля разверзлась, а пламя вырвалось из спиц. Тысячелетние цивилизации были стерты с лица великого колеса, а другие впали в дикарство.

Двенадцать регионов Геи были слишком своевольны, слишком ненадежны, чтобы объединиться против нее. Самым верным союзником

богини оказался Гиперион, самым злейшим врагом — Океан. Располагались они на смежных территориях — и оба были разорены еще до того, как война перешла во враждебное перемирие.

Но бунт и война оказались еще недостаточным позором для стареющей богини — приближалась и худшая катастрофа. В мгновение ока воздушные пути заполнились самыми удивительными шумами. Сначала Гея решила, что это новый симптом маразма. Конечно же, все эти голоса из космоса — все эти Лоуэлл Томас, Фред Аллен и Циско Кид — ее собственное изобретение. Но, в конце концов, она распознала, в чем фокус. И сделалась заядлой слушательницей. Будь у нее почтовая связь с Землей, богиня непременно слала бы туда овалтиновые наклейки для колес магического декодера. Она обожала Фиббера Мак-Ги и была преданной поклонницей Эймоса и Энди.

Телевидение потрясло Гею так же сильно, как звуковое кино поразило аудиторию в конце 1920-х. Как и в более ранние дни радио, многие годы большинство программ были американского образца. Эти-то программы Гее больше всего и полюбились. Она следила за подвигами Люси и Рикки, а также знала все ответы на Вопрос

за $64.000, причем с возмущением поняла, что вопросы подтасованы. Она смотрела все подряд и порой догадывалась о том, что ставило в тупик создателей многих шоу.

Еще были фильмы и новости. А во время информационного бума восьмидесятых — девяностых передавали даже целые библиотеки. Но к тому времени изучение Геей человеческой цивилизации сделалось уже более чем академичным. Просмотр шоу Нила Армстронга укрепил ее в том, что она давно уже подозревала. Люди будут двигаться все дальше и дальше.

И Гея стала готовиться их встретить. Перспектива встречи обнадеживающей не была. Еще бы! Воинственное племя, чье оружие запросто может обратить ее в пар. Вряд ли они с энтузиазмом воспримут в «своей» Солнечной системе 1300-километровое живое колесо — да еще богиню. Она вспомнила радиопередачу Орсона Уэллса в канун Дня Всех Святых 1938 года. Еще она вспомнила «Этот остров Земля» и «Я вышла за космического монстра».

Но все ее планы обратились в прах, когда Океан, всегда готовый учинить Гее любую каверзу, уничтожил МКК «Укротитель» — первый же корабль, какой до нее добрался. Впрочем, люди

не оправдали худших опасений. Второй корабль, уже вооруженный и готовый стереть ее в порошок, держал руки в карманах ровно столько, чтобы Гее удалось объясниться. Тут Гее помогли спасшиеся члены первой экспедиции. Было учреждено посольство, и все тактично не обращали внимания на корабль, остановившийся на безопасном расстоянии и намеревавшийся уже никогда не оставить своего соседства. Гею это не особенно тревожило. Она вовсе не собиралась вынудить корабль сбросить свой смертоносный груз, а радиус пакостей Океана был достаточно ограничен.

Вскоре прибыли ученые — проводить исследования. Позднее прибыли туристы — заниматься, понятное дело, тем, чем обычно занимаются туристы. Гея принимала всех, если только визитер подписывал заявление, освобождающее ее от ответственности.

В долженствующее время она была признана Швейцарским правительством, и ей было позволено учредить консульство в Женеве. За другими нациями дело не стало, и к 2050 году Гея уже была членом ООН с правом голоса.

Годы своего упадка Гея решила посвятить исследованию бесконечных усложнений рода

человеческого. Но она также понимала, что для полной безопасности человечество должно в ней нуждаться. Ей требовалось сделать себя необходимой и в то же время дать всем понять, что ни одна земная раса не может считать ее своим трофеем.

И Гея нашла способ этого добиться.

Она стала представлять чудеса.

ГЛАВА I
Причудливый флаг

Титанида галопом выскочила из тумана — будто беглянка с какой-то безумной карусели. Возьмите традиционного кентавра — полуконя, получеловека — и размалюйте его мондриановскими белыми полосками, да еще прямоугольничками алого, голубого и желтого. Вот вам и титанида. Сущий кошмар, лоскутное одеяло от копыт до бровей. И это лоскутное одеяло сейчас спасало свою жизнь.

Она протопотала прямо по дамбе, откинув руки назад — точь-в-точь серебристая мадам в «роллс-ройсе», — а из широких ноздрей вырывался пар. За титанидой неслась толпа на крошечных ситипедах, яростно размахивая кулаками и дубинками. Надо всем этим безобразием скользил полицейский в «Марии», выкрикивая приказы, которых никто не слышал из-за воя клаксонов.

Крис'фер Минор еще дальше попятился в арочный туннель, где спрятался, как только услышал сирену бунта. Потом, поплотнее закутываясь в воротник куртки, пожалел, что не выбрал себе

другого укрытия. Титанида явно намылилась к форту. Никакого другого убежища поблизости не просматривалось. Бежать еще можно было разве что к мосту, скрытому за высокой оградой. Ну и конечно — в Залив.

Но титанида, как вскоре выяснилось, держала путь именно к Заливу. Промчавшись по растрескавшемуся асфальту автостоянки, она махнула через подвесную цепь на краю дамбы. Прыжок тянул на золотую медаль любой Олимпиады. Титанида потрясающе промелькнула в воздухе — и в темпе постаралась отплыть подальше от камней и пенного мелководья. Всплеск вышел жуткий. Потом из-под воды показались голова и плечи, а затем и остальная часть человеческого торса — пока не стало казаться, что в воде по пояс стоит человек.

Люди были явно разочарованы. Они принялись выворачивать куски асфальта и швырять их в чужачку. А Крис'фер стал гадать, чего же такого натворила титанида. В этой толпе не было звериного торжества подлинных чужефобов.

Блюститель порядка в парящей над толпой «Марии» врубил ожоговый автомат — тот, что обычно используют при усмирении вооруженных беспорядков. Одежда метателей асфальта

задымилась, волосы затрещали. В мгновение ока автостоянка опустела, а бывшая толпа сидела и материлась в холодных водах Залива.

Затем Крис'фер услышал заунывное жужжание приближающихся падлахватов. Вообще-то это был не первый увиденный им бунт. И, любопытствуя насчет причины, он одновременно отдавал себе отчет, что сейчас болтаться тут вокруг да около — это самый верный путь присесть на недельку в тюрьму. Тогда Крис'фер быстренько развернулся и по короткому коридорцу прошел к странной формы кирпичному зданию.

Внутри был бетонный дворик в форме трапеции. Дворик окружала трехъярусная галерея. Наружную стену равномерно испещряли квадратные дыры. Больше о здании сказать было особенно нечего — заброшенная конюшня, хотя и чисто выметенная. Тут и там на деревянных стендах располагались указатели со старомодным золотым шрифтом, указывая путь в разные части здания; ниже более мелким шрифтом давались пояснения.

Неподалеку от середины дворика располагался латунный флагшток. Флаг на его вершине рвался под плотным ветерком, что задувал от Златых Врат: посреди черного поля флаг щеголял зла-

тым колесом о шести спицах. Невозможно было глядеть на флаг, не щурясь, ибо потрясающего вида пролет моста, казалось, сам по себе висит в воздухе.

То был Форт-Пойнт, возведенный в девятнадцатом столетии для защиты прохода в Залив. Все его пушки теперь, конечно, канули в небытие. Защиту от врага с моря он, несомненно, обеспечил бы первоклассную — да вот только враг так и не пришел. Ни единого боевого выстрела Форт-Пойнту произвести не довелось.

По ходу дела Крис'фер задумался, рассчитывали ли строители на то, что их творение простоит последние двести пятьдесят лет и не претерпит никакой перестройки с того самого дня, как был положен последний кирпичик. Потом решил, что рассчитывали. Но все-таки дико было стоять там, где стоял он, — и оглядывать оранжевый металл моста, столь дерзко нависающего над кирпичным чудищем.

На самом деле мост не так уж хорошо и сохранился. После землетрясения 45 года, когда он рухнул, прошло пятнадцать лет, прежде чем между неповрежденными башнями были проложены новые дороги.

Крис'фер перевел дыхание и поглубже сунул

руки в карманы. Долго же он оттягивал то, зачем сюда пришел, боясь отказа. Но это надо сделать. Надо. Вот и указатель к месту его назначения. Указатель гласил:

В ГЕЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО — СЮДА ПОСОЛ — НЕТ (НА МЕСТЕ)

«На месте» было просто куском грязного картона, болтающегося на гвозде.

Вслед за указующим перстом Крис'фер проследовал сначала за дверь, а потом по коридору. Внутренние двери открывались направо и налево в голые кирпичные комнаты. В Гейском посольстве не оказалось ничего, кроме металлического стола и нескольких тюков сена в штабеле у стены. Крис'фер вошел в помещение — и только тут заметил разлегшуюся на столе титаниду.

На человеческом торсе у титаниды болтался наряд из комической оперы, украшенный латунными побрякушками и тесьмой. Конское же ее тело было пегим. То же самое можно было сказать и о ее руках и предплечьях, торчавших из рукавов куртки. Она явно спала, причем храпела почище цепной пилы. Также она обнимала золотистый кивер с длинным белым плюмажем, запрокинув при этом голову и демонстрируя загорелое пегое

горло. Из перевернутой шляпы наклонно торчала бутылка спиртного, и еще одна такая же бутылка стояла у задней ноги.

— Есть там кто-нибудь? — Голос доносился сзади, из-за двери с надписью «Ее превосходительство Валторна (Гипомиксолидийское Трио) Кантата». — Тирарси, займись-ка, а? — Затем последовало дикое сморкание, а потом оглушительный чих.

Крис'фер нерешительно отворил дверь и сунул туда нос. Там за столом оказалась еще одна титанида.

— Ваша… гм… похоже, она отрубилась.

Титанида опять чихнула.

— Во-первых, — начала посол Кантата, — не она, а он. И ничего тут странного. Он так далеко завернулся от колеса, что даже не помнит, как оно крутится. — «Завернуться от колеса» было стремительно заменено на «закладывать за галстук», «пить мертвую» и другие эвфемизмы на предмет пьянства. Действительно, титаниды, привезенные на Землю, пьяницами оказались отменными. И дело тут было не просто в спирте — который они знали еще на Гее — а в одном мексиканском растении. Титаниды так обожали его сброженный, очищенный нектар, что Мекси-

ка стала одним из немногих земных государств, которые могли похвастаться экспортной торговлей с Геей.

— Ладно, входи, — сказала посол. — Присаживайся сюда. Я буду через минутку. Сперва надо выяснить, куда запропастился Цыган. — И она начала было вставать.

— Если вы про такую пеструю-пеструю титаниду, то она заскочила в Залив.

Посол так и замерла с приподнятыми задними частями, а ладонями уперлась в стол. Медленно, но верно ее огузок опустился на место.

— В Западной Америке есть только одна «пестрая-пестрая титанида», и зовут ее Цыган. Между прочим, он мужчина. — Сузив глаза, она взглянула на Крис'фера. — А что это он — так, просто для понта? Или была какая-то более веская причина?

— Думаю, он вдруг решил найти себе срочное дело в Марин-Каунти. За ним гналась орава рыл пятьдесят.

Посол скривила губы.

— Вот урод. Опять по барам шляется. У негодяя только и интереса, что к человеческим задницам. А теперь он, кажется, получил свое. Что ж, садись. Теперь придется пытаться улаживать все

с полицией. — Она подняла старомодную трубку и попросила связать ее с муниципалитетом. Крис'фер тем временем ухватил единственный в помещении стул, подтащил его поближе к столу и устроился там. Пока Кантата разговаривала, он оглядывал кабинет.

Кабинет был велик, как это и предполагалось, чтобы вместить туда титаниду. Там было навалом всяких древностей и произведений искусства девятнадцатого и двадцатого столетий, но совсем мало мебели. В одном из углов помещения к полу был привинчен водяной насос с длинной ручкой, а голая лампочка, что болталась по центру, была оснащена лишь освинцованным абажуром Тиффани. Рядом с единственным окном кабинета располагалась свободно стоящая печка для топки древесиной. По стенам висели картины и плакаты: Пикассо, Уорхол, Джейэнд-Джи Минтон, а также небольшая черная табличка, где оранжевыми буквами значилось: «Когда-нибудь я непременно ВОЗЬМУСЬ ЗА УМ!» Позади стола висели две фотографии и портрет. Там были изображены Иоганн Себастьян Бах, Джон Филип Соуза и вид Геи из космоса. На столе стояло серебряное ведерко с лимонами.

Половина пола была покрыта сеном. Повесив

трубку, посол Кантата потянулась к початой бутылке текилы и ведерку с лимонами. Потом кинула в пасть целый лимон, захрустела им и треснула полбутылки текилы.

После столь приятной процедуры титанида вопросительно взглянула на Крис'фера.

— У тебя случайно соли с собой нет? Тот помотал головой.

— Вот жалость-то. Дернешь текилы? А как насчет лимончика? Где-то у меня тут, по-моему, нож… — Она принялась шарить по ящикам стола, но прекратила, когда Крис'фер вежливо отказался.

— А мне он показался женщиной, — сказал затем Крис'фер.

— Мм? А-а, ты про Цыгана. Нет-нет, мне уже приелась эта ошибка. Тебя одурачили груди. Но у нас у всех они есть. Груди-грудями, но он мужчина. Все определяют передние органы. Ну между передними ногами. У Цыгана такая внешность, что издалека не очень и разглядишь — с этим узором из квадратиков. Вот я, к твоему сведению, женщина, и ты можешь звать меня Валторной. Но как зовут тебя, и что я могу для тебя сделать?

Крис'фер сел прямее.

— Меня зовут Крис'фер Минор, и мне нужна

виза. Хочу посмотреть на Гею.

Валторна вписала его имя в бланк из кипы у себя на столе. Потом посмотрела на Крис'фера и убрала бланк.

— Мы рассылаем визы во все главные аэропорты, — сказала она. — Нечего было ко мне заявляться. Просто возьми наличные и топай к торговому автомату.

— Нет, — дрожащим голосом возразил Крис'фер. — Мне нужно лично увидеться с Геей. Я должен с ней увидеться. Она — мой последний шанс.

ГЛАВА II
Безумный мажор

— А-а, так тебе чуда хочется, — с безупречным ирландским акцентом заметила титанида. — Тебе страшно необходимо встать где повыше и попросить Гею выполнить твое заветное желание. Ты хочешь, чтобы она тратила свое драгоценное время на то, что тебе кажется важным.

— Да вроде того. — Он замялся, прикусив нижнюю губу. — Да, пожалуй именно это мне и нужно.

— Хочешь, догадаюсь? Медицинская проблема. Точнее, фатальная медицинская проблема.

— Медицинская. Но не фатальная. Понимаете, у меня…

— Потерпи, погоди минутку. — Титанида подняла руки и обратила их ладонями к нему. «Да, теперь точно отошьет», — решил Крис.

— Прежде чем мы продолжим, давай я все-таки заполню твою анкету. Крис'фер пишется с апострофом? — Облизнув кончик карандаша, она проставила дату вверху страницы.

Следующие несколько минут были заняты

переписью той же самой информации, которую запрашивают во всех государственных конторах мира: личный номер, имя супруги, возраст, пол… «(WA3874—456—11093, отсутствует, двадцать один, гетеро-мужской…»). К возрасту шести лет любой человек цитирует такое даже во сне.

— «Причина желания увидеться с Геей», — прочла титанида.

Крис'фер сплел пальцы и почти скрыл за ними лицо.

— У меня бывает такое состояние. Это… довольно тяжело описать. Там что-то с железами или с нервами; никто толком не знает. Пока есть только около сотни таких случаев, и единственное их название — «синдром 2096 тире 15». А случается, собственно говоря, то, что я теряю контакт с реальностью. Иногда это предельный ужас. В других случаях я ухожу в иллюзорные миры и тогда могу черт-те что натворить. Порой я просто ничего не помню. Я галлюцинирую, говорю на незнакомых мне языках, и мой потенциал Райна резко обостряется. Хотите верьте, хотите нет, но я становлюсь страшно везучим. Один врач считает, что как раз эта добавочная пси-энергия до сих пор меня и выручала. Я никого не убил и не попытался полетать, прыгнув, к примеру, с

крыши небоскреба.

Титанида фыркнула.

— А ты уверен, что хочешь вылечиться? Большинству из нас лишний фарт совсем бы не помешал.

— Мне это, знаете ли, не смешно. Никакие лекарства не помогают; все, что можно сделать, когда это случается, — накачать меня нейролептиками. За эти годы мне уже переставили все психиатрические диагнозы, какие только существуют в природе, но доказать удалось только одно — проблема эта медицинская. В моем прошлом не было травмы, которая могла бы такое вызвать. Никаких текущих проблем тоже нет. Лучше бы что-нибудь такое было. А так — психиатрия тут бессильна. Гея — моя последняя надежда. Если она меня отвергнет, мне придется отправиться в дурдом и быть там до конца дней. — Тут пальцы Крис'фера непроизвольно сцепились в тугой узел у подбородка. Потом он заметил и разжал хватку.

Посол внимательно разглядывала его громадными бездонными глазами, затем вернулась к анкете.

Крис'фер смотрел, как она пишет. В квадратике, где должна была стоять «причина для визы», она

написала «недуг». Затем нахмурилась, вымарала «недуг» и написала «безумие».

Уши Крис'фера вспыхнули. Он собрался было протестовать, но тут титанида задала еще вопрос:

— Любимый цвет?

— Синий. Нет, зеленый… А что, там и правда это есть?

Развернув анкету, она продемонстрировала ему, что там и вправду есть такой пункт.

— Значит, все-таки зеленый?

Окончательно сбитый с толку, Крис'фер медленно кивнул.

— В каком возрасте ты потерял девственность?

— В четырнадцать лет.

— Как звали его или ее и какого цвета у него или у нее были глаза?

— Лидия. Сине-зеленые.

— А потом у тебя был секс с ним или с ней?

— Нет.

— Кто, по твоему мнению, величайший композитор всех времен и народов?

Крис'фер уже начал звереть. Про себя он считал, что лучший — Рик Вейкман; у него были все его записи.

— Джон Филип Соуза.

Не глядя в его сторону, титанида ухмыльнулась, и Крис'фер не понял почему. Он ожидал замечания вести себя серьезнее или прекратить любыми путями вымаливать себе визу, но посол, казалось, наслаждается шуткой. Тогда, тяжко вздохнув, Крис'фер устроился поудобнее в ожидании дальнейших расспросов.

А расспросы эти становились все менее и менее относящимися к его предполагаемому полету. В тот самый миг, когда общее направление вроде бы становилось ему понятно, акцент тут же менялся. Некоторые вопросы содержали в себе ситуации морального выбора, другие же казались полнейшим абсурдом.

Крис'фер пытался сохранять серьезность, не зная, как этот опрос повлияет на его шансы получить визу. Он весь вспотел, хотя в кабинете было не жарко. Никак нельзя было разобрать, какие ответы будут правильными, и все что ему оставалось — стараться быть искренним. Кроме того, ему рассказывали, что титаниды легко распознают людскую ложь.

Но, в конце концов, его терпению пришел конец.

— «Два ребенка привязаны к рельсам приближающегося гравипоезда. У тебя есть время спасти

только одного. Оба тебе незнакомы, оба одного возраста. Один из них — мальчик, другой — девочка. Так кого же ты спасешь?»

— Девочку. Нет, мальчика. Нет, я спасу одного, а потом вернусь и… а-а, ч-черт! Не желаю больше отвечать на эти дурацкие вопросы, пока вы… — Он вдруг осекся. Посол зашвырнула свой карандаш в другой конец кабинета и теперь сидела, закрыв лицо руками. Крис'фера охватил страх столь внезапный и сильный, что он решил — все, начало приступа.

Затем титанида встала, прошла к печке и выбрала несколько поленьев. Круп ее был обращен к Крис'феру. Кожа от головы до копыт оказалась того же цвета и фактуры, что и у нормального европеоида. Волосы красовались только на голове и величественном хвосте. Когда она сидела за столом, легко было забыть, что она — не гуманоид. Когда же титанида встала, ее «инаковость» просто кричала о себе — причем именно оттого, что половина была для человека столь непримечательной.

— Тебе больше не придется отвечать ни на какие вопросы, — сказала титанида. — Благодарение Гее, на сей раз они ничего не значат. — Имя Геи в ее устах отдавало горечью.

Пока она закладывала дрова в печку, хвост ее взметнулся над спиной — и в таком положении некоторое время и оставался. Посол Геи проделывала то, что любая нормальная лошадь проделывает на каждом параде, — причем обычно перед самой трибуной с маршалами и генералами — и с тем же самым бесстыдством. Очевидно, все это делалось бессознательно. Крис'фер раздраженно отвернулся. И снова подумал, какой же странной смесью причудливого и обыденного были эти инопланетные существа. Отвернувшись от печки, титанида взяла прислоненную к стене лопату и собрала кучку вместе с соломой, на которой лежал навоз. Потом бросила все в бак у стены. Садясь обратно, она почему-то хитро взглянула на Крис'фера.

— Теперь тебе понятно, почему меня не приглашают на местные балы. Если бы я думала об этом все время — каждую проклятую секунду… — Она предоставила ему самому догадываться о последствиях.

— А что имелось в виду под словами «на сей раз они ничего не значат»?

Улыбка посла мигом испарилась.

— Имелось в виду, что все это не в моей власти. Подумать только, сколько всякой всячины может

убить вас, людей, — причем с каждым годом этой всячины становится все больше. Знаешь, сколько народу хочет повидаться с Геей? Добрые две тысячи в год — вот сколько! Девяносто процентов из них — умирающие. Я получаю письма, мне звонят по телефону, наносят визиты. Меня упрашивают мужья, дети и жены. А знаешь, сколько человек я могу в год послать на Гею? Десятерых.

Взяв бутылку текилы, она долго к ней прикладывалась. Потом рассеянно ухватила два лимона и в один прием их употребила. Глаза титаниды были устремлены к печке, но на самом деле смотрела она в никуда.

— Только десятерых?

Повернув голову, она с укором на него посмотрела.

— Да, парень. Ну ты и оболтус. Нет, точно оболтус. Ни во что не врубаешься.

— Я…

— Погоди. Думаю, ты себя очень жалеешь. Рассчитывал пройти на дурачка. Но знаешь, приятель, я могла бы тебе такого порассказать… а-а, ладно. Люди уже годами учатся доводить меня до нервного срыва — меня и трех других послов. Чтобы войти в число сорока. — Она треснула кулаком по стопке бланков. — Написаны книги в

дюйм толщиной, где анализируются эти анкеты, где людям подсказывается, как отвечать. Проведены компьютерные исследования того, как отвечали предыдущие счастливчики. — Посол схватила стопку бланков и с силой швырнула их прочь, отчего по кабинету запорхал бумажный снегопад.

— А как мне выбирать? Я пробовала по-всякому — и подходящего способа так и не нашла. Я пыталась рассуждать как люди, а первое, что они делают, — это выкладывают перед тобой десяток-другой анкет. Тогда я тоже написала анкету в надежде, что все ответы окажутся там, но там их тоже не было и в помине. Их там не больше, чем в хрустальном шаре или кубике с точечками, будь он трижды проклят. Если честно, я даже хрустальным шаром обзавелась. И карты, и всякое дерьмо я тоже раскидывала. А девятьсот девяносто моих решений в год так и оставались ошибочными. Клянусь, я старалась изо всех сил, я честно пыталась исполнять свою миссию. А теперь все, чего мне хочется, — это вернуться на колесо.

Титанида вздохнула так глубоко, что ноздри ее затрепетали.

— По-моему, в этом колесе что-то такое есть. Каждый час ты проходишь определенный цикл.

Цикла этого не ощущаешь, зато когда он пропадает, то ощущаешь сразу. Твой внутренний стержень куда-то девается. Часы твоей жизни больше не идут. Все, все распадается; все становится каким-то далеким.

Когда она добрую минуту молчала, Крис'фер откашлялся.

— Я ничего этого не знал. Титанида опять фыркнула.

— Я удивлен, что вы явились сюда и приняли эту миссию — с подобными чувствами. И… я удивлен, что в ваших словах вы как будто возмущаетесь Геей. Мне казалось, для титанид она вроде божества.

Спокойно его оглядев, титанида заговорила без выражения.

— Так оно и есть, герр Минор. Я здесь потому, что она богиня и приказала мне сюда явиться. Если ты с ней встретишься, тебе следует это помнить. Делай, как она велит. А что до возмущения… конечно, я ею возмущаюсь. Но Гея и не требует, чтобы ее любили. Она требует лишь покорности и чертовски хорошо знает, как этого добиться. Скверные вещи случаются с теми, кто к ней не прислушивается. Я не говорю о том, что тебя отправляют в ад; я лишь утверждаю, что

демон пожирает тебя живьем. Я не люблю ее, но испытываю к ней глубочайшее почтение.

И я бы сказала, что тебе лучше остерегаться. Ведь ты явился сюда неподготовленным, не зная даже того, о чем можно прочесть в Британской энциклопедии. В Гее такое поведение не проходит.

До Крис'фера понемногу доходило, о чем она говорит, но он никак не мог этому поверить.

— Да-да, герр Минор, ты летишь. Может, твоя удача тебе помогла. Я слабо разбираюсь в удаче. Но я получила приказ от Геи. Она желает, чтобы прислали несколько безумцев. На этой неделе ты единственный, кто подходит. Я даже рада, что посылаю тебя. Я готовилась отвергнуть великого гуманиста ради какого-нибудь сопливого убийцы. В сравнении с таким выбором, ты даже ничего. Идем.

Во внешнем кабинете теперь оказались пошатывающаяся, но воскресшая к жизни титанида — и три человека. Молодая женщина с красными, припухшими глазами направилась было прямо к послу и попыталась что-то сказать про своего ребенка. Но Валторна (Гипомиксолидийское Трио) Кантата молча прогарцевала мимо нее и вышла в коридор. Крис'фер заметил, что женщина тут же бросилась на грудь сурового вида мужчине.

Счастливчик поспешно отвернулся. Хотя обвинения в ее глазах он бы не увидел; неоткуда женщине было узнать, что выбрали именно его.

Титаниду он догнал уже в туннеле и вынужден был трусить, приспосабливаясь к ее прогулочному шагу. Они обошли форт по северной стороне, вдоль Залива.

— Избавься от апострофа, — велела посол.

— Мм?

— Ну в имени. Пусть будет просто Крис. Терпеть не могу апострофов.

— Но я…

— И не вынуждай меня заявлять, что человека с таким дурацким именем, как Крис'фер, я просто не пошлю.

— Хорошо, да. В смысле, я согласен. Я изменю имя. Титанида отпирала ворота в изгороди, которая не подпускала публику к мосту. Открыла, и они прошли.

— А фамилию перемени на Мажор. Может, так ты избавишься от своего фатализма.

— Ага.

— Проверни все это через суд и пришли мне бумаги.

Они достигли основания громадной бетонной опоры моста. К ней недавно приварили метал-

лическую лесенку. Уменьшаясь на расстоянии, лесенка вела к участку дороги между башнями. Причем без всякой защитной клетки.

— Свой паспорт найдешь на вершине Южной башни. Это небольшой гейский флаг — вроде того, что у посольства. Взбирайся по лесенке, потом по тросу, возьми флаг и возвращайся. Я здесь подожду.

Крис'фер посмотрел на лесенку, затем на землю. Потом вытер вспотевшие ладони о штаны.

— А можно узнать зачем? В смысле, если надо, то я готов, но что это значит? Прямо игра какая-то.

— Да, Крис, это именно игра. Это просто случайность; никакого смысла в ней нет. Если ты не сможешь взобраться по этой паршивой лесенке, тебя и на Гею посылать не стоит. Давай-давай, топай, парнишка. — Титанида улыбалась, а Крис подумал, что, несмотря на ее притворную симпатию к людям, чертовой твари будет весело, если он навернется. Тогда он поставил ногу на первую ступеньку, подтянулся ко второй — и вдруг почувствовал у себя на плече руку титаниды.

— Когда доберешься до Геи, — сказала Валторна, — не жди там слишком многого. Отныне и впредь ты будешь находиться во власти могучей

и очень капризной силы.

ГЛАВА III
Визжач

Ковен был основан в конце двадцатого столетия, хотя и под иным названием. И было в нем вначале больше политики, чем религии. Большинство отчетов о ранних временах секты утверждают, что первые ее члены особенно серьезно к своим занятиям не относились. Очень немногие действительно веровали в Великую Матерь или в магические силы. Колдовство было поначалу всего лишь тем социальным клеем, что держал сообщество воедино.

Но время шло, дилетанты все больше пресыщались, более умеренные и мягкосердечные отходили в сторону — а оставшееся ядро стало воспринимать ритуалы на полном серьезе. Тогда пошли слухи о человеческих жертвоприношениях. Поговаривали, что ведьмы с холма топят человеческих младенцев мужеского пола. А в результате секта только теснее сплотилась против окружающего враждебного мира. Несколько раз им приходилось переезжать, пока они не оказались в отдаленном уголке Австралии. Там Ковен

наверняка почил бы с миром, ибо все члены секты поклялись не рожать до тех пор, пока на Земле девственное размножение не станет реальностью. Но тут прибыл Визжач — и все изменил.

Визжач был астероидом — миллионы тонн железа, никеля, льда плюс вкрапления, что бежали подобно венам у «кошачьего глаза». В одно прекрасное майское утро Визжач сделался шипящей световой линией на южном небе. Лед быстро испарился, зато железо, никель и вкрапления врезались прямо в пустошь на самом краю владений Ковена. Одним из вкраплений оказалось золото. Другим — уран.

Хорошо еще, что Визжач угораздило рухнуть у самого края, ибо и на таком расстоянии ударная волна прикончила шестьдесят процентов верных ортодоксов. Новости о составе астероида разнеслись стремительно. За одну ночь Ковен из самой что ни на есть заурядной вымирающей секты превратился в религию, способную сравниться богатствами с католиками, мормонами и сайентологами.

Это также привлекло к группе нежелательное внимание. Не только австралийская пустошь стала теперь казаться неподходящим местом для поиска пристанища, достаточно удаленного от

общества, — даже пустыня стала теперь чересчур легко достижимой.

К тому времени шел уже 2030-й год, и случилось так, что теперь у секты оказалось идеальное место для желанного пристанища.

Известно, что когда два тела вращаются вокруг общего центра гравитации, как, к примеру, система Луна — Земля, то создаются пять точек гравитационной стабильности. Две из них располагаются на орбите меньшего тела, но в шестидесяти градусах друг от друга. Одна находится между двумя телами; еще одна — на дальней стороне меньшего тела. Именуются они точками Ла-Гранжа и нумеруются от Л1 до Л5.

Л4 и Л5 уже содержали колонии, а другие только застраивались. Лучшим выбором представлялась Л2. Оттуда Земля оказалась бы полностью скрыта Луной.

Там и построили Ковен. Представлял он собой цилиндр семи километров в длину и в два километра радиусом. Искусственная гравитация обеспечивалась вращением; ночь — простым закрытием окон.

Но дни изоляции к тому времени как раз и закончились. Ковен стал одной из первых негосударственных групп, массовым порядком пере-

бравшихся в космос. Первой — но не последней. Вскоре технология космической колонизации была улучшена, удешевлена, превратилась в обыденность. Строительные компании принялись выпускать такие колонии пошустрее, чем Генри Форд свою «модель-Т». По размерам колонии варьировались от умеренно гигантских до настоящих Бробдингнегов.

Подобное соседство начало напоминать Левиттаун, а главное — соседи были весьма странные. Едва ли не каждая мало-мальски экстремистская клика, банда сепаратистов или другое бредовое сообщество могло теперь позволить себе обзавестись домом в лагранжианах. Л2, к примеру, приобрела известность как Саргассова точка среди пилотов, которые тщательно ее избегали; а те, кому все же случалось через нее пролететь, именовали ее Игральным автоматом — причем без тени улыбки.

Некоторые из групп не желали отягощать себя обслуживанием и питанием сложного оборудования. Такие рассчитывали существовать в чисто пасторальном запустении внутри того, что, по сути, представляло собой большую и пустую консервную банку. Строители часто бывали счастливы оказать придуркам подобную услугу,

понимая, что, если смонтировать грязной сволочи все это дорогостоящее оборудование, оно все равно будет варварски загублено. Каждые несколько лет одна из таких колоний раскалывалась и запускала своих обитателей поплавать в открытом космосе. Еще чаще происходило какое-нибудь нарушение экологии, и тогда люди отдавали концы от голода или удушья. При этом всегда находились желающие занять одну из оставшихся бандур, простерилизовать ее вакуумом и продать по сходной цене. На Земле всегда хватало отчужденных и разочарованных. ООН готова была от них избавиться и лишних вопросов не задавала. То было время спекуляции — внезапных возвышений и грязных приемчиков. От сделок, что заключались в те дни, пришел бы в ужас даже флоридский торговец недвижимостью.

Саргассова точка инкубировала в себе культуры, которые скорее напоминали раковые опухоли, чем человеческие сообщества. Самые репрессивные режимы за всю историю человечества зарождались и гибли в лагранжианах.

Но Ковен был не из таких. Хотя на Л2 его обитатели жили всего пятьдесят лет, их вполне можно было считать старожилами. И, подобно

всем первым поселенцам, их поражали качества аборигенов. Все прежнее было напрочь забыто. Возраст, благосостояние и окружение вначале разрыхлили сообщество, а затем сплотили в жизнеспособную группу с удивительной долей личной свободы. Либерализм тайком заполз в их умы. Группы реформаторов сменили прежних сторонников жесткой линии. Ритуал вновь отошел на задний план, и женщины обратились к тому, что, пусть даже сами они того не знали, составляло изначальную этику их группы — к лесбийскому сепаратизму. Термин «лесбийский», впрочем, уже не имел своего прежнего строгого значения. Для множества женщин на Земле лесбиянство сделалось откликом на те несправедливости, что они терпели от мужского пола. В космосе же, в изоляции, оно сделалось естественным порядком вещей, неоспоримой основой всей реальности. Мужчины вскоре стали смутно припоминаемой абстракцией, страшилками для детишек — причем страшилками не особенно занимательными.

Девственное размножение так и осталось мечтой. Чтобы зачать, женщинам требовалось импортировать сперму. Евгеника была весьма проста и незатейлива: зародышей мужского пола

определяли в матке на ранней стадии и уничтожали. Но со спермой, как и со всем остальным, лозунгом по-прежнему было «caveat emptor».

ГЛАВА IV
Маленькая великанша

Робин легко кралась на цыпочках по кривому коридору. Гравитация в ступице маскировала усталость, которую Робин уже чувствовала в спине и плечах. Но, даже совсем измотанная, она бы этого не показала — как не показала бы и той жестокой хандры, что всегда преследовала ее после того, как она стояла на страже.

Одета она была в старомодный скафандр с водяным охлаждением, а шлем с засунутыми туда перчатками и ботинками тащила под мышкой. Скафандр был совсем растрескавшийся и залатанный, весь металл на нем побурел. На инструментальном ремне висел автоматический кольт 45-го калибра, а также резной деревянный фетиш, украшенный перьями и птичьей лапкой. Босоногая, с длинными бордовыми ногтями на руках и ногах, светлыми растрепанными волосами, с заляпанными пурпуром губами, да еще с болтающимися из проколотых мочек и ноздрей колокольцами, Робин вполне могла бы сойти за величайшее достижение исчезающей

варварской технологии. Вид, впрочем, бывает обманчив.

Правая рука Робин вдруг затряслась. Девушка остановилась и посмотрела на свою руку, не меняя выражения лица, изумрудный Глаз, вытатуированный в самом центре ее лба, принялся источать пот. Ненависть вскипела в ней, будто старый приятель. Эта рука была не ее, не могла быть ее, ибо это означало слабость — тоже ее, а не что-то, прокравшееся извне. Глаза Робин сузились.

— Прекрати, — прошептала она, — или отрежу.

Девушка говорила совершенно серьезно и, чтобы это подтвердить, даже указала ногтем большого пальца на обрубок мизинца. Самым сложным, что удивительно, оказалось отчаянно дергающейся рукой довести нож до нужного места.

Тряска прекратилась. Порой угрозы было достаточно.

Рассказывали, что Робин как-то откусила собственный палец. Она же ни разу не проронила ни слова, чтобы это опровергнуть. Еще бы. Все ведьмы ценили то, что у них именовалось лаброй. Что-то вроде местного понятия о доблести,

стойкости и презрении к боли, близкого к восточным представлениям о чести. Лабра могла повлечь за собой смерть ради определенной цели и в определенной форме — или, скажем, выплачивание любой цены для покрытия долгов, будь то отдельной личности или обществу в целом. Настоятельное желание стоять на страже, когда ты подвержена приступам паралича, содержало в себе много лабры. Отрезать палец, чтобы не допустить приступа, — еще больше. Ведьмы поговаривали, что у Робин столько лабры, что можно наполнить десятки обычных женщин.

Но стоять на страже, когда знаешь, что можешь поставить под удар все сообщество, — нет, тут никакой лабры не было. И это понимала не только Робин, но и наиболее рассудительные члены Ковена — те, которых не ослепила ее юная легенда. Она стояла на страже только потому, что никто в Совете не мог взглянуть в ее пронзительные глаза и обвинить девушку. А Третий Глаз, бесстрастный и всеведущий, лишь добавлял весу к ее уверениям, что она якобы способна одним усилием воли остановить приступ. Только десяток ведьм заслужили право носить Третий Глаз.

И все — вдвое старше Робин. Никто не мог встать на пути у Робин Девятипалой.

Предполагалось, что Глаз — знак непогрешимости. Тому, разумеется, были пределы, и все молчаливо с этим соглашались, но все равно это было полезно. Некоторые из носительниц пользовались Глазом для подкрепления своих абсурдных заверений — чтобы, к примеру, завладеть желаемым, говоря, что оно принадлежит им по праву Глаза. Такие наживали лишь общее негодование. Робин же всегда выдавала голую правду насчет всякой ерунды, приберегая Глаз для Большой Лжи. Так она заслужила уважение, которое ей требовалось больше чем кому бы то ни было. Когда тебе только девятнадцать и ты в любой момент можешь с пеной у рта рухнуть на землю… конечно, в такие уязвимые минуты всегда требуется уважение.

Во время своих приступов Робин никогда не теряла сознания — и никогда не бывало ей трудно припомнить, что же произошло. Она лишь полностью лишалась контроля над своими произвольно сокращающимися мышцами на период от двадцати минут до трех суток. Приступы были предсказуемы, но лишь в одном отношении: чем выше оказывалась местная гравитация, тем чаще они приходили. В результате почти все свое время Робин проводила наверху, больше уже не

спускаясь к основанию Ковена, где был уровень максимальной гравитации.

Это ограничивало ее свободу, превращало в изгнанницу с вечным видом на дом. Края цилиндра, именуемого Ковеном, представляли собой наборы террасных концентрических колес. Жилища располагались на нижних кольцах, где людям было комфортнее. Основание Ковена оставили для земледелия, содержания домашних животных и парков. Оборудование же располагалось наверху. Робин никогда не спускалась ниже уровня с одной третью *жэ.*

То, чем страдала Робин, не было обычной, излечиваемой эпилепсией. Ковенские доктора ни в чем не уступали земным, но неврологический статус Робин смущал и их. Подобный недуг можно было отыскать только в новейших медицинских журналах. Земляне окрестили его «комплексом высокого жэ». Комплекс высокого жэ представлял собой генетический беспорядок, новейшую мутацию, которая выражалась в циклических нарушениях нервных пучков, усугублявшихся сгущением крови, когда тело больной находилось под действием гравитации. В невесомости же измененная химия крови несколько сдерживала приступы. Механизм болезни был неясен,

а лекарства от нее так и не нашли. Дети Робин непременно должны были получить «комплекс» — и передать дальше.

Причина ее несчастья секретом не была. Все вышло из-за гнусного розыгрыша некоего лаборанта. Многие годы заказы на человеческую сперму поручались мужчине, который все знал про Ковен и терпеть не мог лесбиянок. Хотя поставки тщательнейшим образом проверялись на предмет болезней и всевозможных генетических отклонений, просто невозможно было засечь синдром, о существовании которого ковенские врачи и понятия не имели. Результатом подлой шутки явилась Робин и еще несколько сестер. Выжила одна Робин.

Из-за вмешательства шутника получился и еще один побочный эффект, о котором никто из сестер даже не догадывался. Женщины получали сперму коротышек, рожденных от низкорослых родителей. Не имея стандарта для сравнения, обитательницы Ковена и понятия не имели, что все они едва ли не карлицы.

Через вращающуюся дверь Робин проскочила в душевую, прямо на ходу скидывая с себя скафандр. Одна женщина, сидя на деревянной скамейке меж двумя рядами шкафчиков, сушила

волосы. Еще одна неподвижно стояла в дальнем конце, а вода струилась ей на ладони, сложенные чашечкой под подбородком. Положив скафандр в свой шкафчик, Робин из нижнего выдвижного ящика достала Нацу. Ее демон, ее любимица, Наца была 110-сантиметровой анакондой. Обвив руку Робин, змея высунула язычок, словно говоря: «Здесь славно — тепло и сыро».

— Мне тоже, — отозвалась Робин. Потом, не обращая внимания на женщину, косившуюся на ее татуировки, прошла в кабинку. Две ярко раскрашенные змеи особой диковиной в Ковене, где татуировались все от мала до велика, не считались. А вот наколка на животе у Робин была воистину уникальным шедевром.

Однако, стоило Робин отвернуть краны и вытерпеть первые леденящие струи воды, как раздалось жуткое громыхание труб, и все души заглохли. Ближайшая к Робин женщина досадливо застонала. Робин подпрыгнула к насадке и, мертвой хваткой за нее уцепившись, взялась выкручивать кран будто цыплячью шейку. Затем сорвалась на пол и принялась вопить благим матом. К ней присоединилась соседка, а потом и третья женщина. Робин орала во всю глотку, как всегда стараясь перекричать остальных. Но вско-

ре все трое уже хрипло гоготали — и тут Робин услышала, как кто-то ее окликает.

— Да, что такое? — Женщина, которую Робин едва знала — Зинда, кажется, — просовывала голову в дверь душевой.

— Челнок только что привез тебе письмо. Робин аж рот от удивления разинула. Почта в Ковене, где все его обитательницы знали, может статься, меньше сотни людей из внешнего мира, была редкой гостьей. Большую часть почты здесь составляли посылки, заказанные по торговым каталогам, и львиная их доля приходила с Луны. Робин пулей метнулась к двери.

У Робин опять тряслись руки. Но на сей раз не от ее недуга, а просто от нервного нетерпения. На почтовом штемпеле поверх марки с кенгуру значилось «Сидней», а адресовано письмо было «Робин Девятипалой, Ковен, Ла-Гранж-Два». Обратный адрес, сделанный с клише, гласил: «Гейское посольство, здание Старой Оперы, Сидней, Новый Южный Уэльс, Австралия, AS109—348, Индо-Пасифик». Прошел уже год, как Робин туда написала.

Наконец удалось развернуть, раскрыть и прочесть.

«Дорогая Робин,

весьма сожалею, что так долго не отвечала. Твое несчастье глубоко меня тронуло, хотя, быть может, мне и не следует об этом писать, раз ты ясно дала понять в своем письме, что сочувствия не ищешь. Это хорошо, ибо Гея никогда просто так ничего не дарует.

Богиня уже сообщала мне, что желает видеть представителей земных религий. В частности, она упомянула о клане ведьм на орбите. И невероятно, но вскоре вслед за тем прибыло твое письмо. Не иначе, здесь приложило руку некое божественное провидение. Возможно, то была рука твоего божества; а моего-то уж точно.

Тебе следует отправиться ближайшим же доступным транспортом. Прошу тебя написать мне и сообщить, как обстоят дела.

С искренним приветом,

Диджерида (Гипоэолийский Дуэт) Фуга,

посол»

— Биллея пожаловалась мне, что Наца съела ее демона.

— Но, ма, это еще не был ее демон. Всего-навсего котенок. И она его даже не ела. Просто удавила. Для еды он был еще слишком мал.

Робин страшно спешила. Ее вещмешок стоял

на койке, заполненный лишь наполовину, — она же тем временем все шарила у себя в гардеробе, раскидывая по сторонам всякое барахло, а нужные вещи швыряя в кучу у ног матери.

— Как ни крути, но котенок мертв. Биллея требует компенсации.

— Я скажу, что это был мой котенок.

— Детка. — Робин узнала этот тон. Только Констанция позволяла себе пользоваться им в разговорах с Робин.

— Да ну, я пошутила, — сдалась Робин. — Уладь там все, хорошо? Отдай ей любую из моих вещей.

— Так, посмотрим. Что ты берешь с собой?

— Может, это? — Робин повернулась и натянула на себя куртку.

— Детка, но здесь только полкуртки. Положи обратно.

— Да, разумеется, только полкуртки. Как и почти все, что я ношу, ма. Или ты забыла свой кровный дар? — И Робин вытянула левую руку, где от кончика мизинца до плеча кольцами вилась татуированная змейка. — Ты ведь не думаешь, что по прибытии на Гею я откажусь этим покрасоваться. Ведь нет же?

— Но, детка, так твоя грудь остается голой. Иди

сюда. Мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

— Но, ма, я так…

— Сядь. — Констанция похлопала по койке. Робин поплелась нога за ногу, но все-таки села. Мать подождала, пока дочь не сосредоточилась, а потом обняла ее за плечи. Смотрелись они странно. Констанция уродилась крупной брюнеткой. Робин же была маленькая — даже для Ковена. Босиком в ней выходило 145 сантиметров росту и 35 килограммов весу. А если учесть, что лицо и волосы она унаследовала от анонимного отца, то мать с дочерью ничем друг друга не напоминали.

— Послушай, Робин, — начала Констанция, — раньше у меня не было нужды говорить с тобой на эти темы, но теперь возникла. Ты отправляешься в мир, совсем на наш непохожий. И в мире этом водятся существа, известные как мужчины. Они… они совсем другие, чем мы. Между ног у них…

— Ах, ма, я уже это знаю. — Робин попыталась выскользнуть из материнских объятий. Констанция рассеянно сжала ее плечо. Затем с интересом посмотрела на дочь.

— Ты уверена?

— Я видела фотографию. И не понимаю, как они могут вставить эту штуку тебе вовнутрь, если ты

сама этого не захочешь.

Констанция кивнула.

— Я сама дивилась. — Нервно закашлявшись, она ненадолго обернулась. — Не обращай внимания. Правда состоит в том, что снаружи вся жизнь основывается на желаниях этих самых мужчин. А они ни о чем другом не помышляют — только бы вставить тебе этот самый пенис. Понимаешь, проклятая штука может раздуваться. И когда она раздувается, то становится длиной с твое предплечье и вдвое толще. Тогда они оглушают тебя и затаскивают в какой-нибудь безлюдный переулок… или, скажем, в пустую комнату. Ну и так далее. — Она помрачнела и поторопилась продолжить.

— Никогда не поворачивайся к мужчине спиной — иначе он тебя изнасилует. Они могут нанести тебе непоправимый вред. Помни лишь, что ты не дома, а в алчном мире. Все они там алчные — и мужчины, и женщины.

— Я запомню, ма.

— Обещай мне, что все время будешь прикрывать грудь и носить на публике штаны.

— Ну, среди чужаков штаны, наверное, носить и так придется. — Робин нахмурилась. Сама мысль о чужаках казалась ей непривычной. Хо-

тя в Ковене она не всех знала по имени, но все они изначально были ее сестрами. Она уже со страхом предвкушала встречу на Гее с ужасными мужчинами — а ведь есть еще и алчные женщины… Как странно.

— Обещай.

— Обещаю, ма. — Сила материнского объятия поразила Робин.

Потом они поцеловались, и Констанция заторопилась выйти из комнаты.

Какое-то время Робин смотрела в пустой дверной проем. А потом повернулась к своему вещмешку и быстро закончила сборы.

ГЛАВА V
Прекрасный принц

Прежде чем сесть на борт корабля, Крис последовал совету титанидского посла и кое-что почитал про Гею. Крис был далеко не дурак, просто планирование в его привычки не входило. Столько его планов рухнуло от внезапных приступов безумия, что он давно бросил это занятие.

И выяснил он, что в списке мест в Солнечной системе, рекомендуемых для визитов, Гея стоит не слишком высоко. Причин тому было предостаточно — начиная от бесчеловечного таможенного обследования и кончая явным недостатком мест для комфортного туристского проживания. Крис также обнаружил интересную статистику: в среднем на Гею ежедневно прибывало 150 человек. И существенно меньше оттуда улетало. Кое-кто из прибывших решал там остаться. Эмиграция не документировалась, и постоянное человеческое население на Гее держалось где-то в районе семи тысяч. Но при этом было немало несчастных случаев.

Гея, как правило, привлекала молодых и рис-

ковых. Прибывали также люди, которым просто наскучило земное однообразие. Часто такие люди прибывали на Гею, облетев чуть ли не всю Солнечную систему и везде обнаружив точно такое же однообразие — только под герметическими куполами. Гея же предлагала климат, близкий к земному. Это значило, прежде всего, свободу от строгого режима, неизбежного для более враждебных человеку планет, а также изобилие жизненного пространства, которого уже не могла предоставить Земля.

Крис узнал немало занимательного про титанов вообще — про детей Геи, что вращались на орбите Урана и допускали до себя только аккредитованных научных наблюдателей, а о Гее поговаривали снисходительно как о Безумном титане. Он изучил физическую структуру Геи и карты ее внутренних областей. Богиня представляла собой крутящееся пустотелое колесо с шестью полыми спицами. Размеры Геи поражали воображение даже тех, кто вырос в космических колониях в точках Ла-Гранжа. Радиус ее составлял 650 километров, а окружность — 4000. Жилое пространство обода выглядело как внутренняя поверхность трубки 25 километров в поперечнике и 200 — в высоту. Между каждой из шести

спиц лежало плоское, расположенное под углом зеркало, которое отражало солнечный свет, проникавший через прозрачные окна в крыше обода, — так что одни части обода оказывались освещенными, тогда как в других, расположенных под спицами, царила вечная тьма. Гея была обитаема повсюду — жизнь поддерживалась даже в спицах, цепляясь за стенки 400 километров высотой. Карты Геи были весьма громоздки, имея длину с востока на запад в шестнадцать раз большую, чем с севера на юг. Чтобы эти карты толком изучить, требовалось скрепить их концы и сесть в центр получившегося кольца.

Крис не жалел потраченного времени. Из космоса Гея была почти не видна. И хотя он вместе со всеми толкался у иллюминаторов, пока корабль подхватывался парковочными усиками Геи, ничего он так толком и не разглядел. Не считая зеркал, вся остальная поверхность богини была черна как смоль, чтобы лучше впитывать в себя столь нужное ей солнечное тепло.

Проделав такую подготовительную работу, Крис никаких для себя подвохов не ожидал. Подвох оказался всего один — но воистину катастрофический.

Как и ожидалось, его группу присоединили к

прибывшим в тот же день другим туристским компаниям для сорока восьми часов карантина и санобработки. Процедура эта являлась, кстати, одной из причин того, что Гея не слишком привлекала к себе богачей, знаменитостей и прочих личностей с отклонениями. Место для санобработки представляло собой помесь госпиталя острова Эллиса и Аушвица. Затянутые в униформу карантинные санитары приказали всем раздеться догола и сдать все личные вещи. В последние входили и лекарства Криса. Все его доводы были встречены решительным отказом. Никаких исключений — ни при каких обстоятельствах. Если же он не хочет сдать таблетки, то вольно ему тотчас же вернуться на Землю.

Санобработка оказалась самой что ни на есть добросовестной, а выполнялась с бесчеловечной деловитостью. Нагих мужчин и женщин согнали в кучу и принялись ставить на движущиеся ленты, чтобы доставлять от одной станции к следующей. Их драили мочалками и облучали. Следовало принять рвотное и мочегонное, а также получить клизму. После периода ожидания весь процесс был повторен. Никаких уступок личной свободе санитары делать не желали. Обследования проводились в громадных белых

палатах, где от стола к столу шлепали босыми ногами голые люди. Все спали в общем бараке и ели безвкусную пищу, разложенную на стальные миски.

Крис вообще-то никогда не чувствовал себя удобно в голом виде — даже если кругом были одни мужчины. Ему было что прятать. Хотя это никак не было заметно на его теле, он страдал от безрассудного страха, что снятие брони одежды открывает всем его непохожесть на других. Потому он всегда старался избегать ситуаций, где публичное обнажение входило в обычай. В результате Крис и впрямь оказался подозрительным: в море черной, шоколадной и загорелой кожи он выглядел белее молока.

Утром первого же дня начался приступ. Его таблетки были тут явно ни при чем, так как лекарства еще безусловно оставались в его кровотоке. Так что, как выяснилось, отняли у него вовсе не лекарства, а всего лишь «эффект плацебо». Хотя природа его недуга и так не лежала исключительно в области психологии, теперь она сделалась куда более сложной. Ибо раз лишенный лекарств, Крис стал тревожиться насчет психохимической проблемы, это пунктирной линией повело к тому, что уколы самой этой

тревоги могли вызвать новые, более серьезные приступы. Короче говоря, только его ладони и загривок начали покрываться липким потом, как он понял, что приступ на подходе.

Вскоре Крис стал испытывать зрительные искажения и болезненную чувствительность к звукам. Ему ежесекундно приходилось убеждать себя, что все по-прежнему реально, что он не на пороге инфаркта, что люди над ним не смеются, что он не умирает от внутричерепной опухоли. Собственные ноги казались ему далекими, бледными, влажными нелепицами. Все происходящее вдруг представилось ему бессмысленным фарсом, где он, Крис Мажор, должен играть свою роль, прикидываться нормальным — причем все вокруг, разумеется, знали, что никакой он не нормальный. На самом деле все было очень забавно. Он притворился, что смеется. Потом притворился, что плачет, тайно при этом хохоча и зная, что в любую секунду может прекратить этот дурацкий плач. Тут какой-то мужик тронул его за плечо — и Крис мигом расквасил ему нос.

После этого заметно полегчало. Крис ржал, глядя, как мужик с трудом поднимается на ноги. Они как раз были в душевой — и Крис раздраженно подумал, какого черта они столько времени там

торчат. Впрочем, раздражение мигом прошло. Мужик на полу орал благим матом, но Крису его сопли были до лампочки.

Его теперь куда больше интересовал собственный член, который вдруг встал колом. Крис подумал, какая это чудесная штука и что все загнанные в душевую голые бабы должны с ним согласиться. Позади раздался шумный всплеск — Крис обернулся и увидел, что мужик, которому он звезданул, снова плюхнулся на пол. Тупой ублюдок хотел навесить Крису сзади, но поскользнулся в лужице.

— Эй! — заорал он. — Кто трахаться хочет? — Многие люди в душевой стали к нему оборачиваться. Крис раскинул руки, показывая свой аппарат во всей его красе. Кто-то заржал. Остальные отвернулись. Криса это не смутило.

На глаза ему попалась крупная блондинка. Он мгновенно в нее влюбился — полюбил ее всю — от длинных влажных волос на спине до соблазнительно округлых мышц на икрах. Тогда Крис подошел к ней и прижал свой любовный дар к ее большой заднице. Блондинка глянула вниз, затем снова вверх — на дурашливую ухмылку нового поклонника. Потом влепила ему смачную мыльную пощечину.

Крис взял ее ладонью за физиономию и толкнул. Глухой шлепок зада и громкий стук зубов. Блондинка так обалдела, что даже не попыталась увернуться от пинка, который нацелил ей по уху Крис, — но пинок все равно не достиг желанной цели. Один из мужиков схватил Криса сзади и развернул к себе, после чего оба в жуткой неразберихе полетели на пол. К тому времени со всех сторон на помощь блондинке стали сбегаться мужики. Хай поднялся страшный.

Крису было плевать. Почти с самого начала свалки он оказался где-то с краю — и сразу поспешил присоединиться к большинству, стремящемуся как можно дальше убраться от побоища. У стены драка превратилась в давку — и души окатывали струями теплой воды целые акры нагой мужской и преимущественно женской плоти. Крис обнимал всех подряд и вскоре наткнулся на ответную улыбку. Женщина оказалась низенькая и темноволосая. До сих пор ему как назло попадались здоровенные блондинки. Брюнеточка хихикала, пока Крис взваливал ее на плечо и волок к большому пустынному бараку. Там он бросил ее на верхнюю койку. Вскоре они уже трахались от души.

А потом вышла эта дьявольская несправедли-

вость, потому что Крис чувствовал, что мог бы трахаться сутки напролет, не случись проходить мимо этой фашистской служительнице. Сука заявила, что им сейчас следует быть не то в экзаменационной, не то в промывательной, не то еще в какой-то вонючей дыре. Она даже слушать не стала, когда Крис попытался объяснить, что ей самой следует вставить себе в задницу трубу от водопровода и ждать Второго Пришествия. Фашистка все равно ждала рядом, чем окончательно вывела Криса из себя. Поставив ногу на сиську своей подружке, которая при этом издала забавное бульканье, он хотел было отвесить этой крысе в униформе славную плюху. А крыса просто-напросто отступила на пару шагов, вытащила пистолет, аккуратно прицелилась и пристрелила его.

Крис очнулся в луже блевотины вперемешку с кровью. «Интересно, что дальше?» — спросил он себя и тут же понял, что этого ему и знать не хочется. На подбородке у него успела вырасти трехдневная щетина, полная запекшейся крови. Он почти ничего не помнил и чувствовал — это единственное, чему он должен от души радоваться.

Санитары желали знать, будет ли он теперь ве-

сти себя как следует, и Крис заверил, что будет.

Та самая женщина, которая его пристрелила, помогла ему отмыться и отчиститься. Похоже, ей очень хотелось описать Крису все его детали пребывания в тюрьме и все, что этому предшествовало, но он замкнулся в себе и ничего не слушал. Ему вернули его личные вещи и доставили к чему-то вроде лифта. Когда дверцы за ним закрылись, он увидел, что кабина просто висит в желтой жидкости, которая движется по колоссальной трубе. Отметив, впрочем, эти детали, он вообще перестал думать.

Подъем занял почти час — и все это время Крис ни о чем не думал. Появился он под ошеломляющим гнутым небом Геи, встал на ужасающе гнутую землю — и огляделся, не способный ни удивляться, ни устрашаться. Даже если бы ему хотелось говорить, дара речи он почти лишился. Над головой у него медленно проплыл тысячеметровый дирижабль. Крис тупо на него посмотрел и почему-то подумал о почтовых голубях. Он ждал.

ГЛАВА VI
Палаточный город

Наца страшно хандрила. На предплечье у Робин появились два новых стигмата, демонстрирующих крутой нрав ее демона. Анаконды вообще не слишком хорошо реагируют на мытье и тычки. События последних двух дней ужаснули Нацу — и единственным способом это выразить оказалось для нее бить по ближайшей мишени — которой, естественно, была Робин. А ведь за все время, что они провели вместе, Робин получила от Нацы всего три укуса.

Робин и самой было немногим лучше. Многое из того, о чем ее предупреждали, оказалось чистой химерой. Да и жара была страшная.

Температура составляла аж тридцать пять градусов. Робин удостоверилась в этом поразительном факте — объявленном гидом, который встретил их группу на поверхности, — когда раздобыла термометр и недоверчиво на него уставилась. Девушке казалось, что дико таким образом управлять окружающей средой, но все остальные только пожимали плечами. Они со-

жалели, но не имели ни малейшего намерения что-то с этим сделать, как-то такое безобразие изменить.

Робин страшно хотелось сбросить с себя одежду. Она боролась с этим стремлением сколько могла, а потом решила, что вполне безопасно не повиноваться требованию матери — тем более, что Констанция, как выяснилось, была неправа в стольких вещах! Многие люди на пыльных улицах Титанополя ходили голыми — так чего ради Робин ходить одетой? Она нашла компромисс и прикрыла пах, что должно было служить сигналом о ее сопротивлении любой попытке изнасилования. Хотя изнасилования она уже ни в малейшей степени не боялась.

Первый же пенис, который попался ей на глаза в общем душе карантина, вызвал у нее смех и одновременно — весьма кислый вид у его обладателя. Все остальное оказалось столь же смехотворным. Робин представить себе не могла, что такая фитюлька способна причинить ей хоть малейший вред, но все же решила воздержаться от суждения, пока своими глазами не увидит, как мужчина насилует женщину.

Но в первую ночь никакого изнасилования не случилось, хотя Робин не смыкала глаз, готовая

дать достойный отпор любому насильнику. Во вторую же ночь двое мужчин в углу барака изнасиловали двух женщин. Все койки вокруг двух парочек пустовали, так что Робин села неподалеку и стала наблюдать. Уморительные висюльки раздулись больше, чем она могла ожидать, но все-таки уж и не настолько. Женщины, как будто, никакой боли не испытывали. Никто не терял сознания, никого не швыряли лицом вниз. Напротив — одна даже сидела верхом на своем насильнике.

Другая женщина велела Робин проваливать, и та ушла — тем более, что уже насмотрелась достаточно. Если даже кому-то удастся ее одолеть, опыт будет неприятный, но не такой уж и опасный. Время от времени она расширяла себе влагалище куда больше для маточных обследований.

Робин еще понаблюдала за женщинами, ища хотя бы намеки на стыд. Но ничего такого не усмотрела. Что ж верным оказалось хотя бы то, что алчные женщины научены достойно носить свою развращенность.

Робин припомнила, что так же было и у рабынь — по Крайней мере внешне. Интересно, подумалось ей, какое же возмущение тлело при этом внутри.

Любовью, сколько она ни приглядывалась, никто не занимался. Робин предположила, что женщины должны прятать это от мужчин.

Изначально Титанополь строился под громадным деревом, но после окончания войны титанид с ангелами, стал распространяться к востоку. Хотя большинство титанид по-прежнему жили под деревом или на его ветвях. А некоторые переселились в палатки из разноцветного шелка, которые служили границами оживленной до безумия улицы. Улица эта, между прочим, являлась главной приманкой для туристов на Гее. Ее переполняли всевозможные салоны и таверны, ипподромы и дешевые забегаловки, рынки и увеселительные заведения, чебуречные и шашлычные, бильярдные, бары и кабаки со стриптизом. Под ногами расползались в стороны титанидские кизяки вперемешку с опилками, а в пыльном воздухе висели запахи сахарной ваты, духов, масляной краски, марихуаны и пота. Все это было обустроено с обычным титанидским презрением к уличной планировке и зонному разграничению. Прямо напротив казино располагалась Межгалактическая Первобаптистская церковь, с которой соседствовал межвидовый бордель, — и все три строения казались непрочными, как кар-

точные домики. Сладкозвучные голоса титанид на хоровой спевке мешались со стуком рулеток и страстными воплями из-за тонких палаточных стен. Хороший порыв ветра сносил этот жуткий балаган в считанные секунды — но только затем, чтобы через считанные часы он появлялся вновь, в несколько измененном виде.

Лифт к ступице ходил здесь раз в гектаоборот — что, как выяснила Робин, составляло пять ковенских суток или четыре и две десятые земного дня, — так что у девушки оказались тридцать шесть часов, которые предстояло как-то убить. Титанополь выглядел занимательно, хотя она и не понимала, зачем он вообще нужен. Ковенские представления об увеселениях не позволяли ей догадаться, что это просто-напросто место, где весело проводят время. Ведьмы обычно развлекались, проводя атлетические соревнования, пиры и фестивали, хотя не чужды были всевозможных розыгрышей и надувательств.

Мать дала Робин несколько сот марок ООН. Девушка стояла на дощатом балконе своего номера в древесном отеле, возбужденно впитывая в себя весь этот шум, гам, мелькание ярких красок внизу. Если не удастся сыскать путь, чтобы навести там шороху, она сотрет свой Третий Глаз,

подумала Робин.

Азартные игры оказались сплошным разочарованием. Робин выиграла малость, малость проиграла — но все без малейшего интереса. Деньги сами по себе были безумной алчной игрой, и она не претендовала на то, чтобы в этой игре разобраться. Мать говорила, что деньги — это средство поддержания счета на гигантском параде преобладания пенильной цивилизации. Больше Робин ничего знать не требовалось.

Девушка решила судить непредвзято, хотя многое казалось ей никак не подходящим для развлечения. Поначалу она решила следовать за людьми, которые, по ее мнению, веселее всего проводят время — и делать то же, что и они. За полмарки она получила во временное пользование три ножа, которые следовало швырнуть в мужчину, который кувыркался и надсмехался над публикой у деревянной мишени. Свое дело он, как выяснилось, знал отлично. Как ни старалась Робин, так и не смогла в него попасть. И никто не смог, пока она там торчала.

Дальше она последовала за пьяной парочкой в «Чудесный зоопарк профессора Поттера!», где в клетках сидели всевозможные достопримечательности животного мира Геи. Робин там

показалось до жути интересно, и она не поняла, почему парочка удостоила зоопарк лишь нескольких беглых взглядов. Мужчина сказал, что нужно поискать «чего покруче». Ладно, решила Робин, она тоже поищет «чего покруче».

В одной из палаток Робин стала свидетельницей того, как мужчина насиловал женщину прямо на сцене, — и нашла это довольно скучным. Это она уже видела, и даже некоторые вариации не смогли вызвать ее интереса. Затем то же представление повторили две титаниды, и на это уже стоило посмотреть, хотя у Робин возникли некоторые семантические трудности. Она решила, что одна титанида насилует другую, но затем, когда насильник кончил, он был в свою очередь изнасилован своей недавней жертвой. Какая же тут могла быть логика? Если оба пола могут насиловать, то насилие ли это? Хотя, конечно, такая проблема существовала только с титанидами. У каждой из них сзади было по мужскому и женскому органу и еще женский или мужской спереди. Ведущий представил шоу как «познавательное» и объяснил, что титаниды не имеют ничего против публичного занятия задним сексом, но фронтальные совокупления приберегают для более интимной атмосферы.

Задний пенис титаниды встревожил Робин. В нормальном состоянии он пребывал в оболочке, полускрытый меж задних ног. Но при обнажении обращался в грозное оружие. И выглядел в точности как человеческий, но длиной с предплечье Робин и вдвое толще. Девушка подумала, не напутала ли в своем рассказе ее мать, приписав столь ужасный аппарат людям.

Проводились и другие познавательные и научно-популярные демонстрации. Причем во многих главным элементом было насилие. Робин ничуть не удивилась. Во-первых, от алчного общества она ничего другого и не ожидала, да и сама была не чужда насилию. В одной крохотной палаточке женщина демонстрировала возможности чего-то типа йоги. Втыкала иглы себе в глаза, вонзала длинную саблю себе в диафрагму, пока та не выходила из спины, а затем, ловко орудуя скальпелем и пилой, ампутировала себе левую руку до локтя. Робин не сомневалась, что женщина — всего лишь робот или голограмма, но иллюзия была слишком хороша, чтобы распознать подвох. На следующем представлении женщина была как новенькая.

Потом искательница приключений купила себе билет на титанидское представление «Ромео

и Джульетты», но вскоре обнаружила, что ржет так, что ей лучше уйти. Более подходящим названием спектакля было бы: «Монтекки и Капулетти вступают в кавалерию». Очевидно было также, что с текстом сильно похимичили. Робин сомневалась, что поэтесса сильно возражала бы против того, чтобы все роли играли титаниды. А вот чтобы Ромео сделали мужчиной — тут Шекспира наверняка пришла бы в бешенство.

Влекомая звуками музыки, Робин забрела в средних размеров палатку и с удовольствием уселась на одну из множества длинных скамей. Впереди ряд титанид от души заливался под руководством дирижера-мужчины. Казалось, тут тоже идет представление, но билетера не было и в помине. Так или иначе, приятно было дать отдых ногам.

Тут кто-то похлопал ее по плечу. Обернувшись, Робин узрела еще одного мужчину в черном. Позади него стояла титанида в очках со стальной оправой.

— Простите, не могли бы вы вот это на себя надеть? — Он предлагал ей белую рубашку. Мужчина дружелюбно улыбался. Титанида тоже.

— А зачем? — поинтересовалась Робин.

— Здесь так принято, — извиняющимся то-

ном объяснил мужчина. — Мы считаем, что обнажаться недостойно. — Робин заметила, что рубашку носила и титанида. Впервые девушка видела, чтобы он или она скрывали свои груди.

Робин напялила рубашку, решив, что можно угодить странным предрассудкам, если хочешь посидеть и послушать прелестную музыку.

— А что тут вообще такое?

Мужчина присел рядом и криво улыбнулся.

— Вот и ты тоже спрашиваешь, — вздохнул он. — Порой так испытывается вера самых преданных. Мы здесь, чтобы нести Слово в иные, чуждые миры. У титанид, как и у людей, есть души. Мы здесь уже двенадцать лет. Службы хорошо посещаются; мы даже освятили несколько браков, провели несколько крещений. — Тут он скривился и взглянул вперед, на ряд поющих титанид. — Но я полагаю, в конечном счете, наша паства приходит сюда лишь для хоровой практики.

— Нет-нет, брат Даниил, — сказала титанида по-английски. — Я-верую-в-бога-отца-создателя-неба-и-земли-и-в-иисуса-христа-единородного-сына-господа-нашего…

— Христиане! — завизжала Робин. Потом вскочила, одной рукой изображая защитный знак

из двух пальцев, другой придерживая Нацу, и с колотящимся сердцем попятилась. Потом побежала. И, пока церковь не скрылась в пыли, так и не остановилась.

Ну и ну! Она побывала в церкви! Это был ее единственный настоящий страх, единственное пугало с самого детства — и никаких сомнений тут у нее не было. Еще бы! Ведь христиане — суть самые корни алчной структуры власти! Попав к ним в лапы, любая добропорядочная язычница мигом получает дозу наркотиков и подвергается ужасающим физическим и моральным пыткам. Ни спасения, ни надежды. Их жуткие ритуалы очень скоро искажают твой разум без всякой надежды на избавление; затем новообращенную заражают страшной болезнью, от которой сгнивает матка. Она будет вынуждена в муках рожать детей до конца дней своих.

Гейская кухня представляла интерес. Робин забрела в местечко, откуда потягивало приятными ароматами, и заказала невесть что под названием «бигмак». Похоже, там на слой жира были налеплены углеводы. Бигмак понравился Робин. Она съела все до последней крошки, хотя и подумала, что поступает опрометчиво.

Роясь пальцами в горчице, она вдруг заметила,

что женщина за соседним столиком внимательно за ней наблюдает. Робин тоже за ней понаблюдала, затем улыбнулась.

— Мне нравится твоя раскраска, — сказала женщина, подсаживаясь ближе. Она явно пользовалась духами и носила нарочито безыскусный набор тонких шарфов, которые призваны были прикрывать только часть ее грудей и весь пах. Судя по лицу, Робин дала бы ей лет сорок, но затем поняла, что морщины и тени — всего лишь следы косметики. Значит, женщина хотела казаться старше.

— Это не раскраска, — сказала Робин.

— Так это… — На лбу у женщины появились настоящие морщинки. — Что же тогда? Какой-то новый метод? Я заинтригована.

— На самом деле метод очень старый. Татуировка. Берешь иглу и вкалываешь тушь под кожу.

— Но это же больно!

Робин пожала плечами. Конечно больно, но лабры в таких разговорах нет. Орешь и воешь, пока тебя колют, — и уже никогда про это не заикаешься.

— Кстати, меня зовут Трини. А как ты ее снимаешь?

— Меня зовут Робин, и да объединит нас

священная менструация. Ее нельзя снять. Татуировка вечна. Можно, конечно, что-то подправить, но в целом рисунок останется.

— Но зачем… в смысле, разве это не слишком жестоко? Я, как и любая другая, люблю сделать себе рисунок на три-четыре дня, но потом он мне надоедает.

Робин снова пожала плечами. Ее все это уже начало утомлять. Она думала, что эта женщина хочет заняться любовью, но теперь похоже было, что нет.

— Тебя же никто не заставляет. — Робин вытянула шею, чтобы разглядеть настенное меню, прикидывая, хватит ли у нее места для чего-то под названием «квашеная капуста».

— Внешности это, как будто, не вредит, — сказала Трини, слегка пробегая кончиками пальцев по змеиным кольцам, что огибали груди Робин. Потом ее рука упала и оказалась у Робин на бедре.

Робин посмотрела на руку, досадуя, что не может понять намеков этой алчной женщины. На лице Трини, когда она на него взглянула, тоже ничего не выражалось. Похоже было, что Трини прошла хорошую школу непринужденного поведения. Что ж, подумала Робин, попытка не пытка. Ей пришлось потянуться, чтобы поло-

жить высокой Трини руку на плечо. Потом Робин поцеловала новую знакомую в губы. Когда она отстранилась, на лице у Трини сияла улыбка.

— Так чем ты вообще-то занимаешься? — Робин подалась вперед, чтобы взять у Трини сигарету с марихуаной, затем снова пристроила голову на локте. Они лежали бок о бок, лицом друг к другу. Растрепанная копна волос Трини подсвечивалась из открытого окна ее номера.

— Я проститутка.

— А это как?

Трини откинулась на спину и залилась смехом. Робин тоже немного похихикала, но утихомирилась гораздо раньше Трини.

— Да откуда же ты такая взялась? Не отвечай, сама знаю. Из одной здоровенной консервной банки в небе. Так ты правда не знаешь?

— Знала бы, не спрашивала. — Робин снова рассердилась. Ей совсем не нравилось чувствовать себя невеждой. Ее пристальный взгляд, выискивая какое-то светлое место, остановился на икре Трини. Она рассеянно погладила эту икру. Странно. По неясной для Робин причине Трини брила ноги и все прочее, оставляя только волоски на предплечьях. Сама Робин брила все те места, где была татуировка, часть лобка и еще делала

широкий кружок вокруг левого уха.

— Извини. По-другому это называется «древнейшая профессия». Я доставляю половое наслаждение за деньги.

— Ты продаешь свое тело? Трини рассмеялась.

— Ну почему же? Я продаю услугу. Я квалифицированный работник с университетским образованием.

Робин села.

— Теперь я вспомнила. Ты блудница.

— Уже нет. Я свободная художница.

Робин призналась, что не понимает. Она слышала о сексе за деньги, но с трудом укладывала это в свои все еще туманные представления об экономике. Предполагалось, что где-то в этой картине должен существовать хозяин, который продает своих рабынь своим менее богатым сородичам.

— По моему, тут вся трудность только в словах. Ты говоришь «проститутка» и «блудница» так, будто это одно и то же. Догадываюсь, так оно раньше и было. Можно начать работать через агентство или через публичный дом, и тогда ты блудница. Или можно сидеть у себя на дому, и тогда ты куртизанка. На Земле, разумеется. А здесь нет законов, так что все женщины сами по себе.

Робин безуспешно попыталась извлечь из всего этого смысл. Речи Трини не вписывались в ее представления об алчном обществе. Как Трини может забирать себе деньги, которые она получает? Ведь из этого следует, что ее тело — ее собственность, а такого — в глазах мужчин — быть не должно. Робин не сомневалась, что тут какое-то логическое противоречие, но ей уже просто надоело его доискиваться. Ясным представлялось только одно.

— Так сколько я тебе должна?

Трини сделала круглые глаза.

— Ты думаешь… да нет же, Робин. Этим я занимаюсь для себя. Обслуживать мужчин — моя профессия. Этим я зарабатываю себе пропитание. А с женщинами я занимаюсь любовью, потому что они мне нравятся. Я лесбиянка. — Впервые Трини, казалось, слегка насторожилась. — Кажется, я знаю, о чем ты думаешь. Почему женщина, которая не любит мужчин, обслуживает их ради пропитания. Так? Тут вот какое дело…

— Да нет, я вовсе не об этом думала. Ты впервые сказала то, что, по-моему, имеет ясный смысл. Я прекрасно это понимаю и вижу, что ты стыдишься своего алчного рабства. Но что значит лесбиянка?

ГЛАВА VII
Гармоничные небеса

Крис нанял титаниду, чтобы та довезла его до невесть какой дыры под названием Место Ветров, откуда он, как ему сказали, на лифте доберется до ступицы. Титанида оказалась бело-голубой длинношерстной пегой самочкой по имени Кастаньета (Диезный Лидийский Дуэт) Галдеж. Весь этот галдеж и достался Крису. Титанида немного говорила по-английски и попыталась завязать разговор. Крис отвечал лишь хмыканьем — так что всю дорогу (на полном скаку) Кастаньета от души дудела в свой медный рог.

Когда Титанополь остался позади, Крис стал проявлять больше интереса к путешествию. Езда была гладкой как на судне с воздушной подушкой. Они миновали бурые холмы и какое-то время скакали вдоль стремительного притока реки Офион. Потом земля пошла вверх — ко впечатляющей панораме Места Ветров.

Гея представляла собой кольцевой подвесной мост. Ступица ее служила анкером, работавшим против центробежной силы. От ее спиц расходи-

лись девяносто шесть подвесных тросов, которые приковывали ступицу к подземным костяным пластам обода. Каждый трос, скрученный из сотен жил, составлял пять километров в диаметре. Жилы несли в себе трубопроводы для нагревающих и охлаждающих жидкостей, а также артерии для транспорта питательных веществ. Некоторые тросы подходили к земле под прямым углом, но большинство выходило из громадных зевов спид и, под наклоном пройдя сумеречные зоны, некоторое время спустя появлялись в дневных областях.

Место Ветров представляло собой окончание наклонного троса в Гиперионе. Походило оно на длинную руку, тянущуюся из мрака и сжимающую землю в кулак из валунов. Где-то в лабиринте гребней и скальных россыпей пронзительно свистели ветры — то воздух накачивался вверх, чтобы из ступицы вылететь обратно через спицы. Воистину то был вековечный кондиционер Геи — так она предотвращала образование перепадов давления и поддерживала приемлемую для дыхания кислородную атмосферу по всей 600-метровой колонне воздуха. Еще то была ангельская лестница в небо. Но Кастаньета и Крис направлялись не туда — лифт располагался

на другой стороне.

У Кастаньеты ушел почти час — или целый оборот, напомнил себе Крис, — чтобы обогнуть трос. Дальняя сторона просто ошеломляла. Неисчислимые тонны троса покоились в воздухе над головой, будто небоскреб, выстроенный параллельно земле.

Пейзаж под тросом выглядел безлико-опустошенным. И дело тут было вовсе не в нехватке солнечного света; Гея славилась своим плодородием, поддерживая формы жизни, которые были адаптированы к самым экстремальным условиям среды, включая и полную темноту. Но здесь лишь по соседству со входом в лифт начиналась хоть какая-то растительная жизнь.

Лифт оказался темной, мягкой капсулой четырех метров в длину и трех в высоту, с расширенным отверстием на одном конце. Другой был прижат к сжимателю обычного для Геи типа. Такие отверстия вели в циркуляционную систему, которую, если, конечно, осмелиться, можно было использовать как транспорт. Сами капсулы представляли корпускулы, включенные — через двухфункциональную организацию, которая представлялась не иначе, как торговой маркой Геи, — в систему жизнеобеспечения. Дышащее

кислородом животное, помещенное внутрь такой капсулы, вполне могло там жить, пока не умерло бы от голода.

Взобравшись в капсулу, Крис устроился там на каком-то подобии дивана. Из внутренних стенок тянулись волокна, которые полезно было применить в качестве ремней безопасности. Крис так и поступил. Это была его третья поездка в транспорте, который обитатели Геи называли трах-машинами. Он уже знал, что поездка будет малокомфортной, пока трах-машине придется проталкиваться через вихревые токи вокруг поворотных точек.

Интерьер был люминесцентным. Когда отверстие позади было уже задраено, Крис даже пожалел, что не захватил с собой книгу. Ему предстояла трехчасовая поездка, где единственными его спутниками должны были стать его собственное урчащее брюхо — и понимание, что на том конце его ждет беседа с богиней.

Послышался сосущий звук — капсулу втянуло в защитный лабиринт клапанов внутри троса. Она неторопливо плыла от предсердия к желудочку, пока, с неожиданным энергичным порывом, не ринулась в небеса.

Танцора высвечивал подвешенный невесть

где прожектор, и его фигура то появлялась, то уплывала из пронизывающего недвижный воздух желтого конуса. То был чечеточный фигляр в цилиндре и во фраке, в гетрах и накрахмаленной рубашке. Подобно всем лучшим танцорам, двигался он совершенно непринужденно. Каблуки его черных ботинок и металлический кончик тросточки выстукивали сложный узор, гулко отзывавшийся в невидимой полости ступицы.

Представление шло в пятидесяти метрах от дверцы самого обычного лифта, на котором Крис проделал последний этап путешествия. Прозвенел звонок — и Крис, обернувшись, увидел, как дверца лифта закрывается.

Танцор его раздражал. Все получалось так, будто он вошел в кинотеатр, где показывали какой-то маловразумительный фильм, причем Крис начал смотреть его с середины. Человек этот должен был что-то значить. Но чечеточник плясал и плясал, ничего своим танцем не сообщая, — просто плясал, и все. Лицо его скрывала тень от полей цилиндра — виден был только остроконечный подбородок. Ему бы шляпу снять, подумал Крис. Наверняка высветился бы голый череп — лик смерти. Или пусть прекратит свои пляски и рукой в элегантной перчатке покажет,

куда Крису дальше идти. Но танцор никакого знака не подал — вообще отказался превращаться в символ чего-либо. Просто продолжал отбивать чечетку.

Когда же наконец Крис к нему приблизился, танцор сделал свой ход. Прожектор погас, но тут же зажегся другой — в двадцати метрах от первого. Силуэт мужчины, простучав через темноту, снова выскочил на свет. Зажегся третий прожектор, четвертый, пятый — и так по уходящей вдаль линии. Танцор перепрыгивал от одного к другому, чуть медля ради импровизированной ритмической фразы, после чего стучал копытами дальше. Затем все огни погасли. Стук по мрамору затих.

Но тьма в ступице не была кромешной. Высоко-высоко наверху пролегала безмерная линия алого света, резкая, как луч лазера. Крис стоял меж высокими тенями — коллекцией соборов Геи. Шпили и башни, висячие опоры и каменные гаргульи казались пепельно-серыми на фоне бездонно-черного. «Интересно, а внутри там тоже все как надо?» — задумался Крис. В книгах про это ничего не говорилось. Он знал лишь, что Гея коллекционирует памятники архитектуры и, в особенности, культовые сооружения.

Раздался ровный стук каблуков на отдалении — и вскоре перед Крисом появилась женщина в белом халате вроде тех, что носили санитары. Она обогнула приземистый каменный храм, затем помедлила, чтобы поводить по всей округе фонариком. Яркий свет ослепил Криса. Потом световой кружок двинулся дальше, но вскоре вернулся и снова высветил его, будто беглого каторжника. Наконец свет опустился к ногам.

— Сюда, пожалуйста, — пригласила женщина.

Неловко ступая из-за низкой гравитации, Крис все же к ней присоединился. Женщина повела его по извилистому пути мимо всевозможных строений. Ее ботинки на высоких каблуках внушительно цокали. Женщина держалась непринужденно, в то время как Крис то и дело подпрыгивал будто резиновый мячик. Вращение ступицы оставляло от *жэ* лишь одну сороковую; Крис сейчас весил всего пару-другую килограммов.

Он все гадал, что же это за женщина. В карантине ему и в голову не приходило сомневаться в человеческом происхождении санитаров. А здесь, наверху, все почему-то казалось иным. Он знал, что Гея способна — и часто этому следует — создавать другие живые существа. Может создавать

новые виды — к примеру, титанид, возраст которых составлял всего два столетия, — наделяя их при этом свободной волей и благом своего невнимания. А может творить одноразовых индивидов — столь же свободных и неконтролируемых.

Но она также создавала тварей, что звались орудиями Геи. Эти существа были уже не более чем ее протяжениями. Она использовала их для строительства копий соборов в натуральную величину, для сношений с низшими формами жизни — короче, для всего, что сама она не могла делать просто в силу нормальной экологии своего существования. Вскоре Крису предстояло встретиться с одним из таких орудий, которое само будет называть себя Геей. Да, Гея действительно окружала его со всех сторон — но обращаться к стенам было при этом бесполезно.

Крис снова взглянул на высокую женщину с волнистыми черными волосами. Интересно, орудие она или человек?

— Вы откуда? — спросил он.

— Из Теннесси.

Компоновка зданий была совершенно беспорядочной. Некоторые теснились так, что Крису вдруг подумалось про какие-то небесные трущобы. Другие же разделяло порядочное расстояние.

Из-за всего этого беспорядка тут могла оказаться площадь, а там — вдруг проулок. Двое путников протиснулись меж копией Шартрского собора и безымянной пагодой, пересекли мощенную, мрамором площадь — и оказались перед Карнаком.

Автор прочитанной Крисом книги открыто выражал свое недоумение по поводу того, зачем Гея строит всю эту каменную рухлядь. И почему, построив ее, оставляет в темноте, почти невидимой. Человек здесь чувствовал себя мухой, затерявшейся на заплесневевшем дне детской коробки с игрушками. Строения эти вполне можно было использовать как фишки в триллионерской партии в «монополию».

— Вот мое любимое, — вдруг сказала женщина.

— Какое-какое?

— Вон то, — ответила она, указывая фонариком. — «Националь».

Здание казалось знакомым, но после такого обилия за столь короткое время одна каменная глыба начинала напоминать другую.

— А в чем тут соль? Ведь их почти и не видно.

— Ну, Гее свет ни к чему, — заверила Криса женщина. — В таком работал один из моих далеких-далеких предков. Я видела его в Вашинг-

тоне.

— Но ведь совсем не похоже.

— Да, нескладно получилось. Его собираются снести.

— Так вы ради этого сюда подались? Изучать великую архитектуру прошлого?

Она улыбнулась.

— Нет, строить. А где на Земле можно проделать такую работу? Ведь эти здания строились сотни лет. Даже здесь уходит лет двадцать-тридцать — и это без всяких профсоюзов, строительных норм и забот по поводу стоимости. На Земле я строила здания куда побольше, но, если не укладывалась в шесть месяцев, мне давали пинок под зад и нанимали кого-то еще. А когда я такое здание заканчивала, оно получалось в точности как упавший с неба кусок дерьма. Здесь же я прямо сейчас работаю над Зимбабвийской мормонской молельней.

— Да, но что в них толку? Какой тут смысл? Взгляд женщины был полон жалости.

— Если вы задаете такой вопрос, ответа вам уже просто не понять.

Потом они оказались на участке с приглушенной подсветкой. Источник света был совершенно неуловим, зато впервые удалось разглядеть

крышу ступицы, изогнутую еще круче, чем на ободе, — и километрах в двадцати над головой. Крыша напоминала хитроумную плетеную корзину, где прутиками служили тысячеметровые жилы троса. На ближайшую стену был натянут отрез белой ткани размером с главный парус кибершхуны. Туда проецировался фильм. Фильм был не только двухмерным, но еще и черно-белым, и немым. Пианола рядом с проекционной будкой обеспечивала музыкальное сопровождение.

От будки до экрана простирался добрый акр персидского ковра, где на диванах и подушках отдыхали с полсотни мужчин и женщин в просторных красочных одеяниях. Некоторые смотрели фильм; остальные болтали, смеялись и пили. Среди них была Гея.

Она мало соответствовала своим фотографиям.

В свое время было сделано несколько снимков того конкретного орудия, которое Гея предпочитала представлять как «себя». Масштаб на них был неясен. Одно дело прочитать, что Гея — невысокая пожилая женщина, совсем другое — оказаться с ней лицом к лицу. Сиди она на парковой скамейке, подумалось Крису, никто бы на нее и внимания не обратил. Таких бомжих

на городских пустырях и свалках Крис встречал тысячами — рыхлые старые крысы, шныряющие по помойкам.

Щекастая физиономия богини явно просила кирпича. Меж тяжелым лбом и грязными складками жира были втиснуты вялые темные глазки. Черные сальные кудряшки обрезаны были ровно по плечи. Крис припомнил, что тогда еще отыскал фотографию Чарлза Лафтона, чтобы проверить, верно ли так часто упоминаемое сходство. Да, сходство было просто портретное.

Гея язвительно ухмылялась.

— Ну-ну, сынок, реакция мне знакома. Что, далеко старой карге до эффектного горящего куста, да? А вообще-то, как ты думаешь, на что Иегова тогда рассчитывал? А? Да просто хотел заставить наложить в штаны одного суеверного еврейского пастуха — только и делов. Вот так-то. Ладно, расслабься, парнишка. Возьми себе подушку и валяй рассказывай.

Беседовать с Геей было на удивление просто. Наверняка тут играла роль и нетрадиционность выбора ею Божественного Облика: каким-то неуловимым образом все подводило к восприятию Геи как Земной Матери. В ее присутствии человек чувствовал себя как дома. Все, что он

так долго держал в себе, теперь можно было вытащить, обнажить — причем доверие все возрастало по мере разговора. У нее был тот талант, какой непременно нужно иметь всем приличным педагогам и родителям. Она прекрасно слушала и — мало того — ясно давала понять, что понимает. В ее слушании совсем не обязательно мелькало сочувствие, не было там и безотчетной привязанности. Крис вовсе не чувствовал себя фаворитом богини или даже лицом, вызывающим ее особое участие. Но он был ей интересен — и интересно ей было его несчастье.

Крис задумался, а не слишком ли все это лично, раз он проецирует все свои надежды на эту рыхлую старуху. Тем не менее, по ходу разговора он беззастенчиво перед нею плакался и не считал нужным искать себе оправдания.

Он редко на нее поглядывал. Глаза его просто блуждали, попадая то на чье-то лицо, то на кубок, то на ковер — но на самом деле ничего этого не видя.

Наконец, Крис сказал все, что намеревался. Никаких достоверных сведений о том, что должно последовать дальше, у него не было. Люди, возвращавшиеся исцеленными, в своих интервью подозрительно туманно высказывались о тех

шести месяцах, что следовали после аудиенции. Ни под каким нажимом говорить об этом они не желали.

Гея какое-то время смотрела на экран, затем отхлебнула из своего бокала на тонкой ножке.

— Чудесно, — сказала она. — То же самое мне передавала и Валторна. Будь уверен, я досконально тебя обследовала, понимаю твое состояние и могу гарантировать, что исцеление возможно. Не только для тебя, разумеется, но и для…

— Простите, но как вы меня обследовали, если…

— Не перебивай. Вернемся к нашей сделке. Это именно сделка, причем тебе она может и не понравиться. Там, в посольстве, Валторна задала тебе вопрос, и ты на него не ответил. Мне интересно, обдумывал ли ты его с тех пор и нашел ли ответ.

Крис напряженно задумался — и вдруг вспомнил проблему двух детей, привязанных к рельсам перед приближающимся поездом.

— Да это не так уж и важно, — признала Гея. — Зато интересно. Я вижу здесь два ответа. Один для богов, другой для людей. Так ты об этом задумывался?

— Да, кажется.

— Ну и что ты родил?

Вздохнув, Крис решил ответить чистосердечно.

— Пожалуй, вероятнее всего… если бы я попытался освободить обоих, то наверняка бы погиб, освобождая второго. Не знаю, которого я освободил бы первым. Но если бы я освободил одного, то неизбежно должен был бы попытаться освободить и второго.

— И погибнуть. — Гея кивнула. — Это человеческий ответ. Вы, люди, без конца так делаете — лезете на сук, чтобы освободить своего сородича. Ну а сук, понятное дело, ломается. Десять спасателей гибнут, пытаясь отыскать одного заблудившегося засранца. Жуткая арифметика. Хотя она, конечно, не всеобща. Многие люди просто стояли бы и смотрели, как поезд давит обоих детишек. — Тут она с прищуром на него посмотрела. — Так что бы ты все-таки сделал?

— Не знаю. Не могу до конца честно сказать, что пожертвовал бы собой.

— Ну а ответ богов прост. Любой бог спокойно дал бы им умереть. Иначе говоря, жизни отдельных личностей значения не имеют. Когда сознаешь все, даже падение какого-нибудь воробушка с ветки, уже не стараешься это падение

предотвратить. Природа жизни такова, что все твари смертны. Я вовсе не жду, чтобы тебе это понравилось, чтобы ты это одобрил или чтобы ты с этим согласился. Я просто излагаю свою позицию. Понятно?

— Кажется да. Не уверен. Гея махнула рукой.

— Еще раз. Мне не важно, одобришь ты это или нет. Просто ты должен понять, как работает моя вселенная.

— Это я понимаю.

— Вот и славно. Хотя я не настолько бесстрастна. Немногие боги абсолютно бесстрастны. Будь там какая-нибудь последующая жизнь — которой, между прочим, нет ни в моей теогонии, ни в вашей, — я, пожалуй, склонна была бы вознаградить парнишку, который бросился бы на рельсы и погиб, спасая этих детей. Я взяла бы этого обалдуя в Рай, если бы таковой существовал. Но, к несчастью… — с кислым видом богиня опять махнула рукой — … ближе, чем сюда, ни до какого Рая добраться невозможно. Я не делаю никаких широковещательных заявлений — это место мало чем отличается от любого другого. Разве что жратва здесь вкусная. Но если мне приглянулся кто-то за то, что он проделал, я вознаграждаю его в этой жизни. Сечешь?

— Да, я внимательно слушаю. Рассмеявшись, Гея потянулась и шлепнула Криса по колену.

— Вот это мне нравится. Поехали дальше. За так я ничего не даю. Но ничего и не продаю. Исцеление предоставляется за некие заслуги. Валторна передавала мне, что ты пока еще не сделал ничего такого, чем бы заслужить исцеление. Подумай хорошенько.

— Не уверен, что знаю, что вам от меня нужно.

— Ну, если бы дело происходило на Земле, все следовало бы задокументировать. Изобретение устройства для спасения жизни, заложение основ новой достойной философии. Жертвование собой ради другого. Ты не смотрел «Что за чудная жизнь!» Франка Капры? Нет? Ну стыд и срам. И как это вы, люди, пренебрегаете классикой ради прихотей толпы и популярных дешевок? Главный герой в этой истории совершил нечто, способное его возвысить. Но это не зафиксировали в документах, а раз он вряд ли смог бы доставить пару автобусов с надежными свидетелями ко мне, чтобы все это дело подтвердить, то удача ему не светила. Понимаю, очень скверно — но по-другому я не могу. Тебе в голову так ничего и не пришло?

Крис помотал головой, в которую явно ничего

не пришло.

— Свершил ты что-нибудь эдакое после разговора с Валторной?

— Нет. Ничего. Наверное, все мои мысли были сосредоточены на моем несчастье. Пожалуй, мне стоит за это извиниться.

— Нет нужды, нет нужды. На хрена мне твои извинения? Теперь к делу. Штука, понимаешь ли, в том, что я имею дело только с героями. Если хочешь, можешь считать, что я веду себя по-снобистски с вами, однодневками, и что где-то мне надо провести границу. Я могла бы использовать в качестве мерила богатство, и тогда ты столкнулся бы с еще худшей проблемой, чем теперь. Поверь, разбогатеть куда труднее, чем сделаться героем.

В прежние времена я бы и разговаривать с тобой не стала. Тебе пришлось бы вначале доказать, что ты герой. В те дни проверочка была проще простого. Для существ со свободной волей лифт был закрыт. Если кто-то хотел меня видеть, ему приходилось взбираться по спице — 600 километров по вертикали. Любой, кому это удавалось, по определению считался героем. Ну а кому не удавалось, тоже считался героем. Только мертвым.

Но с тех пор как я стала целительницей для

рода человеческого, я пересмотрела этот план. Некоторые люди, нуждающиеся в исцелении, так слабы, что им и из постели-то не выбраться. Дураку понятно, что драконов они убивать не могут, но есть и другие способы доказать свою ценность. Теперь и они получили свой шанс. Можешь думать об этом как о минимальной уступке, сделанной человеческим представлениям о честной игре. Хотя, понятное дело, никакой честности и никакого благородства я со своей стороны гарантировать не могу. Просто пользуйся шансом — и абзац.

— Это я тоже понимаю.

— Ну так бери ноги в руки. Пока у тебя есть задача, можешь ее решать. А когда станешь достоин моего внимания, возвращайся. — Но она пока еще от него не отвернулась.

— А чего вы от меня хотите?

Она села прямее и принялась постукивать кончиками пальцев по коленям. Не пальцы, подумал Крис, а сосиски — сплошь усеянные кольцами, которые почти утопали в жире.

— Первое. Ни хрена я от тебя не хочу. Катись домой и забудь обо всем. Второе. Самое простое. Вернись на обод и вскарабкайся сюда по спице. Тут у тебя один шанс из тридцати. Третье. — Она

бросила загибать пальцы и обвела своей лапой рассевшихся вокруг людей. — Присоединяйся к пирушке. Кути, развлекайся, и я вечно буду поддерживать в тебе здоровье. Вся эта публика прибыла сюда так же, как и ты. Они решили сыграть в беспроигрышную игру. Здесь куча фильмов и, как я уже говорила, классная жратва. Хотя, надо признаться, очень высок процент самоубийств.

Крис впервые со всем вниманием огляделся. И сразу представил себе, что из этого выйдет. Несколько пирующих уже и на людей-то не походили. Просто сидели, таращась на громадный экран, — тупые наблюдатели, из которых, подобно смрадным водам Стикса, так и сочилась депрессия.

— Четвертое. Отправляйся вниз и что-нибудь такое соверши. Возвращайся ко мне героем, и я не только исцелю тебя, но и дам земным врачам рекомендации, которые позволят им вылечить семьдесят три человека с тем же недугом, что и у тебя.

Вот теперь все. Черта подведена. Теперь дело за тобой. Прыгнешь ли ты на рельсы — или будешь стоять и смотреть, пока кто-то сделает это за тебя? Эта публика тоже надеется, что придет

кто-нибудь похрабрее их и с тем же недугом. У одного парнишки, между прочим, то же, что и у тебя. Вон у того, с голодными глазами. Если ты отправишься вниз — жить или умереть — то сможешь стать его спасителем. Или можешь присоединиться к нему и ждать, пока прибудет еще какая-нибудь дубина стоеросовая.

Взглянув на мужчину, Крис был потрясен. Голодные глаза — вот точное описание. Одни голодные глаза. На одно жуткое мгновение Крис представил себя рядом с этим несчастным.

— Но чего же ты, черт возьми, от меня хочешь? — простонал Крис. — Хоть намекни, что ли!

Он чувствовал, что Гея стремительно теряет к нему интерес. Глаза ее блуждали по мелькающим на экране образам. И все же она еще один, последний, раз к нему повернулась.

— Там, внизу, миллион квадратных километров всего, чего душе угодно. Там такая география, какой тебе в жизни не представить. На вершине стеклянной горы лежит алмаз размером с сотню твоих грязных задниц. Принеси мне этот алмаз. Есть там живущие в страшном угнетении племена — рабы низменных тварей с глазами красными и горячими как уголья. Освободи их.

По всему моему ободу рассеяны сто пятьдесят драконов, причем все разные. Убей хоть одного. Там живут тысячи неправых, которых нужно наставить на путь истинный. Там мириады препятствий, чтобы преодолеть, мириады беспомощных, чтобы спасти. Советую тебе выступить в поход по моим внутренностям. К тому времени, как ты вернешься туда, откуда начал, твое рвение, могу гарантировать, множество раз подвергнется хорошей проверке.

Решить ты должен сейчас. Этот парнишка с горящими глазами и семьдесят два человека на Земле ждут твоего решения. Они крепко-накрепко привязаны к железнодорожным рельсам. От тебя зависит, спасутся они или нет. Может статься, и ты начнешь понимать, что тебе самому спастись не удастся. Но даже если ты погибнешь, твоя смерть тоже чему-то послужит.

Ну так как? Заказывай выпивку — или катись отсюда ко всем чертям!

ГЛАВА VIII
Летунья

Робин умела не только ножками сучить. Не зря она провела последние двенадцать лет изгнанницей в верхних ярусах Ковена. Но эмоционально она сейчас как раз ножками сучила.

Предполагалось, что кто-то проводит ее обратно к лифту, но Робин быстро отделалась от сопровождающей. Подобное букашке среди слонов, она торопливо кружила среди монументов.

Какие же все-таки нелепости! И они должны были произвести на нее впечатление? Ну, если пустая трата времени и сил производит впечатление, то она этим впечатлением, безусловно, полна до краев.

Соборы. Чечеточники. Жирная, непристойная тварь, выдающая себя за Великую Матерь, окруженная несчетной толпой грязных лизоблюдов. И что на закуску?

Геройство.

Робин смачно харкнула куда-то в сторону Нотр-Дам.

Чего ради хотеть ей спасения двадцати шести

незнакомцев? Одним из них, несомненно, был ее отец. Гея сообщила ей это — и получила в ответ безразличие. Робин так же мало волновало отцовство, как цены на бирже.

Никто ничего не получает за так, сказала тогда Гея. А как насчет этих двадцати шести засранцев, которые рассчитывают, что Робин станет искать себе гнусную, недостойную смерть? Все ее существо восставало против этой идеи. Будь хоть один тот страдалец из Ковена, она призвала бы небо и землю себе на помощь. Но помогать посторонним?

С самого начала это была пустая затея! И какой теперь смысл умножать ошибки? Остаться ли среди этой жалкой своры подхалимов? Такого вопроса вообще не стояло. То же самое касалось и предложенной Геей игры. Робин должна вернуться на родину и жить так, как предписала Великая Матерь.

Наконец она нашла лифт и вошла. Неудачная конструкция, решила она, не найдя никаких поручней. На стенке было всего две кнопки — одна помечена как «Рай», другая — «вниз!» Робин треснула кулаком по второй и подняла руки, чтобы не влететь в потолок, если лифт рванет слишком быстро. Ожидая этого, она не очень испугалась,

когда ноги вдруг оторвались от пола. Пролетело пустое мгновение — и Робин поняла, что потолок-то вовсе не приближается. Наоборот — он даже неторопливо удалялся. Она посмотрела вниз.

И увидела свои ботинки. А в шестистах километрах под ними — Нокс, Полночное море.

Время вдруг поползло как улитка. Робин ощутила, как адреналин бешено накачивается в ее жилы и ввергает ее в лихорадочное состояние. Перед глазами проносились разные образы — мимолетные и все же полные деталей. Воздух был превосходен. Она вдруг почувствовала в себе свежие силы и притянула к себе руки и ноги, вдруг ставшие бесконечно далекими. Затем Робин впала в прострацию, когда страх и отчаяние угрожали начисто ее стереть.

Она продолжала тонуть, изрыгая ругательства и исступленно визжа. До стен было не дотянуться — а потом они вообще ушли наверх. Кабина лифта казалась все уменьшающимся светлым квадратиком.

Вычисления свои Робин начала вовсе не в надежде, что ответ вернет ее в ряды живущих. Нет, в сотнях километрах внизу она уже видела свою смерть. Просто ей хотелось узнать — сколько секунд? Минут? А может, остались еще целые

часы жизни?

Ковенское воспитание было большим подспорьем. Робин знала о центробежном движении, могла работать над этой задачей куда с большей готовностью, чем если бы пришлось иметь дело с гравитацией. Робин никогда не бывала в сколько-нибудь значительном гравитационном поле.

Она начала со всем известного параметра, а именно — с одной сороковой *жэ* — гравитации, распространенной по всей ступице. Когда под ней открылся пол лифта, она начала падать со скоростью в одну четверть метра в секунду. Но при таких темпах она особенно не ускорится. Движущееся тело в крутящемся объекте падает не по радиальной линии, а скорее, склонно двигаться против направления вращения. Соответственно, если смотреть снаружи, она станет двигаться по прямой, пока колесо будет под ней вращаться. Ее направленное вниз ускорение вначале будет очень невелико. И только когда она наберет значительную боковую скорость, темп ее падения начнет существенно увеличиваться, что она ощутит как ветер, задувающий от направления, противоположного вращению.

Робин торопливо огляделась. Ветер уже дул порядочный. Она даже разглядела верхушки де-

ревьев, растущих из вертикальной стены спицы. Вот он, значит, знаменитый горизонтальный лес Геи. Вращайся Гея как-нибудь иначе, Робин разбилась бы уже через считанные секунды или минуты. А так, поскольку полет ее начался невдалеке от стены, у нее еще оставалось какое-то время.

Несколько упрощенных вычислений она вполне могла сделать. Главной помехой тут служило незнание точного атмосферного давления на Гее. Робин где-то читала, что оно достаточно высокое — что-то около двух атмосфер на ободе. Но с какой скоростью оно падает по мере приближения к ступице? Дышать там можно было вполне свободно, воздух нигде не становился очень уж разреженным — так что вполне допустимо было предположить, что в ступице одна атмосфера.

Странным утешением оказалось для Робин погружение в математику. Ей ничего не стоило начать все заново, хотя она и была уверена в тщетности всего проекта. Она продолжала вычисления, желая поточнее узнать, когда же все-таки смерть ее одолеет. Очень важно умереть как надо. Как подобает. И, покрепче ухватившись за сумку с Нацей, она все начала снова.

Однако ответ ее не удовлетворил. Она попробовала опять. Третий ответ с двумя предыдущими не совпал. Выведя среднее, она получила цифру в пятьдесят девять минут до столкновения. Добавочным параметром была ее скорость при ударе. Триста километров в час.

Она падала спиной к ветру. Но, раз она двигалась и к ободу, и к приближающейся стене, тело ее находилось под небольшим углом. Ступица находилась не точно под ногами. А удаляющаяся стена казалась ей не вполне вертикальной. Робин опять огляделась.

Дух захватывало. Как жаль, что ей так трудно оценить эту красоту.

Целый Ковен, если швырнуть его с того места, откуда стартовала она, показался бы консервной банкой, падающей по дымоходу. Спица Реи представляла собой полую трубку с расширением на нижнем конце, сплошь заросшую деревьями, рядом с которыми показалась бы карлицей самая громадная секвойя. Деревья, укореняясь в стенах, тянулись наружу. Робин уже не могла различить даже самые крупные из них как отдельные растения — внутренние стены вокруг нее казались ровным морем темнеющей зелени. Весь интерьер освещался двумя вертикальными рядами

иллюминаторов, если такое название подходило для дыр по меньшей мере один километр в диаметре.

Робин вывернула шею, обращая лицо к потоку ветра. Нокс уже казался заметно ближе. Но теперь на глаза попалось что-то еще, в самом верху.

Наконец, Робин поняла. Это же тросы Реи. Они крепились на островах в Полночном море и возносились вертикально вверх, пока не сплетались в грандиозную косичку у основания спицы.

Она должна, должна их увидеть. Тросы были прямо перед ней, приближаясь с каждой секундой.

— О Великая Матерь, услышь меня! — Робин кое-как пробормотала первое предсмертное заклинание, не в силах отвести глаз от того, что казалось несущейся ей навстречу мрачной стеной. Еще казалось — трос вращается будто барбарисовый шест, но так было из-за ее стремительного продвижения мимо витых жил.

Целая минута потребовалась Робин, чтобы пронестись мимо тросов. При самом ближайшем приближении она даже прижала руку к правому боку, боясь задеть трос — хотя на самом деле он наверняка был значительно дальше. Пролетев мимо, она снова выгнулась в воздухе и наблюда-

ла, как проклятая штуковина от нее удаляется.

Один час казался не слишком большим сроком. Хотя, конечно, никакой человек оставаться столько времени в абсолютном ужасе наверняка не сможет. Робин подумала, может быть, с ней что-то не так — ибо страха она больше не испытывала. Еще до приближения к тросам, она почувствовала какой-то странный покой, который ее окутывает, и страшно обрадовалась. Есть сладостное умиротворение, когда знаешь, что смерть уже точно придет, что она будет быстрой и безболезненной. Когда понимаешь, что ничего уже не остаться, кроме как, хватаясь за воздух и обливаясь холодным потом, на все лады проклинать судьбу.

Вечно полет длиться не мог. Но почему бы ему не продлиться хотя бы еще минут двадцать?

Робин скользила взад и вперед по колее меж страхом и обреченностью. Знания, что ничего не можешь поделать, всегда недостаточно. Робин хотела жить, но жизнь ей не светила — и не было у нее слов, чтобы выразить всю свою скорбь от этого тягостного понимания.

Религия ее была не из тех, где веруют в отклик Бога на молитву. В таком смысле в Ковене во-

обще не молились. Там ничего не просили. Там что-то могли потребовать — к примеру, особое положение в жизни последующей — но в жизни нынешней ты оказывался предоставлен самому по себе. Великая Матерь не собиралась вмешиваться в чью-либо судьбу, и Робин даже в голову не приходило ее об этом попросить. Но сейчас ей хотелось, страшно хотелось, чтобы все-таки было что-то, к чему можно обратиться за помощью, — какая-то добрая действенная сила в этой дикой беспредельности.

А потом она подумала — не этого ли самого добивается проклятая Гея? После первого страшного потрясения от этой мысли Робин не слишком удивилась своему подозрению, что Гея провернула это грязное дельце. Все вполне соответствовало тому бреду, который она у себя в ступице несла. Но теперь Робин задумалась, зачем Гее это понадобилось, — и мигом нашла единственно верную причину. Конечно же — устрашить Робин и во что бы то ни стало заставить ее признать Гею своим Господом.

Если это верно, следовательно, Гея может что-то сделать. Робин дико завопила. Путем какой-то духовной трансмутации страх ее обратился в гнев столь всепоглощающий, что затряс ее куда

сильнее лютых ветров.

— Никогда! — орала она. — Никогда, никогда, никогда! Ах ты, зараза чертова! Жопа на ножках! Извращенка вонючая! Погоди, мы еще встретимся! Я тебя выпотрошу и забью глотку твоими же смердящими кишками, набью твое брюхо угольями! Насажу тебя на вертел и буду вечно поджаривать твои сволочные бока! Я тебя проклинаю! Услышь меня, о Великая Матерь! Услышь меня и отметь мое рвение! Клянусь посвятить мою тень вечной пытке грязной твари по имени Гея!

— Очень мило с твоей стороны.

— Сука, это еще только цветочки! Я…

И тут она посмотрела себе под ноги. Буквально в метре под ними виднелась ухмыляющаяся физиономия. С этого угла больше почти ничего видно не было. Только плечи, поразительная выпуклость груди — и сложенные за спиной крылья.

— Ты очень спокойно все переносила.

— А почему бы и нет? — спросила Робин. — Я считала, что все прикинула верно. И до сих пор, между прочим, так считаю. Так ты клянешься — тем, что считаешь для себя святым, — что тебя послала не Гея.

— Клянусь Стальной Эскадрильей! Вообще-то Гее известно, что она не бросила тебя на верную смерть, но в данном случае она ни при чем. Я делаю это сам, по собственной воле.

— По-моему, минут через пять я славно долбанусь об стену.

— А вот и нет. Основание спицы расширяется, наподобие колокола, разве ты забыла? Ты прекрасно пролетишь дальше — и под углом в шестьдесят градусов будешь падать над Восточным Гиперионом.

— Если ты пытаешься меня подбодрить… — Но слова ангела произвели эффект. Как выяснилось, первоначальный расчет Робин в пятьдесят восемь минут оказался точен. А вот ее цифра для конечной скорости полета оказалась слишком низкой, ибо падать ей придется дольше. Она стала гадать, чем может помочь ей ангел.

— Верно, вытащить я тебя не смогу, — сказал он. — Но будь я неладен, ты меня просто изумляешь. Я видел всевозможные людские реакции. Чаще всего мне говорят, что я должен делать, — если вообще к тому времени сохраняют здравый рассудок.

— Я в здравом рассудке. Может, стоит начать? А то вдруг времени не хватит.

— Время тут ни при чем, сама знаешь. В смысле, еще рано. Я смогу тебе помочь только, когда мы приблизимся к земле, — да и то лишь слегка тебя замедлю. А до тех пор можешь расслабиться. Хотя, пожалуй, мои советы излишни.

Робин не знала, что ему сказать. Она уже была на грани истерики.

Единственный способ справиться с этим, решила она, это прикидываться, что ты спокоен. Если сможешь притворяться так хорошо, что обманешь кого-то другого, то, быть может, обманешь и самого себя.

Ангел падал теперь прямо перед Робин. И, пока она его разглядывала, в голову ей пришли две мысли. Во-первых, он входил в число встреченных ею в жизни, быть может, пяти человек, которые были еще ниже ростом, чем она сама; а во-вторых, она искала и не находила никакой причины, чтобы считать его мужчиной. Интересно, почему же она с самого начала так решила? Никаких наружных половых органов у ангела не было; между ног у него был лишь клочок переливающихся зеленоватых перьев. Должно быть, дело было в его жилистости. За краткое время пребывания на Гее Робин привыкла связывать с мужчинами некоторую угловатость. Ангел же

казался целиком составлен из костей и жил, покрытых равным количеством безволосой коричневой кожи и разноцветных перьев.

— Ты, часом, не ребенок? — спросила она.

— Не-а. А ты? — Он ухмыльнулся. — Ну вот. Теперь, по крайней мере, ты стала вести себя соответственно моим ожиданиям. Твой следующий вопрос будет: мужчина я или женщина? Будь уверена, я мужчина до мозга костей и весьма горд этим несчастьем. Про несчастье я упомянул потому, что ангелы-мужчины живут вдвое меньше ангелов-женщин. К тому же они еще и мельче. И размах крыльев у нас поменьше. Но есть и кое-какая компенсация. Ты когда-нибудь трахалась в воздухе?

— Я вообще никогда не трахалась. Ни в воздухе, ни в невесомости.

— А хочешь попробовать? У нас еще примерно минут пятнадцать, и я могу гарантировать тебе незабываемые впечатления. Ну так как?

— Нет, нет и нет. Не понимаю, с чего тебе вдруг загорелось.

— Такое уж у меня отклонение, — радостно признался ангел. — Ничего сладостней я просто не знаю. И никогда не смогу насытиться. Я вечно болтаюсь по округе, ожидая, пока тут будет про-

летать еще одна жирная землянка. Ну а потом… Услуга за услугу.

— Значит, у тебя такса такая?

— Не-а. Не такса. Я все равно тебя спасу. Терпеть не могу смотреть, как люди расшибаются в лепешку. Но все-таки? А? Как насчет потрахаться? Подумаешь, жертва какая! Почти все-все с радостью платят мне за услугу.

— А я не хочу.

— Да ты странная какая-то, знаешь это? Никогда не видел человека с такой раскраской. Ты что, такая и родилась? Или, может, ты какая-то особая разновидность? Просто не понимаю, почему ты не хочешь со мной потрахаться. Это же так быстро. Раз-раз — и все. Какая-то минутка. Я что, многого прошу?

— Много вопросов задаешь.

— Я просто хочу… оба-на! Самое время поворачивать — или ты долбанешься… осторожно!

Робин впала в панику, думая, что земля уже под ней. Плечи неудачно попали под сильные ветры, и ее закрутило.

— Расслабься еще разок, — посоветовал ангел. — Ничего, выправишься. Так-то лучше. Теперь поглядим, как ты сможешь развернуться. Прижми руки к боками, а потом отведи чуть

назад.

Робин сделала как сказано и закончила прыжком ласточкой. Они теперь пролетали сумеречную зону — достаточно близко к земле, чтобы увидеть, как она движется. Ангел подобрался к Робин сзади и обхватил ее руками. Руки были сильные и твердые как канаты. Одна обхватила груди, другая вцепилась в пах. Робин почувствовала, как к шее прижались холодные перья, а затем теплые губы обхватили мочку ее уха.

— Ты такая мягонькая, с такой миленькой подбивочкой…

— Во имя Великой Матери, если ты хочешь меня изнасиловать, то валяй скорее — и будь проклят, лживый павлин! Нам не сутки еще лететь! — Робин дрожала; страх падения и подступающая к горлу тошнота давили на ее самообладание.

— Что у тебя в мешке? — кратко спросил ангел.

— Мой демон.

— Ладно, не объясняй! Держись за него крепче. Все, пошли.

Ангел аккуратно раскрыл свои громадные крылья, руками крепко обхватив Робин. Страшный вес, казалось, потянул Робин вверх, вырывая ее из свободного падения.

Земля пошла вбок, когда ангел осторожно на-

кренился. Он хотел направить Робин к Офиону — туда, где он тек меж тросом, идущим от Места Ветров до ступицы. Река в той ее части, текущая на юго-восток, была широкая, глубокая и неторопливая. Для достижения этой цели ангел должен был сначала повернуть на юг, потом на север, чтобы добиться их плавного скольжения к реке. Затем нужно было продлить падение Робин, выровняв угол ее спуска. Иначе она шлепнулась бы на мелководье, не долетев до глубокой воды.

Они пролетели над группой кратеров. Робин не стала спрашивать, откуда эти кратеры взялись. Люди их сделать не могли; девяносто метров в секунду просто не способны придать столько кинетической энергии. Но другие, более тяжелые предметы, чем, к примеру, сама Робин, отправленные с той же точки, что и она, вполне могли стать причиной их происхождения. Ангел распростер крылья во всю ширь. Земля внизу была холмистая и лесистая, но впереди уже виднелся прямой отрезок реки. Робин все же не верилось, что они до нее доберутся, а тянуть сильнее было невозможно. Ангел способен был поднять немногим больше собственного веса.

— Пожалуй, я сумею замедлить спуск до семидесяти — восьмидесяти километров в час, когда

ты шлепнешься, — проорал он ей прямо в ухо. — Попытаюсь притормозить короткими взмахами, если буду уверен, что реки тебе уже не миновать. Войдешь в нее под углом.

— Я плавать не умею!

— Я тоже. Не выплывешь, так утонешь.

Ощущения были малоприятные. Хватка рук ангела резко усилилась — и Робин сделала глубокий вдох. Сердце колотилось. Потом они снова скользили — казалось, все еще высоко над бурыми водами. Еще рывок — и Робин машинально вытянула руки. Но они были еще в воздухе. Третий рывок был самый умопомрачительный. Долгие мучительные секунды Робин даже не могла вздохнуть.

Береговая линия теперь стремительно приближалась — полоской по правую руку. Река впереди поворачивала на запад.

Робин показалось, что плюхнулась она прямо на спину. Но так обалдела, что с уверенностью сказать не могла. Следующее, что она помнила отчетливо, — это как она продирается сквозь мутные воды наверх, к свету.

Плыть оказалось страшно трудно. Робин дивилась, как такое можно проделывать, когда вода выше твоего носа.

Когда Робин выкарабкалась на берег, ангел уже ошивался неподалеку. Стоял он весьма неуверенно — ноги его для этого приспособлены не были. Они скорее напоминали клешни, с длинными, костистыми пальцами. Такими ногами явно удобнее было хвататься за ветви деревьев.

— А ну-ка дай мне это барахло, — сказал ангел, вырывая из ее руки сумку. — Должен же я за свою работу что-то получить. С этим уж ты не поспоришь. — Открыв сумку, он охнул, тут же снова ее закрыл и швырнул на землю, пятясь подальше от греха.

— Я же предупреждала, — прохрипела Робин. Ангел был раздражен и явно куда-то торопился.

— Хоть что-нибудь у тебя есть?

— Немного денег. Можешь взять.

— А где мне их тратить? Единственное место, где проматывают деньги, — это титанидский дурдом.

Робин села и дрожащими пальцами кое-как убрала с лица волосы.

— Ты хорошо говоришь по-английски, — заметила она.

— Моя кончила Гарвард. Моя говорить любую фигню, если есть куда.

— Извини. Если я тебя обидела, то не нарочно.

Просто у меня теперь столько забот.

— Ну да. Теперь у тебя вообще никаких забот.

— Слушай, я ценю твою помощь. Ты спас мне жизнь, и я очень тебе благодарна.

— Ну да, ну да. Английскому, между прочим, меня научила моя бабушка. Она вообще меня много чему научила. Например, тому, что ничего не достается за так. Кроме денег у тебя что-нибудь есть?

У Робин было кольцо, подарок матери. Она предложила его ангелу. Тот протянул лапу и с кислым видом взглянул на кольцо.

— Ага, беру. А еще что?

— Все, больше ничего. Только одежда, которая на мне.

— Давай одежду, беру.

— Но все мои вещи…

— В гостинице. Это вон таил. Денек сегодня теплый. Славно прогуляешься.

Сняв ботинки, Робин вылила из них воду. Рубашка слезла сразу, а вот штаны прилипли к коже.

Ангел забрал барахло, затем принялся пялиться на Робин.

— Эх, знала бы ты, как я обожаю жирных женщин.

— А вот тут тебе хрен с маслом. И почему это я жирная? Никакая я не жирная. — Ей вдруг стало неловко под его взглядом. Определенно новое ощущение. Раньше телесной стыдливости у Робин было еще меньше, чем у кошки.

— Еще какая жирная. В тебе двадцать процентов жира, если не больше. Ты сплошь им покрыта. Он у тебя так и выпячивается. — Ангел тяжко вздохнул. — А паскудней вон тех рисунков я ничего в жизни не видел. — Он помолчал, затем медленно расплылся в ухмылке. — Ну ладно. Хоть я на тебя поглазел. Удачных приземлений. — Швырнув ей одежду, ангел буквально прыгнул в воздух.

От взмаха его крыльев Робин аж покачнулась. В воздухе заклубилось удушливое облако пыли и листвы. На мгновение громадные крылья застили небо; затем ангел уже поднимался, уменьшаясь, — тощий человечек из палочек в буйном оперении.

Робин присела и сдалась худшему приступу своих корчей. Зверски содрогаясь, она взглянула на свою сумку, где пыталась обрести свободу донельзя расстроенная анаконда. Ничего, Наце придется подождать. Она не изголодается, даже если приступ продлится несколько суток.

Робин удалось перевернуться на другой бок в страхе, что она ослепит себя, если так и будет таращиться на солнце. Вскоре она совсем потеряла контроль над телом. Бесконечный день Гипериона шагал все дальше и дальше, никуда не уходя. А беспомощная Робин все корчилась под янтарным солнцем, ожидая, что ангел вернется и уж тогда точно ее изнасилует.

ГЛАВА IX
Свободная художница

Габи Мерсье стояла на скалистой полке и дожидалась, пока шум колоссальной диастолы утихнет. Нормальный всасывающий цикл Аглаи грохотал почище Ниагарского водопада. Хотя сегодня звук больше напоминал бульканье пузырьков воздуха, вырывающихся из опущенной под воду бутылки. Заборный клапан со втиснутым туда титановым деревом был почти полностью выключен из работы.

Место это звалось Три Грации. Так его много-много лет назад назвала сама Габи. В те дни немногие обосновавшиеся на Гее земляне все еще называли места и вещи именами из человеческого языка, придерживаясь ранней традиции пользоваться при этом в качестве источника греческой мифологией. Прекрасно зная другое значение слова «грация», Габи как-то прочла, что Три Грации прислуживали Афродите за ее туалетом. Она представляла себе Офион, круговую реку, как туалет Геи, а себя самое при этом как ее водопроводчицу. Все в конечном счете попадало

в Офион. Когда же река засорялась, то именно Габи ее прочищала.

— Дайте мне вентиль размером с Питтсбургский Купол и точку опоры, — заявила как-то Габи заинтересованному наблюдателю, — и я осушу мир. — За неимением такого инструмента ей приходилось пользоваться способами менее непосредственными, зато в равной степени величественными.

Сейчас точка ее наблюдения располагалась на полпути вверх по северному утесу каньона Восточной Реи. В прошлом каньон обладал воистину странным свойством: река Офион вытекала из него не на западные равнины, а совсем в другом направлении. Такое могло стать возможным именно из-за Аглаи. Теперь же, когда мощный речной заборный клапан был ослаблен, геяграфическая прихоть пришла в соответствие со здравым смыслом. Вода, не имея выхода, превратила Офион в прозрачное голубое озеро, что заполняло каньон и выходило на равнины Гипериона. На многие километры, далеко за кривой горизонт Геи, мирная водная гладь скрывала все, кроме верхушек высочайших деревьев.

Аглая же сидела в сужающемся устье каньона будто пурпурная виноградина трех километров

в длину, причем нижний ее конец скрывался в озере, а верхний простирался на плато 700 метрами выше. Она и ее сестры, Талия и Евфросина, были одноклеточными организмами, чей мозг по размеру чуть превосходил детский кулачок. Три миллиона лет они бездумно седлали Офион, поднимая его воды наверх, выше уровня Западной Реи. Питались они всевозможными плавающими обломками, которые время от времени заплывали в их громадные пасти, и были достаточно велики, чтобы переварить на Гее решительно все — кроме титановых деревьев, которые, будучи частью живой плоти богини, не были предназначены для повала и употребления.

Но бывали здесь и темные века. Случиться могло все что угодно — и часто случалось. И именно поэтому, рассуждала Габи, существо калибра Геи нуждалось в аварийном монтере калибра Габи.

Заборная фаза наконец завершилась. Аглая раздулась до предельного размера. Оставались считанные минуты до того, как клапан начнет закрываться — будто Аглая затаила дыхание в предвкушении своего часового извержения. В золотистом сумраке повисла тишина, и все в ожидании обратили глаза на Габи.

Она опустилась на колено и заглянула за край.

Кажется, все подготовлено. Выбрать нужное время для своего хода было очень непросто. С одной стороны, во время систолической фазы сжимающийся клапан крепче всего удержит вклиненное в него дерево. А с другой — вода, заглоченная Аглаей, теперь хлынет наружу, развивая предельную силу, чтобы снести препятствие. Операция не была рассчитана на тонкое прикосновение; Габи рассчитывала толкнуть дерево изо всех сил — и надеяться на удачу.

Отряд ожидал сигнала. Габи постояла, держа в руке красный флажок, — а потом резко махнула им вниз.

Титанидские горны зазвучали от северной и южной стен каньона. Габи повернулась и ловко вскарабкалась на десятиметровый утес позади нее. Там она вскочила на спину Псалтериона, командира титанидского отряда. Псалтерион сунул свой латунный горн в сумку и галопом пустился по извилистой тропе, ведущей к радиостанции. Габи ехала стоя, босыми ногами упираясь в холку титаниды, а руками держась за ее плечи. Ее подстраховывала титанидская манера скакать, подаваясь человеческим торсом вперед и отводя назад руки — подобно ребенку, изображающему истребитель. Поскользнись вдруг Габи, она могла

бы ухватиться за руки Псалтериона — но такого ей уже много лет не требовалось.

На станцию они прибыли, когда систолический отлив уже начинал явственно ощущаться. Вода была в десяти метрах под ними, а заблокированный заборный клапан располагался в полукилометре дальше по каньону; тем не менее, когда поток принялся развивать бурлящее вздутие в новом озере, а уровень воды начал расти, титаниды взволнованно забили копытами.

Шум снова нарастал, но на сей раз к нему примешивалось что-то еще. На вершине плато Аглаи, у Нижних Туманов, из выпускного клапана, который при нормальной работе должен был бы извергать в небо пятисотметровую струю воды, не выходило ничего, кроме газа. Сухой клапан издавал звуки, которые напоминали Габи громкое басовое пуканье.

— Эх, Гея, — пробормотала она. — Пердящая богиня.

— Что ты сказала? — пропел Псалтерион.

— Ничего. Мондоро, ты в контакте с бомбой?

Мондоро подняла глаза и кивнула.

— Быть может, госпожа, уже пора приказать ей умереть? — пропела Мондоро.

— Нет еще. И прекрати меня так называть. Шеф

— вполне достаточно. — Габи оглядела водную гладь, откуда выходили три троса. Она провела по ним глазами, выискивая сплетение, которое предупредит разрыв, затем окинула взглядом свой импровизированный воздушный флот, что нависал неподалеку. Столько лет прошло — а эта картина по-прежнему ее завораживала.

Там были три самых крупных дирижабля, какие Габи сумела собрать за несколько дней слежения. Звали их Дредноут, Бомбасто и Следопыт. Все трое составляли более километра в длину и были старинными друзьями Габи. Именно долг дружбы их сюда и привел. Крупные пузыри редко летали вместе, предпочитая сопровождение на своих воздушных путях в виде эскадрильи из семи-восьми сравнительно мелких цеппелинов.

Но теперь они оказались в одной упряжке — тройка, какую редко видели даже в Гее. Их прозрачные, легкие хвостовые плавники — каждый величиной с футбольное поле — били по воздуху со слоновьей грацией. Эллипсоиды их тел из голубого перламутра сталкивались, скользили и скрипели друг о друга подобно связке праздничных воздушных шариков.

Мондоро подняла вверх большой палец.

— Рви, — приказала Габи.

Мондоро наклонилась над семенным стручком размером с мускусную дыню, который покоился в сплетении лозы и ветвей. Она негромко заговорила, и Габи в нетерпеливом ожидании повернулась к Аглае.

Несколько мгновений спустя Мондоро сконфуженно покашляла, и Габи повернула к ней хмурое лицо.

— Она сердится, что мы так долго держали ее во тьме, — пропела Мондоро.

Габи что-то невнятно присвистнула и топнула ногой, про себя сожалея о том, что у нее нет нормального земного радиопередатчика.

— Так вкрути ей мозги, — пропела Габи. — Ты же мастерица убеждать; кому как не тебе знать, чего хочется этим тварям?

— Быть может, гимн огню… — размышляла титанида.

— Мне наплевать, что ты там пропоешь, — заорала Габи по-английски. — Нужно, чтобы чертово отродье поскорее рвануло. — Рассерженная, она отвернулась.

Бомба была привязана к стволу титанового дерева. Туда ее, сильно при этом рискуя, поместили ангелы, залетевшие в насос во время диастолической фазы, когда над стремящимися внутрь

водами еще был воздух. Как хотела Габи иметь еще и армейский ранцевый заряд, чтобы передать его ангелам. За неимением нормального заряда пришлось послать туда какой-то сухой компот из гейских фруктов и овощей. Взрывчатым веществом служила связка чувствительных нитрокорней. В качестве детонатора применили растение, дававшее искру, а еще одним — магниевое ядрышко, сращенное с мозгом, который был получен путем тщательного соскабливания растительной материи с листа, представлявшего интегральную схему. Обнаженный таким образом, его силиконовый кон-тактик с микроскопической цепью был запрограммирован на то, чтобы прислушиваться к радиосемени — самому капризному растению в Гее. Эти радиопередатчики работали только тогда, когда к ним изысканно обращались, и передавали только те песни, которые, по их мнению, стоило передавать.

Титаниды были мастерицы петь песни. Весь их язык состоял из песен; музыка была для них не менее важна, чем пища. И в такой системе ничего необычного они не видели. А вот Габи пела довольно скверно и, поскольку ничем не могла заинтересовать проклятые семена, ненавидела этих тварей. Как же ей мечталось о коробке спи-

чек и паре километров защищенного от влаги, высокоскоростного бикфордова шнура! Высоко в небе пузыри по-прежнему поддерживали натяжение линии, но долго это продлиться не могло. Дирижабли не были особенно выносливы. В пересчете на вес они оказывались одними из слабейших существ в Гее.

Четыре титаниды собрались вокруг передатчика, напевая сложный контрапункт. Через каждые несколько тактов они вставляли последовательность из пяти нот, к которой прислушивался мозг-детонатор. В какой-то момент семя сменило гнев на милость и запело. Раздался глухой взрыв, от которого дрогнула вся Аглая, а затем из ее заборного клапана вырвался клуб черного дыма.

Габи привстала на цыпочки, отчаянно боясь убедиться, что взрыв всего-навсего оборвал тросы. Тут из отверстия полетели щепки, каждая из которых была размером с хорошую сосну. Затем за спиной у Габи раздался взрыв титанидского восторга, когда, ворочаясь подобно загарпуненному киту, на выходе клапана появился ствол титанового дерева.

— Когда будете закреплять, убедитесь, что ствол километрах в пяти-десяти от клапана, — велела Габи Клавиатуре, титаниде, которой была

поручена последняя фаза. — Масса времени уйдет на то, чтобы откачать всю эту воду, но, если оттащить ствол к водяной кромке прямо сейчас, через считанные обороты он уже будет сухой.

— Как пить дать, шеф, — пропела Клавиатура.

Габи наблюдала, как ее отряд распоряжается захваченными из Титанополя инструментами. Псалтерион тем временем подошел забрать Габин личный багаж. С этими титанидами она работала и раньше, на других заданиях. Они свое дело знали. Возможно даже, что они в ней вообще не нуждались, но Габи сильно сомневалась, что кто-то из них хотя бы пальцем шевельнул без ее непосредственных приказаний. А потом, у них не было Габиных связей с пузырями.

Но самой Габи никто ничего делать не приказывал. Вся ее работа выполнялась по контракту, и с оплатой вперед. В мире, где всяк сверчок знал свой шесток, Габи подыскала шесток и себе.

Тут она обернулась на стук титанидских копыт. Псалтерион возвращался с ее вещами. Вещей было немного; все, в чем Габи нуждалась или ценила настолько, чтобы таскать с собой, вполне умещалось в небольшой туристский рюкзачок. А вообще-то она больше всего ценила друзей и свободу. Или — свободу и друзей. Псалтерион

(Диезное Лидийское Трио) Гобой был из числа последних. Причем ближайших. Уже десять лет они странствовали неразлучно.

— Шеф, тебе звонят.

Остальные навострили уши, и даже Псалтерион, ко всему, казалось, привыкший, был явно смущен. Он передал Габи радиосемя, на первый взгляд совершенно стандартное. Отличие состояло лишь в том, что это семя соединяло с Геей.

Габи взяла семя и отошла в сторону от отряда. Стоя на отдалении в небольшой рощице, она какое-то время негромко переговаривалась с богиней. Титанидам не слишком хотелось услышать, что намеревается сказать Гея — новости о делах божеских как правило не из приятных, — но они не могли не отметить, что некоторое время после разговора Габи стояла молча и не торопилась назад.

— Готов ты навестить Фонотеку? — наконец спросила она у Псалтериона.

— Разумеется. Что, спешно?

— Да не особенно. Рокки уже целый килооборот нигде не объявлялась. Ее Милость желает, чтобы мы нашли ее и дали знать, что Карнавал уже на носу.

Псалтерион помрачнел.

— А Гея не сказала, в чем может быть загвоздка?

Габи вздохнула.

— Сказала. Придется на время превратить Фонотеку в вытрезвитель.

ГЛАВА X
Фонотека

Титаниды обладали явно избыточной силой. Из всех обитателей Геи лишь они казались недостаточно приспособленными к своей родине. Дирижабли, или пузыри, были в точности такими, какими они и должны были быть, чтобы жить там и так, где и как они жили. Все в них было функционально настолько, насколько, к примеру, функционален был их страх огня. Ангелы были так близки к невозможности, что их сотворение просто не оставило Гее места проявить обычную игривость своей фантазии. Ей пришлось рассчитать их вес с точностью до долей грамма и подчинить всю конструкцию восьмиметровому размаху крыльев, а также мышцам, необходимым для управления ими.

Титаниды безусловно представлялись равнинными животными. Тогда зачем было прививать им навыки лазания по деревьям? Их нижние тела были конскими — хотя и парнокопытными, — и при пониженной гравитации Геи им вполне можно было сделать ноги еще стройнее,

чем у любого чистокровного арабского жеребца. А Гея вместо этого одарила их задами першерона, щетками над копытами клайдсдейла. Их спины, холки и бока буквально раздувались от мышц.

Выяснилось, однако, что из всех обитателей Геи лишь титаниды способны переносить земную гравитацию. Они стали послами Геи к человечеству. Возраст расы титанид составлял менее двух столетий, поэтому становилось очевидно, что сила титанид не случайна. Гея все рассчитывала загодя.

И для поселившихся в Гее людей здесь оказалась неожиданная выгода. Прогулочный аллюр титаниды полностью исключал тряску, которая неизменно связывалась с земными конями. При низкой гравитации титаниды могли двигаться подобно облакам, тела их поддерживали постоянную высоту за счет легких касаний копытами. Езда выходила такая гладкая, что Габи даже могла спать. Так она часто и делала — так она сделала и сейчас, склонившись на спину Псалтериона и свесив ноги по сторонам.

А пока она спала, Псалтерион взбирался по извилистой тропе в горы Астерия.

Приятель Габи был прелестным существом голокожего типа, окрашенным в цвет молочного

шоколада. Длинная грива оранжевых волос, что росли не только на скальпе, но и на шее, и на части спины, заплетена была в длинные косички, подобно роскошным волосам хвоста. Как и у других представителей своего вида, человеческий торс и лицо у Псалтериона были откровенно женскими. На безбородом лице лучились крупные, широко расставленные глаза с необычно длинными ресницами. Конические груди были крупными даже для титанид. Но между передних ног висел пенис, который всем землянам всегда казался слишком уж человеческим. Другой пенис, куда крупнее, располагался меж задних ног, а под роскошным оранжевым хвостом таилось влагалище. Но, как уже говорилось, пол титаниды определялся передним органом. Псалтерион был самцом.

Тропа, по которой он следовал через лес, изрядно заросла лозой и свежими побегами, но временами можно было убедиться, что некогда она была никак не уже нормальной автострады. На прогалинах видны были участки растрескавшегося асфальта. То была часть Кружногейского шоссе, построенного шестьдесят лет назад. Но для Псалтериона оно было здесь всегда — бесполезное, редко используемое, медленно

рассыпающееся.

Наконец он добрался до плато Аглаи, Нижних Туманов. Вскоре он уже миновал Туманы и поскакал вдоль Аглаиного озера с виднеющейся на отдалении Талией. Затем он взобрался в Срединные Туманы, затем — к Евфросине и в Верхние Туманы. Здесь Офион ненадолго вновь становился рекой, прежде чем войти в систему двухкамерного насоса, который поднимал его к Полночному морю.

Не доходя до них, Псалтерион повернул на север и вихрем помчался вдоль небольшой горной речушки. Затем переправился по стремнине и начал подъем. Довольно продолжительное время он уже был в Рее, ибо сектора Геи четких границ не имели. Поездка началась в центре сумеречной зоны между Гиперионом и Реей — этой туманной области меж дневным светом первого и вечной лунной ночью второй. Теперь Псалтерион все углублялся и углублялся в ночь. Где-то на средних склонах гор Астерия он окончательно ее достиг. Впрочем, рейская ночь особых проблем с видимостью не доставляла; во-первых, титаниды прекрасно видели в темноте, а во-вторых, здесь, пока еще невдалеке от границы, по-прежнему хватало света, отраженного равнинами Гипе-

риона.

Псалтерион одолевал горный склон по узкой, но вполне различимой тропе. Серией альпийских перескоков он проделал путь через два перевала и оказался в глубоких долинах по другую сторону гор. Отвесные и скалистые Рейские горы имели склоны в среднем по семьдесят градусов. Высокие деревья здесь уже не росли, но землю обтягивали лишайники настолько плотные и гладкие, что она напоминала бильярдный стол. Тут и там попадались широколистные кустарники. Корни этих растений уходили в живую скалу и могли достигать полукилометра, прежде чем доставали до вскармливающего тела Геи — истинного костяка этих гор.

Вскоре Псалтерион увидел вздымающийся меж двух пиков маяк Фонотеки. Завернув за поворот, он оказался перед пейзажем, уникальным даже для Геи, которая сделала своим хобби создание всевозможных странностей и причуд.

Меж двух пиков — очерченных не менее резко, чем Маттергорн, — протянулась узенькая седловина земли. Поверхность ее была плоская, а по обе стороны располагались бездонные пропасти. Плато называлось Мачу-Пикчу — в честь схожего места в Андах, где инки построили каменный

город прямо в облаках. Единственный лучик солнечного света необъяснимо блуждал здесь, вырвавшись из потока, падавшего на отдаленную крышу Гипериона. Под острым углом он пронзал ночь, смачивая плато маслянистым золотом. Выходило так, будто солнце искало и находило себе отверстие с игольное ушко в иссиня-черных облаках.

На Мачу-Пикчу располагалось всего одно-единственное строение. Фонотека представляла собой двухэтажный деревянный дом, побеленный известью и крытый зеленой дранкой. Оттуда, где остановился Псалтерион, домик казался игрушечным.

— Шеф, мы на месте, — пропела титанида. Габи села, протирая глаза, затем повернулась и воззрилась на долину Сирокко.

— «Взгляни на труды мои, о Всемогущий, и воспечалься», — пробормотала она. — Соль в том, что у этой девки неладно с головой. Надо бы ей проветриться. И кто-то должен ей это сказать.

— Ты уже говорила, — заметил Псалтерион. — Когда мы в прошлый раз здесь были.

— Да. Говорила. Что я говорила? — Габи вздрогнула. Воспоминания по-прежнему угнетали. — Ты давай двигай. Нечего зря болтать.

Псалтерион взобрался по тропе к узкому перешейку, что вел к Мачу-Пикчу. Там, над бездонной пропастью у плато, простирался подвесной мост из дерева и веревок. Мост этот можно было срубить несколькими взмахами топора, лишая твердыню Сирокко любого доступа, кроме воздушного.

По ту сторону моста сидел молодой человек в альпинистских ботинках и униформе цвета хаки. Исходя из мрачного выражения его лица, Габи заключила, что перед ней — очередной из бесконечной процессии кавалеров, что из года в год пускались во все тяжкие с единственной надеждой — покорить загадочную и одинокую Фею Титана. Впрочем, когда они прибывали, то неожиданно для себя обнаруживали, что не особенно загадочная Фея не так уж и одинока — у нее всегда было три-четыре любовника. А самое досадное — что ее совсем нетрудно было покорить. Если молодого человека мало волновало присутствие публики, то лечь с Феей в постель было раз плюнуть. А вот просто так взять и уйти было куда сложнее. Сирокко имела обыкновение опустошать души мужчин, а если души эти оказывались слишком мелки, она в них вообще больше не нуждалась. Такое продолжалось уже семьдесят

лет. Одно это придавало ей очарование. Однако семьдесят лет сексуальной практики сделали Фею сверхъестественно искушенной — далеко за пределами опыта всех молодых людей вместе взятых. Они мгновенно в нее влюблялись, а когда из-за этого неизбежно становились несносны, она просто давала им коленом под зад. Габи называла таких Потерянными парнишками.

Преодолевая мост, Габи подозрительно присматривалась к очередному Потерянному парнишке. Известно было, что эта публика склонна с горя бросаться в пропасть. Она решила, что и этот попытается, когда в ответ на ее выразительный жест в сторону тропы к Титанополю и осколкам прежней жизни, парнишка лишь горько усмехнулся.

Габи спрыгнула со спины Псалтериона, когда тот оказался рядом с широкой входной верандой. В высокие двери дома, рассчитанные также и на титанид, никто не должен был входить, не будучи приглашен самой Феей. Габи одним прыжком легко одолела четыре ступеньки до веранды и уже взялась было за латунную дверную ручку — но тут заметила, что с подвешенного на веранде гамака болтается рука. Меж боковых перекладин каркаса разглядела она и босую ногу. Все осталь-

ное было накрыто грязной титанидской попоной, по виду очень напоминавшей серапе.

Стоило Габи стянуть попону, как перед глазами у нее оказался открытый рот Сирокко Джонс, бывшего капитана Межпланетного космического корабля «Укротитель», а ныне Феи Титана, Задоматери всех титанид, командира Стальной Эскадрильи Ангелов, адмирала Великого Флота Дирижаблей: легендарной Сирены Титана. Мало чем отличаясь от трупа, Сирокко уже трое суток давала храпака.

Габи не смогла скрыть выразившегося у нее на лице отвращения. Она была близка к тому, чтобы вообще пойти отсюда куда глаза глядят; затем лицо ее постепенно смягчилось. Призрак былой любви порой возвращался к ней, когда она видела Сирокко в таком безобразии. Она отвела со лба спящей женщины копну спутанных темных волос и была вознаграждена взрывом храпа. Руки слепо зашарили, ища попону, и Фея повернулась набок.

Габи обошла гамак и взялась за самый низ. Потом резко дернула вверх. Пронзительно скрипнули цепи. А ее бывшая начальница скатилась со своей лежанки и с деревянным стуком грохнулась на пол.

ГЛАВА XI
Пурпурный карнавал

Гиперион многими считался прелестнейшим из всех двенадцати регионов Геи. Хотя на самом деле немногие попутешествовали столько, сколько требуется для обоснованного сравнения.

Впрочем, Гиперион и вправду был прекрасен: земля мягкая и плодородная, омытая пасторальным светом вечного дня. Не высилось там никаких зазубренных гор, зато текло множество рек. (О Гиперионе всегда говорили в мужском роде, хотя ни один из регионов Геи не относился ни к роду мужскому, ни к роду женскому. Свои имена они получили в честь титанов, первенцев Урана и Геи.) Прежде всего там протекал Офион — на большей своей части широкий, мутный и медленный. В него впадали девять главных притоков. Их назвали в честь девяти муз. К северу и к югу земля постепенно приподнималась, как и во всех регионах Геи, пока не заканчивалась утесами трех километров высотой. На вершинах утесов располагались относительно узкие полки, известные как нагорья. Здесь можно бы-

ло увидеть животных и растения, оставшиеся неизменными со времен юности Геи. Земля там продолжала подниматься, пока не наступал момент, когда скалистому панцирю уже не за что было держаться. На свет выступало нагое тело Геи, поднималось еще выше, делалось вертикальным, а затем загибалось и нависало над оставшейся внизу землей, полностью накрывая ее прозрачным окном для пропуска солнечного света. Воздух на такой высоте холодным не был, зато холодными становились стены. Скапливавшиеся там водяные пары замерзали, образуя толстую ледяную полоску. Она постепенно обламывалась, разбиваясь о склоны нагорья, таяла, стекала вниз узкими каскадами, выбрасывалась с высоких утесов и продолжала мирное течение в реках Муз. В конце концов, как все и вся, воды эти стекались в объединяющем токе Офиона.

Западные и срединные земли Гипериона затянуты были дремучими лесами. На некоторую часть своей длины Офион становился скорее озером, нежели рекой, вытягивая палец болот от места крепления центрального вертикального троса на северо-восток. Однако большую часть поверхности Гипериона покрывали прерии — то была земля покатых холмов, просторного неба

и растительности, очень похожей на янтарные волны хлебов. Звалась эта земля Титанидскими равнинами.

«Хлеба» росли, как им нравилось, титаниды — тоже. Они владели своими равнинами, не насилуя их. Отстраивались они мало, предпочитая пасти всевозможных животных, приспособленных к тому, чтобы сосать молоко Геи. Серьезных соперников в борьбе за жизненное пространство у них не было, естественных врагов — тоже. Переписей населения никогда не проводилось, но цифра в 100 000 представлялась довольно близкой. Будь их 200 000, земля была бы существенно перенаселена. Цифра же в полмиллиона неминуемо означала бы голод.

Гея скопировала титанид с человеческих созданий. Они любили своих детей, которых, между прочим, не нужно было учить ходить и разговаривать — и которые, следовательно, требовали куда меньше заботы, чем человеческие младенцы. Титанидский ребенок был полностью независим в возрасте двух земных лет, а в возрасте трех — уже достигал половой зрелости. Едва дитя покидало родовое гнездо, родитель тут же стремился завести следующее.

Детей могли иметь все титаниды без исклю-

чения.

Причем все без исключения титаниды хотели иметь детей — и чем больше, тем лучше. Детская смертность была низкой — немногие болезни, несчастные случаи. А продолжительность жизни — весьма высокой.

Такое соотношение вполне могло бы привести к катастрофе. Но, тем не менее, титанидское население держалось на одном уровне уже семьдесят лет, и причиной тому был Пурпурный Карнавал.

Реки Гипериона — Офион и Музы — делили землю на восемь участков, известных как Ключи — районы свободного самоуправления, аналогичные земным графствам. Границы Ключей существенного значения не имели. Любой мог в любое время перейти из одного Ключа в другой. Но титаниды, не испытывая особой тяги к путешествиям, предпочитали жить там, где родились. Самым важным подразделением внутри рода титанид были аккорды, несколько напоминавшие человеческие расы. И, подобно представителям различных человеческих рас, представители различных аккордов могли свободно между собой скрещиваться. Правда, в отличие от людей, у титанид не было расовой неприязни. Всего было девяносто четыре четко разделенных аккорда.

Они жили бок о бок, распространяясь на все восемь Ключей Гипериона.

Крупнейший Ключ Гипериона ограничивался реками Талией, Мельпоменой, а также направленным к югу изгибом Офиона. То был Ключ Ми, и именно в нем находились Титанополь и Место Ветров. К югу от него располагался Ключ Ре минор; к западу — До-диез и Фа-диез минор.

В двадцати километрах к северу от Титанополя, в Ключе Соль, высилась одинокая скала, что располагалась меж болотом и широкой, плоской равниной, окольцованной невысокими холмами. Скала эта звалась Амарито-Рока. Она составляла 700 метров в вышину и примерно столько же в ширину. Отвесные ее склоны были, впрочем, вполне доступны для подъема. Амарито-Рока рухнула сюда невесть откуда во время Океанического бунта множество мегаоборотов тому назад. Кратероподобная область, над которой она возвышалась, получившаяся, когда Амарито-Рока подпрыгнула, прежде чем осесть, была известна как Грандиозо.

Раз в каждые десять килооборотов — 420 земных дней, период, также нередко именуемый Гейским годом, — титаниды всех Ключей Гипериона шумными, цветастыми караванами

стекались к Амарито-Рока, прихватывая с собой столько провизии, чтобы с лихвой хватило на длящееся два гектаоборота празднество. Чуть ли не весь Титанополь сворачивался. Титаниды складывали свои палатки, оставляя туристов самих заботиться о себе. В поход направлялись все до единой титаниды, но что до людей, то грандиозный фестиваль могли посещать лишь местные жители и паломники.

Пурпурный Карнавал был главным событием в жизни всех титанид, одновременно совмещая в себе Рождество, Марди Грас, Чинчо-де-Майо и Тет в одном поразительном празднестве — как если бы все народы Земли вдруг собрались вместе ради недели возлияний и пения.

То было время отчаянной радости и горьких разочарований. Мечты, взлелеянные еще десять кило-оборотов назад, могли дать урожай на очередном Пурпурном Карнавале. Чаще всего мечты эти так мечтами и оставались. Толпам, запрудившим Грандиозо в первый день Карнавала, очень скоро предстояло отсеяться до немногих избранных, а караваны, уходящие в последний день, были куда более подавлены, чем те, что со смехом и песнями прибывали в первый. Но отчаяния никто не выказывал. Кто-то находил, кто-то

терял — все зависело от того, как повернется Гея.

Приз, который разыгрывался в чаше Грандиозо, заключался в праве зачать ребенка.

Начинался Пурпурный Карнавал с переложения марша в ключе Ми, исполняемого Первоклассным маршевым оркестром, численностью в 300 титанид. На сей раз это был марш «На параде» Джона Филипа Соузы. Робин, расположившаяся на выступе в пятидесяти метрах вверх по красно-бурой стене Амарито-Роки, понятия не имела о том, чему ей предстоит стать свидетельницей. Она выслушала первые Такты — сольный вызов трубы, исполненный потрясающей четкости, затем покрепче ухватилась за скалу, когда вступил весь оркестр — фортиссимо, с тремя нотами нисходящей гаммы, что пропали, казалось, еще не зазвучав, но которые, тем не менее, обладали чистотой и объемом, близкими к подлинному чуду. Воздух все дрожал, словно сам изумленный тем, что взрастил в себе такое совершенство. Затем труба повторила свою удивительно четкую фразу — затем лишь, чтобы ее снова поглотило вступление множества духовых — и на сей раз по-настоящему.

Первоклассный оркестр и слыхом не слыхивал ни о какой униформе. О дирижере, между

прочим, тоже. Первую они терпеть не могли, а во втором просто не нуждались. В оркестровой музыке — музыке, записанной для строгого исполнения, — все, в чем нуждалась любая титанида, были лишь ритмические взмахи руки или хвоста. Все остальные было зафиксировано на бумаге и представлялось в точном соответствии с записью — столь же идеально в первый раз, что во все последующие. Титаниды никогда не нуждались в репетициях. Они изобретали и мастерили свои собственные инструменты, могли играть на любой трубе, скрипке, барабане и любых клавишных после пятиминутного ознакомления. Более того, они сами сработали несколько подобных инструментов.

Музыка заворожила Робин. Для музыкантов оркестра это было серьезнейшее достижение, хотя они о нем и не подозревали; Робин никогда не любила маршевую музыку, связывая ее с алчными милитаристскими парадами, с агрессией и солдатчиной. Благодаря титанидам, она теперь увидела все ее богатство, всю ее яркую, звонкую жизненность. Растирая гусиную кожу на руках, Робин подалась вперед, буквально впитывая в себя каждую ноту.

Такое празднество было ей очень понятно. В

воздухе висело некое обещание, живое возбуждение, казавшееся столь несравненным на вкус. Робин почувствовала эту атмосферу даже раньше, чем столкнулась с облаком пыли, сопровождавшим титанидскую колонну на пути к Грандиозо, почувствовала вопреки все еще не прошедшему потрясению от полета, от встречи с ангелом, от своей долгой беспомощности на берегах Офиона. Шествовавшие на празднество титаниды безоговорочно приняли ее в свои ряды. Невесть откуда всем было известно, что она паломница, хотя сама Робин сильно сомневалась в обретении ею подобного статуса. Тем не менее, титаниды завалили ее дарами из лакомств, питья, песен и цветов. Они несли Робин на своих спинах, где ей пришлось делить соседство с седельными вьюками и мешками с провизией, везли ее на своих фургонах, которые скрипели и покачивались под непомерными грузами. Робин недоумевала, что же такое, во имя Великой Матери, можно перевозить на прочных двенадцатиколесных фургонах, влекомых упряжками от двух до двадцати титанид, чтобы те едва не рассыпались на части.

Теперь, оглядывая чашу Грандиозо, Робин решила, что догадывается о содержимом фургонов. Добрую часть груза наверняка составляла декора-

тивная бижутерия. Совершенно голые, титаниды порой сверкали будто неоновый калейдоскоп. Впрочем, для титаниды любой блеск был недостаточен. Даже в городе, по самым обычным будням, они таскали на себе в среднем кило всяких браслеток, камушков, ожерелий и колокольцев. Голую кожу они размалевывали во все цвета радуги; волосы же подкрашивали, заплетали в косички, выбеливали. Они протыкали свои длинные уши, ноздри, соски, губы, крайнюю плоть — и носили там все, что блестело или бренчало. Они также сверлили дырки в своих адамантовых копытах — прозрачных и красных будто рубины — и вставляли туда драгоценные камни контрастных цветов. Редко можно было встретить титаниду без вплетенного в волосы или заткнутого за ухо свежего цветка.

Но все это, очевидно, было лишь прелюдией. В пору Пурпурного Карнавала титаниды срывались с цепи и украшались до невозможности.

Музыка достигла грохочущей кульминации — и вдруг исчезла, хотя и осталась вториться в скалах. Робин подумалось, что существу столь живому, как этот звук, нельзя позволить умереть — и что он на самом деле не умер. Оркестр рванул «Государственный герб», сочинение И. И. Бегли. С

этого момента перерывов в музыке уже не стало.

Однако во время краткой паузы Робин успела заметить, что кто-то собирается к ней присоседиться. Вмешательство ее раздосадовало — наверняка придется разговаривать с этой женщиной в поношенных кожаных ботинках, в зеленых штанах и рубашке. А ведь она только-только приготовилась хорошенько послушать. Может, лучше уйти? Но как раз в этот момент женщина подняла голову и улыбнулась. На лице у нее, казалось, было написано: «Можно я с тобой?» Робин кивнула.

Женщина определенно была сноровиста. Работая руками, она мигом одолела участок скалы, на подъем по которому у Робин ушло минут десять.

— Привет, — сказала она, садясь рядом с Робин и свешивая ноги с полки. — Надеюсь, я не очень помешала?

— Да ладно. — Робин все еще следила за оркестром.

— На самом деле они, конечно, не маршируют, — заметила женщина. — Музыка так их возбуждает, что они уже неспособны попадать в ногу. Если бы Соуза на них посмотрел, завопил бы как резаный.

— Кто-кто?

Женщина рассмеялась.

— Ты только титанидам такого вопроса не задавай. Джон Филип Соуза у них в хит-параде где-то между сексом и добрым вином. И будь оно все проклято, если они своим исполнением даже меня не заставляют его полюбить.

Робин не определила бы правильной маршировки даже если бы ее увидела — и не слишком об этом беспокоилась. Ее вполне устраивали титанидские подскоки и пританцовывания. Соуза — это, наверное, тот, кто написал этот марш, решила она. Это, впрочем, тоже было неважно. Женщина сказала, что музыка трогает ее вопреки всему — то же самое происходило и с Робин. Она повернула голову, чтобы получше разглядеть свою соседку.

Женщина оказалась ненамного выше Робин, и это ее порадовало. С тех пор как Робин прибыла на Гею, ей уже попалось слишком много гигантов. Лицо женщины в профиль выглядело безмятежным, овеянным какой-то странной невинностью, которая противоречило тому, как она владела своим телом. На вид она была всего несколькими годами старше Робин, но та почему-то решила, что это вовсе не так. Светло-коричневый цвет ее гладкой кожи наводил на мысль о загаре. Сейчас,

когда женщина сидела на полке, двигались только ее глаза. И глаза эти явно ничего не упускали. Сидела она так расслабленно, что казалась вообще без костей; но то была иллюзия.

Позволив Робин достаточное время себя поразглядывать, женщина слегка повернула голову и резко переключила внимание. Глаза ее улыбнулись раньше губ, а когда губы подоспели, под ними обнажились ровные белые зубы. Она протянула руку, и Робин ее пожала.

— Меня зовут Габи Мерсье, — сказала женщина.

— Да объединит нас священная менструация… — Глаза Робин широко распахнулись.

— Как, меня еще помнят в Ковене? Быть не может. — Ее улыбка сделалась еще шире, она еще сильнее сжала руку Робин. — А ты наверняка Робин Девятипалая. Я тебя весь день ищу.

ГЛАВА XII
Брачный выбор

Крис прочухался в самой середине пляски. Работая на каком-то механическом уровне, тело его продолжало двигаться — и двигалось оно те несколько секунд, которые потребовались Крису, чтобы его остановить — в тот самый миг, когда сзади на него наскочила здоровенная голубая титанида. На лице у Криса застыла дурацкая ухмылка. Он поскорей от нее избавился.

Но тут кто-то ухватил его за локоть и вытащил из рядов танцующих. Развернувшись, Крис уткнулся лицом прямо в груди еще одной титаниды.

— Я же сказала — надо идти немедленно, иначе я опоздаю на смотр, — сказала она и опустила свою крупную руку в непонятном жесте. Когда Крис никак на это не отозвался, она пригладила другой рукой свои длинные розовые волосы и вздохнула. — Ну ступай же сюда, Крис! Поехали!

Что-то заставило его поднять босую ногу и поставить ее титаниде на ладонь. Назовем это призрачным рефлексом, сказал себе Крис. Тело

помнило ту операцию, которую сознание уже успело забыть. Все вышло как надо. Титанида подняла руку, ухватившись за ее плечи, Крис уселся ей на спину. Кожа ее была безволосой, преимущественно желтой, но испещренной бурыми пятнышками наподобие спелого банана. Голыми ногами Крис чувствовал нормальную температуру и текстуру кожи титаниды — совсем как человеческая, только натянута на другой каркас.

Титанида наклонилась и одной рукой обняла Криса за плечи. Большие миндалевидные глаза ее блестели от возбуждения. К вящему изумлению Криса, она смачно поцеловала его в губы. Губы титаниды были так велики, что он показался себе шестилетним ребенком.

— На счастье, любимый. Партнеры и форма у нас уже есть. Теперь нужна только удача. А это ты, мой ненаглядный. — Титанида радостно взвыла, взбрыкнулась и бросилась в неистовый галоп. Крис едва успел ухватиться за ее талию и повиснуть.

Откровенно говоря, происходящее не было так уж для него непривычно. Множество раз он прочухивался от амнезии прямо на бегу или в полушаге — так что Крису часто казалось, что он уже готов чуть ли не ко всему.

Ко всему. Но только не к такому.

Весь мир вокруг был полон яркого солнечного света, пыли, титанид, палаток и музыки. Особенно музыки. Прокатывались целые ее волны, где было нечто, явно сочиненное людьми, но еще больше того, что принадлежало самим титанидам. По всему из этого полагалось выйти законченному акустическому безумию — но ничего такого не было и в помине. Каждая группа прекрасно осознавала, что в этот самый миг делают соседние. Импровизация при этом получалась воистину виртуозная. Группы подыгрывали друг другу, принимали темы, перерабатывали и возвращали для дальнейшего улучшения — более стройные, более благозвучные. Крис с титанидой летели сквозь целые музыкальные семейства: рэгтайм рядом с кекуоками, шаффл рядом со свингом и девятнадцатью разновидностями прогрессивного джаза — каждое как бы с кармашком, откуда время от времени вынималась толика нечеловеческой странности — то ли приглушенная, то ли проясненная.

Какая-то часть этой музыки была Крису просто недоступна. В лучшем случае он мог подумать — да, занятное было бы дело, будь музыка такой. Виды же музыки, которыми располагали зем-

ляне, представлялись при этом лишь уголком театра, всего-навсего подмножеством единого музыкального разнообразия. Одна тема, услышанная Крисом, состояла просто из длительных нот, сгруппированных по три-четыре, где каждая группа располагалась в нескольких периодах от тоники. Титанидам удавалось обращать результирующие ритмы, разницу и совокупные тоны в музыку — и только в музыку!

Продвижение по сумятице Пурпурного Карнавала напоминало вояж по внутренностям 50000-канального саунд-микшера с живой электроникой. Казалось, некая Главная Титанида управляет громадной панелью с переключателями, выделяя тут, приглушая там, выбирая одну мелодическую линию, чтобы она почти тут же пропала и сменилась следующей.

То и дело что-то продевалось в адрес его спутницы. (Или вернее назвать ее своей ездовой лошадью? Или конем?) Она обычно махала рукой и отвечала краткой песнью. Затем одна из титанид крикнула по-английски:

— Что это ты везешь, Валья?

— Надеюсь, клевер с четырьмя листиками, — крикнула в ответ Валья. — Мой пропуск к материнству.

Хорошо хоть, теперь Крис знал, как ее зовут. А то выходило так, что она его знает, причем чуть ли не как облупленного, а он нет. — Наверняка она ожидает, что и Крис с нею, по крайней мере, знаком. И уже в сто первый раз он задумался, чего же такого он успел натворить. И что его теперь ждет.

Местом их назначения оказался кратер с выветренными стенами, примерно полкилометра в диаметре. Крис принялся шарить в уме в поисках названия, которое вертелось где-то совсем рядом, и наконец выплыло: «Грандиозо». Дурацкое название — и тем не менее оно казалось верным, как это часто бывало после очередного эпизода. Скала, что возвышалась на краю кратера, тоже имела название, но его Крис вспомнить не мог.

С края Грандиозо он сумел оглянуться и разглядеть лагерь титанид — дикую перебранку, подобную настройке тысяч инструментов, безумное многоцветье, от которого по воздуху отплывала большая пыльная слива.

Внутри чаши оказался совсем другой мир. Там тоже хватало титанид, но они были весьма далеки от анархического разгула тех, что остались снаружи. Покрывающий Грандиозо коврик зеленой травы размечен был решеткой белых линий.

Титаниды разбились на небольшие группки, не более четырех на квадрат — будто фишки в какой-то настольной игре. В некоторых квадратах были возведены довольно затейливые, но временные на вид строения, похожие на цветочные плоты. Другие квадраты были почти что голые. Войдя в лабиринт, Валья миновала три квадрата, потом еще семь. Наконец, она присоединилась к двум другим титанидам в квадрате, сравнительно скромно украшенном цветочными венками и набором отполированных камушков. Все это образовывало некий узор, вид которого Крису ничего не говорил.

Валья представила его остальным, причем имя его при этом прозвучало как Фартовый Мажор. Интересно, чего он ей такого наболтал? Одна из двух других титанид была самкой по имени Гитара (Лидийское Трио) Прелюдия. Последним же был самец с более чем странным именем Хичирик (Фригийский Квартет) Мадригал. Валья, как понял Крис, тоже принадлежала к аккорду Мадригал. Их отличала желтая кожа и волосы будто из «сахарной ваты». Ее среднее, заключенное в скобки, имя было Эолийское Соло. Крис сообразил, что эти средние имена титанид указывают на происхождение. Но дальше начинался просто

темный лес.

— Значит, вот это?.. — Крис намеренно оборвал фразу, надеясь таким образом сохранить тайну своего полного невежества в этом вопросе. Он обвел рукой белые линии, камушки и цветы. — Так про какую форму ты говорила?

— Двухбемольное Миксолидийское Трио, — ответила она, явно нервничая. Видно, не хотелось ей болтать о чем попало, тем более, что все это, наверное, уже обсуждалось раньше. — Вот там на табличке все нарисовано. Понимаешь, на самом деле все, конечно, не так — в музыкальном отношении Двухбемольное Миксолидийское Трио — полная бессмыслица; это просто набор английских слов, которым мы пользуемся, чтобы заменить те слова, которые вам не пропеть. Да, кажется, я не говорила, но это значит, что Гитара была передоматерью, а Хичирик — передоотцом. Если дело выгорит, Гитара будет задоотцом.

— А ты — задоматерью, — уверенно заявил Крис.

— Верно. Они сделали яйцо, и Гитара вставит его мне.

— Яйцо, значит.

— Ага. Вот оно. — Валья сунула руку в сумку — как же удобно иметь такой вшитый карман,

подумалось Крису, — и бросила ему какую-то штуковину размером с мячик для гольфа. Он чуть было эту штуковину не уронил, а Валья только расхохоталась.

— У него нет скорлупы, — сказала она. — Но разве ты такого раньше не видел? — Она слегка нахмурилась.

Крис и понятия не имел. Яйцо было крепкое на ощупь, явно твердое. Идеальный шар — бледно-золотистый с бурыми пятнами наподобие отпечатков пальцев. В его прозрачных глубинах виднелись молочно-белые области. Кроме того, на яйце была отпечатана целая строка титанидских букв.

Крис вернул яйцо Валье, затем взглянул на табличку, про которую она уже упоминала. Десятисантиметровая металлическая пластинка лежала прямо на земле. На ней изображались всякие значки и черточки.

— Буква Ж означает женский род, — сказал кто-то у него за спиной. Обернувшись, Крис увидел беседующих между собой двух землянок. Обе были низенькие и довольно симпатичные. У той, что пониже, на лбу был нарисован зеленый вытаращенный глаз. На руках и ногах заметны были части других рисунков. Выглядела она

очень молодо. Голос другой, той, что потемнее, показался ему знакомым. Он не смог определить ее возраст, хотя выглядела она вроде бы от силы на тридцать с хвостиком.

— А М, понятное дело, — мужской. Звездочка справа означает полуоплодотворенное яйцо, произведенное передоматерью, а стрелочка, идущая от нижнего ряда, демонстрирует первичное оплодотворение. Таким образом, перед тобой оказывается Двухбемольное Миксолидийское Трио, где, стало быть, передоматерь является также задоотцом. Миксолидийские ансамбли требуют непременного участия двух самок, если не считать Эолийских Дуэтов, где весь ансамбль — женский. Лидийские формы включают в себя одну самку и одного, двух или трех самцов, а Фригийская форма, из которой получается только квартет, включает в себя трех самок и одного самца, который становится передоотцом.

Крис отошел в сторонку, когда та из женщин, что пониже, наклонилась повнимательнее разглядеть табличку. Ему теперь хотелось выяснить, как он сам в эту картинку вписывается. Причем выяснить это было желательно простым подслушиванием чужих бесед. Такой тактикой он успешно пользовался в прошлом после провалов

в памяти; более того, подобная тактика вообще была популярна среди людей с помрачениями рассудка, почти универсальным желанием которых всегда оставалось скрыть всю глубину своего несчастья.

Наконец женщина выпрямилась и вздохнула.

— Все-таки я, кажется, что-то упустила, — сказала она с легким акцентом, происхождение которого Крису определить не удалось. Она указала на Криса, будто тот был мраморной статуей. — А он-то здесь каким боком?

Женщина постарше рассмеялась.

— Вот этот? Да никаким. По крайней мере в Миксолидийском Трио. Есть только две формы, куда включаются люди — Дорийская и Ионическая, — но сегодня здесь таких вообще нет. Их редко увидишь. Нет, раз уж на то пошло, то он — часть декорации. Идол плодородия. Счастливый талисман. Титаниды на Карнавале страшно суеверны.

Говоря все это, женщина не сводила с Криса пристального взгляда — и вот глаза их впервые встретились. Казалось, она что-то искала, а не найдя, улыбнулась. Потом протянула руку.

— Я, впрочем, не думаю, что ты все еще талисман, — сказала она. — Меня зовут Габи Мерсье.

Надеюсь, я тебя не оскорбила.

Криса удивила сила ее рукопожатия.

— Меня зовут…

— Крис Мажор. — Она снова рассмеялась. Смех ее был совершенно невинен, и ничего неладного Крис в нем заподозрить не смог. — Хотя зря я сказала. Теперь ты наверняка сообразил, что я кое-что о тебе знаю. Впрочем, раньше мы не встречались.

— А мне кажется… хотя нет, ничего. — Крис подумал, что имя ему знакомо, но раз она сказала, что они не встречались, он решил эту тему не поднимать. Если он всерьез займется прояснением похороненного у него в голове опыта, ему вообще больше никогда ничего не сделать.

Габи, словно читая его мысли, кивнула.

— Вот-вот. Я тебе потом больше расскажу. Увидимся. — По-прежнему улыбаясь, она помахала ему пальцами правой руки и вернулась к своей спутнице. — Воспринимай верхний ряд знаков как одну титаниду, — продолжила она объяснения. — Задние ноги слева, голова справа. Верхний ряд представляет самку: влагалище сзади, пенис в середине, еще одно влагалище между передними ногами. Второй ряд также самка, а третий ряд — самец. Теперь понятно? Верхний ряд — пе-

редомать и задоотец, средний ряд — задомать, нижний ряд…

— Что это она тебе говорила?

Крис обернулся и увидел встревоженную Валью.

— А я-то что тебе говорил?

— Что ты страшно удачлив и что ты… так значит, это неправда? — Глаза ее округлились, и она приложила ко рту ладонь.

— Похоже, временами я бываю страшно удачлив, — сказал Крис. — Хотя полагаться на это не стоит. И еще я не помню, как мы познакомились, о чем говорили и что делали. У меня провал в памяти начиная с… пожалуй, последнее, что я помню, это разговор с Геей в большом зале в ступице. Извини. Я, часом, не давал никаких обещаний?

Но Валья вместо ответа вернулась к двум своим партнерам. Они соприкоснулись головами и запели сладкозвучную стонущую мелодию. Крис понял — они обсуждают, что делать дальше. Вздохнув, он огляделся в поисках Габи и ее спутницы, но они уже ушли далеко по ряду, направляясь к большой белой палатке, что стояла на краю смотрового поля.

Валья попросила Криса быть рядом, когда нач-

нется смотр. Она спросила, не приносит ли он несчастья, когда не безумен, и Крис сказал, что, скорее всего, нет. Ясно было, что три титаниды порядком расстроены и не знают, что делать. Крис подумал, что лучше бы ему смешаться с толпой, не обременяя их тем, что ему самому казалось сопровождавшим его черным облаком обреченности. С таким намерением он неспешно побрел по полю, изучая группировки титанид.

Теперь многое стало понятным. В каждом квадрате располагался ансамбль, целью которого было стать избранным для размножения. Ради этой цели титаниды формировали свои предложения в соответствии с собственными малопонятными Крису правилами. Они группировались по двое, по трое и по четверо, выстраиваясь согласно одной из двадцати девяти возможных форм деторождения, и у каждой группы уже имелось полуоплодотворенное яйцо — первая стадия титанидского сексуального менуэта.

Медленно бредя меж групп, Крис гадал, сколько предложений будет сегодня приведено в действие и кто принимает решения. Не требовалось больших прозрений, чтобы понять, что Гея — мир весьма ограниченный. Крис предположил, что, по мере индустриализации, Гея смогла бы

содержать много больше разумных существ, чем теперь, но и тогда предел был бы очень скоро достигнут. Отсюда следовало, что лишь очень немногому числу расположившихся на Грандиозо групп будет позволено разродиться. Крис попытался сделать максимально скромную прикидку о числе таких групп — и, как впоследствии выяснилось, перебрал аж впятеро.

Подобное соревнование всегда вызывает стресс, а стресс ведет к безрассудству. Будь титаниды людьми, Карнавал состоял бы из сплошных драк, но титаниды между собой не враждовали. Неудачники просто удалялись рыдать в одиночестве. После периода скорби они появлялись, чтобы напиваться до чертиков, танцевать и без конца болтать о следующем разе. Но до поражения они хватались буквально за все, украшая свои квадраты фетишами, амулетами и талисманами. На время они становились безумно суеверными, подобно игрокам на скачках или дикарям, что сознают свои статус жалких людишек, изо всех сил стараясь привлечь внимание всемогущего божества.

Для подкрепления своего запроса титаниды создавали целые витрины, стиль которых различался от барокко до минимализма. Крису попался

на глаза один дуэт, который возвел невысокую пагоду, украшенную битым стеклом, цветами, пустыми консервными банками и прекрасными керамическими вазами. Еще один квадрат был устлан белыми перьями, зачем-то окропленными кровью. Некоторые практиковали живые картины или краткие скетчи; другие жонглировали ножами, стоя при этом на задних ногах. Была там и предельно простая витрина, которую Крис нашел воистину неотразимой: на истертом сером камне лежало яйцо, а рядом были воткнуты прутик и два блеклых цветочка.

В одном из квадратов оказалась всего одна титанида. Крис вначале подумал, что остальная часть ансамбля просто еще не прибыла, но, изучив табличку предложения, оказался в полном недоумении.

Согласно Габиным объяснениям, каждый ряд представлял одну титаниду. Далее, табличка, судя по всему, указывала, что эта самочка намеревается быть своему ребенку передоотцом, передоматерью, задоотцом и задоматерью. Крис внимательно на нее взглянул. Титанида была прелестным созданием, сплошь покрытым снежно-белым пухом. На траве перед ее шишковатыми передними коленками лежало прозрачное зеле-

ное яйцо. Крис не смог удержаться от вопроса.

— Простите. Кажется, я просто не понимаю, как…

Титанида улыбнулась Крису, но и ее взгляд тоже выражал непонимание. Она пропела ему несколько нот, затем красноречиво пожала плечами и покачала головой.

Крис так и ушел от нее в совершенном недоумении насчет того, как она собирается все это проделать.

Он собирался улизнуть, но почему-то все еще болтался по полю, когда появившаяся из палатки Фея начала свой осмотр. Крису случилось быть неподалеку. И он решил еще немного понаблюдать.

Фея оказалась крупной женщиной — причем явно этого не скрывала. Держалась она прямо — плечи расправлены, подбородок приподнят. К светло-коричневой коже хорошо подходили волосы цвета красного дерева, свободно разлетавшиеся по сторонам от пробора посередине. Лоб слишком выдавался, нос был чересчур длинен, а скулы слишком широки. Короче, роль красавицы в голливудском фильме никто бы ей не предложил, но в движениях Феи чувствовалась сила. И еще было в ней что-то такое, что превосходило

обычную красоту. Ступая по земле босыми ногами, она очень классно выполняла походку для четверти *жэ,* которую Крис уже начал узнавать. Колени при такой походке почти не сгибались, а всю работу делали бедра. Получалось очень по-кошачьи и очень сексуально — хотя и не намеренно сексуально; просто так по Гее было проще всего ходить.

Он следовал за нею некоторое время, пока она ходила взад и вперед по рядам претендентов. Сопровождали Фею пара титанидских самцов из клана Кантаты: светлокожие, не считая голов, хвостов, предплечий и задних ног, а также настоящие великаны даже среди титанид. Один нес пюпитр; другой — золотой ларчик. Как пить дать — однояйцевые близнецы. На себе они носили только золотые браслеты и повязки на руках и ногах. Фея выглядела куда менее царственно. Единственным ее одеянием было потрепанное кирпично-красное одеяло с дыркой посередине, чтобы просунуть голову. Одеяло покрывало ее до колен. Руки терялись в складках, но, когда они показались наружу, Крис обратил внимание, что под одеялом у Феи ничего нет.

Фее явно были до лампочки белые линии на земле — и от одного квадрата к другому она

двигалась так, как ей было удобнее. Однако ее титанидская свита и несколько наблюдателей, в том числе и Крис, держались между квадратами. Один из Кантат следил, чтобы Фея не пропустила ни одной группы, вычеркивая квадраты на доске. Однажды он даже отозвал Фею, когда ее занесло не туда.

Многих титанид Фея знала лично. Частенько она останавливалась и пела с одними, обнимала и целовала других. Она медленно брела вперед сквозь группы, читала таблички и оглядывала титанид с ног до головы без всякого выражения на лице. Порой она останавливалась и, казалось, терялась в мыслях, затем начинала советоваться с помощником, что-то бормотала и двигалась дальше. В некоторых квадратах задавала одному или нескольким кандидатам вопросы.

Так она прошло всю группу, затем начала сызнова. Крису все это уже начинало надоедать. Он решил попрощаться и пожелать удачи Валье и ее компании.

— Где тебя носит? — прошипела Валья.

— Да правда же — ничего хорошего вам от меня не будет, — сказал Крис. Тут он заметил, что прелестное титанидское яйцо уложено у ног Вальи на горлышко бутылки из-под текилы. Он ткнул

пальцем в бутылку. — От меня толку не больше, чем от этой отравы.

— Пожалуйста, Крис, окажи мне услугу. Ведь ты же обещал. — В глазах Вальи была мольба, и Крис с неловкостью понял — да, он что-то подобное обещал. Он увернулся от ее взгляда, потом снова посмотрел ей в глаза и кивнул.

— Тебе ничего особенного и не придется делать — просто стой на краю этой линии. Можешь войти в квадрат во время смотра… но тсс! Тихо вы там — она идет.

Крис обернулся — и вот те на — к ним и впрямь приближалась Фея — шла по линии позади него. Она выдавала свои суждения в ряду, противоположном Вальиному. Шла она торопливо — и прошла лишь в нескольких метрах от Криса. Сделав еще несколько шагов, она помедлила, слегка наклонила голову, затем развернулась и посмотрела на него исподлобья. Крис чувствовал неловкость, но не мог отвести взгляд. Наконец Фея уголком рта улыбнулась.

— Стало быть, ты снова с нами, — сказала она. — Мы познакомились, шапочно. Я Сирокко. Можешь звать меня Рокки. — Руки Фея не подала — только внимательно продолжала рассматривать Криса. А тот в своих шортах чувствовал себя

полураздетым. Затем Фея взглянула на Валью, глянула еще раз внимательнее — и пригвоздила ее к месту точно тем же взглядом, которым смутила Криса. Дальше она вошла в предполагаемое Двухбемольное Миксолидийские Трио.

— Ты Валья, — сказала Сирокко. Титанида изобразила в ответ какой-то странный реверанс. — Я прекрасно знала твою задомать. — Она расхаживала вокруг Вальи, потирая рукой ее гладкие, крапчатые бока. Фея также кивнула Гитаре и Хичирику, нагнулась осмотреть щетку над правым задним копытом Вальи, затем возобновила свои поглаживания. Затем снова зашла спереди, потянулась и потрепала Валью по щеке. Наконец, присев на корточки, обеими руками потерла переднюю ногу титаниды. Затем повернула голову и обратилась к Крису.

— Ты оказался в хорошей компании, — сказала Фея. — Валья — Эолийское Соло. По-моему, ее мать — единственная, кого я вознаграждала за эту конкретную смесь Мадригала и Самбы. Через двести-триста килооборотов ее потомки смогут составить свой собственный аккорд. То, что она здесь предлагает, также вполне достойно. Заметное улучшение по сравнению с тем довольно дерзким Локрилидийским Дуэтом, который она

предлагала на предыдущем Карнавале. Только вот ей… если не ошибаюсь, всего пять земных лет от роду — а ведь молодые всегда хотят проделать все сами. Так, Валья?

Розовый оттенок окрасил желтые щеки титаниды, стоило только Фее встать. Затем Валья отвернулась и вспыхнула таким густым румянцем, что Сирокко рассмеялась и похлопала ее по крупу.

— А я-то ожидала, что в этот раз ты споешь Эолийское Соло, — продолжала издеваться Сирокко. Она взглянула на Криса, которому от этой беседы что-то стало не по себе. На его вкус тут было слишком много от конского шоу. Он ожидал, что Фея вот-вот раздвинет титаниде губы и примется разглядывать ее прикус.

— «Петь Эолийское Соло» — титанидский эвфемизм для обозначения чудачества, — пояснила Сирокко. — Титанидская самка вполне может склонировать самое себя, становясь для своего отпрыска всеми четырьмя родителями путем переднего и заднего самооосеменения. Но я редко позволяю им этим заниматься. — Тут Фея уперла руки в бока, затем еще раз потянулась и погладила титаниду по спине. — Ну что, дитя мое, готовы ли эти груди для столь великой ответ-

ственности?

— Готовы, мой Капитан.

— Должна сказать, у тебя достойный выбор передородителей, Валья. — Тут Фея повернулась и взяла яйцо со стеклянного пьедестала. Настала мертвая тишина, когда Фея просматривала яйцо на просвет, а затем подносила к губам. Она поцеловала его, затем раскрыла рот и аккуратно положила яйцо внутрь. Когда же она его вынула, яйцо уже меняло цвет — в считанные секунды сделалось прозрачным как стекло. Теперь двигалась только Валья — расставляла задние ноги, поднимала хвост и подавалась туловищем вперед. Розовый хвост упал ей на лицо. Она ждала. Крис мгновенно вспомнил, что это за поза — однажды он видел, как две титаниды занимались задним совокуплением — что они практиковали часто и с большой охотой во время Карнавала. Позиция была женская — и предполагалось, что Валью сейчас оседлает самец в мужской роли. Фея снова обошла вокруг Вальи, которая дрожала от нетерпения.

Крис вздрогнул и отвернулся. Рука Сирокко проникла во влагалище дальше локтя. Когда она снова вышла наружу, яйца в ней уже не было.

— Что, тошнит? — поинтересовалась Фея,

вытирая руку полотенцем и затем бросая его слуге. — На любом ранчо нечто подобное всякий раз проделывают.

— Да, но титаниды… они же как люди. Это меня просто поразило. Может, мне не стоило этого говорить.

Сирокко пожала плечами.

— Да говори что хочешь. Они сами так установили. Между прочим, наши брачные обряды кажутся им сплошной скукотищей. Возможно, они и правы. — Сузив глаза, она внимательно его оглядела. — А вы с Вальей, часом, стеклянными шариками не перебрасывались?

— Не понимаю, о чем речь. — Не успев это сказать, Крис испытал неловкое чувство, так как тут же понял, что это означает.

— А-а, ладно. Она, похоже, славная подружка.

— Наверное. Честно говоря, не помню. — Он оглянулся через плечо — и увидел, как три титаниды как раз перебираются через верх кратера.

— Может, я выражусь чересчур резко. Я знаю, зачем ты здесь. Впрочем, тебе все равно следовало быть на празднике. Не будь Валья так возбуждена, она бы непременно тебя прокатила. — Тут Фея пропела одной из титанид, которая уже знакомым манером протянула Крису руку.

— Это Арфа из аккорда Кантата. Она не говорит по-английски, но охотно отвезет тебя на вечеринку и через несколько оборотов доставит назад. Трезвым, надеюсь. Встретимся вон там в палатке. Нужно кое-что обсудить.

ГЛАВА XIII
Гостеприимство

В карнавальной палатке Феи было прохладно и мглисто. Верх ее был тяжелый, непромокаемый, в то время как боковины были из белого шелка, с прорезями, чтобы пропускать ветерок. Над головой взад и вперед медленно двигалась панель из ткани, обдувая вуали и шарфы на коньковом шесте. Габи, Робин, Псалтерион и Крис сидели на высоких подушках, поджидая Фею.

Титаниды любили делать апартаменты Феи во время Карнавала местом подлинной роскоши. На земле простирались слой за слоем ковры ручной выделки, где особенно бросался в глаза один, с изображением громадного колеса с шестью спицами. У двух стен были уложены подушки. У третьей выделялся Снежный Трон. Сделан он был из двадцатикилограммовых прозрачных корзин Мозговой Пудры Нагорья, лучшего кокаина во Вселенной и главного предмета экспорта Геи. Титаниды строили этот трон заново для каждого Карнавала, создавая настоящий шедевр из кристаллических контейнеров, подобных мешкам с

песком на дамбе.

Два низеньких стола уставлены были лучшими кулинарными титанидскими творениями. Были там и дымящиеся кастрюли, поставленные для охлаждения в потеющие серебряные чаши с кубиками льда. Титаниды беспрестанно сновали туда-сюда, убирая остывшие кастрюли и заменяя их свежими деликатесами.

— Вот это обязательно попробуй, — предложила Габи. Она заметила, как Крис вскинул голову и улыбнулся. Гиперион всякий раз играл такую шутку с вновь прибывшими. Свет никогда не менялся, и люди не спали по сорок-пятьдесят часов, сами того не сознавая. Габи подумала, сколько же бедному мальчику удалось поспать с начала Карнавала. Она вспомнила свои первые дни на Гее, когда они с Сирокко топали в буквальном смысле до упаду. Давно это было. Старой, очень старой вдруг почувствовала себя Габи. Теперь она сомневалась, была ли она вообще когда-нибудь молодой.

И все-таки когда-то была — на берегах Миссисипи неподалеку от Нового Орлеана. Она вспомнила старый дом с пыльным чердаком, где она могла прятаться каждую ночь, чтобы не слышать маминых криков. Можно было поднять слуховое

окно — и впустить свежий воздух. С открытым окном криков было почти на слышно, а Габи могла смотреть на звезды.

Позднее, когда мама умерла, а отец загремел в тюрьму, тетя и дядя взяли Габи в Калифорнию. В Скалистых горах девочка впервые увидела Млечный Путь. И астрономия стала ее манией. Она перечитала все книги, какие смогла найти, автостопом добралась до Маунт-Уилсона и выучила математику вопреки тому, что училась математике в калифорнийской средней школе.

Малышка Габи не затрудняла себя заботой о людях. Когда тетя уезжала, она забирала с собой четверых своих детей — но не Габи. Дяде она была нежеланна, так что Габи отправилась вместе с женщинами из соцслужбы, даже не обернувшись. К тому времени, как ей стукнуло четырнадцать, она выяснила, что для нее легче легкого было отправиться в постель с парнем, у которого был телескоп. Стоило ему свой телескоп продать — и она с ним больше ни разу не встретилась. Секс ее просто утомлял.

Выросла она в тихую, красивую молодую женщину. Красота Габи несла в себе некоторые неприятности — что-то вроде смога и бедности. Впрочем, были способы справляться со всеми

тремя неприятностями. Так, Габи обнаружила, что, если по-особенному скорчить рожу, любой парень мигом от нее отстает. В горах не было смога, и Габи решила опять-таки стоном добираться туда, держа за плечами свой драгоценный телескоп. Калифорнийский технологический мог принять нуждающуюся студентку, но только если студентка эта была безусловно лучшей в своей специальности. То же самое — и Сорбонна, и Маунт-Паломар, и Зеленчукская, и Коперникус.

Габи терпеть не могла путешествий. И тем не менее отправилась на Луну, потому что оттуда было лучше всего наблюдать. Когда же она увидела чертежи телескопов, которые предстояло взять на Сатурн, то решила, что именно она — и никто другой — будет ими пользоваться. Но возле Сатурна оказалась Гея — и катастрофа. Шесть месяцев экипаж «Укротителя» колебался между сном и полной сенсорной депривацией в черном брюхе Океана, Генного божка-выскочки. Для Габи это составило двадцать лет. Причем из этих двадцати лет она прожила каждую секунду. У нее оказалась масса времени подумать о жизни и найти ее желанной. Хватило времени понять, что у нее нет ни единого друга, что никто не любит ее и она никого не любит. И что это крайне важно.

То было семьдесят пять лет тому назад. За все это время она не видела ни одной звезды и ни разу не чувствовала их недостачу. Кому нужны звезды, когда у тебя есть друзья?

— Что это было? — спросила Робин.

— Извини. Ничего особенного. Просто прыжки по ухабам моих мозгов. Мы, старички, часто так делаем.

Робин одарила ее сердитым взглядом, и Габи ухмыльнулась. Ей нравилась Робин. Редко встречала она человека с такой упрямой гордостью и сплошными острыми углами. Робин была еще большей чужачкой, чем любая титанида, почти не зная того, что зовется «человеческой культурой». Она почти не сознавала своего незнания и мешала слепой шовинизм с неистовой жаждой обо всем узнать. В разговорах без конца обижалась. Да, Робин обещала стать сомнительной компаньонкой — пока кто-то не завоюет ее доверия.

Габи нравился и Крис, но, в отличие от побуждения защитить Робин от самой себя, ей хотелось защитить Криса от безумного внешнего мира. Для него в этом было мало смысла, и все же он продолжал стойко бороться. Порой его мир сильно искажался то ли самой жизнью, то ли компанией

злых духов, что говорили его голосом, видели его глазами, а порой и били его руками. Он больше не мог терпеть такого эмоционального вмешательства, ибо одно из его «вторых я» неизбежно должно было вскоре его предать. Кто станет ему доверять, когда он уже раскрыл свои малые и большие любовные тайны?

Крис поймал взгляд Габи и улыбнулся. Прямые каштановые волосы парня упорно падали ему на левый глаз, отчего он то и дело вскидывал голову. Крис был высок — метр восемьдесят пять или даже метр девяносто, среднего телосложения, с несколько угловатым лицом, которое могло нести на себе черты жестокости, если бы не морщинки боли вокруг глаз. Первое впечатление жесткого характера создавали слегка сплющенный нос и тяжеловатый лоб.

Тело его тоже могло бы выглядеть мощным, но Крис казался таким уязвимым в своей траурной мрачности. Вот он сидит там в своих убогих шортах, а кожа у него смертельно бледная — такая бледная, что трудно увидеть в нем какую-то угрозу. Руки и ноги сильные, плечи очень даже приличные — но явно многовато жирка на поясе. Крис не был очень волосат, что также нравилось Габи.

Если соединить все это, то становилось понятным, почему Валья от Криса в таком восторге. И Габи задумалась, понимает ли это сам Крис.

Сирокко ворвалась внутрь, сопровождаемая парой отборных титанид. Она огляделась, вытирая лицо влажным полотенцем, и направилась в угол палатки.

— А где Валья? — поинтересовалась она. — И разве Робин не полагается титаниды? — Содрав с себя серапе, она ступила за тканевую ширму. Из душа мигом забрызгала вода. Фея подставила под нее лицо и замотала головой. — Извините, ребята, я тут на минутку. Чертовски жарко.

— Валья все еще с ее группой, — отважился Крис. — Ты же не сказала, чтобы я привел ее с собой.

— Ты что-то с места в карьер, Рокки, — запротестовала Габи. — Почему бы не начать с начала?

— Извини, — сказала Сирокко. — ты права. Робин, мы еще с тобой не познакомились. Крис, я с тобой знакома, но ты этого не помнишь. Штука вот в чем. Габи мне сказала, что вы оба уже на пути вниз.

— На пути вниз? — возопила Робин. — Да она меня просто скинула!

— Знаю, знаю, — стала утешать Сирокко. — Это

отвратительно. И я уже протестовала как могла — но что толку? Не забывай, ведь это я на нее работаю, а не наоборот. — Она без выражения взглянула на Габи, ненадолго задержала взгляд. Затем продолжила намыливаться.

— В любом случае мы знали, что вы оба в пути, и знали, что вы, скорее всего, доберетесь целыми и невредимыми. Как ни странно, большинству пилигримов это удается. Единственное, отчего можно погибнуть во время Большого Пролета, — это удариться в панику. Некоторые…

— Еще можно утонуть, — вставила Робин.

— Ну что мне еще сказать? — спросила Сирокко. — Конечно, это опасно и отвратительно. Только, может быть, мне уже хватит извиняться за то, чего я не делала? — Она взглянула на Робин. Та ничего не сказала — только покачала головой.

— Как я говорила, некоторые начинают бороться с ангелами, которые пытаются им помочь, и ангелам ничего толком сделать не удается. Так что целью Геи — как она мне ее изложила (поймите правильно и не думайте, что я намерена ее оправдывать) — является научить вас адекватно реагировать на критическую ситуацию. Если запаникуешь, тебе никогда героем не стать. Или

по крайней мере Гея так считает.

Криса это все больше и больше заинтересовывало.

— Если предполагается, что это имеет отношение и ко мне, то боюсь, я пропустил самую важную часть.

— Большой Пролет, — объяснила Габи. — Наверняка ты и этого не помнишь. После беседы Гея сбрасывает пилигримов через фальшивый лифт. Они падают до самого обода.

— Так ты что же, ничего не припоминаешь? — спросила Сирокко.

Поток воды из душа прекратился, и одна из титанид передала ей полотенце.

— Ничего. С того времени, когда я оттуда ушел и до совсем недавнего, — полный пробел.

— Вполне понятно — даже если и не учитывать твоего состояния, — сказала Сирокко. — Но я пообщалась с одним из ангелов. — Она взглянула на Робин. — С Жирным Фредом.

Габи рассмеялась.

— Так *он* все еще там околачивается? — Тут она увидела лицо Робин и быстро попыталась избавиться от улыбки, но безуспешно.

— Да, он все еще там — по-прежнему охотится за человеческими хвостами. Рассказал мне, что

встретил двух каких-то психов. Одна, в конце концов, согласилась сотрудничать, и он вывалил ее в Офион. А другой оказался просто бешеным. Он не мог к нему приблизиться, но следовал за ним, думая, что, когда земля станет поближе, парень все-таки придет в чувство. Представьте себе его удивление, когда этот парень рухнул в самую середку на спине пузыря.

— А кто это был? — спросила Габи. — Пузырь, естественно.

— Фред сказал, что это был Дредноут. Габи сильно удивилась.

— Наверное, это случилось сразу после того, как он и двое других помогли мне прочистить Аглаю.

— Как пить дать. — Сирокко перестала вытираться, чтобы внимательно взглянуть на Криса. Тот поспешно отвернулся. Тогда она вышла из душа и влезла в белый халат, поданный одной из титанид. Хорошенько в него завернувшись, она села, скрестив ноги, на пол перед тремя землянами и титанидой. Слуга опустился рядом и принялся вытирать ее влажные волосы.

— Я тут думала об удаче, — сказала она. — Гея, разумеется, поведала мне про твое состояние — и упомянула об удаче. Если честно, не хочется

верить, что кто-нибудь может быть так удачлив. Это вступает в противоречие со всеми моими знаниями. Хотя, конечно, я уже отстала лет на семьдесят.

— Моя удачливость достоверно доказана, — сказал Крис. — Но, насколько мне известно, большинство людей считают, что ни на что пси-энергия особого влияния все равно не оказывает. Есть уравнения, описывающие все происходящее, и я не стану притворяться, что я эти уравнения понимаю. Теория частиц свободной воли, уровень реальности… я как-то читал статью про всю эту муть.

— Мы тут тоже много журналов получаем, — сказала Сирокко, мрачно разглядывая свои ладони. — Терпеть их не могу. И всегда не терпела.

— Эйнштейн терпеть не мог квантовую механику, — заметила Габи.

— Ты права, — вздохнула Сирокко. — Но меня всегда поражало, как все обернулось. В мое время все были уверены, что с года на год расщелкают генетический код. Мы собирались стереть все физические недуги и генетические несуразицы. И никто не думал, что очень скоро нам придется решать еще и психологические проблемы. Так что вышло наоборот. Пару вещей оказалось решить

тяжелее, чем всем казалось, а взамен получились прорывы в тех областях, где их никто не ожидал. Кто мог это просчитать? Впрочем, я ушла от темы. Мы толковали об удачливых.

— Не знаю, что это, — вставил Крис. — Но временами я кажусь страшно удачливым.

— Мне совсем не нравится думать о том, что подразумевается в том случае, если удача и впрямь привела тебя прямо на спину Дредноута, — сказала Сирокко. — Все зависит от того, как далеко заводят тебя собственные рассуждения, но ты вправе сказать, что титановое дерево оторвалось и забило насос Аглаи. А потом Габи пришлось вызывать Дредноута в ту область, чтобы ты приземлился ему на спину. И я отказываюсь верить в такую детерминистскую Вселенную!

Габи фыркнула.

— Я тоже. Зато я верю в удачу. Скажи-ка, Рокки. Почему ты отказываешься верить в кукловода, который тянет несколько твоих веревочек?

Сирокко бросила на Габи убийственный взгляд, и на мгновение глаза ее показались затравленными.

— Ладно, — принялась утешать Габи. — Прости меня. Не будем на этом зацикливаться, ладно?

Сирокко довольно быстро успокоилась и едва

заметно кивнула. Потом ненадолго погрузилась в свои мысли. Наконец подняла глаза.

— Я забываю о хороших манерах, — сказала Фея. — Менестрель, поинтересуйся, что эти ребята предпочитают выпить, и принеси сюда пару вон тех подносов. Только поставь их так, чтобы мы могли до них дотянуться.

Габи приветствовала перерыв в разговоре. Ей меньше всего хотелось вступать в перепалку с Сирокко. Она встала и помогла Менестрелю с едой, затем представила Псалтериона Робин и Крису, а также Сирокко — Робин. Потом пошли вежливые замечания насчет яств и выпивки, взаимные шуточки и комплименты. Габи также развеселила всех басней про свое первое знакомство с титанидской едой, а именно — с супом, главным ингредиентом которого оказались живые черви. Через пятнадцать минут все ощущали приятную расслабленность от легкого количества спиртного в желудках.

— Как я говорила, — резюмировала под конец Сирокко, — мы слышали, что вы сюда опускаетесь. Я не знаю, каковы ваши планы, но думаю, что, если бы вы хотели отбыть, вы бы уже это сделали. Так как насчет планов? А, Крис?

— Не знаю. У меня еще не было времени стро-

ить планы. Кажется, несколько часов назад Гея сказала мне, что ей от меня требуется.

— И, полагаю, совсем тебя огорошила. Он улыбнулся.

— Да, вроде того. Кажется, я планировал остаться, но теперь, оказавшись здесь, просто не знаю, что буду делать.

— Такова природа испытания, — сказала Сирокко. — Ты так ничего и не узнаешь, пока не окажешься с ним лицом к лицу. Все, что можно сделать, это пойти самим его поискать. Потому вы и зоветесь пилигримами. Ну, а ты, Робин?

Робин ничего не ответила. Затем устремила на Сирокко пристальный взгляд.

— Не знаю, стоит ли мне излагать мои планы. Не знаю, могу ли я тебе доверять.

— Что ж, по крайней мере откровенно, — с полуулыбкой отозвалась Сирокко.

— У нее все еще зуб на Гею, — пояснила Габи. — Она и мне какое-то время не доверяла. А может, и сейчас не доверяет.

— Я намерена ее убить, — негромко и угрожающе сказала Робин. — Она пыталась меня убить, и я поклялась, что ее достану. Вам меня не остановить.

Сирокко рассмеялась.

— Не остановить? Не думаю, что нам это нужно. А ты, случайно, парочку атомных бомб с собой не захватила. — Она взглянула на пистолет на бедре Робин. — Эта штука заряжена?

— А кому нужен незаряженный пистолет? — всерьез озадаченная вопросом, ответила Робин.

— Да, тут ты в точку попала. Во всяком случае, насчет одного можешь успокоиться. Я не телохранитель Геи. Для этого у нее и без меня достаточно глаз и ушей. Я даже не скажу ей, что у тебя на нее зуб. Это меня не касается.

Робин обдумала сказанное.

— Хорошо. Я планирую остаться. Очень скоро я начну взбираться по спице, а когда взберусь, то убью ее — и точка.

Сирокко взглянула на Габи. Глаза ее, казалось, говорили: «И где ты такую выкопала?» Габи пожала плечами и ухмыльнулась.

— Ну… раз так… тогда ладно. Сомневаюсь, что смогу к этому что-нибудь добавить.

— Рокки, почему бы тебе все-таки не продолжить? Робин можно заинтересовать чем-нибудь другим.

— Я так не считаю, — отрубила Робин вставая. — Не знаю, что вы там хотите мне предложить, но если это имеет отношение ко всяким там

«героическим деяниям»… — казалось, ей очень хочется сплюнуть, но она не смогла найти места, не накрытого ковром, — … то можете на меня не рассчитывать. В эти игры я играть не стану. Мне надо закрыть один счет, так что я намерена позаботиться о нем, а затем убраться отсюда. Понятное дело, если останусь жива.

— Значит, ты хочешь взобраться по спице.

— Ага. Сирокко снова повернулась к Габи, и Габи поняла ее взгляд. «Это была твоя идея, — как бы говорила она. — Ты и забирай ее отсюда, если не хочешь, чтобы она протянула ноги».

— Послушай, Робин, — начала Габи. — Понятно, что ты твердо намереваешься вернуться в ступицу.

Но раз ты уже совершила одну бесплатную поездку, другой лифт тебе не предоставят. Есть примерно один шанс из тридцати добраться до вершины живой. Но раз ты решила провернуть это в одиночку, тогда еще меньше. Мы с Сирокко это проделали, но нам очень повезло.

— Я все это знаю, — сказала Робин, но Габи торопилась дальше.

— Пойми, мы предлагаем тебе добраться до верха и безопаснее, и быстрее. Я не прошу тебя играть в игры Геи — я сама категорически против

этого и думаю, что… ну, неважно, что я думаю. Но пойми, она ведь не просит тебя кому-то вредить или делать что-то бесчестное. Она предлагает путешествие по ободу. Это же советуем и мы.

— Я бы хотела тут кое-кого посетить, — вставила Сирокко.

— Вот-вот. И нам нужно в том же направлении. Гея сообщила, что скоро здесь будете вы с Крисом. Мы с Рокки и раньше такое проделывали, с другими пилигримами, вместе и по отдельности. Мы стараемся о них заботиться, чтобы они не попали в беду раньше, чем хорошенько осмотрятся.

Ты могла бы отправиться с нами и узнать некоторые вещи, которые помогут тебе, если ты и впрямь вздумаешь взбираться. Я не говорю, что все будет мирно и безопасно. Выйди за границы Гипериона — и все на Гее может оказаться опасным. Проклятье, да и в самом Гиперионе тебя подстерегает уйма неожиданностей. Но в этом-то весь смак. Может статься, по дороге ты сделаешь что-нибудь, что Гея расценит как геройство, и тебе не придется стыдиться, могу обещать. Тут Гее надо отдать должное — она умеет выбирать своих героев. Но это — лишь если появится возможность, сама понимаешь. Когда ты вернешься, право свободной поездки на вершину тебе будет

обеспечено. А что тебе предпринять дальше — это уж дело твое. — Она откинулась на подушки. Ей нравилась Робин, но будь она, Габи, проклята, если придется сделать еще хоть что-то для ее защиты. В каком-то смысле Габи чувствовала себя Жирным Фредом, тем ангелом; многие люди отдали бы руку или ногу за помощь, которую предлагали Габи и Сирокко, а тут она битых полчаса пытается втемяшить свою мысль этой своенравной соплячке.

Робин села. И соизволила слегка смутиться.

— Извините, — сказала она. — Я благодарна за ваше предложение и с радостью с вами пойду. В ваших словах есть смысл. — Габи задумалась — а не ту же самую картину представила себе сейчас и Робин: две-три сотни километров вверх по спице внутри колеса, а потом ее внезапно прихватывает приступ. Никто, совершивший Большой Пролет, не горел желанием его повторить.

— Крис?

— Я? Конечно. Дурак бы я был, если б отказался.

— Вот это мне нравится, — сказала Сирокко. — Разумный подход. — Она встала, сняла халат и натянула свое выцветшее серапе. — Чувствуйте себя как дома. Еда и пища — все ваше. Карнавал

продлится еще восемьдесят оборотов, так что наслаждайтесь. Через сто оборотов встречаемся в «Волшебном Коте».

ГЛАВА XIV
Пробуждение

— Эй, любовничек, если ты немедленно оттуда не выберешься, я к тебе присоединяюсь.

Крис глядел на воду, которая сбегала по нагому телу и расплескивалась у ног. Подняв голову, он получил в лицо струю душа.

Н-да, непривычно отрубаться дважды подряд.

— Может, хоть немного воды оставишь? — Женский голос, незнакомый. Интересно, где же его носило? Какое последнее яркое воспоминание?.. Выключив воду, он вывалился из тесной душевой кабинки. Стены и пол обшиты древесными планками. Из открытого окна метрах в тридцати внизу видна земля. Он явно на дереве, скорее всего в отеле «Титанополь». Затем Крис осторожно пригляделся через дверной косяк. В смежной комнатушке была какая-то несерьезная мебель и внушительных размеров кровать. На кровати лежала голая женщина, тоже весьма солидных форм. Она распростерлась на спине в позе, которая выглядела бы соблазнительной, не будь в облике женщины какой-то бескостной

расслабленности. «Интересно, это до или после?» — спросил себя Крис, но его тело уже знало ответ. После.

— Ну наконец-то, — сказала женщина, поднимая голову, когда он вошел. — Не знаю, сколько времени я смогла бы эту жрицу переносить. — Она встала и подошла к окну спальни. Потом, подняв от плеч массу черных волос, скрепила их заколкой. Крис решил, что женщина красива, и очень расстроился оттого, что не помнит, как он ее имел. Большая часть того, что ему доводилось натворить, могла с легкостью быть забыта — но тут вышло исключение. Длинные ноги, превосходное сложение. Груди, пожалуй, немного великоваты, но хотелось бы Крису иметь возможность проверить это на практике. Женщина обернулась.

— Нет-нет, ты что, с ума сошел? Не сейчас, приятель, не сейчас. Неужели ты не наелся? — И она поспешила в душ.

Крис нигде не мог найти свои шорты. Роясь повсюду, он наткнулся на несколько необычных инструментов и множество баночек с кремами и маслами. Нахмурился, еще огляделся — и вот она, прибита гвоздиками к стене. Пусть пожелтевшая и рваная, но она самая — лицензия проститутки,

выданная пять лет назад в Джефферсон-Каунти, штат Техас.

— Ну что, опять что-то не так? — спросила она, вернувшись в комнату и вытирая шею и плечи. — Ты какой-то переменчивый, тебе никто не говорил?

— Почему, говорили. Сколько я тебе должен?

— Мы это обсуждали, разве не помнишь?

— Нет, не помню. И еще могу тебе сказать, что ровно ничего не помню, последние… короче, не знаю сколько. Я не помню, как тебя встретил. Это правда, и я не желаю об этом говорить. Я даже не помню, как тебя зовут. Я не могу найти свою одежду. И если ты, черт возьми, скажешь, сколько я должен, я тотчас же уберусь отсюда и больше хлопот тебе не доставлю.

Женщина села рядом с Крисом на постель, но его не касалась. Потом протянула руку и коснулась.

— Так, значит? — негромко проговорила она. — Ты мне про это говорил, но сверх этого наговорил еще черт-те-чего — так что я не знала, чему верить.

— Что касается памяти, то это правда. Все остальное — наверняка вранье. Если я тебе болтал, что я деньги лопатой гребу, то это вранье. У

меня было немного денег, когда я сюда прибыл, но со времен моей последней отключки осталась лишь пара шортов.

Она завязала полотенце на талии, подошла к деревянному бюро и взяла что-то с самого его верха.

— Шорты ты выкинул почти сразу после того, как меня встретил, — сказала женщина. — Ты возвращался к природе. — Она улыбнулась, но не издевательски, и что-то ему швырнула.

Это оказалась золотая монетка. На одной ее стороне было выбито «СВОБОДНЫЙ ЧЕК» и какие-то титанидские символы. На другой стороне стояла подпись «С. Джонс». Что-то завертелось в голове у Криса, и он зажмурил глаза, чтобы это что-то уловить.

— Ты сказал, что у тебя есть право на все в Титанополе. «Все равно, что деньги». Я никогда такого не видела, но ты явно настроился кутить и транжирить — и все, как будто, эту монетку ценили.

— Я тебя обманул, — признался Крис, точно зная, что это правда. — Это должны ценить только титаниды. А я, как предполагалось, должен был использовать эту монетку… использовать ее… чтобы получить снаряжение для путешествия, которое намерен совершить. — Охваченный вне-

запной паникой, он вскочил. — Я накупил кучу вещей, как теперь помню. Предполагалось, что я… В смысле, где…

— Полегче, полегче. Обо всем уже позаботились. Вещи я отправила в «Ла Гата», как ты велел. Они в целости и сохранности.

Крис медленно сел.

— «Ла Гата»…

— Там ты предполагал встретиться со своими друзьями, — подсказала женщина. Затем взглянула на гироскопические гейские часы на бюро. — Минут через пятнадцать…

— Верно! Я должен… — Крис пустился было к двери, но затем остановился с чувством, будто что-то забыл.

— Можно одолжить у тебя полотенце? Женщина без слов бросила ему то, которое было на ней самой.

— Мне… гм, мне жаль, что нечего тебе оставить. Не знаю, что я тебе такого наговорил, но клянусь, я удивлен, что ты ничего не попросила…

— Деньги вперед? Я не вчера родилась и знала, во что влезаю. — Она подошла к подоконнику, оглядывая город сверху. — Я здесь уже давненько. На Земле меня не очень жаловали. А здешний народ мне нравится. По крайней мере я думаю

о них как о людях. Кажется, становлюсь аборигенкой. — Женщина посмотрела на Криса так, словно ждала, что он рассмеется. Когда он этого не сделал, она сама изобразила кривую усмешку. — Проклятье, у меня уже и у самой интерес к титанидам. Когда ты здесь долго, тоже начинаешь кидать стеклянные шарики.

Крис подошел к ней и поцеловал в щеку.

— Не могу поверить, что мы все это проделали, а ты ничего не помнишь. Вроде как затрагивает мою профессиональную честь. — Какой-то миг он думал, что она сейчас расплачется, хотя даже не представлял отчего.

— С тобой в поход идет девушка, — сказала она.

— Робин?

— Ага, она самая. Передай ей привет — и пусть будет осторожна. Ну и удачи ей, конечно. Пожелай ей от меня удачи. Ага?

— Ага. Если ты мне еще раз свое имя скажешь.

— Трини. Скажи ей, пусть остерегается этой бабы Мерсье. Она опасна. А когда Робин вернется, славный прием ей здесь обеспечен.

— Хорошо. Я скажу.

ГЛАВА XV
«Волшебный кот»

Титанополь находился под укрытием могучего древа, что образовалось, когда множество меньших деревьев объединились в единый организм. Хотя титаниды никогда не затрудняли себя городским планированием, их собственные предпочтения включали в себя определенную структуру поселений. Нравилось им жить внутри 500-метрового светлого участка, так что их жилища стремились образовать кольцо под внешней периферией дерева. Другие селились на гигантских ветвях, которые росли горизонтально и поддерживались вспомогательными стволами размерами покрупнее секвой.

Снаружи жилого кольца, но преимущественно внутри него рассыпаны были мастерские, кузницы и очистительные заводы. Дальше, поближе к солнечному свету, и подчас на открытом воздухе, располагались базары, магазины и рынки. В городе имелись общественные здания и различные мощности; пожарные каланчи, склады и цистерны. Общественный водяной запас набирался из

колодцев и накопленной дождевой воды, однако вода из колодцев была горькой и мутной.

Робин совсем недавно провела массу времени на внешнем кольце, пользуясь данным ей Сирокко медальоном, чтобы обеспечить себе запасы для похода.

Титанидские ремесленники показались ей вежливыми и услужливыми. Они неизменно предлагали ей товары самого высочайшего качества. Так, она обзавелась медной флягой с искуснейшей филигранной резьбой, которая вполне пришлась бы к месту и на царском пиршественном столе. Рукоятка ножа, украшенная рубином, подобным громадному стеклянному глазу точно подходила к ее руке. Мастера сшили ей спальный мешок из материи, столь сочно украшенной, что его просто жалко было стелить на землю.

Менестрель, та титанида, с которой они познакомились в палатке у Сирокко, стал ее гидом, пропевая переводы купцам, не знавшим английского.

— Ты не беспокойся, — сказал он ей. — Скоро заметишь, что здесь никто не платит денег. Мы ими не пользуемся.

— Какая же тогда у вас система?

— Габи называет ее ненасильственным коммунизмом. Она говорит, у людей так никогда бы не вышло. Люди слишком жадные и эгоцентричные. Прошу прощения, но это она так говорит.

— Ничего-ничего. Пожалуй, она права.

— Не знаю. Верно то, что у нас нет проблем с преобладанием, которые, похоже, есть у людей. У нас нет лидеров, и мы не деремся друг с другом. Наша экономика работает через аккорды и заслуженные предписания. Все работают — как на торговлю, так и на общественные проекты. Титаниды накапливают положение — это также можно назвать богатством или кредитом — путем выполнения, путем старения, путем нужды. На удовлетворение нужд хватает всем; у большинства есть, по крайней мере, какие-то предметы роскоши.

— Я бы не назвала это богатством, — заметила Робин. — Мы в Ковене, между прочим, деньгами тоже не пользуемся.

— Да? А какая у вас система?

Робин, как могла, бесстрастно обдумала все, припоминая обязательные общественные работы, основывающиеся на своде наказаний, вплоть до смертной казни.

— Назовем это насильственным коммунизмом.

Со множеством меновой торговли на сторону.

«Ла Гата Энкантада» располагался рядом со стволом великого древа. Робин там как-то раз бывала, но темнота в Титанополе была непрерывной, а дорожных карт не имелось. Да и самих дорог тоже. Чтобы здесь что-нибудь найти, человеку требовались фонарь и большая удача.

Робин представляла себе ядро города как район увеселений. Такое описание могло сослужить свою службу, хотя, как и повсюду в Титанополе, дома и магазины там были рассыпаны среди танцзалов, театров и пивных. Меж внешним кольцом и стволом лежала область, где строений было совсем немного. То была самая мрачная часть Титанополя, отданная небольшим садовым участкам, которые, как ни странно, процветали в теплой, сырой темноте. Большую часть города освещали бумажные фонари; здесь же их было совсем немного.

Пожалуй, эту часть Робин могла принять как наиболее близко подходящую к ее представлениям о парке. Мать предупреждала, что мужчины прятались в них, а потом выскакивали наружу и насиловали женщин. Конечно, немногие мужчины заходили так глубоко в Титанополь, но ничто и не мешало им сюда прийти. Робин

казалось, что со страхами насчет изнасилования уже покончено, но ничего не помогало. Там были места, где единственный свет отбрасывал только ее фонарь.

Какое-то шипение заставило ее подскочить. Робин остановилась выяснить причину и обнаружила ряды невысоких сочных растений, которые испускали тонкий запах. Ни одна ведьма, выросшая в Ковене с его шипящими рядами прыскалок, пересекающими кривой сельскохозяйственный пол, не могла бы ошибиться в назначении этого запаха. Робин улыбнулась и глубоко вдохнула. Запах сырой земли вернул ее назад в детство — к беззаботным дням, проведенным в играх на полях спелой клубники.

Пивная оказалась невысоким деревянным строением с обычными для Титанополя широкими дверями. Снаружи болталась вывеска — два кружка. Верхний поменьше и с двумя уголками на макушке, с косыми глазами и зубастой ухмылкой.

«Почему кот? — задумалась Робин. — И почему по-испански?» Если титаниды и изучали какой-то человеческий язык, то им неизбежно оказывался английский. Но вот оно, намалевано над дверным проходом: «Ла Гата Энкантада» — даже без

обычных титанидских рун. Странная они раса, решила Робин. Так похожи на людей в столь многих привычках. Большинство их навыков были схожи с человеческими. Вещи, которые они делали, также в большинстве были теми же, какие делали и люди. Искусство также было схоже с человеческим, если не считать их божественной музыки. От людей их резко отличала лишь необычная система воспроизводства. Впрочем, не только, подумала Робин, входя в «Ла Гату» мимо желоба с водой, который составлял обычную принадлежность любого титанидского строения. Пол там был песчаный, со слоем соломы. Так или иначе, но титаниды столкнулись с проблемой урбанизации куда плотнее, чем, скажем, Нью-Йорк в эпоху коней и колясок. Город кишел мелкими, похожими на броненосцев существами, чьей единственной пищей были вездесущие груды оранжевых шариков. В частных же домах проблема решалась сразу после ее возникновения — с помощью лопат и мусорных бачков. Но в местах, где собиралось много титанид сразу, такое осуществить было невозможно. Тогда они отбрасывали привередливость подальше и просто об этом не заботились. Отсюда и водяные желоба — чтобы помыть ноги, прежде чем пойдешь домой. Во

всех же прочих отношениях «Ла Гата Энкантада» выглядел очень похоже на человеческую таверну — только между столами было куда просторнее. Там даже имелась длинная деревянная стойка, заканчивающаяся латунным рельсом. Пивная была полна титанид, которые возвышались над Робин, но она давно перестала беспокоиться об отдавленных пальцах. Ее куда хуже отделали бы в людской толпе.

— Эй, девушка! — Робин подняла глаза и увидела, что ей призывно машет бармен. Он швырнул ей подушку. — Твои друзья вон там, в уголке. Не желаешь ли корневого пива?

— Да, пожалуйста. Спасибо. — Из первого визита в пивную Робин знала, что корневое пиво — это темный, шипучий алкогольный напиток, который делают из корней. На вкус оно было похоже на пиво, к которому она привыкла, но крепче. Робин тогда очень понравилось.

Вся группа собралась в дальнем углу пивной: Сирокко, Габи, Крис, Псалтерион, Валья, Менестрель и еще одна титанида, которую Робин не знала. Выпивка Робин, в громадной пятилитровой кружке, прибыла раньше, чем она сама. Она села на подушку, так что стол оказался ей по грудь.

— Разве в Гее есть коты? — поинтересовалась она. Сирокко переглянулась с Габи, и обе пожали плечами.

— Лично я ни одного не видела, — сказала Габи. — Эта пивная названа в честь одного марша. Титаниды буквально упиваются маршами. Они считают Джона Филипа Соузу величайшим композитором всех времен и народов.

— Не совсем так, — возразил Псалтерион. — Они идут ноздря в ноздрю с Иоганном Себастьяном Бахом. — Он выпил, но тут заметил, что Робин и Крис внимательно на него смотрят. Тогда он, исключительно для ясности, продолжил.

— Они оба, без всякого преувеличения, наиболее основательны и примитивны. Бах, с его геометрией повторяющихся звуковых форм, с его исчислением вдохновенного монотона; и Соуза, с его невинным пылом и бравадой. Их подход к выстраиванию музыки напоминает укладку кирпичей зиккурата — только Соуза работает с латунью, а Бах — с деревом. Всем людям до некоторой степени это свойственно. Ваши нотные записи даже напоминают кирпичные стены.

— Мы никогда об таком не думали, — добавила Валья. — Отпраздновать песнь, а затем сохранить ее, чтобы в следующий раз она прозвучала

в точности, как в предыдущий, стало для нас новой идеей. Записанная на бумаге, музыка Баха и Соузы великолепна, лишена всяких ненужных усложнений. Их музыка сверхчеловечна.

Сирокко совиным взглядом окинула двух титанид, затем уставилась на Криса и Робин. Нашла она их с трудом.

— Теперь вы знаете не больше, чем знали раньше, — сказала она. — Лично я всегда терпеть не могла Соузу. Бах — еще туда-сюда. — Фея моргнула, переводя взгляд с одного на другую, словно ожидая, что они заспорят. Но они спорить не стали, и Сирокко славно отхлебнула из кружки. Пиво потекло по подбородку.

Габи положила ей руку на плечо.

— Скоро тебя отошьют отсюда, капитан, — быстро проговорила она.

— Это кто сказал, что я пьяна? А? — проревела Сирокко. Кружка опрокинулась, и бурая с золотом пенная волна плеснула по столу. Помещение ненадолго затихло, а затем там вновь стало шумно. Все титаниды старательно делали вид, что не заметили инцидента. Кто-то подошел с полотенцем вытереть стол, а перед Феей поставили новую кружку.

— Никто этого, Рокки, и не говорил, — тихо

отозвалась Габи.

Сирокко, казалось, уже все забыла.

— Робин, ты еще, кажется, не знакома с Фанфарой. Фанфара (Диезное Миксолидийское Трио) Болеро, познакомься с Робин Девятипалой из Ковена. Фанфара вышла из славного аккорда, она обязательно согреет тебя, когда задуют лютые ветры.

Титанида встала и изобразила глубокий поклон, в котором участвовали и ее передние ноги.

— Пусть священная менструация объединит нас, — пробормотала Робин, кланяясь от талии и в то же время внимательно глядя на ту, которая, судя по всему, должна была стать ее спутницей в походе. Все тело Фанфары покрывал роскошный ковер шерсти семи-восьми сантиметров длиной. Голыми, причем темно-зеленого цвета, были только ее ладони, небольшие участки вокруг сосков, а также некоторые части лица. Шкура у Фанфары тоже была темно-зеленая, однако разукрашена бурыми завитками, похожими на линии отпечатков пальцев. Волосы на голове и хвосте были снежно-белыми. Фанфара напоминала какое-то крупное, пушистое животное с большими карими глазами.

— Менестреля вы уже знаете, не так ли? — про-

должила Сирокко.

— На самом деле старина Менестрель… ну, назовем его внуком одной из первых титанид, с которыми мы встретились. Его задомать была первой миксо… — Тут она помедлила, явно затрудняясь с произношением. — Мик-со-ни-ан-кой. Миксонианкой. Ну вот. Она стала первой миксонианкой для Менестреля. Затем она скрестилась со своим передоотцом. По человеческим стандартам это не так уж и круто, но уверяю вас, что для титанид тут великая евгеника. Менестрель — Лидийский Дуэт. — Фея с торжественным видом рыгнула. — Как, впрочем, и все мы.

— В каком это смысле? — спросил Крис.

— Все люди — Лидийские Дуэты, — ответила Сирокко. Потом достала ручку и принялась рисовать на столе.

— Глянь-ка сюда, — сказала она. — Вот Лидийский Дуэт. Верхняя линия — женская, нижняя — мужская. Звездочка означает полуоплодотворенное яйцо. Верхние стрелочки показывают, куда идет яйцо, а нижняя стрелка — кто кого трахает, вначале и впоследствии. Вот Лидийский Дуэт: передомать и задомать — женщина; передоотец и задоотец — мужчина. Совсем как у людей. Разница только в том, что титанидам приходится

делать это дважды. — Она хитро взглянула на Криса. — Двойное удовольствие. Что, нет?

— Рокки, нам бы лучше…

— Это единственный вариант, где титаниды сходятся так же, как люди, — твердо продолжила Сирокко, ударяя кулаком по столу. — Из двадцати девяти возможностей эта — единственная. Есть дуэты, где все самки, их всего три. Эолийские Дуэты. Все Лидийские Дуэты непременно содержат в себе мужчину. Но он, как правило, выступает не в роли задоматери. — Она нахмурилась и начала загибать пальцы. — А вообще-то все-таки чаще. Четыре варианта из семи. В Гиполидиане самка оплодотворяет самое себя спереди, а в Локрилидиане она то же самое делает сзади. Че-рез зад-нее вла-га-ли-ще.

— Рокки…

— Неужели она действительно совокупляется сама с собой? — спросил Крис. Габи гневно на него взглянула, но это вряд ли имело смысл, ибо Сирокко его не слышала. Она клевала носом над столом, вглядываясь в схему, которую сама же и нарисовала.

— Не так, как ты думаешь, — вызвалась ответить Фанфара. — Это физически невозможно. Она делает это вручную. Сперма собирается — и

затем имплантируется. Сперма от заднего пениса может оплодотворить переднее влагалище, но только у одного и того же индивида, а не между…

— Эй, ребята, ребята, давайте-ка перерывчик. Идет? — Габи водила взглядом с одного спутника на другого, пока глаза ее не остановились на Сирокко. Тут она скорчила гримасу и встала. — Леди, джентльмены и титаниды, я надеялась начать наш поход немного более организованно. По-моему, у Рокки было что сказать по этому поводу, но черт возьми! Дело может и потерпеть.

— М-жет п-терпеть, — пробормотала Сирокко.

— Вот именно. Так или иначе, первая часть проста до чертиков. Мы поплывем по реке без всяких забот и хлопот. Почти все, что требуется сделать, это погрузить барахло в лодки и оттолкнуться от берега. Так как насчет того, чтобы оторвать задницы от подушек и отправиться в путь?

— Отправиться в путь! — эхом отозвалась Сирокко. — Тост! На посошок! Путь дорога приведет нас к приключениям и благополучно доставит назад. — Она встала и подняла кружку. Робин пришлось обеими руками поднимать свою, которую она с громким стуком затолкала в середину меж другими. Во все стороны плеснуло пиво. От

души глотнув, Робин услышала громкий деревянный стук. Это пьяная Фея грохнулась мимо своей табуретки.

Она, впрочем, не отрубилась. Робин никак не могла решить, на пользу это или во вред.

— Постойте минутку, — попросила Фея, болтая руками-ногами в воздухе. — Знаете, как это бывает с пивом? Все мозги мне запудрило. Я сейчас, ага? — Она встала и, качаясь, прошла в переднюю часть зала.

Потом оттуда раздался вопль. Пока Робин все еще решала, кто бы мог так вопить, Габи уже, перемахнув через стол, успела протиснуться сквозь плотную толпу титанид.

— Он здесь, он здесь! Это он! Он!

Тут Робин поняла, что голос принадлежит Сирокко, и принялась гадать, что же могло так напугать Фею. Насчет характера Сирокко у Робин были сомнения, но трусихой она ее не считала.

В одном конце пивной, рядом с дверью, собралась толпа. Габариты Робин не позволяли ей ничего увидеть поверх конских задов — так что она вспрыгнула прямо на стойку. Так ей удалось увидеть самый эпицентр всего переполоха.

А увидела она, что Сирокко утешает какая-то незнакомая Робин титанида. Габи стояла чуть

поодаль. В одной руке Габи держала нож, а другой — подавала какие-то знаки скорчившемуся перед ней прямо на полу мужчине. В неверном свете ламп поблескивали ее зубы — белые, хищные.

— Вставай, вставай, — шипела Габи. — Ты, грязная скотина, чем ты лучше вон тех шариков, а? Отвечай, животное! Если кому и суждено спустить тебя в канаву, то, черт меня побери, если я этого не сделаю!

— Я ничего такого не делал, — хныкал мужчина. — Клянусь, вот хоть Рокки спроси. И не стану ничего такого делать. Я ведь был хорошим. Уж ты-то, Габи, меня знаешь.

— Да, Джин, знаю. Даже слишком хорошо. У меня были две возможности тебя прикончить, и я, как последняя дура, их упустила. Так вставай и прими смерть лицом к лицу; пусть хоть на это у тебя хватит духу. Вставай — или я зарежу тебя прямо так, как свинью. Свинья ты, впрочем, и есть.

— Нет-нет, мне будет больно. — Он согнулся в три погибели, спрятав ладони между ног, и залился слезами. По сути, он и стоя вид имел бы жалостный. Лицо его, руки — короче, всю кожу, какая только была видна, — испещряли старые шрамы. На ноги налипло всякое дерьмо, а одеж-

да висела лохмотьями. Левый глаз закрывала черная пиратская повязка, а правое ухо почти отсутствовало.

— Встать! — приказала Габи.

Услышав голос Сирокко, Робин крайне удивилась — причем голос этот звучал почти трезво.

— Он прав, Габи, — негромко проговорила Фея. — Он ничего такого не сделал. Черт возьми, да он даже пытался сбежать, только меня завидел.

Габи встала чуть прямее. Какая-то часть огня, что пылал в ее глазах, исчезла.

— Ты что, не хочешь, чтобы я его прикончила? — без выражения спросила она.

— Бога ради, Габи, — пробормотала Сирокко. Фея теперь казалась спокойной, но очень вялой. — Ты же не можешь просто так покромсать его, как кусок бекона.

— Ага. Знаю. Я и раньше такое слышала. — Габи опустилась на одно колено рядом с мужчиной и ножом развернула к себе его лицо.

— Что ты здесь делаешь, Джин? Что замышляешь? Некоторое время мужчина только хныкал и бормотал что-то невразумительное.

— Просто хотел выпить — вот и все. На такой жарище у человека глотка совсем пересыхает.

— Твои друзья не здесь. Должна быть причина, чего ради ты вдруг заявился в Титанополь. А первым делом тебе не хотелось бы повстречаться здесь со мной. Так? Значит, должна быть причина для такого риска.

— Правда, правда, Габи, правда, я тебя боюсь. Да, госпожа, старина Джин всегда постарается убраться с твоей дороги. — Несколько секунд он об этом раздумывал, и выводы, видно, ему по вкусу не пришлись. Тогда он решил сменить тему. — Знаешь — забыл. Просто забыл. Черт возьми, Габи, я просто не знал, что ты здесь, — вот и все.

Робин сумела уразуметь, что человек этот так привык лгать, что уже сам, наверное, не знает, где правда. Ясно также было, что он смертельно боится Габи. Ибо, вдвое крупнее ее, он и не помышлял о драке.

Габи встала и махнула ножом вверх.

— Вставай. Ну, Джин! Не заставляй меня повторять.

— А ты мне больно не сделаешь?

— Если еще раз тебя увижу, сделаю очень больно. Мы хорошо друг друга понимаем? А? Будь уверен, убивать я тебя не стану. Но, если я где-нибудь, когда-нибудь еще тебя встречу, боль будет

страшная. С этого момента следи хорошенько, чтобы наши пути не пересекались.

— Да, да, Обещаю тебе, обещаю.

— Если мы еще раз встретимся, Джин, — сказала она и указала ножом, — я вырежу тебе второе.

Нож, однако, указывал не на его единственное горящее око. Нет, значительно ниже.

ГЛАВА XVI
Клуб кругосветников

Хотя твердая рука Менестреля твердо ее держала, Сирокко падала дважды, пока титаниды грузились. Фея продолжала уверять, что справится собственными силами.

Вещи, которые приобрел Крис, ждали его, как и было обещано, в сарае рядом с «Ла Гатой». Там же находились и пожитки всех остальных. У титанид имелись седельные вьюки, которые были обернуты вокруг их спин и затянуты снизу. Выгнувшись, Валья подтянула свою поклажу, заканчивавшуюся объемистыми кожаным и брезентовым мешками. Крису было куда сесть. Вскочив ей на спину, он раскрыл мешки, где лежали вещи, захваченные Вальей. Титанида стала постепенно передавать Крису весь его багаж, прося уравновешивать поклажу. Когда Крис закончил, каждый мешок заполнился менее, чем наполовину. Валья сказала, что так и нужно, ибо, когда они сойдут с лодок и отправятся по дороге, свободное пространство будет заполнено провизией, которой уже были загружены лодки.

Пакуясь, Крис бросал взгляды туда, где Габи и Менестрель пытались утихомирить Сирокко и усадить ее на титаниду. Трогательная картинка. Но и тревожная. Он также заметил, что Робин, сидящая на корточках на спине у Фанфары, также внимательно наблюдает за спектаклем. Вокруг лежала тьма, и единственный свет исходил от лампад, которые несли титаниды. Крис заметил, что Робин хмурится.

— Что, хочешь передумать насчет похода? — поинтересовался он.

Робин изумленно оглянулась. Раньше они не разговаривали — по крайней мере все то время, что Крис был в здравой памяти, — и ему интересно было узнать, что она о нем думает. Он-то сам находил девушку решительно странной. Так, Крис узнал, что рисунки на теле Робин были вовсе не рисунками, а татуировками. Змеи своими разноцветными чешуйками цеплялись за большой палец ее правой ноги и мизинец левой руки, а потом вились по руке и ноге, чтобы скрыться под одеждой. Его заинтересовало, какие у этих змей головы и нет ли там еще чего-нибудь такого.

Робин снова повернулась к своей поклаже.

— Раз я подписалась, я останусь, — сказала она. Волосы падали ей на глаза; мотнув головой, она

открыла еще одну странность: слева, на голове, был выбрит сложный пятигранный узор с центром в левом ухе. Крис почему-то подумал, что это парик и он вот-вот соскользнет.

Робин снова взглянула на Сирокко, затем перевела взгляд на Криса и, кажется, дружески ему улыбнулась. Из-за татуировок сложно было понять.

— Впрочем, я понимаю, о чем ты, — признала она. — Все, кому охота, могут звать ее Феей. А я как вижу пьяную женщину, так сразу ее узнаю.

Крис с Вальей оказались последними из восьмерки, что появилась из тьмы под древом Титанополя. Крис какое-то время моргал от яркого света, затем улыбнулся. Хорошо было двигаться. И не имело значения, чему навстречу он стремится.

Три другие команды составляли прелестную картинку, пока они переваливали через холмы и пускались вдоль по выжженной солнцем пыльной дороге меж полей высокого желтого зерна. Впереди в своем робингудовском сине-зеленом камзоле на шоколадно-коричневом Псалтерионе с развевающемся на ветру пламенем его оранжевых волос ехала Габи. За ними пристроился Менестрель с прикорнувшей у него на спине Сирокко. Видны были только ее ноги, которые

торчали из-под выцветшего тускло-красного серапе. В мутном свете шерсть. Менестреля казалась черной; теперь же она искрилась — будто стайка тончайших призм разлеталась позади титаниды. Даже буро-оливковые узоры Фанфары выглядели под солнечным светом просто величественно, а одуванчик ее белой головы был восхитителен. Робин ехала с прямой спиной, пристроив ноги на седельных вьюках, — энергичная и свежая в просторных штанах и трикотажной рубашке.

Сам Крис пристроился поудобнее на широкой спине Вальи. Глубоко втянув в себя теплый воздух, он подумал, что ощущает в нем ту неуловимую прелесть, которая так часто предшествует летним грозам. Обратившись к западу, он увидел, как с Океана летит непогода. Там кучковались облака: толстые, влажные мотки хлопка. Порой они растягивались с севера на юг. А порой выстраивались цепочками. Более же высокие и тонкие, казалось, раскатываются, расстилаются тонкой белой простыней.

Лучшего дня для начала похода было просто не придумать.

Крис не верил, что сможет спать на спине у титаниды, — но оказалось, что может, и запросто. Его разбудила Валья.

Псалтерион уже шел по длинной пристани, что вдавалась глубоко в Офион. Валья последовала за лидером, и вскоре ее копыта тоже застучали по деревянным доскам. У пристани стояли на приколе четыре больших каноэ. Их нехитрая конструкция включала в себя деревянные ребра, обтянутые серебристой материей. Оттого они казались похожими на те алюминиевые суда, что были вполне обычными на земных реках и озерах уже почти два столетия. Днища укреплены были досками. В середине каждого каноэ высилась гора припасов, накрытая красным брезентом и надежно обтянутая веревками.

Лодки качались высоко на воде, но стоило Псалтериону ступить на корму одной из них, как она заметно осела. Крис завороженно наблюдал, как ловко титанида движется по узкой палубе, снимая седельные вьюки и раскладывая их на носу. Титаниды никогда не казались Крису расой мореходов, но по Псалтериону было видно, что лодка для него — как свои пять пальцев.

— Тебе сейчас совсем не обязательно слезать, — сказала Валья. Голова ее была повернута на 180 градусов — движение, всякий раз вызывавшее у Криса психосоматическую боль в позвоночнике. Он попытался помочь ей с застежками, но вскоре

понял, что только мешает. Судя по тому, как Валья раскидывала тяжеленные вьюки, их вполне можно было принять за пуховые подушки.

— Одна лодка выдерживает двух титанид с багажом или всех нас четверых, — говорила тем временем Габи. — Или можно оставить команды из людей и титанид, по каждой на лодку. Так как нам удобней устроиться?

Стоя на краю пристани, Робин угрюмо смотрела на лодки. Потом она повернулась к Габи и пожала плечами. Наконец сунула руки в карманы и волком выглянула на воду, чем-то не на шутку раздосадованная.

— Не знаю, — сказал Крис. — Пожалуй, я бы предпочел… — Тут он заметил, как Валья на него поглядывает. Титанида быстро отвернулась. — Пожалуй, я остался бы с Вальей.

— Мне все равно, — заметила Габи. — Нужно только, чтобы хоть один из экипажа умел обращаться с каноэ. Ты умеешь?

— Немного. Но не очень.

— Неважно. Валья покажет тебе все что нужно. А ты, Робин?

— Понятия ни о каких лодках не имею. Я бы хотела спросить о…

— Тогда отправишься с Фанфарой. Потом мож-

но будет переиграть, когда мы лучше друг друга узнаем. Крис, поможешь мне с Рокки?

— У меня есть одно предложение, — вмешалась Робин. — Она в отрубе. Почему бы нам ее не оставить? Половина ее багажа — всевозможное спиртное, я сама видела. Она пьяница и будет нам только…

Больше сказать ей ничего не удалось, так как Габи пригвоздила ее к палубе раньше, чем Крис успел понять, что происходит. Руки Габи сжимали шею Робин, запрокидывая ее голову назад.

Потом, слегка дрожа, Габи ослабила давление и села. Робин раз кашлянула, но вставать не торопилась.

— Ты никогда не должна так о ней говорить, — процедила Габи. — Сама не знаешь, что несешь.

Никто так и не двинулся. Крис переменил ногу и услышал громкий скрип палубной доски.

Габи встала и отвернулась. Она сгорбилась и выглядела старой и усталой. Робин тоже встала, с ледяным достоинством отряхнулась. Потом откашлялась. И положила руку на кобуру своего пистолета.

— Стой, — велела она Габи. — Стой на месте. — Та остановилась. Крису показалось, что никакого интереса для нее эта ситуация не представляет.

— Я не стану тебя убивать, — тихо сказала Робин. — То, что ты сделала, требует возмездия, но ты из алчного мира и, наверное, по-другому просто не умеешь. Но послушай меня. Ты предупреждена. В следующий раз твое невежество тебя не спасет. Если ты хоть пальцем меня коснешься, одна из нас умрет.

Габи кинула взгляд на оружие в кобуре у Робин, угрюмо кивнула — и снова отвернулась.

Крис помог ей погрузить Сирокко на нос одного из каноэ. Его сильно заинтриговало происходящее, но он знал, когда нужно говорить, а когда держать рот на замке. Крис наблюдал, как Габи ступает в лодку и натягивает одеяло на обмякшее тело Феи. Под голову ей она подложила подушку. Теперь пьяная Фея выглядела совсем мирно — пока не заметалась, не захрапела и не сбросила с себя одеяло.

— Тебе лучше сесть впереди, — сказала Крису Валья, когда он присоединился к ней у каноэ, которое должно было стать их средством передвижения. Войдя в лодку, он присел, нашел весло и пробы ради погрузил его в воду. Весло вполне его устроило. Как и все, что делали титаниды, оно было превосходно украшено — на полированной древесине вырезаны были какие-то мелкие

зверьки. Когда на борт ступила Валья, Крис почувствовал, как лодка дала крен.

— И как это вашему народу удается найти время, чтобы смастерить такую красоту? — спросил он, указывая на весло.

— Если не делать красиво, — ответила Валья, — тогда не стоит делать вообще. К тому же мы не делаем так много вещей, как вы, люди. Мы делаем столько, чтобы ничего не выбрасывать. Еще мы делаем вещи по одной и, пока не закончим первую, вторую не начинаем. Титаниды никогда не изобретали линии конвейера.

Крис обернулся.

— Значит, и правда все дело в этом? В другом взгляде на вещи?

Валья ухмыльнулась.

— Нет, конечно не все. Еще дело в том, что мы не спим. Вы, люди, третью часть жизни проводите в бессознательном состоянии. А мы не спим.

— Все это, по-моему, очень интересно. — Крис знал, что титаниды не спят, но не задумывался о всех последствиях.

— Только не для меня. Но я сильно подозреваю, что мы совсем по-другому ощущаем время, чем вы. Наше время неразрывно. Конечно, мы его измеряем, но, скорее, как непрерывный поток,

чем как последовательность дней и ночей.

— Да… но какое отношение это имеет к вашему ремеслу?

— У нас просто больше времени. Мы не спим, но примерно четвертую часть нашего времени проводим в отдыхе. Мы сидим, поем и занимаемся ручной работой. Потому так и выходит.

Путешественники по Офиону часто отмечали чувство безвременья, какое давала им река. Офион одновременно был и источником, и концом всего в Гее — кольцом вод, что связывало все воедино. В таком качестве он представлялся очень древним, ибо и сама Гея была страшно древней.

Офион казался старым, но все было относительно. Столь же древний, как сама Гея, Офион был младенцем по сравнению с великими реками Земли. Следовало также помнить, что большинство наблюдало эту реку в Гиперионе, где она растекается и бежит привольно. В каком-то другом месте 4000-километровой окружности Офион мчался резвей Колорадо.

Крис был настроен на быстрое путешествие в каноэ. Человек обычно ставил лодку на воду, направлял ее в быстрину и гнал по бурной воде.

— Можешь с таким же успехом расслабиться, — донесся голос сзади. — Так ты очень скоро

устанешь, а тогда приляжешь поспать. Люди страшно скучные, когда они спят. Я хорошо знаю этот отрезок реки. Между этим местом и Аглаей высматривать просто нечего. Офион здесь мирный.

Отложив весло на днище каноэ, Крис обернулся. Валья безмятежно возлежала сразу за накрытым брезентом холмиком припасов. Весло в ее руках было вдвое больше его собственного. Сложив под собой все четыре ноги, Валья казалась предельно расслабленной, и Крис подумал — как странно. Ему никогда и в голову не приходило, что кони любят так сидеть.

— Вы, ребята, просто не устаете меня поражать, — сказал он. — Когда я впервые увидел, как титанида взбирается на дерево, то решил, что у меня галлюцинации. А теперь выясняется, что вы еще и заправские мореходы.

— Это вы, люди, без конца меня поражаете, — возразила Валья. — Просто загадка, как вы, стоя на двух ногах, сохраняете равновесие. Когда вы бежите, то сперва начинаете падать вперед, а потом ваши ноги пытаются вас догнать. Вы все время живете на грани катастрофы.

Крис рассмеялся.

— А знаешь, ты права. Я, по крайней мере, —

точно живу на грани катастрофы. — Он смотрел, как она гребет, и какое-то время ничего не было слышно, кроме тихого бульканья ее весла.

— По-моему, я должен тебе помогать. Что, если мы будем грести по очереди?

— Пожалуйста. Я буду грести три четверти оборота, а ты можешь грести оставшуюся четверть.

— Но это же несправедливо.

— Я знаю, что делаю. Для меня это раз плюнуть.

— Да, мы чертовски быстро движемся.

Валья подмигнула ему, а затем стала грести всерьез. Каноэ только что не понеслось по воздуху — заскользило как брошенный камень. Валья держала такой темп несколько десятков гребков, затем перешла на прежний расслабленный.

— Я так целый оборот могу, — заверила она. — Можешь также принять во внимание тот факт, что я намного сильнее тебя, даже когда ты в лучшей своей форме. А сейчас ты не в лучшей форме. Привыкай постепенно, ага?

— Пожалуй. Но я все равно чувствую, что должен что-то делать.

— Согласна. Отдохни. И дай мне сделать всю ишачью работу.

Он так и сделал, хотя про себя подумал, что

лучше бы она использовала другой эвфемизм. Это било в самую середку того, что давно уже совсем ему не нравилось.

— Мне как-то не по себе, — сказал он. — Ведь в конечном счете все сводится к тому, что мы… ну, что мы, люди, используем вас, титанид, вроде… ну вроде вьючных животных.

— Но мы можем перенести гораздо больше вас.

— Ну да, это понятно. Но у меня даже нет своей поклажи. И еще… я почему-то думаю, что дурно обращаюсь с тобой, когда…

— Тебя беспокоит, что ты на мне ездил. Да? — Она ухмыльнулась и закатила глаза. — Дальше ты предложишь, чтобы ты иногда шел рядом, давая мне отдохнуть, так?

— Что-то вроде того.

— Поверь, Крис, для титаниды нет ничего более утомительного, чем прогулка бок о бок с человеком.

— Это даже хуже, чем смотреть, как люди спят?

— Именно. Еще больше раздражает.

— Похоже, мы кажемся тебе крайне скучными.

— Вовсе нет — бесконечно удивительными. Никогда не знаешь, что человек сделает дальше и по какой причине. Будь у нас университеты, самый

большой конкурс был бы на факультете Изучения Человека. Но я молода и нетерпелива, как заметила Фея. Если пожелаешь, то можешь идти, а я как-нибудь постараюсь помедлить. Правда, я не знаю, как это понравится остальным.

— Брось, — сказал Крис. — Мне просто не хочется быть ношей. В буквальном смысле.

— Никакая ты не ноша, — заверила Валья. — Когда ты на мне едешь, сердце мое скачет от волнения, а ноги летят как ветер. — Титанида смотрела Крису в глаза со странным выражением на лице. Крис не смог понять, что это значит, и решил сменить тему.

— А почему ты здесь, Валья? Почему ты в этой лодке, совершаешь это путешествие?

— Ты говоришь только обо мне или о других титанидах тоже? — Она продолжила, не дожидаясь ответа. — Псалтерион здесь потому, что он всюду следует за Габи. То же самое — Менестрель. Что же касается Фанфары, то она здесь, думаю, потому, что Фея часто вознаграждает ребенком тех, кто совершает полный круг по великой реке.

— В самом деле? — рассмеялся Крис. — Может, по возвращении она и меня ребенком вознаградит? — Он ожидал, что Валья рассмеется, — но получил в ответ все тот же странный взгляд. — Но

ты не сказала, почему здесь ты. Ведь ты… ну, ты же беременна, разве нет?

— Да. Крис, я очень сожалею, что тогда убежала и бросила тебя. Мне следовало бы…

— Перестань. Ты уже извинялась, и я не хочу, чтобы ты начинала заново. Но разве тебе сейчас не лучше заниматься чем-то попроще?

В ответ — опять тот же самый взгляд.

— Можно к вам?

Крис удивленно поднял голову. Он не спал, но и не вполне бодрствовал. От постоянного сидения в одной и той же позе сильно затекли колени.

— Конечно. Подсаживайся. — Каноэ Габи шло борт о борт с лодкой Криса и Вальи. Габи перескочила из одного в другое и села напротив Криса. Потом склонила голову набок, явно не зная, с чего начать.

— Как тут у вас? Все нормально?

— Если ты имеешь в виду, нет ли у меня прямо сейчас приступа, то тебе виднее.

— Извини, я не хотела…

— Нет, я серьезно. — И чуть-чуть в обиду, признался он самому себе. Надо, в конце концов, перестать извиняться за свою неполноценность — или потерять все самоуважение. — Ведь я никогда не знаю, когда у меня бывает то, что доктора

зовут «эпизодами». Для меня все мое поведение всегда кажется предельно разумным.

Лицо Габи выражало сочувствие.

— Это, должно быть, ужасно. В смысле, что… — Тут она посмотрела на небо и тонко присвистнула. — Ну ты, Габи, заткни-ка свою пасть. — Потом она снова взглянула на Криса. — Думай что хочешь, но я не затем явилась, чтобы пачкать тебе мозги. Можно начать сначала?

— Привет! Как здорово, что ты сюда подсела.

— Нам надо бы чаще бывать вместе! — Габи лучилась ответной улыбкой. — Мне надо сказать тебе кое-что, а потом бежать дальше. — Похоже, она по-прежнему чувствовала неловкость, так как, заявив об этом, некоторое время молчала. Внимательно разглядывала свои ладони, свои руки, ноги, интерьер лодки. Смотрела на все — кроме Криса.

— Я хочу извиниться за то безобразие на пристани, — наконец сказала она.

— Извиниться? Передо мной?

— Конечно, извинения в первую очередь нужны не тебе. Но пока Робин не остынет, с ней я вообще говорить не смогу. А потом буду ползать на брюхе. Сделаю все, что угодно, — только бы загладить свою вину и стереть происшедшее.

Потому что, знаешь, — она права. И ничем такого обращения не заслужила.

— Я тоже так прикинул.

На лице у Габи появилась гримаса боли и стыда, но все же она сумела посмотреть Крису в глаза.

— Верно. И в более широком смысле, никто из вас такого обращения не заслужил. Мы все здесь вместе, и вы вправе ожидать от меня лучшего поведения. Я хочу заверить тебя, что в будущем так и будет.

— Принято. Считаем, что все забыто. — Крис потянулся и погладил Габи по руке. Когда она не отстранилась, он подумал, что, быть может, настало время слегка углубиться в проблему. Но очень непросто было начать.

— Я тут подумал… — Она подняла брови и вроде бы испытала облегчение. — Ну, если напрямую, чего нам ждать от Сирокко? Робин не единственная, на кого Фея произвела сильное впечатление.

Габи кивнула и обеими руками пригладила свои короткие волосы.

— Честно говоря, об этом я и хотела поговорить. Важно, чтобы ты понял: все вы видели только одну ее сторону. Есть и другие. Других, на самом деле, куда больше.

Крис молчал.

— Ну так вот. Чего вам ожидать? Если честно, то в ближайшие несколько дней мало чего. Робин говорила правду насчет того, что у Сирокко полбагажа — всевозможное спиртное. Несколько минут назад я почти все бросила в реку. У меня ушло трое суток, чтобы привести ее в порядок для Карнавала, а когда все кончилось, она опять завернулась на колесо. Когда она проснется, то снова захочет выпить, и я чуть-чуть ей налью. Иначе отходняк будет жуткий. После этого буду держать только самую чуточку, на крайний случай, в седельном вьюке Псалтериона.

Тут Габи подалась вперед и серьезно посмотрела на Криса.

— Знаю, в это трудно поверить, но через несколько дней, когда она оклемается и отойдет от воспоминаний о Карнавале, она будет в полном порядке. Повторяю — вы видели худшую ее сторону. А в ее лучшей форме у Рокки больше духа и мужества, чем у вас всех, вместе взятых. Больше такта и сострадания, и… впрочем, я не понимаю, зачем я об этом говорю. Вы либо сами в этом убедитесь, либо будете думать, что она горькая пьяница.

— Мне хотелось бы рассудить непредвзято, —

заметил Крис.

Она пристально вглядывалась в его лицо. Этот взгляд был уже Крису знаком. Он чувствовал, как каждый грамм ее могучей энергии вливается в этот взгляд, словно она желает высмотреть, что у него внутри. Крису это не понравилось. У него было ощущение, что Габи видит в нем то, о чем он сам даже не догадывается.

— Думаю, так и будет, — наконец сказала она.

Последовала еще минута молчания. Крис чувствовал, что Габи хочет сказать что-то еще, и снова ее подстегнул.

— Я не понял насчет Карнавала, — сказал он. — Ты сказала «отойдет от воспоминаний о Карнавале». А почему это так важно?

Габи уперлась локтями в колени и переплела пальцы.

— Что ты видел на Карнавале? — Она не стала ждать ответа. — Пение, пляски и пиршество, множество ярких красок, цветов, вкусной еды. Туристы пришли бы от Карнавала в восторг, но титаниды их туда не пускают. А причина в том, что это очень серьезное дело.

— Это я понимаю. И знаю, зачем он устраивается.

— Тебе так только кажется. Уверяю тебя, ты

понимаешь только первичную причину. Это эффективный метод контроля за рождаемостью, который, как известно, никому не нравится — ни людям, ни титанидам, когда он на них нацелен. Он годится только для всяких дрянных народцев. — Она выразительно подняла брови, и Крис кивнул.

— Что ты думаешь насчет роли Феи на Карнавале? — спросила затем Габи.

Крис подумал.

— Похоже, она серьезно ко всему относится. Не знаю, какими средствами она пользуется, но явно изучает все предложения до единого.

Габи кивнула.

— Верно. Она знает о размножении титанид больше любой титаниды. Она старше любой из них. Ей уже семьдесят пять лет приходится отправляться на Карнавалы.

Поначалу они ей нравились. — Габи пожала плечами. — А кому они не понравятся? Рокки здесь, в Гее, большая шишка, чего вы с Робин пока еще, похоже, не уяснили. Готовясь к Карнавалу, она предельно собирается с духом. Потому что это нужно всем. Может, она при этом чересчур усердна, но не мне судить. — Она снова от него отвернулась, и Крис подумал — как оно и было

на самом деле, — что у Габи на этот счет имеется суждение, и весьма определенное. Еще он понял, что Габи из тех, кто не может лгать людям, глядя им прямо в глаза. Эта черта ему понравилась; он и сам был из таких.

— Через некоторое время, однако, все это стало на ней сказываться. Ведь Карнавал всегда скрывает в себе бездну отчаяния. Ты этого не видел, ибо титаниды горюют в одиночку. Правда, они не уходят и не кончают с собой потому, что их не выбрали. Вообще я никогда не слышала о самоубийствах титанид. И все-таки Фея, как ни крути, доставляет титанидам массу горя. Рокки держалась еще долгое время после того, как увидела, что веселого тут мало, — держалась просто из чувства долга. Но лет двадцать назад она решила, что все, финиш — что большего ни от кого ожидать нельзя. Что настало время передать задание кому-то другому. Рокки отправилась к Гее и попросила, чтобы та освободила ее от этой работы. А Гея отказалась.

Габи внимательно посмотрела на Криса, ища понимания с его стороны. Но он еще не вполне все осознал. Тогда Габи отклонилась на корму, сплетя руки за головой, и уставилась на облака. Затем продолжила.

— Рокки приняла задание с некоторыми оговорками, — сказала Габи. — Я была вместе с ней, так что знаю. Да, она кинулась в эту авантюру, но с открытыми глазами. Она не доверяла Гее. Не верила, что та до конца будет верна своему слову. Считала, что на столе непременно появятся несколько лишних тузов. Самое смешное здесь то, что Гея на самом деле своих условий сделки не нарушала. Бывали славные годы. Бывали рискованные дела, несколько по-настоящему сложных проблем, но в целом это были лучшие годы жизни для Рокки. И для меня тоже. Ты не услышал бы от нас жалоб, когда дело принимало опасный оборот, потому что мы знали, на что идем, когда решили не возвращаться на Землю. Гея не обещала нам легкой прогулки. Она сказала, что мы сможем дожить до очень зрелой старости только если будем держать ухо востро. Все получилось в точности как было обещано.

Насчет старения мы, правду сказать, не слишком задумывались — мы просто не старели. — Габи рассмеялась, но в смехе ее прозвучал едва слышный намек на самоуничижение. — Мы были вроде героев мультсериала или книжки комиксов. «Оставайтесь с нами на следующей неделе…» — и вот они — мы, неизменные, го-

товые к новым приключениям. Я построила дорогу вокруг Геи. Сирокко утащил Кинг-Конг, и ее пришлось вызволять из плена. Мы… черт, ну почему ты не скажешь, чтобы я заткнулась? Когда заходишь к старухам, тебя вечно кормят всякими россказнями.

— Но это же интересно, — с увлечением сказал Крис. Он уже думал про аналогию с комиксами. Судьбы этих двух женщин были так далеки от реальности, что казались просто фантастикой. И все-таки вот она сидит перед ним — женщина возрастом в столетие, реальная как хороший тумак по уху.

— Так что Рокки, в конце концов, против этого восстала. Но тут на стол лег лишний туз. Трюк был просто убийственный. Мы, впрочем, его ожидали. Гея никогда не скрывала, что никому ничего не дает за так. Мы считали, что вполне успешно выполняем роли, оговоренные в сделке, но Гее хотелось большего. И вот как сработал обман.

Ты видел, как на Карнавале Сирокко кладет себе в рот титанидское яйцо? — Крис кивнул, и Габи продолжила. — Оно меняет цвет. И становится прозрачным как стекло. Весь фокус в том, что ни одно титанидское яйцо нельзя полностью оплодотворить, если не произошла эта перемена.

— В смысле, если кто-то не положит его себе в рот?

— Ну вот ты почти и понял. Титанидский рот тут не годится. Это должен быть человеческий рот. Причем особого человека.

Крис начал было что-то говорить, но вдруг замялся и оперся о борт.

— Только ее?

— Единственной и неповторимой Феи Титана. Крису не хотелось, чтобы Габи продолжала. Он уже все понял, но она настаивала на том, чтобы ему стали ясны все последствия.

— Только если Гея когда-нибудь изменит мозг Рокки, — неумолимо продолжала она, — тогда, и только тогда, все станет по-другому. А до тех пор Рокки в одиночку несет на себе полную ответственность за выживание расы титанид. Когда она это поняла, то пропустила очередной Карнавал. Она не сможет явиться и на следующий, сказала Рокки. Такая ноша не под силу ни одному человеку. А что, если она, к примеру, умрет? Гея не удостоила ее ответом. Но вряд ли можно сомневаться, что Гея запросто позволит всей этой расе исчезнуть, если Рокки отбудет с Геи, если перестанет ездить на Карнавалы или вообще умрет.

Так что Рокки опять начала посещать Карнавалы. А что она еще могла сделать?

Крис вдруг вспомнил титанидского посла в Сан-Франциско. Валторна, так ее звали. Тогда, стоило ей объяснить ему свое положение, Крису стало тошно. Теперь ему стало еще хуже.

— Не понимаю, как…

— Гея все очень хитро провернула. Когда Рокки приняла задание, она только-только убедила Гею остановить войну между титанидами и ангелами. Враждебность этих рас друг к другу была встроена в их мозги и, полагаю, в их гены. Гее пришлось тогда перебрать их всех по одной и внести перемены. В то же время мы с Рокки подверглись тогда прямой передаче огромной доли знания из разума Геи. Когда процедура закончилась, мы могли свободно петь по-титанидски и говорить на множестве других языков. Кроме того, мы узнали чертову уйму всякой всячины про внутренности Геи. А слюнные железы Рокки оказались изменены так, чтобы вырабатывать секрет, ставший необходимый для воспроизводства титанид.

Она не сразу начала пить. Еще в юности она приучилась нюхать кокаин, но потом был большой перерыв. Сперва она вернулась к увлечению

своей юности. Но спиртное больше подходило, так что на нем она и остановилась. Когда подходит время Карнавала, она изо всех сил старается от него отделаться. Но не может.

Тут Габи встала и подала знак Псалтериону, чья лодка шла параллельным курсом в десяти метрах от каноэ Криса. Псалтерион вильнул к ним.

— Все это, впрочем, к делу не относится, — оживленно закончила Габи. — Имеет значение только присутствие в подобном походе пьяницы, и не важно, почему она пьет. Важно только, будет от нее кому-то толк — включая ее самое, — если дело обернется круто. Я говорю тебе, что толк будет, иначе бы я не предложила тебе с нами отправиться.

— Рад, что ты мне рассказала, — сказал Крис. — И мне очень жаль Рокки.

— Не надо ее жалеть. У тебя свои проблемы; у нас они тоже есть. Мы с Рокки получили то, что просили. И только наша собственная вина в том, что мы тогда не вполне понимали, чего просим.

ГЛАВА XVII
Знакомство

Дождь, которого ожидала Габи, наконец пошел, когда они уже пять часов проплыли по реке. Габи разделила клеенку и передала кусок Псалтериону. В остальных лодках все, за исключением Сирокко, занимались тем же самым. Сирокко же по-прежнему в виде трупа спала на носу каноэ Менестреля. Габи собралась было сказать Псалтериону, чтобы тот подвел их лодку поближе и она смогла бы накрыть Фею от дождя, но затем переменила решение. Когда Рокки оказывалась в таком состоянии, первым побуждением Габи всегда было ее ублажить. Но теперь ей пришлось припомнить, что она сказала Крису. Сирокко должна будет сама позаботиться о себе.

В конце концов Фея подняла голову и воззрилась на дождь, будто ничего более странного и необъяснимого, чем падающая с неба вода, в жизни своей не видела. Начав было садиться, она затем перегнулась через борт и блеванула в бурую воду. Усилий вышло много, но блевать ей уже было почти нечем.

Когда она закончила давить из себя желчь, то переползла к середине каноэ, откинула красный брезент и принялась рыться в припасах. Поиски приобретали все более лихорадочный характер. Стоявший на корме Менестрель молчал как рыба и лишь методично махал веслом. Наконец Фея кое-как села на корточки и принялась отчаянно растирать ладонями лоб.

И вдруг подняла взгляд.

— ГааааБИИИИ! — завопила она. Затем, заприметив Габи метрах в двадцати от себя, шагнула через борт и ступила прямо на воду. Какое-то мгновение казалось, что Фея сейчас и впрямь пойдет по воде. Все, впрочем, объяснялось лишь низкой гравитацией, ибо уже на втором шаге она погрузилась по колено, а раньше, чем смогла сделать третий, вода сомкнулась над ее слегка озадаченным лицом.

— Может, она и Фея, — хихикнул Крис, — но она не Иисус Христос.

— Какой еще Иисус Христос?

Считанные мгновения Робин прислушивалась к объяснениям, а затем поняла, что ей это неинтересно. Иисус Христос оказался мифологическим героем у христиан — очевидно, тем самым, кто основал эту секту. Оказалось, он уже два тысяче-

летия как умер, и это Робин больше всего в нем понравилось. Она держалась настороже, а потом все-таки отважилась спросить Криса, верит ли он хоть чуть-чуть в эту бодягу. Когда же Крис сказал, что нет, Робин решила, что тема закрыта.

Они вдвоем сидели на бревне довольно далеко от остальных путников, которые сгрудились вокруг Сирокко, трясущейся в одеяле рядом с ревущим костром. С металлического треножника, медленно чернеющего в пламени, свисал большой котелок кофе.

На душе у Робин было кисло. Она просто не понимала, что, во имя Великой Матери, она делает в этом дурацком походе, ведомая Феей, которой она даже свои шнурки завязать бы не доверила. А тут еще и Габи. Ладно, про нее чем меньше, тем лучше. Что до четырех титанид… то они, пожалуй, ей нравились. Фанфара оказалась замечательной рассказчицей всяких небылиц. Робин всю первую часть путешествия внимательно ее выслушивала, время от времени вставляя какой-нибудь собственный анекдот и проверяя Фанфару на доверчивость. Фанфара отлично прижилась бы в Ковене; провести ее оказалось нелегко.

И оставался еще этот Крис.

Пока что Робин откладывала попытки поближе

его узнать, чувствуя серьезную неловкость. И немудрено — ведь это было бы ее первое настоящее знакомство с мужчиной. И в то же время она понимала, что многое, чему ее учили насчет мужчин, откровенная неправда. Робин даже могла себе представить, как сказки утрировались по мере передачи их от поколения к поколению. Правда, она до сих пор не могла себе вообразить, как она станет обходиться с ним непринужденно, но раз уж им вместе предстояло проделать это путешествие, надо было постараться немного лучше его понимать.

Это представлялось крайне затруднительным, и Робин бранила себя на чем свет стоит. Ведь Крис казался достаточно открытым для общения. Это она никак не могла себя заставить с ним заговорить. Куда проще было общаться с титанидами. Робин они казались куда менее чужими и странными.

Так что вместо разговора она просто сидела и смотрела, как с откидного полотнища палатки, натянутой ею меж двух деревьев, капает вода. Ветер куда-то пропал. Дождь падал вертикально вниз, плотный и постоянный. Впрочем, этого примитивного убежища вполне хватало, чтобы они остались почти сухими. Разожгли костер,

чтобы приготовить кофе для Феи. Робин было тепло и без костра — словно Гея специально для нее установила такую температуру.

— В пасмурный день в Гиперионе темнее, чем в Калифорнии, — заметил Крис.

— Правда? А я и не заметила.

Он улыбнулся, но не снисходительно. Похоже, ему тоже хотелось поговорить.

— Здешний свет обманчив, — сказал он. — Кажется ярким, но все оттого, что глаза привыкают.

Сатурн получает всего сотую долю света, который достается Земле. Когда его что-то загораживает, разницу сразу замечаешь.

— Честно говоря, я бы этого и не поняла. У нас в Ковене все по-другому. Мы неделями держим окна раскрытыми, чтобы посевы лучше росли.

— Не шутишь? Хотелось бы побольше об этом узнать.

Так Робин рассказала Крису про жизнь в Ковене и нашла для себя при этом еще один пример достоинства, равно присущего и мужчинам и женщинам, а именно: очень легко говорить с человеком, если он умеет хорошо слушать. Сама Робин слушать совершенно не умела и очень этого стыдилась. Тем более она уважала всякого,

кто, подобно Крису, мог вызвать у нее ощущение, будто все его внимание сосредоточено именно на ней, будто он буквально впитывает в себя все ею сказанное. Поначалу это уважение, куда примешивалась порядочная доля зависти, сильно ее раздражало. Это же самец, черт бы его побрал! Робин уже не ждала, что Крис будет накидываться на нее дважды на дню, и все-таки ее совсем сбивало с толку то, что, не будь у Криса щетины на подбородке и таких широких плеч, он был бы ей совсем как сестра.

Робин хватило ума понять, что многие мысли Криса насчет Ковена весьма странны, хотя он всячески старался это скрывать. Поначалу ее и это раздражало — какого черта представитель алчного общества смеет думать, что ее мир, мягко говоря, странен? Нет у него такого права! Но затем, изо всех сил стараясь судить непредвзято, Робин вынуждена была признать, что все их обычаи должны казаться странными тому, кто к ним не привык.

— А еще эти… татуировки? Они у всех в Ковене есть?

— Ага. У кого-то еще больше, чем у меня; у кого-то меньше. У всех есть Пентазм. — Она откинула волосы, чтобы показать ему узор вокруг

уха. — Вообще-то обычно центром должна быть материнская метка, во моя матка ущербна, и… — Крис хмурился, явно ее не понимая. — Ну — как там Габи ее называла — пупок. — Она рассмеялась, когда вспомнила. — Какое дурацкое название! Мы зовем материнскую метку первым окном души, потому что она отмечает священную связь — связь матери с дочерью. Окна головы — это окна разума. Меня даже как-то обвинили в гетеродоксии, потому что я ставила мой Пентазм больше на стражу разума, чем на стражу души, но я успешно защитилась перед трибуналом благодаря моей ущербности. Окна души ведут к матке, вот здесь и здесь. — Она приложила руки к животу и к паху — и тут же, припомнив разницу между собой и мужчиной, резко их одернула.

— Боюсь, я не понимаю, в чем твоя ущербность.

— Я не могу иметь детей. Они получили бы мой недуг — по крайней мере так говорят доктора.

— Извини.

Робин нахмурилась.

— Не понимаю привычки извиняться за то, чего ты не делал. Ты ведь не работал в банке спермы «Семенико», что в Атланте, Гей-эй. Ведь нет?

— Да не Гей-эй, а просто штат Джорджия, —

улыбнулся Крис. — Это какая-то искаженная аббревиатура. Нет, я там не работал.

— Однажды я встречусь с мужчиной, который там работал. Его смерть будет весьма необычной.

— Да я на самом деле не извинялся, — сказал Крис. — В другом смысле. Мы часто говорим «извини», просто чтобы выразить сочувствие.

— А мы в сочувствии не нуждаемся.

— Тогда я беру назад свое предложение. — Улыбка его была заразительна. Вскоре Робин тоже пришлось улыбнуться. — Видит Бог, я и сам немало от этого страдал. Обычно просто пропускаешь мимо ушей — если на душе не слишком погано.

Робин подивилась, как это он так беспечно об этом говорит. Алчные люди сильно различались. Некоторые вряд ли помнили, что такое честь. Другие могли сильно обижаться. По прибытии Робин перенесла унижения, которых она никогда не потерпела бы от своих близких. Просто она убедила себя, что эта публика лучшего не знает. Поначалу она думала, что ни у кого из них ни чести, ни самоуважения, однако у Криса, как ей показалось, было и то, и другое — хотя, быть может, меньше, чем следовало. Но если он же-

лает принимать сочувствие без протеста, ему не следует понимать это как вечное насилие над его чувством собственного достоинства.

— Меня обвиняли в том, что я бываю гадкой, — призналась Робин. — В смысле, мои сестры обвиняли. Бывает, что можешь принять сочувствие, не теряя чести, — но только когда это не подразумевает покровительства.

— Тогда вот тебе мое сочувствие, — сказал Крис. — Без всякого покровительства. Просто как сочувствие одного страдальца к другому.

— Принято.

— А что означает слово «алчный»?

— Оно происходит от нашего названия для вашей… нет, об этом лучше не надо.

— Ладно. Так почему тебе охота прикончить того человека в Джорджии?

Незаметно для самой себя Робин пустилась в объяснения о том, что с ней проделали, а это привело к объяснениям по поводу алчной структуры власти и ее действия. Потом на нее вдруг снизошло откровение, что она разговаривает с предполагаемым членом этой самой структуры. Странным образом Робин оказалась в замешательстве. Она тут наговорила черт-те-чего, смешала Криса с грязью, а ведь он лично ничего

плохого ей не сделал. Как тут разобраться? Робин уже ни в чем не была уверена.

— Ну теперь я, по крайней мере, вроде бы понимаю значение слова «алчный», — сказал Крис.

— Я вовсе не собиралась ни в чем тебя обвинять, — отозвалась Робин. — Уверена, ты по-другому все это понимаешь. Так тебя воспитали, ну и…

— Не будь так уверена, — возразил Крис. — Я, знаешь ли, не принадлежу ни к какому вселенскому заговору. А если даже таковой существует, меня на собрания никто не приглашал. И еще я думаю, что ты… что твой Ковен в своих выводах исходит из устаревшей картины мира. Если я правильно тебя понял, отчасти ты и сама с этим соглашаешься.

Робин, сама того не желая, пожала плечами. Да, отчасти он был прав.

— Когда твоя группа отрезала себя от остального человечества, все и впрямь могло быть так скверно. Меня тогда, правду сказать, еще не было. Если б был, то наверняка принадлежал бы к классу угнетателей и не сомневался, что все идет как надо. Мне говорили, что с тех пор очень многое изменилось к лучшему. Не скажу, что все стало идеально. Реальный мир никогда не бывает

идеален. Но большинство женщин, с которыми я знаком, вполне счастливы. И вовсе не думают, что им еще предстоит много всяких сражений.

— Тут тебе лучше остановиться, — предупредила Робин. — Большинство женщин всегда, во все времена были счастливы тем, как все шло, — или, по крайней мере, так они заявляли. Все это восходит ко временам еще более ранним, чем те, когда алчное общество позволило женщинам голосовать. Только из того, что мы в Ковене верим в некоторые вещи, которые, как я теперь убедилась, преувеличены или неверны, не делай вывода, что мы там все — круглые идиотки. Мы прекрасно знаем, что большинство всегда желает, чтобы все оставалось как есть. Пока это большинство не поведут к чему-то лучшему. Раб не может быть счастлив своей участью — и тем не менее он, как правило, ничего не делает, чтобы ее изменить. Большинство просто не верит, что что-то можно изменить.

Крис одновременно пожал плечами и развел руками.

— Да, тут ты меня к стенке приперла. И главное — я не могу заметить угнетения просто потому, что от меня же оно и исходит! Так, что ли? Интересно, каким же страшилищем я тебе кажусь

— вроде пришельца с другой планеты?

— Если честно, все гораздо лучше, чем я предполагала. По крайней мере — с виду. Мне уже пришлось отбросить целую кучу предубеждений.

— Это делает тебе честь! — заметил Крис. — Большинство людей скорее пошли бы на виселицу, чем расстались с предубеждениями. Когда Габи сказала мне, откуда ты явилась, я меньше всего ожидал от тебя непредвзятости. Но что… что на этот счет думают алчные женщины?

Робин испытывала странные, смешанные чувства. Больше всего ее раздражала собственная радость по поводу того, что Крис нашел у нее непредвзятость. Такое, несмотря на то, как он все это выразил, квалифицировалось бы в Ковене как оскорбление. Предполагалось, что закрытая, изолированная группа, какую ему, должно быть, описала Габи, будет фанатично держаться своих принципов. На самом деле Ковен был совсем не таков — но как объяснишь это Крису? Робин в свое время натаскали воспринимать вселенную как данность, какой она ее видела, — и не вводить фактора Финагля, который заставлял бы эту самую вселенную соответствовать какому-либо уравнению или даже доктрине.

Легко было отбросить заверения в том, что мужчины отращивают пенисы в метр длиной и что они все время только и делают, что насилуют женщин, а также покупают их или продают. (Последнее, между прочим, было пока еще не опровергнуто. Если же такое происходило, то это, несомненно, было частью общественного бизнеса, за которым Робин еще не смогла в достаточной мере пронаблюдать.) Она напрямую столкнулась с не дающим покоя понятием: мужчина-как-личность. С понятием о человеке, вовсе не целиком зависящем от своего тестостерона, представляющем собой не просто агрессивный пенис, а личность, с которой можно свободно разговаривать, которая способна понять твою точку зрения. Доведение этой мысли до логического конца приводило Робин к почти абсурдной возможности: мужчина-как-сестра.

Она вдруг поняла, что уже слишком долго молчит.

— Алчные женщины? Ну, я еще их мало знаю. Я тут познакомилась с одной женщиной, которая продает свое тело, хотя она говорит, что так на это смотреть нельзя. Я ничего не понимаю в деньгах, поэтому мне трудно судить, права она или нет. Габи и Сирокко в этом отношении, как мне

кажется, вообще не пример. Сам знаешь, у них еще слабее связи с человеческим обществом, чем у меня. Поэтому должна честно признаться, что еще недостаточно знаю твою цивилизацию, чтобы понять, какую роль в ней играют женщины.

Крис опять кивал.

— Что у тебя в сумке?

— Мой демон.

— Можно посмотреть?

— Это небезоп… — Но Крис уже открыл сумку. Ну что ж, подумала Робин, сам напросился. Укус Нацы болезненный, но не смертельный.

— Змея! — воскликнул Крис. В полном восторге он немедленно потянулся в сумку. — Пит… нет-нет, анаконда. И прелестнейший экземпляр. В жизни такой красоты не видел. Как его… как ее зовут?

— Наца. — Робин сожалела, что тогда смолчала, и теперь желала, чтобы Наца поскорее укусила этого мужчину. Тогда и дело с концом. Потом Робин извинится, потому что такая шутка и впрямь чем-то нехорошим попахивает. Откуда Крису знать, что Наца никому, кроме Робин, трогать себя не позволяет?

Но он делал все очень точно, как надо, с должным уважением, и, черт побери, очень скоро

Наца пристроила свои кольца у него на руке.

— А ты, оказывается, кое-что про змей знаешь.

— Да, немножко. Я год работал в зоопарке. Когда еще мог работать. Мы со змеями всегда ладили.

Когда прошло пять минут, а Крис все еще не был укушен, Робин пришлось признать, что он сказал сущую правду. И она еще больше занервничала, глядя, как он сидит тут с ее демоном, который уже с комфортом расположился у него на плечах. Что же ей теперь делать? Ведь главная функция демона — предупреждать ее о врагах. Отчасти Робин понимала, что все это имеет не больше смысла, чем непогрешимость, даруемая Третьим Глазом. Традиция — и не более. Теперь ведь, в конце концов, не каменный век.

Но отчасти — и эта часть ее разума лежала значительно глубже — Робин смотрела, как Крис играет со змеей, и просто не знала, что теперь делать.

ГЛАВА XVIII
Сна ни в одном глазу

Габи рассчитывала добраться до Аглаи, не вставая лагерем, — и только теперь поняла, что ничего общего со здравым смыслом это не имеет. Состояние Сирокко путешествовать без остановки не позволяло.

Хотя вообще-то они уже не так мало и проплыли. Ровная гребля титанид довела их до последнего поворота на север перед тем, как Офион возобновлял свое общее направление на восток. Участок прибитого к берегу сплавного леса будто локтем перекрывал там речной поток и обеспечивал удобный причал для каноэ. В рощице на вершине невысокого утеса титаниды разбили лагерь, а Крис и Робин, как всегда, пытались им помочь, но чаще всего просто мешали.

Габи прикинула, что дождь будет идти несколько декаоборотов. Она могла бы связаться с Геей и выяснить все в точности — даже найти хорошую причину, чтобы положить дождю конец. Но погода в Гее была прекрасно нормирована, и вряд ли стоило в это вмешиваться. Много раз Габи

видела, как за жарой в два гектаоборота следует тридцатичасовой дождь, а этот, по всему, таким и был. Непрерывная пелена облаков спустилась совсем низко.

Дальше к северо-западу Габи могла различить Место Ветров, выход из Гипериона наклонного троса, известного как Лестница Сирокко. Трос исчезал в слое облаков, в смутной, более густой темноте, прежде чем подняться над ними дальше к северу. Габи даже казалось, что она различает яркость по ту сторону облаков, где трос нависал над ними и отражал свет на свою собственную колоссальную тень.

Лестница Сирокко. Габи криво усмехнулась — но все же без горечи. Похоже, все уже забыли, что тот подъем совершили две женщины. Но это ее не раздражало. Габи прекрасно знала, что, не считая шоссе, число оставленных ею на этом безумном мире отметин даже близко не сопоставимо с числом отметин, оставленных Сирокко.

Дойдя до вершины утеса, Габи от души развлекалась зрелищем того, как Крис и Робин изо всех сил пыжатся сделаться полезными членами их небольшого сообщества. Титаниды были слишком вежливы, чтобы отказаться от предложений о помощи, — а в результате работа, на которую

должно было уйти пять минут, делалась за пятнадцать. И ничего удивительного. Крис, хоть и не заговаривал о своем происхождении, явно был городским ребенком, если не считать нескольких экскурсий в земные заповедники, где сохранилась якобы «девственная природа». Робин вообще прибыла из гипергорода — и в общем-то неважно, что дно Ковена покрывала живописная поросль, где паслись стада. Она, должно быть, ни разу в жизни не видела чего-то действительно дикого, чего-то, не запланированного человеческим разумом.

Впрочем, когда дело дошло до кухни, все четыре титаниды твердо встали всеми четырьмя ногами на землю и отодвинули молодых людей подальше от столь важного занятия. Готовили титаниды почти так же несравненно, как и пели. Для этого первого дня похода они чуть не с головами зарывались в поклажу, доставая продукты, которые лучше было поскорей израсходовать — отборные лакомства, специально захваченные, чтобы съесть сразу. Они разожгли костер и окольцевали его гладкими камнями, затем разобрали медные кухонные принадлежности и занялись той магией, которая только титанидам и доступна — которая позволяет им обращать

свежее мясо и рыбу в чудеса импровизации.

Вскоре плоды их трудов уже можно было различать по запаху. Рассевшись там же, на вершине утеса, Габи стала наслаждаться ожиданием трапезы, впервые за долгое время не испытывая никакого беспокойства. Память вернула ее к куда более простой пище, которой она довольствовалась много лет назад — когда они с Сирокко, оборванные и избитые, неуверенные, что доживут до завтра, были так близки друг другу, как только могут быть близки два человека. Теперь эти сладостные воспоминания чуть горчили, но Габи прожила достаточно долго, чтобы понять: чтобы выжить, надо держаться простого и доброго. Она могла бы сейчас раздумывать, что было не так с того самого дня до сегодняшнего, могла бы тревожиться за Сирокко, которая сейчас металась в своей палатке и размышляла, как бы извлечь спиртное из седельных вьюков Псалтериона. Но вместо этого Габи принялась вкушать аромат добрых яств, слушать, как умиротворяющий шум дождя мешается с пением титанид, и ощущать понемногу задувающий с востока долгожданный прохладный ветерок.

В свои сто три года Габи опять пустилась в очередной поход, который, вполне могла не

закончить. В Гее никому не давали страховых полисов — даже Фее Титана. И уж конечно, такого полиса не дали бы этой язве Габи — свободной художнице, которую Гея терпела только потому, что на нее можно было положиться скорее, чем на Сирокко.

Подобные мысли Габи не тревожили. Конечно, она останется жива и здорова. Было время, когда казалось, что ее нынешний возраст будет просто непереносим, — но теперь она знала, что в душе столетние всегда молоды; ей же просто посчастливилось и выглядеть, и ощущать себя молодой. Габи видела себя шестнадцатилетней девчонкой в горах Сан-Бернардино, где с нею были только костер и телескоп, причем и тот и другой — творения ее собственных рук. Вот она дожидается, пока стемнеет и выглянут звезды. Чего же еще человеку просить от жизни?

Габи знала, что расти духовно она больше не будет. Она на это и не рассчитывала. Возраст, выяснила она, приносит больше опыта, больше познаний, больше перспектив; он приносит множество всякой всячины, которую человек, скорее всего, может накапливать вечно, — но кривая мудрости, раз достигнув плато, уже обречена идти параллельно оси абсцисс. Если Габи

одолеет свое второе столетие, больших перемен она ожидать не будет. До восьмидесятилетия она еще испытывала некоторое беспокойство, но дальше она уже ни о чем не тревожилась. К тому же хватало повседневных забот.

И в тот день была забота, разрешение которой все приближалось.

Взглянув на расхаживающую вокруг костра Робин, Габи глубоко вздохнула.

Яства соответствовали обычным высоким титанидским стандартам — но с одной, в буквальном смысле, кислой нотой. В титанидской кухне обычно использовалась одна очень сильная пряность, полученная из размолотых и особым образом приготовленных зернышек голубого фрукта размером с арбуз. В песнях титанид для фрукта имелось очень элегантное название, но люди обычно звали его гигалимоном. Внутри он был белый и зернистый, нескольких зернышек хватало для любого рецепта.

Когда еда была уже почти готова для раскладывания на тарелки, Псалтерион внезапно отвернулся от котла, сплюнул овощи на землю и сморщился. Титаниды лишь вопросительно на него посмотрели. Тогда он просто протянул ложку, Валья приложила к ней язык и скорчила

гримасу.

Не слишком много времени ушло на то, чтобы выяснить, что кожаная сумка, на которой стояла пометка «СОЛЬ», на самом деле содержала в себе концентрат гигалимона. Сумку купила Фанфара. Заключение, выработанное четырьмя титанидами сообща — после почти скандальных дискуссий, — было следующим. Торговец — некий бывший текилаголик по имени Кифаред — по какой-то причине решил сыграть с экспедицией Феи дурную шутку.

Никого из титанид шутка эта не развлекла. Скорее — напротив. Габи подумала, что невелика беда — пусть даже пришлось выбросить целый котел овощей. Соли у них все равно было навалом — и превосходной. Тщательная проверка остальной провизии никаких подмен не выявила. Но у титанид порча кушаний считалась тяжким грехом. Ни одна из них не могла понять, зачем Кифареду это понадобилось.

— Уж я позабочусь по возвращении его об этом спросить, — мрачно пообещал Псалтерион.

— Хотелось бы мне тоже быть где-то неподалеку, — отозвалась Валья.

— Да что вы такую бучу заварили? — недоумевала Габи. — Просто шутка. И довольно безвредная.

Порой вы, ребята, кажетесь мне слишком трезвыми. И я рада, когда хоть кому-то из вас удается выкинуть номер.

— Мы вовсе не против шуток и номеров, — возразила Фанфара. — Мне лично они нравятся не меньше, чем кому бы то ни было. Но эта шутка… слишком дурно попахивает.

Хотя процесс старения Габи и миновал, все же одно в ней менялось с годами все больше и больше. Ей требовалось все меньше сна. И сейчас двух часов из двадцати хватало с избытком. Часто она бодрствовала по шестьдесят-семьдесят оборотов подряд — и без каких-либо болезненных последствий.

Титаниды говорили, что Габи с каждым годом становится все больше подобна им — и скоро совсем лишится своей скверной привычки.

Причины этого ее не занимали. Так или иначе, Габи решила, что в этом лагере она обойдется без сна. Тогда она уединилась, побродила какое-то время по берегу реки, а когда вернулась, в лагере уже стояла тишина — если не считать басовых, гудящих песен отдыхающих титанид. Они расположились у костра — четыре неправдоподобно гибких комических кошмара — руки заняты какой-то маловажной работой, все погружены в

собственные мысли. Валья лежала на боку, опираясь на локоть. Фанфара устроилась на спине, и ее человеческий торс составлял теперь одну линию с остальным телом, а ноги были согнуты будто у щенка, ожидающего, чтобы ему почесали брюшко. Из всего, что могли делать титаниды, такое положение Габи находила самым забавным.

Меж деревьев на некотором отдалении от костра разбиты были четыре палатки. Габи прошла мимо своего свободного убежища. В следующем тяжелым сном спала Сирокко. Фея выпила в себя два глотка спиртного и целый океан кофе. Но Габи знала, что мечется и ворочается она вовсе не от кофе.

Помедлив у палатки Криса, Габи решила, что заглянуть в нее будет значить, как минимум, ненужное любопытство. Дела к Крису у нее не было. Ей следовало пройти к следующей палатке. У входа она несколько секунд подождала, пока не услышала, как Робин ворочается внутри.

— Можно к тебе на минутку?

— Кто там? Габи?

— Ага.

— Так я и думала. Заходи.

Робин сидела на своем спальном мешке, расстеленном на глубокой подстилке из мха, заботливо

уложенного туда Фанфарой. Габи зажгла свисающую с центрального шеста лампаду и заметила, что глаза Робин бдительно, но вполне беззлобно поблескивают. На ней была та же одежда, что и весь предыдущий день.

— Я тебя не потревожила?

Робин помотала головой.

— Никак не заснуть, — призналась она. — Первый раз в жизни приходится спать без кровати.

— Фанфара была бы счастлива притащить еще мха.

— Дело не в этом. Ничего, привыкну.

— Было бы легче, если бы ты надела что-то посвободнее.

Робин взяла искусно вышитую ночную рубашку, разложенную для нее Фанфарой.

— Это не в моем стиле, — сказала она. — Как в таком вообще можно спать? Это же музейный экспонат.

Габи усмехнулась, затем присела на корточки, встала одним коленом на землю и оторвала кожицу у основания ногтя. Когда она подняла глаза, Робин внимательно на нее смотрела. Ну вот, пора начинать, подумала Габи. Она знает, что ты пришла не за тем, чтобы проверить, нужно ли ей свежее полотенце.

— Пожалуй, для начала следует извиниться, — сказала она. — Что я и делаю. Сожалею о случившемся. Такое ничем нельзя оправдать. Мне очень жаль.

— Извинения я принимаю, — отозвалась Робин. — Но и предупреждение остается в силе.

— Прекрасно. Я понимаю. — Габи старалась как можно аккуратнее подбирать слова. Требовалось нечто большее, чем извинения, но ни в коем случае нельзя было впасть в покровительственный тон.

— То, что я сделала, в моем обществе порицается так же, как и в твоем, — сказала она. — Извинения были в том числе и за насилие над моим собственным моральным кодексом. Но ты мне про что-то такое рассказывала — про то, что есть у ведьм. Какая-то система обязательств, что ли? Слово выскользнуло у меня из головы.

— Лабра, — подсказала Робин.

— Точно. Я не претендую на полное понимание. Тем не менее, как мне кажется, я подвергла насилию и эту самую лабру, хотя и не знаю, как именно. Теперь я прошу тебя о помощи. Есть какой-то способ уладить наши отношения? Могу я сделать что-то такое, чтобы все выглядело так, будто ничего и не было? Робин хмурилась.

— Сомневаюсь, что тебе захочется…

— Но мне хочется. Очень хочется. Так есть или нет?

— Вообще-то есть. Только…

— Ну что?

Робин развела руками.

— Совсем как в каком-нибудь примитивном обществе. Дуэль. Один на один.

— А насколько серьезна эта дуэль? — спросила Габи. — До смерти?

— Ну, мы все-таки не настолько примитивны. Цель здесь — примирение, а не убийство. Если бы я считала, что тебя нужно убить, я просто бы тебя убила. А потом надеялась бы, что сестры оправдают меня, когда я предстану перед трибуналом. Мы будем биться голыми руками.

Габи поразмыслила.

— А если победа будет за мной? Робин возбужденно выдохнула.

— Ты не понимаешь. Неважно, кто победит, — не в этом смысл. Мы не станем пытаться доказать, кто из нас лучше. Драка докажет только, кто из нас сильнее и быстрее, — а это не имеет отношения к чести. Но, соглашаясь на поединок с уговором не убивать друг друга, мы обе подтверждаем в другой достойную, а значит благородную

соперницу. — Тут она помедлила и на миг лукаво ухмыльнулась. — И не беспокойся, — добавила она. — Ты не победишь.

Габи оценила ее ухмылку и еще раз подметила, что ей нравится эта странная девчонка. И больше чем когда-либо она захотела видеть ее на своей стороне, когда начнутся проблемы.

— Ну так как? Достойна я поединка?

Робин долго не отвечала. Габи много о чем передумала с тех пор, как поединок был предложен.

Интересно, думала ли о том же и Робин? Должна ли она позволить Робин победить? Но ведь будет крайне опасно, если Робин поймет, что она бьется не в полную силу. С другой стороны, если Робин проиграет, точно ли она зароет в землю свой томагавк? На это Габи нужно было ее обещание. Но тут она подумала, что понимает маленькую ведьму достаточно хорошо, чтобы уяснить — кодекс чести не позволит Робин вести себя так, будто все расписано заранее. Так что поединок обещал быть очень серьезным и, скорее всего, довольно болезненным.

— Да, если ты так желаешь, — наконец ответила Робин.

Робин стала снимать с себя одежду, и Габи тоже разделась. Они находились в полукилометре от

реки — достаточно далеко, чтобы костер казался лишь мутным пятном, виднеющимся сквозь ливень. Полем боя предстояло стать неглубокой впадине в ровно стелющейся земле. Трава там почти не росла, а почва была достаточно твердой — выжженная солнцем земля только-только начала размокать от влаги после шести часов непрерывного дождя. Местами попадались лужи и слякоть.

Они встали лицом друг к другу, и Габи окинула взглядом свою противницу. Примерно одна весовая категория. Габи была лишь несколькими сантиметрами выше и несколькими килограммами тяжелее.

— Есть какие-то общепринятые формы, которые следует соблюсти? Какие-то ритуалы?

— Есть, конечно. Только они сложны и для тебя ничего значить не будут. Так чего ради на них распыляться? Мумбо-юмбо и абракадабра — ты кланяешься мне, я кланяюсь тебе, и будем считать, что с ритуалами все в порядке, идет?

— А правила?

— Что? Ах да, какие-то правила должны быть, правда? Но я понятия не имею, что ты знаешь о драке.

— Знаю, к примеру, как убить голыми рука-

ми, — сказала Габи.

— Пусть будет так. Давай не делать ничего такого, что может серьезно ранить соперницу. Ведь проигравшей тоже завтра идти в поход. А все остальное годится.

— Ладно. Но прежде чем мы начнем, хочу полюбопытствовать насчет татуировки у тебя на животе. За что тебе такую красоту накололи? — Она указала на живот Робин.

Могло выйти еще удачнее — Робин могла бы взглянуть себе на живот, а не на указующий перст Габи — но внимание ее все еще было отвлечено, когда Габи внезапно махнула ногой, которую еще раньше предусмотрительно зарыла в грязь. Робин увернулась от пинка, но целая блямба грязи все-таки попала ей в лицо, закрыв один глаз.

Габи ожидала отскока назад и готовилась его использовать, но реакция Робин оказалась куда более быстрой, и Габи получила чувствительный пинок в бок. Пинок этот притормозил ее ровно настолько, сколько Робин потребовалось на то, чтобы сделать свой неожиданный ход.

Она повернулась и побежала.

Габи кинулась следом, но это была не та тактика, к которой она привыкла. Она все ждала какого-то подвоха и потому бежала не так быстро,

как могла. В результате Робин создала солидный отрыв. Как только дистанция между ними увеличилась до десяти метров, Робин остановилась. Когда она снова повернулась лицом к Габи, с глазом у нее почти все было в порядке. Габи все же надеялась, что видеть ее противница будет не так хорошо, как раньше, но дождь быстро смыл большую часть ее преимущества. Все это не могло не произвести впечатления. Когда Габи стала наступать на свою молодую соперницу, делала она это с предельной осторожностью.

Все как бы начиналось снова. Габи чувствовала, что теперь преимущество у Робин, так как она редко участвовала в подобных поединках. Последний раз она тренировалась давным-давно — когда еще не была такой старой и ржавой. Сложно было вспомнить, чем они тогда занимались на практических занятиях. А за последние восемьдесят лет все драки, в которых она участвовала, были предельно серьезны, и результатом их неизбежно должна была стать смерть. Такие смертельные поединки не имели ничего общего с нормальной тренировкой. Робин, с другой стороны, поднаторела именно в бескровных дуэлях. Характер маленькой ведьмы воспитывался именно в них.

На самом деле не было никакого повода, почему поединок должен был продолжаться дольше нескольких минут, тем более считая обмен ударами. Но Габи почему-то не думала, что все выйдет именно так. Поэтому, когда она подступила вплотную, то рискнула не наносить ни ударов, ни пинков, оставляя для Робин брешь, с которой, думала Габи, она сможет справиться, если ее молодая противница решится эту брешь использовать. Но та даже не стала пытаться — и обе женщины принялись бороться за лучший захват. Соглашение было достигнуто без всяких слов. Габи решила его соблюсти. Упрощая поединок еще дальше тех правил, о которых они условились, Робин словно говорила, что не желает, чтобы кто-нибудь получил хоть какое-то повреждение. Это значило, что она считает Габи достойной соперницей, которая не заслуживает, чтобы ей причинили вред.

Боролись они долго. Габи поняла, что, соглашаясь на такое ведение боя, она теряет все свои преимущества. Но это было уже неважно. Она собиралась проиграть, приложив при этом все силы. Робин будет уверена, что Габи боролась до конца.

— Мир! — завопила Габи. — Сдаюсь, сдаюсь,

ведьма чертова!

Робин отпустила ее руку — и острая боль в плече утихла. Она подняла лицо из грязи и осторожно перекатилась на спину. И только тогда с облегчением поняла, что через день рука будет в полном порядке. Подняв голову, Габи увидела, что Робин сидит, опустив лицо на колени, и пыхтит как десяток паровозов.

— Ну что, третий раунд? — предложила Габи. Робин с трудом рассмеялась. Смеялась она громко, без всякого смущения.

— Если б я хоть на миг решила, что ты серьезно, — сумела она наконец ответить, — то связала бы тебя и посадила за решетку. Но боюсь, ты перегрызла бы прутья.

— А что, пару раз чуть-чуть тебя не достала?

— Ох, даже сама не знаешь, на какое чуть-чуть. Габи задумалась, почему ей так хорошо. Особенно если учесть, что чуть ли не все у нее болит. Потом предположила, что это так называемая «эйфория марафона» — та полная, бескостная расслабленность, которая приходит, когда человек завершает предельное усилие. Будут, конечно, синяки, и плечо какое-то время поболит, но вся эта боль была в основном результатом собственных усилий, а не полученных ударов.

Робин медленно встала. И протянула Габи руку.

— Пойдем к реке. Надо помыться.

Габи ухватилась за ее руку и с трудом поднялась. Робин прихрамывала, да и сама Габи шла не очень твердо. Так что первые мучительные сто метров приходилось друг друга поддерживать.

— Я правда хотела спросить про наколку, — сказала Габи, когда они приблизились к реке.

Робин вытерла руки о живот, но толку не было.

— Уже не видно. Слишком много грязи. А самато ты что думаешь?

Габи собралась было выдать что-нибудь такое вежливое и уклончивое, но затем передумала.

— Ничего более мерзкого, кажется, в жизни не видела.

— Точно. Оттуда идет много лабры.

— Может, объяснишь? Что, все ведьмы так себя уродуют?

— Нет. Я одна. Отсюда и лабра.

Они осторожно вошли в реку и сели. Дождь уже сменил гнев на милость, превратившись в тонкую мглу. А к северу сквозь разрыв в облаках пробился первый луч света.

Наколку Габи уже не видела, но не перестава-

ла о ней думать. Гротескная татуировка была устрашающей. Выполненная в манере анатомического чертежа, она изображала срезанные и с хирургической точностью откинутые в стороны слои ткани, что обнажали лежащие под ними органы. Яичники напоминали гнилой фрукт, где ползают личинки. На фаллопиевых трубах было понавязано множество узлов. Но страшнее всего была сама матка. Распухшая, она так и лезла из «разреза» — и рваная рана на ней сочилась кровью. Ясно было, что ранение нанесено изнутри, словно что-то прорывалось наружу. Но от твари, что таилась в матке, не было видно почти ничего — только пара бешеных красных глаз.

Когда они отправились обратно за одеждой, снова хлынул порядочный ливень. Габи не очень встревожилась, когда Робин вдруг поскользнулась и упала; ей и самой идти было трудно, а Робин к тому же берегла подвернутую лодыжку. Но когда Робин упала в четвертый раз, стало ясно — что-то тут не так. Габи посмотрела на подругу. Та шаталась, дрожала, на щеках от усилия вздулись желваки.

— Давай я помогу, — сказала Габи, когда видеть все это стало уже невозможно.

— Нет, спасибо. Я сама.

Минутой позже Робин упала — и уже не поднималась. Руки и ноги затряслись, глаза смотрели куда-то в одну точку. Габи присела на корточки и подхватила Робин одной рукой под колени, другой под спину.

— Нннннн… нннннееееее… Нннннеееееттттт.

— Что? Не будь дурочкой. Я не могу бросить тебя под дождем.

— Нннннеееееттттт. Уйййййййдддддддиииии. Осссссттттттааааавь мммеееннннняяяя.

Вот беда! Габи опустила Робин на землю и склонилась над ней, гладя по голове. Она взглянула в сторону уже недалекого костра, затем снова на Робин. Они оказались на вершине невысокого холма; поднимающаяся вода угрозы не представляла. От дождевой воды Робин тоже не утонет. Хищников, способных доставить серьезные неприятности, в этой части Гипериона не водилось. Были, впрочем, мелкие зверьки, способные ущипнуть.

Все должно было проясниться позднее. Следовало достигнуть какого-то компромисса. Прежних ошибок Габи повторять не желала. Так что она оставила Робин в покое и направилась к лагерю.

Встревоженная, Фанфара сразу встала, увидев, что Габи возвращается одна. Габи знала, что тита-

нида видела, как они уходили вдвоем; вероятно, она даже догадывалась, чем они намеревались заняться — там, под дождем. И Габи решила успокоить Фанфару, пока та не перешла к выводам.

— С ней все в порядке. Мне, по крайней мере, так кажется. Ее прихватил припадок, и от моей помощи она отказалась. Мы сможем забрать ее, когда настанет время выступать. Ты куда?

— Принести ее сюда, в палатку! Куда же еще?

— Сомневаюсь, что она это оценит.

Фанфара бросила на Габи такой гневный взгляд, какого ее пока еще ни одна титанида не удостаивала.

— Вы, люди, можете играть в свои пошлые игры, — презрительно фыркнула она. — А я не желаю. Ни по ее правилам, ни по твоим.

Робин увидела, как сквозь стену дождя над нею склоняется Фанфара. Так, значит Габи выслала кавалерию. Это, по крайней мере, было очевидно.

— Я пришла сама, — сказала титанида, выдергивая Робин из грязи. — Независимо от того, какие человеческие идеи ты пытаешься отстаивать, этот безумный акт должен быть подавлен, потому что никакое человеческое содействие тебя отсюда не вытащит.

— Положи меня на место, лошадь педальная,

перероcток чертов, — попыталась сказать Робин, но из горла вырвалось лишь презренное бульканье и карканье. Нижняя челюсть безвольно отвисла.

— Я о тебе позабочусь, — нежно проговорила Фанфара.

Робин была спокойна, пока Фанфара укладывала ее поверх спального мешка. Прекрати бороться, подчинись, выжди — и, в конце концов, победишь. Сейчас ты беспомощна, но можно достать их потом. Еще будет время.

Фанфара вернулась с ведерком теплой воды. Она вымыла Робин, растерла ее полотенцем, обращаясь с ней будто с дефектной механической куклой. Затем натянула на нее расшитое совершенство ночной рубашки. Робин, должно быть, весила для нее не больше комка бумаги, раз Фанфара одной рукой аккуратно засунула ее в спальный мешок. И не забыла заботливо подоткнуть его у Робин на шее.

А потом титанида запела.

Где-то глубоко-глубоко в горле у Робин вдруг собрался теплый комок. Это ее испугало. Когда тебя вот так подтыкают, купают, одевают — это же страшный урон для достоинства. Ей следовало бы собрать еще больше гнева, сочинить

испепеляющий словесный демарш, который она обрушит на проклятую тварь, как только вновь овладеет своим телом. А вместо этого она чувствовала внутри удушающе-теплый комок давно позабытых чувств.

Немыслимо было плакать. Стоит только раз этому поддаться — и уже никогда не будешь свободен от самосожаления. Это был самый большой страх Робин — такой большой, что она даже редко могла его назвать. Бывали минуты, когда она плакала. Но то было в полном одиночестве. Проделать же это, когда кто-то был рядом, она просто не могла.

И все же в каком-то смысле она была здесь в одиночестве. Фанфара сама сказала. Человеческие правила, представления Ковена здесь применять не следовало. Кроме того — Ковен никогда не требовал, чтобы она не плакала. Это диктовалось лишь ее собственной насильственно прививаемой дисциплиной.

Робин услышала стон и поняла, что он исходит из ее горла. А из уголков глаз уже сочились слезы. Теплый комок было никак не проглотить. Он должен был выйти наружу.

Робин сдалась, горько зарыдала — и вскоре заснула как дитя на руках у Фанфары.

Крис лежал на своем спальном мешке в проклятом полусвете и весь трясся. Многие часы казалось, что приступ уже надвигается — и тем не менее он все никак не приходил. Или уже пришел? Как Крис рассказывал Габи, не ему было судить, в «эпизоде» он или не в «эпизоде». И все же это было не совсем так. Да, начнись у него приступ, он этого не узнает, для его разума все будет казаться совершенно разумным — для его разума, подобного машине с изношенными шкивами и погнутыми шестернями. Но в этом случае он не будет лежать тут и исходить холодным потом.

Крис сказал себе, что все из-за света и бьющего по крыше палатки дождя. Свет вообще был сущим мучением. По тому, как он сочился сквозь стенки палатки, должно было быть либо раннее утро, либо ранний вечер — короче, или пора просыпаться, или слишком рано, чтобы спать. А в нормальную ночь проклятый свет переходить упорно не желал.

Криса поразило услышанное — тихие песни титанид, треск и щелчки костра. Потом кто-то подошел к его палатке, постоял, отбрасывая тень на стенку, — и удалился. Позднее он слышал разговор и то, как люди куда-то уходили и возвращались.

А теперь приближался кто-то еще. Такую большую тень не отбросить даже самой Фее.

— «Тук-тук».

— Заходи, Валья.

Титанида захватила с собой полотенце и, пока она просовывала в палатку голову и торс, то воспользовалась им, чтобы вытереть грязь с передних копыт. Только потом она ступила на брезент. То же самое Валья проделала с задними ногами, немыслимо изгибаясь и наклоняясь, прежде чем поднять каждую ногу, да еще умудряясь при этом почесать себя за ухом. Самое удивительное — что неловкой она за всю процедуру никак не выглядела. На ней был фиолетовый дождевик, который сам по себе был чуть ли не с палатку. К тому времени, как она его сняла и повесила на крючок у двери, Крис уже успел разжечь в себе непомерное любопытство касательно цели ее визита.

— Ничего, если я зажгу лампаду?

— Да, давай-давай.

Палатка была вполне титанидского размера — в том смысле, что Валья могла в середине ее стоять прямо, и вдобавок ей хватало места, чтобы повернуться. Лампада отбрасывала на титаниду загадочные тени, пока она не сняла ее с шеста и

не уселась, сложив под собой передние ноги.

— Я ненадолго, — сказала Валья. — Собственно, может, мне вообще не следовало приходить. Но, так или иначе, я пришла.

Если она намеревалась заинтриговать Криса, то лучшего способа сыскать не могла. Руки титаниды нервно теребили сумку — и Крису тяжко было на это смотреть. Большими пальцами она непрестанно дергала края, вытягивая сумку, будто резинку на плавках.

— Я очень расстроилась, когда узнала, что ты… что ты и правда не помнишь те сто оборотов, что мы провели вместе после того, как я наткнулась на тебя, идущего куда-то неподалеку от Лестницы Сирокко после твоего Большого Пролета.

— А сто оборотов — это сколько?

— Чуть меньше четырех суток по вашему счету. Один оборот — шестьдесят одна минута.

— Довольно долго. И что — мы хорошо провели время?

Валья взглянула на него, затем снова принялась теребить свою сумку.

— Лично я — да. Ты говорил, что ты тоже. Меня вот что встревожило. Ты мог подумать, что я использовала тебя как талисман на удачу, как я сказала, когда ты только-только пришел в

чувство.

Крис пожал плечами.

— Ну и что такого? Если я все-таки принес тебе удачу, то я очень рад.

— Дело не в этом. — Валья прикусила нижнюю губу, и изумлению Крису не было предела, когда он увидел быстро утертую слезу. — Пусть Гея меня проклянет, — простонала титанида, — если я смогу как надо об этом сказать. Я даже не знаю, что пытаюсь сказать, кроме того, что я страшно тебе благодарна. Пусть даже ты ничего не помнишь. — Порывшись в сумке, она вынула оттуда какой-то предмет, который затем вложила в руку Крису. — Это тебе, — сказала она, а потом встала и вышла из палатки раньше, чем он успел понять, что случилось.

Потом Крис раскрыл ладонь и увидел титанидское яйцо. Цвета оно было в основном желтого — как и сама Валья. Но мелькали там и черные завихрения. На твердой поверхности имелась надпись — крошечными, затейливыми английскими буквами:

Валья (Эолийское Соло) Мадригал: Фартовый Мажор

26-й гигаоборот; 97.618.685-й оборот (Год 2100 от р. Х.)

«Гея Не Говорит, Зачем Она Вертится».

ГЛАВА XIX
Вечная молодость

— Если ты беспокоишься насчет отцовства, — сказала Сирокко, — то наплюй, У титанид все по-другому.

— Я не имел в виду… наверное, я просто не так выразился.

Крис сидел в каноэ Сирокко. Он расположился в самой середине, в то время как Фея развалилась на носу. Голова ее покоилась на подушке. Глаза Сирокко заплыли в синяках, а цвет лица был как у покойника. Впрочем, несколько часов назад оно было еще хуже. Крис избрал компанию Сирокко в надежде узнать у нее насчет секса людей с титанидами, но теперь, увидев ее лицо, решил повременить.

Не он один поменял лодку. Габи плыла теперь с Фанфарой и Робин, в то время как Валья и Псалтерион вели флотилию из двух каноэ, которые вырвались далеко вперед.

Они уже прошли под Лестницей Сирокко — малоприятный опыт, без которого Крис вполне бы обошелся. Нависший над ним массивный трос

вернул Криса назад к Златым Вратам тем ветреным днем, когда Валторна наставила его на путь, приведший к Гее. Лестница Сирокко выглядела совершенно как мостовой трос. На месте башни, однако, разевала свою жуткую пасть Спица Реи — пасть, сужающуюся до бесконечности и вбирающую в себя уже невидимый трос, который шел точно по экспоненциальной кривой — геометрическая абстракция, ставшая реальностью. Десяток Златых Врат, установленных друг на друга, не измерил бы его устрашающей громады.

Теперь они уже находились в нескольких минутах от слияния Офиона с рекой Мельпоменой. Поток бурлил, готовый бросить вызов горам Астерия, темнеющим далеко на востоке.

Отвернувшись от реки, Крис попробовал снова.

— Во-первых, я точно знаю, что она уже беременна. А этот ребенок, я полагаю, — еще под вопросом. Прав я или нет?

— Ты по-прежнему мыслишь в терминах папаш и мамаш, — ответила Сирокко. — Ты здесь только потенциальный передоотец, а Валья — потенциальная передомать. Яйцо можно вставить… ну, к примеру, Менестрелю, и он будет задоматерью; затем любая из трех титанид, включая Валью,

может его оплодотворить.

— Но только для этого я должен гораздо лучше узнать Криса, — заметил с кормы Менестрель.

— Мне, знаете, не до смеха, — сказал Крис.

— Извини. Ребенок определенно под вопросом. Во-первых, я этого не одобрю. Во-вторых, ни одна титанида даже не начнет составлять брачное предложение, тщательно всего не обдумав. А в-третьих, яйцо у тебя.

— Так что здесь тогда не под вопросом? Этот дар — он что, имеет какое-то глобальное значение? Что она мне этим хотела сказать?

Сирокко, похоже, вообще не хотелось отвечать на вопросы, тем более — на дурацкие. Впрочем, вздохнув, Фея смилостивилась.

— Это не обязательно должно что-то значить. Хотя, как минимум, это определенно значит, что ты ей нравишься. Первым делом, она не стала бы заниматься с тобой любовью, если бы ты ей не нравился. И не дала бы тебе яйцо, если бы ты ей до сих пор не нравился.

Титаниды весьма сентиментальны, сечешь? Зайди в любой титанидский дом — и увидишь на стене целую полку таких штуковин. Наверное, только одно из тысячи находит применение или даже предполагается для применения. Эти яйца

обычны как… ну, как гондоны для ловеласа.

Менестрель пустил громкого петуха.

— Что, пошловатое сравнение? Да? — Сирокко сумела ухмыльнуться.

— А что такое гондон?

— Ну да, тебя тогда еще и в проекте не было? Одноразовая профилактика. Как бы то ни было, аналогия годится. После каждого фронтального совокупления через два гектаоборота у самки из переднего влагалища выскакивает такая штуковина. Это две сотни оборотов — на случай, если там, откуда ты прибыл, метрической системе уже не обучают. А вообще-то черт побери! Титанида знает, что такое гондон — хотя Менестрель никогда ни одного не видел, — а человек не знает! Чему вас там теперь учат? Что, история началась в 2096-м году?

— Нет, теперь, кажется, и 2095-й прихватили. Сирокко потерла лоб и слабо улыбнулась.

— Извини. Я отошла от темы. Твое образование или его отсутствие — не моего ума дело. Итак, назад к титанидам… Значит, большинство яиц просто выбрасывают — опять-таки как гондоны. Ч-черт. Ну, если не сразу, то во время очередной весенней уборки. Некоторые хранятся из сентиментальных чувств — порой долгое время после

того, как они уже угасли. А угасают они, между прочим, лет через пять.

Но тебе следует четко понимать двойственную природу титанидского секса. Задний секс служит двум целям, одна примитивнее другой. Первая — это чистый гедонизм. Они занимаются этим на публике. Другая цель — зарождение, когда оно им позволяется. Это, впрочем, происходит не так часто, как бы им хотелось. Передний секс — дело другое. Очень редко им занимаются просто чтобы сделать яйцо. Почти всегда это выражение близкой привязанности или даже любви. Не той именно любви, которую мы с тобой знаем, ибо титаниды не составляют брачных пар. Но любовь им ведома. Это одна из тех вещей, которые я знаю наверняка, а мой список таких вещей весьма краток. Титанида станет заниматься задним сексом с тем, с кем он или она даже не мечтает заняться сексом передним. Передний секс — штука священная. Впрочем, теперь все это несколько ослаблено из-за общения с землянами, которые задним сексом, по крайней мере с титанидами, заниматься не могут. Более либеральные элементы титанидской среды твердо считают, что вполне допустимо заниматься передним сексом с людьми ради забавы. Это следует делать в

уединении, но при этом совсем не обязательно любить человека или быть ему близким другом. Так, Менестрель?

— Это правда, — подтвердила титанида.

— Почему бы тебе не продолжить, — предложила Сирокко. — А то у меня совсем голова раскалывается.

Когда Крис развернулся к корме, Менестрель ненадолго прекратил грести и развел руками.

— Да сказать-то почти и нечего. Сирокко уже все объяснила.

— Значит, яйцо — это просто на хранение. А расстроена Валья оттого, что я забыл, как это случилось. Она вовсе меня не любит.

— О нет, этого я не говорил. Валья девочка старомодная, и секса с людьми у нее никогда не было. Она страшно тебя любит.

Ненастная погода в Гее позволяла ночным регионам зацапать себе больше территории, чем та, которой они владели. Когда отряд проплывал мимо устья Мельпомены, они как раз входили в область, обычно относимую к сумеречной зоне. Теперь же тут была ночь.

Впрочем, ночь в Гее никогда не бывает полной. Когда погода ясная, то даже в самом центре Реи так же светло, как земной ночью при полной

луне. Под облаками мрак, разумеется, сгущался — но все же никогда не становился непроницаемым. Земля у подножия гор Астерия освещалась мягким свечением, исходившим из заоблачной сферы. В нише на корме каждого каноэ было установлено по лампаде. Отряд двигался дальше.

На берегу стали попадаться деревья. Вначале они были рассеяны, но вскоре превратились в густой лес. Деревья эти, с прямыми стволами и тонкими листьями, порядком напоминали сосны. Появился и невысокий подлесок. Там Крис увидел стада шестилапых существ, передвигающихся немыслимыми прыжками, вроде кенгуру. Сирокко объяснила ему, что эта область представляет собой остатки первичного леса, который Гея сделала, еще будучи молодым титаном, и что простые растения и животные, которых они теперь видят, по-прежнему процветают на высоких нагорьях.

Когда лодки начали вплывать в узкое ущелье, Крис испытал сильнейший оптический обман. Ему показалось, что каноэ плывет вверх. Окружающие холмы косо уходили к востоку. Деревья лишь на несколько градусов отклонялись от вертикали, и верхушки их на десять-двадцать метров оказывались восточнее их корней. Однако, глядя

на все это некоторое время, Крис убеждался, что на самом деле все четко вертикально и именно река пренебрегает гравитацией. Одна из шуточек Геи, пояснила Сирокко.

Дождь снова полил, и титаниды стали причаливать лодки у самого начала крутой расщелины. Воздух наполнился шумом. Крис подумал о мощном водопаде или о бешеных волнах, неустанно обрушивающихся на берег.

— Аглая, — сказала Габи, присоединившись к Крису и Валье, как раз затаскивавшим каноэ на берег. — Впрочем, пока облака не разойдутся, ты ее, скорее всего, не увидишь.

— Что за Аглая?

Габи взялась описывать Крису работу трех речных насосов, а титаниды тем временем разбирали каноэ. Работа спорилась. Серебристую кожу снимали с деревянных рам, складывали в небольшие стопочки и упаковывали в седельные вьюки. Крис недоумевал, что они собираются делать с ребрами, килями и настилом. Ответ, впрочем, был очевиден. Все это предполагалось просто оставить на берегу.

— Когда потребуется, сделаем новые каноэ, — объяснила Валья. — Но это будет не раньше, чем мы войдем в Крий и понадобится пересечь Пол-

ночное море.

— Да как же мы пересечем море? Возьмем Фею за руки и пойдем по воде?

Валья не снизошла до ответа. Люди оседлали титанид, и все направились в сгущающуюся тьму.

— Я построила эту дорогу — давным-давно, — сказала Габи.

— Правда? А зачем? И почему за ней никто не ухаживает?

Они как раз находились на том участке Кружногейского шоссе, по которому Габи добиралась до Фонотеки. Титаниды по очереди расчищали дорогу от буйно разросшейся лозы.

— Одна причина — это Фанфара вон там с мачете. Лоза растет как сволочь, так что уход за дорогой потребовала бы массу времени, а заниматься этим никто не хочет. Не так много народу отваживается на круговой маршрут. Да и никому, кроме Геи, дорога эта была не нужна. Впрочем, желания Геи здесь чертовски уважаются — вот я ее и построила.

— С чьей помощью?

— В основном — с помощью титанид. Чтобы наводить мосты, я запузыривала их пару сотен. Для расчистки, нивелирования и укладывания

асфальта я…

— Асфальта? Ты шутишь.

— Нет. Погоди, немного прояснится — и сам увидишь. Гея затребовала одну полосу движения с черным покрытием, достаточно широкую для двухметровой оси, перепады высот не больше десяти процентов. Мы вставили пятьдесят семь подвесных веревочных мостов и сто двадцать два на сваях. Большинство до сих пор на месте, но я бы дважды подумала, прежде чем ими пользоваться. Каждый придется оценивать по мере подхода.

Габи и раньше упоминала про шоссе. Крис решил, что она по какой-то причине хочет об этом поговорить, но нуждается в некотором подстегивании. Этим он и решил заняться.

— А ты не хочешь пояснить про… как это ты «запузыривала»? Если ты перевозила асфальт на пузырях, то ведь они же не приближаются к огню. Кроме того, что-то очень много потребовалось бы асфальта.

— Да, много. Но Гея кое-кого тут сварганила. Несколько тварей, которые сильно облегчили работу. Хотя мерзость страшная. Получилась у нее эта нечисть размером с тиранозавра — жрала деревья. Я использовала пятьдесят штук. Они

расчищали просеку через леса и оставляли за собой кучи древесной мякоти. По-моему, они переваривали только тысячную долю того, что жрали, — так что стрескали они чертову уйму деревьев. Потом были хреновины еще почище — клянусь, чистая правда, — твари размером с поезд метро. Эти жрали древесную мякоть и срали асфальтом. Вонищу ты просто себе не сможешь представить. Нормальный чистый асфальт и сам-то не очень приятно пахнет — а эта срань была перегружена разными эфирами, кетонами и еще черт знает чем. Представь себе кита, который уже три недели как сдох. Так это еще цветочки.

По счастью, рядом с этой заразой никому находиться не пришлось. Лесопилки — так мы окрестили пожирателей деревьев — те не были перегружены интеллектом, но их, по крайней мере, можно было приучить жрать только те деревья, которые опрыскивались определенным спреем. Мы шли впереди, размечая дорогу, а лесопилки двигались следом. Затем мы шли за лесопилками и лопатами раскидывали мякоть туда, где нужно было положить асфальт, — короче, где должна была лечь дорога. Ну а потом мы гнали самогонок, так мы назвали эту асфальтовую нечисть. Ставили их на трассу с мякотью — а

дальше их и гнать особенно было не надо. Мы держались километрах в десяти с подветренной стороны, уверенные, что они не заплутают, так как кроме мякоти эти бестии ни черта не жрали. Причем не просто мякоти, а именно того состава, который был пропущен через желудок лесопилки. Мозгов у самогонки было как у улитки.

Через две-три недели, когда состав обезвреживался, я посылала туда отряд из сорока-пятидесяти титанид тянуть большие катки — утрамбовывать состав. Вот и шоссе. В темпе presto. Впрочем, эти самогонки были такие тупые, что порой путались, — особенно если мы не убирали откуда-то из ненужного места остатки мякоти. Представляешь, эти заразы вставали на дыбы и начинали скулить как двухсоттонные щенки. Мы бросали жребий, кому идти наставлять проклятых дерьмоедов на путь истинный. После нескольких раз мы все решили, что легче сразу повеситься, чем туда топать. А потом я нашла выход.

— И как же ты это сделала?

— Нашла титаниду, которой во время войны титанид с ангелами досталось мечом по физиономии, — не без самодовольства ответила Габи. — Нервы были рассечены, так что запахов она просто не чувствовала. Она отправлялась

туда и гнала самогонок куда надо. Когда все закончилось, я потребовала, чтобы Рокки на очередном Карнавале сделала увечную титаниду задоматерью — так я была ей благодарна.

Но, конечно, асфальт был положен не везде. Это было бы совсем по-дурацки, даже для Геи. Какой смысл укладывать черное дерьмо на пески пустыни или на лед? А ведь треть Геи — либо пески, либо мерзлота. Там мы как могли размечали дорогу и через определенные промежутки оставляли путевые станции. Если когда-нибудь заплутаешь и наткнешься на хижину с вывеской «Строительная Компания Мерсье», будешь знать, кто ее там поставил.

— Как же вы переправляли повозки по льду? — поинтересовался Крис.

— Мм? Да как и везде — по льду. Хотя не слишком много народу нанимало повозки на Кружногейском. Просто пересаживались на сани. Например, когда следуешь по замерзшему Офиону в Тее; там, кстати, это все равно единственный путь через горы. Океан — вообще одно большое замерзшее море. Идеально гладкое — так что нет проблем. Если, конечно, в Океане хоть про что-то можно сказать, что с ним нет проблем. В пустынях надо просто тащиться, как можешь.

Хотя несколько оазисов мы там соорудили.

Крис заметил, что на лице у Габи появилось странное выражение. Слегка грустное — и все-таки счастливое. Он знал, что Габи охотно обращается к дням минувшим, и ему страшно не хотелось задавать следующий вопрос. Но Крис почему-то решил, что именно из-за этого она и стала рассказывать.

— Зачем же ты его построила?

— Мм?

— Зачем это было нужно? Ты же сама сказала, что шоссе никому не требовалось. Не было ни движения, ни обслуживания.

Габи приподнялась из своей обычной позы — спиной к спине Псалтериона. Крис к такому положению не мог привыкнуть; ему хотелось видеть, куда он движется. Впрочем, для Габи, как она давно выяснила, проблема заключалась в том, что титанида была слишком высока и широка в туловище — так что все равно толком не оглядеться.

— Я это сделала потому, что так велела Гея. Она меня наняла, я же говорила.

— Ага. А еще ты говорила, что задание было не из приятных.

— Ну не всё уж, — возразила она. — Мосты бы-

ли интересным вызовом. Это мне действительно нравилось. Я не была дорожным строителем — и даже инженером, хотя с математикой разобраться было несложно. Так что пришлось нанимать пару людишек из посольства. Первые километров пятьсот я училась у них. А потом сама стала вырабатывать инженерные решения. — Габи некоторое время помолчала, затем взглянула на Криса.

— Но ты прав. Я этим занималась не потому, что так уж хотела. Мне платили, как платят за всю работу, которую я делаю для Геи. Я бы за нее не взялась, но слишком высока была ставка.

— Что же это было?

— Вечная молодость. — Габи ухмыльнулась. — Или вроде того. Рокки ее получила даром, когда сделалась Феей. Довольно скоро я поняла, что на меня это благо не распространяется. Тогда мы с Геей и выработали соглашение. Я получаю бессмертие в рассрочку. Вроде как на положении свободной художницы. То есть не получаешь ни медицинских услуг, ни жалования служащего. Если у Геи когда-нибудь кончатся для меня задания, она просто даст мне коленом под зад. Я за какие-нибудь сутки усохну.

— Нет, ты, наверное, шутишь.

— Не совсем. Я ожидаю, что только начну стареть. Но все может произойти и гораздо быстрее. Впрочем, у меня есть… эй, а где же Рокки?

Крис обернулся, затем понял, что Менестреля впереди на размеченной тропе уже нет. Опустившийся туман сильно ограничивал видимость. Крис едва различал Фанфару и Робин, а Менестреля полностью поглотила мгла.

Псалтерион ринулся вперед, и Валья тоже ускорилась. Две команды быстро догнали Габи, которая уже ввязалась в разгоряченную словесную перепалку с Менестрелем.

— Она сказала, что вернется поговорить с тобой, и…

— Ты в этом уверен, Менестрель?

— Что ты хочешь… а-а. Разумеется. Она сказала, что хочет немного с тобой прокатиться. Возможно, она поранилась. Может статься, она упала, и…

— Да ни хрена подобного. — Габи набычилась и потерла лоб. — Можешь остаться здесь, порыскать немного. Посмотрим, удастся ли тебе ее найти. Остальные пойдут дальше. По-моему, я точно знаю, куда она смотала.

Мачу-Пикчу восседал высоко над слоем хлопковых облаков. Можно было стоять на передней

веранде Фонотеки, освещенной немыслимым небесным прожектором, и оглядывать бескрайнее море тумана, что простиралось меж высоких границ нагорий — с юга на север. Туман просачивался из невидимого устья спицы над Океаном и застилал весь Гиперион. Местами восходящие потоки образовывали пушистые полые трубки. Они достигали верхних, а следовательно медленнее движущихся слоев атмосферы и представляли собой циклонические вихри, постепенно начинавшие походить на перевернутые смерчи. Их назвали туманогонами. Временами из Океана вырывались бешеные бури — парогоны.

Крис стоял наблюдая за облаками, пока остальные отправились на поиски Сирокко. До него донесся звон бьющегося стекла, за которым последовал звук, как будто что-то тяжелое бухнулось на пол. Крис услышал крик и топот ног по лестнице, сопровождаемый странным приглушенным цоканьем титанидских копыт по ковру. Вскоре громко хлопнула дверь, и все звуки затихли. Он продолжал следить за туманом.

Из-за двери вышла Габи, вытирая полотенцем разгоряченное лицо.

— Н-да, похоже, придется торчать здесь еще сутки — пока ее на ноги не поднимем. — Габи

встала рядом с Крисом — и вдруг задержала дыхание. — Эй, Крис, ты как себя чувствуешь?

— Первый сорт, — солгал Крис.

— Надо же такую хитрость замыслить, — сказала Габи. — Рокки вызвала Титанополь по радиозерну и сказала, что спряталась. Никто толком не понял, что она имела в виду, но выходило все так, будто она в беде, поэтому она велела одному приятелю запузыриться и ждать рядом с дорогой. Тут ей туман здорово помог. Она сказала Гее, что нужно прикрытие. Потом свалила от Менестреля и встретилась с титанидой, которая прямо сюда ее и доставила. Она здесь уже три оборота, а за это время можно так нажраться, что хоть… эй, приятель, у тебя точно все в порядке?

У Криса не было времени для ее вопросов. Туман отступал подобно чудовищной волне. В подвале затаились подлые, хищные звери. Он уже их слышал. А когда слепо потянулся вперед, то как раз ухватил руку тянущегося к нему бледного трупа. Труп сразу заныл, застонал, изо рта его поползли черви — поползли прямо к Крису, прямо к нему в рот…

Крис закричал.

ГЛАВА XX
Снова в путь

Робин подняла глаза, когда Габи появилась на веранде. Сидя на ступеньках, она читала желтый манускрипт, обнаруженный в кабинете Сирокко. Завораживающий труд. Описание взаимосвязи флоры, фауны и… неопределенных организмов — только так их, пожалуй, и можно было назвать, живших приблизительно в километре от Фонотеки. Книга была написана в экономическом стиле, который, по мнению Робин, прекрасно читался. Манускрипт лежал на верху секретера рядом с книжной полкой, где стояла дюжина томов за подписью С. Джонс.

— Как там наши пациенты? — спросила Робин. Вид у Габи был измученный. Робин сомневалась, что эта женщина спала с того самого времени, как они встали лагерем у реки… сколько уже прошло? Два декаоборота? Три? Может, она вообще никогда не спит?

— Не то слово и не то число, — садясь рядом, отозвалась Габи. — Тебе еще не надоело ждать?

Робин пожала плечами.

— Я никуда не спешу. Вот, расширяю свой кругозор. Понятия не имела, что у Феи такой прекрасный слог.

Габи с кислым видом отмахнулась от воображаемой мухи, что кружила у ее носа.

— Пожалуй, пора бы тебе прекратить звать ее Феей. Ей и без того тяжко. Она всего лишь человек. Как и ты.

— Насколько я знаю… впрочем, наверное, ты права. Я больше не буду.

— Извини, мне не хотелось на тебя рявкать. — Габи оглядела лужайку. — С пациентами примерно так, как можно было ожидать. Крис перестал вопить, но по-прежнему лежит в углу, сжавшись в комок. Валья никак не может его покормить. Рокки заперта в ее спальне. Все бухалово, насколько мне известно, полетело с моста. Впрочем, с алкашами никогда ничего нельзя знать с уверенностью. Она могла где-то припрятать. — Габи опустила лицо на ладони, словно вдруг решила отдохнуть. Но Робин заметила, как скривился ее рот и услышала сдавленный звук. Габи рыдала.

— Я заперла ее в ее же комнате, — сумела она выговорить между хриплыми всхлипами. — Поверить не могу. Никогда не думала, что до такого дойдет. Стоит ей меня увидеть, как она начинает

материться. Ее уже вывернуло наизнанку. Она вся в поту и трясется. А я ничего не могу поделать. Ничем не могу ей помочь.

Робин была потрясена. И понятия не имела, что делать. Сидеть рядом с женщиной, которую уважаешь, и смотреть, как она заливается слезами… немыслимо. Она не знала, куда ей деть руки, и все перебирала и перебирала страницы манускрипта. Робин остановилась только тогда, когда поняла, что рвет их в клочья.

Потом она припомнила, как рыдала на груди у Фанфары. Там, конечно, все было по-другому. Фанфара так сказала, и Робин вскоре поняла, что это правильно. Но титанида в тот раз просто так рядом не сидела.

Тут Робин нерешительно обняла Габи за плечи. Та откликнулась — безо всякого стыда повернулась и спрятала лицо на груди у подруги.

— Все будет хорошо, — сказала Робин.

— Я так ее любила, — простонала Габи. — И до сих пор люблю. Черт возьми. Семьдесят пять лет прошло — а я все так же ее люблю.

Габи подняла голову Сирокко от подушки и приложила к запекшимся губам бокал.

— Выпей. Это поможет.

— Что это?

— Вода. Чистая, свежая. Самая лучшая на свете. Губы Сирокко белели на влажном сероватом лице. Держа ее голову, Габи чувствовала влажность ее спутанных волос. Сзади надулась шишка. Габи вспомнила, что Сирокко треснулась головой о латунную перекладину кровати.

Сирокко сперва немного глотнула, затем начала шумно хлебать.

— Эй-эй, столько сразу не надо. В последний раз ты так много не удержала.

— Но я хочу пить, Габи, — заскулила Сирокко. — Послушай, девочка, я больше не буду на тебя ругаться. И орать не буду. Прости меня за это. — В ее голос вкрались льстивые нотки. — Но послушай, сладенькая, я все-все сделаю, только бы немножко выпить. Ну, ради старой дружбы…

Габи обеими ладонями хлопнула Сирокко по щекам и прижала их, заставляя губы подруги вытянуться в трубочку. При других обстоятельствах это придало бы Сирокко комический вид. Теперь же она отпрянула, в красных глазах мелькнул испуг. Намного крупнее Габи, о драке она сейчас и не помышляла.

— Нет, — проговорила Габи. — Не сегодня. И не завтра. Я не была уверена, что смогу тебе все время отказывать, — и просто уничтожила все

спиртное, что было в доме. Даже не трудись меня просить, ладно?

Слезы текли из уголков глаз Сирокко, но Габи, вглядевшись в эти глаза попристальней, с болью в душе разглядела в них толику хитринки. Значит, где-то была заначка. Но, по крайней мере, не в этой комнате. Значит, дверь надо снова закрыть.

— Ладно. Мне уже лучше. Я скоро встану на ноги, и с пьянством будет покончено. Вот увидишь.

— Ага. — Габи было отвернулась, но затем снова заставила себя посмотреть Сирокко в глаза. — Я сюда пришла не за обещаниями. По крайней мере, не за такими. Я просто хотела узнать, по-прежнему ли ты с нами. Со мной.

— В см… ах, то есть… о чем мы с тобой говорили. — Сирокко быстро оглядела комнату, словно хотела выяснить, не подслушивает ли кто. Потом вся затряслась и явно решила сесть. Габи помогла. Сирокко плотно завернулась в одеяла. Камин трещал и ревел. Температура в комнате подскочила до тридцати пяти душных градусов, но Сирокко согреться не могла.

— Я… я думала об этом, — сказала Сирокко, но Габи ни на секунду не усомнилась, что она лжет. «Сейчас у тебя на уме только одно, — подума-

ла Габи. — Как бы раздобыть выпивку». Но это значения не имело. Просто страхи подруги теперь вышли наружу, не подверженные никакой цензуре.

— Я подумала, может, нам… может, следует еще, еще поразмыслить. В смысле, чего ради вот так, очертя голову, бросаться в бой? Все-таки важный шаг. Я… не сомневайся, я по-прежнему с тобой, но мы же не должны… не должны же мы вот так проламываться, ведь так? Чего с ними вообще разговаривать — с Реей там, с Крием, и…

— Да, двадцать лет — конечно, большая спешка, — заметила Габи.

— Ну да, конечно, конечно, но я о чем говорю… — Она явно потеряла нить, да и вообще сама не очень знала, что говорит. — Если бы мне только немного… ах да, мне этого нельзя. Я не стану просить. Я буду умницей, вот увидишь, ага? — Она улыбнулась — вяло, заискивающе.

— Значит, ты готова отступиться?

Сирокко помрачнела.

— Этого я не сказала. Разве я такое говорила? Но, Габи, ты же сама знаешь, это опасно. Мы должны отступить, не проламываться, а через какое-то время… ну и очевидно, что… — Она опять потеряла нить.

— Ладно, — сказала Габи, вставая. — Не знаю, есть ли у нас время. Может и есть. Только я заранее знала, что ты понесешь весь этот бред. Кстати, насчет времени. Сомневаюсь, что Джин намерен нам его предоставить. Он явно что-то замышлял. Не знаю что. Но начать следует сейчас — и не днем позже. Причем начать просто как поиск возможности. Подумай об этом в таком ключе.

— Не знаю, могу ли я… ну, заняться этим, не возбуждая подозрений.

— Можешь. Конечно, можешь.

— Нет. Нет. Так слишком поспешно. Я все обдумала. Погоди немного. Потом я тебе помогу.

— Нет. — Габи подождала, пока Сирокко осознает ее ответ, — и увидела, как вялая улыбка медленно пропадает. — Быть может, уже и сейчас слишком поздно. Если ты отказываешься, я займусь этим сама. И пожалуй, мне надо бы сказать двум пилигримам, что им, скорее всего, лучше без нас.

Сирокко начала было что-то говорить, но Габи даже слушать не стала. Она поспешно вышла из комнаты.

Фонотека была спланирована и выстроена в расчете на титанид. Потолки здесь были высокие, а двери широкие. Немногие ковры были положе-

ны как раз там, где стояли стулья человеческого размера — как напоминание титанидам, что им лучше держаться от них подальше. Значительную часть пола из твердой древесины покрывал слой мелкого песка или соломы. Большой стол в библиотеке имел человеческую и титанидскую стороны. Половина была занята стульями, а половина — соломенными подстилками. Высокие окна выходили на восток — в сторону Полночного моря. Каменный камин сейчас не топили. Габи решила собрать всех в библиотеке именно из-за возможности обзора. Пока она говорила то, что должна была сказать, все присутствующие могли воочию увидеть землю, которую предстояло одолеть, и таким образом принять более взвешенное решение.

— Пожалуй, мне нелегко будет это сказать. И вдвойне трудно из-за того, что я некоторым из вас уже наговорила. Так или иначе, но с этой минуты я аннулирую все свои обещания, связанные с Сирокко. Ее положение куда хуже, чем мне казалось. Я так до сих пор и не знаю, пойдет она со мной или нет, но, независимо от этого, настало время пересмотреть решения, которые все вы принимали, основываясь на ложной информации. Я многих из вас убеждала, что Рокки

выкарабкается, что будет полезна и… несомненно будет подмогой, а не ношей. Больше я этого мнения держаться не могу.

Она по очереди осмотрела все шесть лиц. Не считая Фанфары, ответы всех титанид были ей ясны. Насчет Криса и Робин уверенности не было. У Криса свои проблемы, пусть даже и временного характера, а от Робин вообще можно ждать чего угодно.

— Все дальнейшее сводится к следующему. Я продолжу свой путь по ободу. Рокки может ко мне присоединиться. Вы, если пожелаете, тоже. Если Рокки поедет, она может подвести одного или нескольких из нас в каких-то важных вещах. Говоря это, я имею в виду нечто большее, чем просто тот факт, что о ней опять придется заботиться, если она снова раздобудет спиртное. Это не проблема. Вы, Крис и Робин, можете обижаться, но и каждый из вас тоже способен в трудную минуту нас подвести — и, вполне возможно, это сделает. В определенном смысле Рокки не более управляема, чем вы оба. Все мы должны это признать. Не могу сказать вам почему, но я безусловно сделаю для вас троих все, что смогу. Я позабочусь о вас, когда вы будете беспомощны, и все титаниды, конечно, тоже.

— На самом деле мы считаем ваши недомогания не более серьезными, чем дурная человеческая привычка поспать, — нерешительно вставил Менестрель. — Для нас это то же самое. Когда вы спите, за вами точно так же нужно приглядывать.

— Он точно подметил, — сказала Габи. — Так или иначе, мои страхи насчет Рокки таковы, что она может вовлечь нас в беду из-за нервного срыва. Никогда не думала, что мне придется такое говорить, но вот, приходится. У меня больше нет уверенности, что она ставит благополучие группы выше своих личных нужд. У меня такое чувство, что я ее просто не узнаю. И мне приходится расценивать ее как человека ненадежного.

Как я уже сказала, я все равно иду дальше. Теперь мне нужно узнать ваши планы. Менестрель?

— Я остаюсь с Сирокко. Если она идет, все в порядке.

Габи кивнула. Потом, вопросительно приподняв бровь, взглянула на Псалтериона. Тот едва позаботился кивнуть. Она и так знала, что он с ней.

— Валья?

— Я хотела бы идти дальше, — сказала та. — Но

только если идет Крис.

— Понятно. Фанфара?

— Я должна завершить круг, — отозвалась титанида. — Я никогда не была задоматерью, и это мой лучший шанс.

— Хорошо. Рада, что ты с нами. Ну а ты, Крис?

Похоже, Крису стоило серьезных усилий оторвать глаза от стола. Он уже несколько часов как вышел из своего последнего приступа, но, как обычно бывало после «эпизодов», не сопровождавшихся потерей памяти, бедняга был эмоционально истощен и чувства собственного достоинства у него осталось не больше, чем у только что отхлестанной уличной шавки.

— Мне кажется, вы преуменьшаете проблему, — пробормотал он. — Проблему со мной, я имею в виду. Почему я должен ожидать от Сирокко больше, чем от себя? — Валья потянулась к его руке, но он отстранился. — Я пойду, если вы меня возьмете.

— Мы знали, на что идем, — сказала Габи. — Тебе здесь все рады. Робин?

Повисло долгое молчание. Габи даже забеспокоилась, примет ли Робин когда-нибудь решение. Альтернативу для ведьмы, насколько можно было понять, составлял подъем по спице. Робин

способна была пуститься в этот путь, точно зная, что погибнет по дороге.

— Я иду, — наконец сказала она.

— Ты уверена? Разве сейчас нельзя с честью отступить?

— Раз ты предложила, то, конечно, можно. Но я иду. Расспрашивать ее дальше Габи не решилась.

— Итак, в потенциале остаются Рокки и Менестрель. Ладно. Собирайте вещи. Через один оборот встречаемся у передней веранды.

Отбытие ничего хорошего не сулило.

Тучи, что уже два гектаоборота разбивались в пропасти Мачу-Пикчу, теперь высылали гонцов, накатывавших прямо на Фонотеку. Небесный прожектор погас. Громадный белый дом стоял теперь в безмолвном мраке — казалось, жизнь из него уходит. Габи запирала ставни.

Седельные вьюки титанид пополнились свежей провизией. Все было готово для выступления, но Габи продолжала суетиться в страхе, что забудет что-то важное. Крис и Робин не сомневались, что она все еще надеется на появление Сирокко, но никто из них этого от Феи уже не ожидал.

Вспышка молнии сверкнула меж двумя пиками горного пристанища Сирокко. Титаниды

никак не отреагировали, зато Крис и Робин стали нервно переминаться с ноги на ногу. Затем Крис ступил в ладонь Вальи и устроился у нее на спине. Робин оседлала Фанфару. Все ждали.

Наконец из двери вышла Габи и молча вскочила на Псалтериона. Она оглянулась на дом — и в этот самый миг дверная ручка все-таки повернулась. Вышла Сирокко — высокая, босоногая, пепельно-серая и слабая как ребенок, закутанная в свое видавшее виды красное одеяло. Осторожно сойдя по ступенькам, она приблизилась к Псалтериону и Габи. Потом заложила руки за голову.

— У меня ничего нет. Сама посмотри.

— И не подумаю. Пойми, Рокки, я не собираюсь тебя обыскивать.

— Ага. — Фее, казалось, было все равно. Опустив руки, она оперлась о бок Псалтериона. — Знаешь, ты права. Мне лучше с вами.

— Хорошо. — В голосе Габи послышалась нотка облегчения, но очень мало воодушевления.

Дождь снова зарядил, когда они только еще одолевали веревочный мост. Робин где-то послышался заунывный вой. Трудно было определить источник, когда кругом сплошные горы. Вой сначала все нарастал, а затем вдруг пропал. И Габи и Псалтерион тревожно поглядывали на облака.

— Что это было? Габи поежилась.
— Лучше не спрашивай.

ГЛАВА XXI
Пути полночного моря

— Хорошо хоть, эти депрессии не очень продолжительны, — сказал Крис.

— Это точно. — Валья повернула к нему голову. — Никогда не видела, чтобы кто-то так уходил в себя, как ты. Наверное, это отнимает много сил.

Крис молча согласился. Он еще не вполне отошел от депрессии, но оживленное лицо делать старался. Еще одна ночь хорошего сна, и он, быть может, снова почувствует, что жить все-таки стоит.

После бокового витка к Фонотеке обратно к Офиону отряд уже не вернулся. Хотя Кружногейское шоссе и следовало вдоль берега реки через Верхнюю долину Муз, оползни сделали его в нескольких местах совершенно непроходимым. Вместо этого отряд двинулся прямо по тропе через горы Астерия. Назвать ее козьей тропкой было бы равносильно тому, чтобы назвать натянутый канат Приморским шоссе. Местами людям приходилось спешиваться и идти, цепляясь за

веревки, натянутые идущими впереди титанидами, пользуясь зацепками для пальцев ног столь скудными, что их можно было бы просто нарисовать на скале. В этом, как и во многом другом, титаниды выглядели куда лучше Криса. Утешало его лишь то, что Сирокко и Робин смотрелись не лучше. А вот Габи казалась помесью мухи с горной козочкой.

Приходилось примеряться к расселинам. Через самые большие перебрасывалось лассо, а затем, перебирая руками, люди одолевали пропасть. Наконец-то Крису посчастливилось справляться хоть с чем-то лучше остальных. Титаниды перебирались с большим трудом. Крису хотелось отвести глаза, когда он видел их громадные тела, на руках висящие над пропастью.

Впрочем, любой провал менее десяти метров шириной не стоил веревочного моста. Титаниды его просто перепрыгивали. Первый такой прыжок стоил Крису, наверное, десяти лет жизни. Потом он уже крепко-накрепко закрывал глаза.

Наконец отряд спустился по последнему склону. Под ними оказалась узкая полоска леса, совсем узкая полоска черного песка, а дальше — Нокс, Полночное море. Оно переливалось серебристым свечением. Тут и там в воду были вставлены

туманные островки люминесценции, холодно-голубые под более цветастыми поверхностными отблесками. Попадались и более яркие, более компактные источники света, некоторые — густо-желтые, а другие — темно-зеленые.

— Те светлые облачка — колонии вот таких рыбешек.

Крис поднял взгляд и увидел, что рядом с Вальей оказался Менестрель. Сирокко на пару сантиметров развела большой и указательный пальцы.

— На самом деле они скорее насекомые, но дышат водой. И составляют подлинные колонии, с улейным мозгом, как у муравьев или у пчел. Но у них нет матки. Из того, что мне удалось выяснить, стало понятно, что у них, по всему, демократические выборы. Представь себе собрания избирателей, предвыборные компании и пропаганду в виде выпускаемых в воду продуктов половых желез. Победителю кампании позволяется вырасти в метр длиной и удерживать власть в течение семи килооборотов. Функции метрового президента в основном моральные. Он лишь выпускает в воду всякие химикалии, поддерживающие нормальную, счастливую жизнь роя. Если президента убивают, рой разом перестает

питаться и просто растворяется. Под конец срока рой съедает вождя. Клянусь, более разумной политической системы я в жизни не встречала.

Крис внимательно посмотрел на Фею, но не заметил и намека на то, что она натягивает ему нос. Вообще-то он не собирался ни о чем ее спрашивать. Его страшно удивило, что Сирокко сама заговорила, и теперь Крис готов был выслушать все, что она соберется ему поведать. С самого выезда из Фонотеки Фея молчала и выглядела при этом предельно выдохшейся. Несмотря на более чем очевидные доказательства ее человеческих слабостей, Крис все еще испытывал к Сирокко благоговейный страх.

— Вообще Нокс — одно из самых стерильных мест в Гее, — продолжила она. — Немногие твари могут здесь жить. Вода слишком чистая. Попадаются пропасти километров по десять глубиной. Вода выкачивается и подается на пластины теплообменника, кипятится и перегоняется. Назад, понятное дело, идет практически одна дистиллированная. Будь там поглубже свет, красота была бы невероятная; ты видел бы на многие сотни метров.

— Да и так очень красиво, — отважился Крис.

— Пожалуй, ты прав. Да, на вид оно красиво.

Но мне тут не до красоты. Дурные воспоминания. — Фея вздохнула, затем снова указала на воду. — Вон тот трос в середине крепится к острову под названием Минерва. Наверное, это и островом-то не назвать; трос занимает всю его территорию. Так что береговой линии, собственно, и нет. Мы там ненадолго остановимся.

— А другие огоньки? Вон те, которые точечками.

— Это подлодки.

Пристав к берегу, титаниды сняли с себя седельные вьюки, а также вынули блестящие стальные клинья, которые оказались просто-напросто топорами. Пробиваясь через лес при помощи ножей, они вскоре смастерили топорища и принялись валить деревья.

Крис наблюдал за работой с безопасного расстояния — после, как обычно, предложения о помощи и вежливого отказа.

Деревья были удивительные. Каждое — ровно пятнадцати метров высотой, прямое как столб, и полметра в диаметре. Ветвей у них не было, а на верхушках росли гигантские, тончайшие листья наподобие пальмовых. Крису все это напомнило торчащие из мишеней стрелы.

— Деревья не кажутся тебе необычными? — За-

метив, что Крис внимательно наблюдает, Габи к нему присоединилась.

— А как они называются?

— Тут ты меня застал врасплох. Я знаю сразу несколько названий. Ни одно официально к ним не приписано. Я привыкла звать их телеграфными столбами, но это уже надоело. В лесах они зовутся срубными деревьями — теми, кто строит срубы. У моря они — плотовые деревья. Так или иначе, дерево-то одно и то же. Самое лучшее, пожалуй, звать их просто бревнами.

Крис рассмеялся.

— Каждое дерево становится бревном, когда его срубят.

— Но ни одно дерево так для этого не подходит, как эти. Прекрасный пример сотрудничества со стороны Геи. Она порой делает вещи, простые до гениальности. Вот, смотри.

Габи подошла к верхнему листу поваленного дерева, достала нож и ловко его срезала. Крис заметил, что тонкая трубка оказалась полой. Габи сунула туда нож и резанула вверх. Гладкая кора треснула, разошлась по всей длине ствола, отвалилась и обнажила влажную желтую древесину — настолько гладкую, что она казалась обработанной на токарном станке.

— Ну и ну.

— Это еще не все. Валья, можно твой топор на минутку? — Титанида с готовностью отдала Габи свой топор. Крис присел на корточки, пока Габи примеривалась к идеально гладкому торцу, который обнажился, когда отшелушилась кора. На торце виднелась линейная решетка. Габи рубанула как раз по одной из линий. Раздалось глухое «бум».

— В этом искусстве мне до них далеко, — посетовала Габи. Потом выдернула лезвие и рубанула снова. С сухим треском бревно рассыпалось на десяток досок. Габи поставила ногу на штабель, повесила топор на плечо и ухмыльнулась, расслабляя мышцы ударной руки будто заправский дровосек.

— Вот это да!

— Да ну, подумаешь. Во всяком случае, это еще не все удивительные чудеса. Легким движением руки кора превращается в полоски, крепкие как сталь. Ими можно пользоваться для сбивания бревен в плот. Пни еще несколько часов будут источать превосходнейший эпоксидный клей. На доски мы будем разделять только одно из двадцати деревьев. Больше просто ни к чему. Бревна пойдут на сам плот, а из досок мы сделаем

настил. Таким образом, случайная волна не обратит всю штуковину в большую груду древесины. Через пять-шесть оборотов плот должен быть готов к плаванию. Конец лекции. Благодарю за внимание.

— Еще не конец, — запротестовал Крис. — Ты упомянула про сотрудничество со стороны Геи. Эти деревья — они что, совсем новые? В смысле…

— В смысле — вроде титанид? Нет, не думаю. Скорее наоборот — они очень старые. Старше самой Геи. Это один из тех видов, которые разработали те же ребята, что миллиарды лет назад создали и предков Геи. Похоже, им нравились удобные вещи. Так что на одном конце шкалы располагаются растения, которые выращивают транзисторы и тому подобную электронную муть, а на другом — простая основа вроде этих деревьев и смехачей — ну, этих кенгуру. С них можно срезать мясо, нисколько им не вредя. Суперскот, фантастика. А в итоге — либо разработчики заранее предвидели то время, когда их цивилизация падет, либо им просто не нравились шумные фабрики.

Крис однако бродил по берегу, чем-то смутно озабоченный. Казалось, он должен чувствовать

благодарность за то, что идет вместе с Сирокко и Габи, узнавая тьму всякой всячины, которая окажется крайне полезной, если вдруг придется пробиваться самому. Но вместо этого его куда больше шокировала собственная бесполезность в такой схеме вещей. Все находилось под хорошим контролем. А он не мог готовить, не мог строить плот, не мог грести на каноэ — не мог даже держаться рядом, если титанида позовет его прогуляться. Предполагалось, что он станет находить себе приключения, ища способ сделаться героем. А вместо этого его везут как туриста. Крис просто не верил, что они могут наткнуться на что-то такое, с чем Габи и титаниды не справятся.

Песок на пляже был мелкий, превосходный. Даже во тьме Реи он искрился как снег. Бродить возле деревьев было утомительно, так что Крис взял поближе к водной кромке, где сырость создавала твердую поверхность. Нокс по-прежнему казался Крису огромным водяным телом. Невысокие волны вздымались и медленно двигались к берегу. Звук от их падения скорее напоминал шипение, чем обычный морской рев. Пена плескала Крису на ноги, затем таяла в песке.

Он пошел на прогулку с намерением вымыться. После двух суток лазания по скалам и скачек по

пыльным тропам песок, казалось, забрался даже ему под кожу. Когда до Криса уже едва доносились звуки титанидской работы, он решил, что забрел достаточно далеко. Но тут он споткнулся о какую-то горку на черном песке. Оказалось — одежда.

— Эй, ты случайно мыла не принес?

Крис прищурился в сторону голоса и узрел на воде темный кружок. Сидевшая там на корточках Робин встала и оказалась по пояс в воде. От нее пошли концентрические серебристые кружки.

— Случайно принес, — ответил Крис, доставая из кармана круглый шарик. — Фе… мм, Сирокко сказала, что вода холодная.

— Не страшно. Мыло дашь? — Робин снова присела — и только голова осталась над водой.

Сбросив с себя одежду, Крис осторожно ступил в воду. И правда студеная — но у него случались купания и похолоднее. Берег плавно шел вниз. Никаких скользких тварей под ноги не попадалось. Не было и ракушек. Только гладкий, идеально ровный песок — хоть часовые стекла полируй.

Последние несколько метров он проплыл, затем встал рядом с Робин и отдал ей шарик мыла. Она сразу же принялась намыливаться выше

пояса.

— Не урони, — предупредил Крис. — Потом не найдем.

— Уж постараюсь. А где ты так научился?

— Чему? А-а, плавать. Ну, я был такой шкет, что и не помню. Почти все, кого я знаю, умеют плавать. А ты разве нет?

— Нет, и все, кого я знаю, тоже. Научишь?

— Конечно, если время будет.

— Спасибо. Слушай, может спину потрешь? — Робин отдала ему шарик. Просьба удивила Криса, но он с готовностью согласился. Пожалуй, он больше чем нужно пускал в ход руки и, так как Робин не воспротивилась, помассировал ей плечи. Под холодной кожей прощупывались крепкие мышцы. Потом они поменялись ролями и Робин пришлось привстать на цыпочки, чтобы достать Крису до плеч. Крис чувствовал, что еще не совсем ее понимает — и хотел, чтобы все было по-другому. С любой другой женщиной ему было бы куда как проще. Он поцеловал бы ее — а там пусть она сама решает насчет остального. Потом принял бы любой ответ как должное — будь то «да» или «нет». А с Робин он никак не осмеливался даже об этом спросить.

«А почему, собственно, нет?» — вдруг спросил

он себя. Почему все должно идти по ее правилам? Там, откуда он прибыл, вполне естественным было сделать такое предложение — пока ты готов быть отвергнутым. Крис понятия не имел, как это происходит в Ковене, кроме того, что между мужчиной и женщиной там никогда ничего подобного не бывало. Быть может, это дружеское общение смущает Робин так же, как и его?

И, когда она перестала тереть ему спину, Крис повернулся, нежно тронул ладонью щеку Робин и поцеловал девушку в губы. Отстранившись, он понял, что Робин сильно озадачена.

— Это еще зачем?

— Просто ты мне нравишься. Разве вы в Ковене не целуетесь?

— Конечно, целуемся. — Она пожала плечами. — Как странно. Раньше я этого не чувствовала, но пахнешь ты совсем по-другому. — Отвернувшись от Криса, девушка неловко нырнула в сторону берега. Потом замахала руками будто ветряная мельница, отчаянно замолотила ногами — но ни на метр не продвинулась. Вскоре ей пришлось прекратить и начать отплевываться.

Крис присел, и вода не дошла ему до подбородка. Так ему еще никогда не отказывали. Он понял, что Робин даже сама не сознавала, что отказыва-

ет. И все равно получился сплошной конфуз.

— После Большого Пролета я упала в реку, — рассказала Робин, пока они тащились по мелководью к берегу. — Я отдала все силы, чтобы добраться до берега. Просто потому, что знала — надо добраться. А теперь ничего не выходит.

— Тебе, наверное, недалеко было плыть. Или течение помогло.

— Можешь сейчас показать?

— Лучше потом.

На берегу он снова отдал ей мыло. Стоя по щиколотку в воде, Робин намыливалась ниже пояса. Крис наблюдал, пытаясь разглядеть ее татуировки.

— В чем дело?

— Ни в чем.

— Нет, я все видела. — Робин нахмурилась. — Только не говори мне, что ты рассчитывал…

— Назовем это галантным рефлексом, ладно? — Крис был растерян и раздосадован. — Это именно рефлекс, пойми. Я не собирался набрасываться на тебя или что-то в этом роде. Просто ты очень красивая, когда вот так там стоишь, и… клянусь, с этим ничего не поделать.

— Ты хочешь сказать, что вот так, глядя на меня, ты… — Робин прикрылась ладонью и пред-

плечьем. Девушка и понятия не имела, что так она стала для Криса вдвойне желаннее. — Я не понимала, что именно это имела в виду моя мать. Или мне казалось, что это очередная ошибка.

— Да почему же ты никак не поймешь? Ты, похоже, думаешь, что мы совсем разные. Но я такой же, как и ты. Разве ты не можешь испытать возбуждение, глядя на кого-то, сексуально для тебя привлекательного?

— Ну да. Но мне даже в голову не приходило, что мужчина…

— Да не возводи ты такое уж страшное различие. У нас, нравится это тебе или нет, много общего. И у тебя, и у меня наступает эрекция, мы оба испытываем оргазм…

— Буду иметь в виду, — огрызнулась Робин, швырнула ему мыло, подобрала свою одежду и зашагала прочь по берегу.

Крис тут же забеспокоился о том, что, быть может, убил зарождающуюся дружбу. Ведь Робин действительно ему нравилась — даже вопреки ему самому. Или вопреки ей самой. Он очень хотел с ней дружить.

Немного позже Крис задумался, не потому ли ушла Робин, что рассердилась. Мысленно вернувшись к их разговору, он понял, что момент,

который она выбрала для ухода, скорее заслуживает другого истолкования.

Крис сомневался, что Робин легко восприняла ту мысль, что он слишком подобен ей. Или, наоборот, что она слишком подобна ему.

Готовый плот вряд ли взял бы хоть какой-то приз на любом лодочном празднестве, но тем не менее это было настоящее чудо. Хотя бы с точки зрения размера — или времени, за которое его соорудили. Вот он скользнул вниз по скату, который и был местом его сборки, — и с могучим всплеском ударился о воду. Крис присоединил свой голос к титанидским восторгам. Робин тоже орала как бешеная. На завершающей стадии им обоим все-таки удалось поучаствовать в деле постройки. Титаниды показали им, как обращаться с клеем, и доверили настилать палубу, пока сами занимались ограждениями.

Места на плоту с избытком хватило всем восьмерым. У кормы располагалась небольшая кабина, способная вместить в себя всех четверых землян, и навес, который можно было натянуть, чтобы укрыть от дождя всех титанид. На мачте посередине судна висел серебристый майларовый парус с минимумом снастей. Управление осуществлялось с помощью длинного румпеля.

Сразу за мачтой находилось кольцо из камней для разведения костра и приготовления пищи.

Габи, Крис и Робин толпились у сходней, пока титаниды заносили на борт седельные вьюки, провизию, которой они поживились неподалеку от берега, и охапки дров. Сирокко тем временем уже взошла на борт и устроилась на корме, таращась в никуда.

— Они хотят, чтобы я дала ему название, — обращаясь к Робин, сказала Габи. — Сама не знаю отчего, но у меня тут сложилась репутация давательницы названий. Я им сказала, что этим плотом мы будем пользоваться от силы восемь суток, но они считают, что каждый корабль должен иметь название.

— Я тоже так считаю, — отозвалась Робин.

— Да? Ну так сама и назови. Робин немного подумала, затем сказала:

— «Констанция». Если, конечно, уместно называть корабль в честь…

— Отлично. Первая лодка, на которой я плавала, называлась куда хуже.

Несколько первых километров удавалось подталкивать «Констанцию» длинными шестами. Это было очень кстати, ибо вместе с дождем куда-то пропал и ветер. Все, кроме Сирокко,

постарались на славу. Крису нравилась тяжелая работа. Хоть он и понимал, что и близко не продвигает плот так, как титаниды, все равно приятно было вносить свой вклад в общее дело. Он, как мог, упирался шестом — пока шест не перестал доставать до дна.

После этого были прилажены четыре весла, и мореходы стали грести сменами, на манер галерных рабов. Грести было куда тяжелее, чем толкаться шестом. После двух часов работы за веслами Робин скрутил бешеный приступ, и ее пришлось перенести в каюту.

Во время одного из перекуров Крис, зайдя за кабину, обнаружил, что Сирокко оставила свой пост — скорее всего, желая поспать. Тогда он растянулся там на спине и впервые ясно почувствовал, как ноют все мышцы.

Такая красотища, как ночное небо Реи, ему никогда и не снилась.

В погожий день небо Гипериона представляло собой просто желтое пятно, неизмеримо высокое. Только следуя глазами за подъемом центрального вертикального троса туда, где он — уже буквально как нитка — проникал в Окно Гипериона, можно было определить, где находится твердый небосвод. Но даже затем следовало

прочно держать в уме, что трос — вовсе не нитка, в которую его обращают перспектива и косое смещение, — что диаметр его составляет пять километров.

В Рее все было по-иному. Во-первых, Крис находился ближе к вертикальному тросу Реи, чем когда-либо к гигантской колонне посреди Гипериона. Черная тень, что выпрыгивала из моря, стремительно уменьшалась, все поднимаясь и поднимаясь, — пока совсем не исчезала из вида. По обеим ее сторонам шли северная и южная вертикали, названные не совсем верно, ибо обе они шли под некоторыми углами к центру, хотя далеко не под такими отличными от прямых, под какими шли те, что располагались за ними дальше к западу. Тросы исчезали, разумеется из-за темноты, но, что было важнее, еще и из-за того, что нависающего над ней окна Рея не имела. Рея жила в тени громадного куполообразного устья, известного как Спица Реи.

Не узнай Крис из чертежей форму и размеры спицы, никогда бы ему не догадаться о ее подлинной геометрии. Теперь же глазам его предстал темный и широкий овал высоко-высоко в небе. На самом деле устье спицы располагалось более чем в 300 километрах над уровнем моря. По

краям этого устья находился клапан, способный смыкаться подобно глазной радужке, изолируя пространство спицы от обода. В данный момент зрачок был широко раскрыт, и Крис мог смотреть прямо в темный, сплюснутый у полюсов цилиндр, верхний конец которого, как Крис опять-таки знал из чертежей, находится в 300 километрах от нижнего, и схожий клапан на том конце ведет прямо к ступице. Видеть его воочию — сквозь многокилометровую толщу мрачного воздуха — Крис, разумеется, не мог. А то, что он видел, напоминало дуло пушки, для стрельбы из которой вместо снарядов вполне подошли бы планетоиды. Пушка целилась прямо в Криса, но угроза была не реальна, и серьезно воспринимать ее он не мог.

Крис знал, что между нижним клапаном и радиусом Окна Гипериона — около ста километров по вертикали — спица расширяется подобно колоколу, пока не сливается с тем относительно тонким изгибом крыши, что простирается надо всеми дневными областями, граничащими с Реей. Сейчас Крис, как ни пытайся, этого расширения бы не разглядел, хотя оно было вполне различимо из Гипериона. «Н-да, очередной фокус перспективы», — заключил Крис.

Где-то высоко в спице виднелись огни. Крис решил, что это и есть те самые окна, о которых он уже раньше читал. Оттуда, где он стоял, они так же уменьшались и сливались, как огни взлетной полосы, видимые с идущего на посадку самолёта.

Постепенно Крис начал замечать и более навязчивый свет — слева от него и немного над головой — пока он полулежал на палубе. Тогда он сел, повернулся и сразу увидел, что поверхность Нокса подсвечивается снизу жемчужно-голубой люминесценцией. Сперва он подумал, что это как раз тот самый рой морских насекомых, про который ему рассказывала Сирокко.

— Это подлодка, — послышался голос справа от него. Крис обернулся и был поражен; оказывается, Сирокко неслышно к нему присоединилась. — Несколько часов назад я выслала гонцов, надеясь привлечь хотя бы одну. Но, похоже, она слишком занята, чтобы послужить нам буксиром. — Она указала на небо к западу, и Крис разглядел там крупное, более темное, чем рейская ночь, пятно. Пояснять, что это дирижабль, притом здоровенный, Крису уже не требовалось.

— Мало кому из людей довелось это увидеть, — негромко сказала Сирокко. — В Гиперионе

подлодок нет — просто потому, что там нет морей. Пузыри летают повсюду, а вот подлодки остаются там, где родились. В Офионе им никак не разместиться.

Тут от дирижабля донеслась целая серия пронзительных свистков, вслед за которой с кормы «Констанции» раздался треск и шипение. Крис догадался, что пузырь попросил погасить огонь, и титаниды исполнили его просьбу.

Потом он почувствовал руку Сирокко у себя на плече. Фея указывала на воду.

— Вон там, — сказала сна. Все еще помня о ее руке, Крис обернулся и увидел тянущиеся вверх щупальца, медленно бьющие по воде. Они соединялись в пучок, и из их середины вырастал тонкий стебель.

— Это перископический глаз подлодки. Единственная ее часть, которую тебе удастся увидеть. Видишь, вот там вода как бы набухает. Там тело подлодки. Наружу оно никогда не выходит.

— А что она сейчас делает?

— Хочет спариться. Тихо, не мешай им. Я все объясню.

Рассказ вышел вполне откровенный, хотя и не всегда понятный. Оказалось, дирижабли и подлодки были мужскими и женскими особями

одного и того же вида. И те и другие происходили от бесполых детей их союза — змееподобных и почти лишенных мозга — пока отбор не уменьшил их рои до небольшого числа двадцатиметровых выживших счастливчиков. В то же самое время они обзавелись мозгом, а также нашли какой-то расовый источник знания. Об этом источнике Сирокко не услышала ничего толкового ни от Геи, ни от дирижаблей-подлодок. Ничего общего с воспитанием это не имело, ибо с того времени, как они становились икрой, ни отцы, ни матери уже ничего с ними не делали.

Однако неким непостижимым образом мальки набирались мудрости и, в конце концов, принимали сознательное решение, становиться им особью женского или мужского пола — дирижаблем или подлодкой. Каждый выбор таил в себе угрозу. В Полночном море хватало хищников, которые не прочь были поживиться юными подлодками. В воздухе такой риск отсутствовал, зато юный пузырь не мог сам производить себе водород. Поэтому после метаморфозы ему приходилось просто сидеть на воде пустым и надеяться, что взрослый пузырь его, так сказать, надует. А ни один взрослый дирижабль не мог обеспечить водородом больше шести-семи членов своей

эскадрильи. Так что если счастливый случай не выпадал, все последующее выглядело весьма трагично. Решение же становиться самцом или самкой было бесповоротным.

Собственно говоря, общих интересов у дирижаблей и подлодок было не слишком много. Только в двух случаях приходилось им встречаться на водной глади — границе раздела меж двумя мирами. Во-первых, из-за особого вида глубоководных водорослей, без которого пузырям было просто не выжить. А во-вторых, у верхушек титановых деревьев — массивных выростов из тела самой Геи, что тянулись на шесть километров в вышину и росли только на нагорьях, — у верхушек этих громадин распускались особые листья, составлявшие жизненно важную часть диеты подлодок.

Так что дружеские свидания составляли интерес обоих полов.

Тут из щупалец, что болтались под срединной выпуклостью на изгибе гигантского брюха пузыря, что-то выпало. Брызги воды полетели во все стороны. Щупальца подлодки мигом оплели гостинец — и он скрылся из виду. Послышался глубокий вздох, когда дирижабль выпустил из себя часть водорода и опустился ниже — к тяну-

щимся вверх рукам своей любовницы.

Дальше смотреть было почти не на что. Щупальца переплелись — и массивные тела соприкоснулись на поверхности моря. В таком положении они и остались. И лишь когда волны стали раскачивать плот, Крис понял, какое разнообразие действий скрывается в этой стихии.

— Да, там сейчас много чего происходит, — подтвердила Сирокко. — Кстати, есть способ подобраться туда поближе. Как-то раз мне случилось быть пассажиркой дирижабля, когда его вдруг охватил любовный пыл. Могу рассказать… впрочем, нет. Веселая вышла поездочка.

И Сирокко ушла так же стремительно, как и появилась. А Крис продолжал наблюдать. Вскоре до него донесся стук копыт по палубе, а затем из-за угла кабины появилась Валья. Она шла к Крису. Он так и остался сидеть, свесив ноги за борт и едва касаясь пятками воды. Валья устроилась точно так же — и на какие-то мгновения игра теней поглотила ее конскую часть. Она вдруг обратилась в очень крупную женщину с иссохшими кривоватыми ногами, дьявольские копыта которых погрузились в воду. Картина расстроила Криса, и он отвернулся.

— Красиво, правда? — спросила Валья по-ан-

глийски так певуче, что Крису сперва показалось, что она обращается к нему по-титанидски.

— Занимательно. — По-правде, все это уже начинало Криса утомлять. Он хотел было встать, но тут титанида взяла его за руку, поднесла ее к своим губам и поцеловала.

— Ого.

— Мм? — Валья взглянула на него, но Крис даже не смог выдавить из себя достойного ответа. Впрочем, для нее это оказалось не так уж и важно. Титанида стала целовать Криса в щеки, в губы и в шею. Когда предоставился случай, он сразу же перевел дух.

— Погоди, Валья, погоди. — Она отстранилась, глядя на него громадными простодушными глазами. — Кажется, я к этому еще не готов. Ну, в смысле… Не знаю, как и сказать. Просто не представляю, как мне со всем этим справиться. — Она по-прежнему искала его глаза. Крис задумался, а не выискивает ли она в них зародыши безумия, решив, что за него говорит его собственный страх. Затем, недолго подержав его руку в своих ладонях, титанида кивнула и отпустила руку. Затем встала.

— Дай мне знать, когда будешь готов, ладно? — И Валья поспешила прочь.

А Крису было не по себе. Хотя он и пытался разобраться в причинах, почему он ее отверг, ни одна его целиком не удовлетворяла. Отчасти Валья была для Криса напоминанием о его бесчинствах в то пору, когда им владели бесы. В такие времена он бывал отчаянно храбр — если только не совсем застенчив. Выходило так, что тогда для него как раз настало время отваги, ибо, как ни пытался, Крис не мог найти удобный для себя ответ на один вопрос: что делают между собой люди и титаниды? И еще: на какую сумму застраховать свою жизнь, если ему взбредет в голову заняться этим снова.

Просто Валья была очень большая. И Крис до смерти перепугался.

Прошло, наверное, не больше пятнадцати минут, прежде чем из-за кабины появилась Габи.

Облокотившись об ограждения, она пихнула Криса локтем.

— Ну что загрустил, приятель? А Крис только рукой махнул.

— Последние восемь часов были какие-то странные. Ты в воздухе ничего такого не почувствовала?

— Чего «такого»?

— Не знаю. Все вдруг влюбились. Вот там даже

небо с землей любовью занимается. А на берегу я и сам начал с Робин дурака валять.

Габи присвистнула.

— Бедняжка.

— Ага. А несколько минут назад Валья пыталась выяснить, куда делось мое безумное «альтер эго», чтобы перекинуться стеклянными шариками, как они там выражаются. — Крис вздохнул. — Нет, точно что-то такое в воздухе.

— А знаешь, как еще об этом говорят? Ведь это то самое, что вертит миром. Любовь то есть. А Гея, черт ее возьми, вертится куда шустрее Земли.

Крис с подозрением на нее посмотрел.

— Ты, часом, не…

Габи подняла руки вверх и помотала головой.

— Нет, дружок, я тебя доставать не стану. Со мной такое случается раз в сто лет — и обычно с девушками. К тому же не люблю краткосрочных забав. Я склонна поддерживать длительные связи. Так у меня со всеми семнадцатью.

— Мне кажется, ты просто по-другому на это смотришь, — отважился Крис. — Раз ты уже в таком возрасте.

— Так, значит, тебе кажется? А вот и нет. Всегда бывает больно. Я хочу, чтобы это продлилось вечно — а так никогда не получается. И тут моя вина.

Я всегда в конечном счете соизмеряю их с Сирокко — и всегда разочаровываюсь. — Она нервно кашлянула. — Послушай-ка, Крис. Честно говоря, даже говорить об этом не хочется. Получается, что я сую нос в твои дела. Ты не должен бояться Вальи. Даже на уровне эмоций, если это тебя волнует. Валья не будет ни ревновать, ни прибирать тебя к рукам. Она даже не будет ожидать, что это продлится долго. У титанид просто отсутствует такое понятие, как «исключительность».

— А она, случайно, не просила тебя мне об этом сказать?

— Ты с ума сошел. Она взбесится, если узнает. Титаниды сами справляются со своими делами и не желают ничьего вмешательства. Я же говорю — тут просто сует свой нос всезнайка Габи. Я тебе еще кое-что скажу, а потом заткнусь. Если тебя сдерживает мораль — скажем, ты считаешь это скотоложеством, — то будь мудрее, приятель. Ты меня хорошо слышишь? Даже католическая церковь говорит, что с этим все в порядке. Все папы согласились с тем, что у титанид есть души. Пусть даже они и язычницы.

— А если мое затруднение чисто физическое? Весело рассмеявшись, Габи потрепала Криса по щеке.

— Ну, тогда тебя еще ждет несколько приятных сюрпризов.

ГЛАВА XXII
Окно идола

Подлодка не захотела прервать свою послекоитальную негу и отбуксировать плот к Минерве. Стоя на корме, Сирокко пыталась добиться ее внимания на языке, сочетавшем в себе звуки астматического и коклюшного кашля, — но тщетно. Свет громадной батисферы все слабел, пока она медленно тянулась в пучину. У дирижабля, который уже немного помог мореходам, оказались срочные дела на западе. Вообще-то пузыри никогда не прочь прокатить — но только если человеку нужно туда же, куда и пузырю.

Впрочем, это оказалось не столь важным. Через несколько часов с запада подул свежий ветерок. И вскоре они уже подплывали к основанию вертикального троса Центральной Реи.

Робин внимательно разглядывала трос, пока они к нему приближались. Да, Минерва действительно оказалась не островом, а, скорее, полкой. Целые зоны она образовывалась псевдоуточками, квазиблюдечками, приблизительными кораллами и другими гейскими

эквивалентами бесчерешковых моллюсков и ракообразных. Проблема состояла в том, что уровень воды был низок — к тому же он, по сути, постепенно понижался, ибо за миллионы лет своего существования тросы растягивались, и Гея, соответственно, расширялась. Это оказывалось добавкой к сезонным понижениям, которые включали в себя семнадцатидневный короткий цикл и тридцатигодовой длинный. Плот прибыл совсем рядом к желобу длинного колебания, результатом которого было то, что от главного тела «острова» — то есть от троса — отделялась полка в 50 метрах над водой. Ширина полки в разных местах была различной. Кое-где она выдавалась вперед более, чем на сотню метров; а кое-где масса ракушек и песка успела обрушиться под напором волн или под собственной тяжестью — и там кабель просто шел вверх безо всякой полки. Впрочем, Робин подметила, что он всюду покрыт коркой. На два километра вверх его облепляли трупы организмов, живших здесь еще в эпоху плиоцена Земли.

Робин не на шутку задумалась, как же они собираются причалить «Констанцию», раз ближайшее место стоянки находится в пятидесяти метрах над головой. Ответ стал очевиден, когда

плот направили к южной оконечности троса. Там одна из сотен жил оборвалась как раз на уровне ватерлинии. Верхний конец загибался в сторону от троса высоко над головой. А нижний конец строители рифа преобразовали в бухточку, которую окружала гладкая полоска земли всего в пяти метрах над уровнем моря.

Вскоре «Констанцию» пришвартовали, и Робин, вслед за Габи и Псалтерионом, прошла в зубчатое ущелье, наступая на раковины в метр шириной, где все еще таились живые твари. Затем они вышли на плоский конец оборванного троса 200 метров в диаметре.

Странное это было побережье, примыкающее к бесконечной вертикальной стене троса. Из песчаных наносов торчали похожие на скелеты деревья, а в середине располагался прозрачный, безмятежный бассейн. Все вокруг было завалено белыми как кости обломками принесенных сюда Полночным морем деревьев.

— Мы пробудем здесь несколько дней, — сказала Фанфара, проходя мимо Робин с солидным грузом палаточного брезента. — Ну как? Тебе получше?

— Спасибо, все в порядке. — Робин улыбнулась титаниде, хотя, по правде, ее все еще потряхива-

ло от последнего приступа паралича. Фанфара славно о ней позаботилась. Не держи она Робин, та наверняка бы поранилась.

Затем Робин ухватила за руку проходившую мимо Габи и пошла с ней шаг в шаг.

— А зачем мы тут останавливаемся?

— Это, можно сказать, оазис Реи, — ответила Габи, широким жестом обводя окрестности. Но жест казался вымученным. — Ну а на самом деле у Рокки здесь небольшое дельце. Дня на два. Может, на три. Что, устала от нас?

— Нет. Просто любопытно. А что?

— Да ничего. Лучше бы ты поменьше любопытствовала. Ей нужно кое-что сделать, а что именно, я тебе сказать не могу. Хочешь верь, хочешь не верь, но это для твоего же блага. — И Габи поспешила обратно на плот.

Усевшись на бревно, Робин стала смотреть, как титаниды и Крис разбивают лагерь. Месяц назад она заставила бы себя встать и помочь. Долг чести велел бы ей это сделать, ибо сидеть здесь значило заявлять о собственной слабости. Черт возьми, но она же сейчас и правда слаба!

Робин следовало благодарить Фанфару за то, что она может сказать такое себе самой. Титанида пела для нее все то время, пока продолжал-

ся ее недавний приступ — и по-английски, и по-титанидски. Она не позволила Робин быть беспомощной, вынудила ее искать другие способы справляться с недугом, помимо чистой выдержки. Когда Робин стала приходить в себя, то почувствовала, что не возмущается словами титаниды. Она поняла, что Фанфара — целительница. Она была сразу и доктором, и психиатром, и советчиком — а быть может, и кем-то еще. Робин даже показалось, что Фанфара запросто стала бы заниматься с ней любовью в интимной, фронтальной форме, если бы это могло хоть чем-то помочь. Помощь Фанфары дала Робин столько душевного спокойствия, сколько она не чувствовала с тех пор, как… она не помнила, с каких пор. Робин вдруг показалось, что она вырвалась из матки своей матери, уже готовая сражаться со всем миром.

Наца сейчас тоже рвалась наружу. Открыв сумку, Робин пустила анаконду поползать по песку, потом порылась в кармане и достала кусок карамельки, завернутый в лист. Развернула и принялась сосать. Песок для Нацы оказался слишком холоден, так что она обвилась вокруг лодыжки Робин.

Сирокко неподвижно стояла у стены, не сводя

глаз с высокой трещины. Робин поняла, что это — промежуток меж двумя жилами троса. Сходная трещина была между центральной жилой и той, что слева. Ниже уровня моря они расходились все дальше друг от друга и промежутки между ними составляли не больше десяти метров.

Робин увидела Габи возвращающуюся с плота с масляной лампадой в руках, которую вручила Сирокко. Они о чем-то оживленно беседовали, но ровный шум прибоя не позволял Робин уловить хотя бы слово. Сирокко говорила мало; в основном беседу, причем в возбужденных тонах, вела Габи. Вид у нее был явно недовольный. Сирокко же главным образом отрицательно мотала головой.

Наконец Габи сдалась. Какое-то время женщины просто стояли лицом друг к другу. Затем обнялись, и Габи пришлось привстать на цыпочки, чтобы поцеловать старую подругу. Но вот Сирокко последний раз прижала ее к себе — а потом вошла в щель между тросами.

Габи же прошла к краю круглой бухточки, стараясь оказаться как можно дальше от всех остальных. Там она села и закрыла лицо ладонями. Так она просидела по меньшей мере часа два.

Ожидание Сирокко в основном проходило в играх и отдыхе. Крису все было как с гуся вода, и титанидам тоже. Габи без конца нервничала. А Робин все это стало порядком надоедать.

Пройдя курс обучения у титанид, Робин взялась было вырезать по дереву, но ей явно не хватало терпения. Ей хотелось снова попросить Криса поучить ее плавать — но вот раздеваться перед ним было совсем нежелательно. Габи решила проблему, предложив, чтобы Робин облачилась в купальный костюм. Сама мысль носить купальный костюм оказалась для Робин столь же неожиданной, как, к примеру, носить войлочные тапочки под дождем. Но делу это, несомненно, помогло. Робин взяла три урока в центральном водоеме, который она ошибочно назвала приливным бассейном. (Понятно, никаких приливов на Гее не было и быть не могло.) В ответ она поучила Криса драться, чего он никогда толком делать не умел. Впрочем, уроки эти пришлось на время отложить, когда сама Робин кое-что для себя выяснила. Оказалось, яйца мужчины удивительно уязвимы, и их владельцу можно доставить страшную боль. Робин истощила весь свой запас извинений и вправду чувствовала себя ужасно виноватой — но откуда ей было знать?

Только два инцидента оживили в целом бесцветную пару суток. Первый случился вскоре после ухода Сирокко, когда Габи захотелось обойти окрестности. Она повела отряд по узкой тропке, что вела от места их стоянки к высокой полке, окольцовывавшей трос. Следующий час все семеро провели, осторожно ступая по неровной земле, которая медленно шла вверх до пятидесятиметрового обрыва в море. Экскурсионная группа прошла почти половину диаметра троса, пока не оказалась у того места, где полка резко обрывалась. Неподалеку оттуда виднелась щель, а в ней невысокая каменная пилястра с золотой статуей незнакомого землянам существа.

Робин чудище напомнило Царевну-Лягушку из детской сказки. Тварь определенно относилась к земноводным; хотя у нее было шесть лап, все они заканчивались широкими ластами. Горбатая и приземистая, она сидела на корточках и таращилась в море. Ничего на твари не росло, хотя вся она была затянута морскими водорослями. Единственное ее око зияло пустым провалом.

— Эта статуя здесь уже по меньшей мере десять тысяч лет, — пояснила Габи. — В глазной впадине раньше, разумеется, был глаз. Бриллиант примерно с мою голову. Я только раз его видела — он

словно лучился. — Тут Габи пнула ногой песок — и, к великому своему изумлению, Робин увидела, как оттуда вылезает существо размером с крупного пса и, перебирая шестью перепончатыми лапами, шустро удирает прочь. Отвратительное существо было сплошь желтого цвета. Плоти на его костях невесть почему осталось совсем мало. Существо не слишком напоминало статую — и все же между ними ясно прослеживалось родовое сходство. Лишь раз обернувшись, уродина разинула пасть с несколькими тысячами длинных острых клыков, мерзко зашипела — и потрюхала дальше.

— Эти сволочи обычно бывали такими подлыми, что у росомахи при встрече с ними непременно случился бы сердечный приступ. А еще — раньше они были такие быстрые, что до того, как вы бы их заметили, ваши кишки уже валялись бы на земле. Их тут навалом, и все прячутся в песке — точно так же, как эта. К тому же раньше, стоило одной выскочить, они сбегались отовсюду. Однажды я видела, как одна получила семь винтовочных пуль и тем не менее успела прикончить стрелявшего.

— Что же с ними случилось? — спросил Крис.

Вместо ответа Габи подобрала крупную рако-

вину и швырнула ее в идола. Из песка мигом высунулась дюжина голов с разинутыми пастями. Робин потянулась было за пистолетом, но это оказалось излишним. Твари недоуменно огляделись, затем снова убрались в свои укрытия.

— Сюда их поместили охранять око идола, — пояснила Габи. — Расы, которая его сработала, давным-давно нет на свете. Одна Гея что-то о нем знает. Можете, кстати, не сомневаться, что никакой это на самом деле не идол, ибо здесь никому, кроме Геи, не поклоняются. Полагаю, это скорее какой-то памятник. Как бы то ни было, прошла, наверное, уже тысяча лет с тех пор, как кто-то им интересовался или навещал.

Однако его одиночество закончилось пятьдесят лет назад. Именно тогда сюда стали забредать пилигримы, и Гея сотворила этих тварей как пародию на их оригинал. Она вложила в их головы одно-единственное стремление — любой ценой защищать око идола. Они прекрасно справлялись с заданием. Око выкрали только лет пятнадцать тому назад. Я лично знала пять человек, которые погибли на том самом месте, где мы сейчас стоим. Сколько же всего их погибло — наверное, одной Гее ведомо.

Но после того как око исчезло, стражам уже

нечего было делать. Гея не программировала их смерть, так что они мало едят и медленно стареют. Но в итоге сейчас они занимаются только одним — ждут смерти.

— Так все это было ради вызова? — спросила Робин. — Раньше тварей здесь не было? Только после того, как она принялась подталкивать людей к тому, чтобы… пойти и доказать… — Она не смогла закончить свою мысль. Гнев вспыхнул в ней с прежней силой.

— Вот именно. Впрочем, она вам, наверное, не сказала, что во всей Гее таких мест почти что и не осталось. Уверена, она доверху нагрузила вас россказнями про тысячу и одного дракона и про самоцветы размером с помет дирижаблей. Правда, однако, состоит в том, что по этому проклятому колесу битых пятьдесят лет шлялись несчастные пилигримы — и каждый высматривал, как бы ему выкинуть какую-нибудь дурость. Множество этих самых пилигримов погибло, пытаясь это сделать. Но вот ведь какая штука! Самая суть рода человеческого состоит в том, что если сюда будут таскаться людишки, то они, в конце концов, сотворят даже невозможное. Хуже всего пришлось драконам. Их уже почти не осталось. Зато людей — по-прежнему до хрена и больше.

Гея, конечно, может соорудить еще драконника, когда ей вздумается, но она тоже уже не та. Богиня стареет, и ей все труднее выдерживать такой напор. Все к чертям собачьим ломается и долго не чинится — если вообще чинится. Сомневаюсь, что на всем колесе осталась хоть дюжина драконов или хоть пара дюжин таких вот памятников, только неосквернённых.

— Просто плохо ищут, — возразила Валья и не могла понять, почему Робин так громко расхохоталась.

Весь обратный путь Крису было явно не по себе. И Робин чувствовала, что парень воображает себе какие-то баснословные подвиги — пусть даже сам того не сознавая. Что ж, в конце концов он мужчина. Его давно уличили в алчных играх со всевозможными игрушечными солдатиками. Самой же Робин было безразлично, есть еще эти драконы или их всех уже перебили.

Второй инцидент, впрочем, оказался куда поинтересней первого. Случился он как раз после второй их «ночи». Габи, которая в первую «ночь» не сомкнула глаз, на сей раз спала, а пробудившись, вышла из палатки и сразу наткнулась на громадные следы по песку. Она тут же заверещала титанидам, которые галопом примчались с

плота. К тому времени как они примчались, Крис и Робин тоже проснулись.

— Где вас черти носили? — желала знать Габи, тыча пальцем в отпечаток ступни в метр длиной.

— Мы работали на «Констанции», — ответил Менестрель. — Фанфара заметила, что волны повредили один конец, и мы…

— А как насчет вот этого? Ведь вы должны были…

— Минутку-минутку, — горячо возразил Менестрель. — Ты же сама сказала, что здесь не о чем беспокоиться. Ни с земли, ни с…

— Ладно-ладно, извини. Давай не спорить. — Робин не удивилась, что Габи так быстро пошла на попятный. Титаниды так редко гневались, что, когда выпадал случай, это быстро отрезвляло. — Надо бы получше их рассмотреть.

К этому они и приступили, изучая один след в деталях, а затем прослеживая весь ряд, чтобы выяснить, откуда загадочное существо появилось и куда ушло. Результаты оказались пугающими. Следы появлялись у одного края бухточки, описывали петлю вокруг палатки Габи — и снова исчезали у водной кромки.

— Как ты думаешь, кто бы это мог быть? — спро-

сила Валья у Габи, которая, опустившись на одно колено, рассматривала след при свете лампады.

— Хотела бы я, черт меня побери, это знать. Похоже на птичью лапку. Птицы такого размера есть в Фебе, но они не умеют ни плавать, ни летать. Так какого дьявола им тут делать? Может, Гея что-нибудь новенькое сварганила? Будь я проклята, если эта тварь не смахивает на гигантского цыпленка.

— Не хотелось бы мне с ним повстречаться, — заметила Робин.

— Мне тоже. — По-прежнему хмурясь, Габи выпрямилась. — Вот этот след пусть никто не трогает. Рокки посмотрит его, когда вернется. Может, она знает, что это за чудище.

Сирокко вернулась через восемь часов. Выглядела она усталой и голодной, но в то же время держалась более уверенно, чем перед тем, как ушла. Робин отметила, что Фея более непринужденно улыбается. Что бы там ни случилось, все явно прошло лучше, чем она ожидала.

Робин хотелось что-нибудь сказать, но в голову лезли только вопросы типа «Как там прошло?» или «Что ты там делала?» А насчет таких вопросов ее уже предупреждала Габи. И она решила воздержаться.

— Знаешь, Габи, похоже, ты была права, — сказала Сирокко, когда они направились к лагерю. — Я чертовски уверена, что не захотела бы…

— Потом, Рокки. У нас тут одна штуковина появилась. Неплохо бы тебе на нее взглянуть.

И Сирокко подвели к месту чудовищного следа. Он был уже не так четок, как раньше, но вполне различим.

Освещая след лампадой, Сирокко присела на корточки — и, одна за другой, лоб ее прорезали глубокие морщины. Казалось, ее возмущает сама мысль о подобной твари.

— Тут вы меня врасплох застали, — наконец призналась она. — Ничего подобного мне никогда не попадалось. А уж я-то по этому чертову колесу на славу покрутилась. — Она пропела что-то по-титанидски. Робин взглянула на Фанфару. Та помрачнела.

— В вольном переводе, — сказала она, — «Гее, как и всякому божеству, нравятся шуточки». Это поговорка. И все ее, конечно же, знают.

— Значит, гигантский цыпленок? — недоверчиво спросила Сирокко.

Робин было уже не сдержаться.

— Извините, мне что-то нехорошо, — выдавила она и поспешила в темноту. Добравшись

до водной кромки, она взобралась в расщелину, подобную той, что начиналась там, где был причален плот. Только там, вне поля зрения остальных, маленькая ведьма начала ржать. Стараясь производить поменьше шума, она бешено хохотала — пока в боку не заболело, а по щекам не потекли слезы. Робин была уверена, что сильнее смеяться она уже не сможет. Тут она услышала вопль Габи.

— Эй, Рокки, сюда! Мы нашли перо! Робин еще пуще заржала.

Когда она, в конце концов, взяла себя в руки, то, пошарив в трещине меж округлыми побегами кораллов, вытащила оттуда хитрые штуковины, сделанные из палок, плавников и раковин. У обеих штуковин имелись веревки, чтобы привязывать их к ногам.

— Габи и Сирокко, — усмехнулась Робин. — Великие знатоки дикой природы Геи. — Поцеловав одну из штуковин, она забросила ее подальше в воду.

— Лучше бы тебе поспешить. Габи скоро явится посмотреть, как ты тут. — Робин подняла глаза и увидела Фанфару. Помахав титаниде оставшейся ходулей, она отправила ее вслед за первой.

— Спасибо за помощь.

— Пожалуйста, — отозвалась Фанфара. — По-моему, Валья заподозрила неладное, но она ничего не скажет. — Титанида от души ухмыльнулась. — Кажется, это путешествие начинает мне нравиться. Только с солью больше не шути, ладно?

ГЛАВА XXIII
Буря и затишье

Ветер с запада погнал качающуюся на волнах «Констанцию» прочь от острова Минерва. Для Габи это стало хорошей новостью. Подняв глаза, она увидела, что нижний клапан уже закрыт. По собственному горькому опыту она знала, что в спице теперь наступила очередная зима. Деревья и все прочее покроется толстым слоем льда. Когда же начнется оттепель, вся растаявшая вода и солидный тоннаж сломанных веток соберутся на клапане. И когда клапан откроется, от Реи лучше будет убраться подальше. За пятьдесят оборотов Нокс поднимется на два метра — а то и выше.

Никто не стал спрашивать, куда ходила Сирокко. Габи сильно подозревала, что все, включая и титанид, были бы весьма удивлены ответом.

А ходила Сирокко на аудиенцию с Реей, подчиненным мозгом, что управлял территорией, простиравшейся от острова Минерва на сто километров во всех направлениях. Рея не была подвластна никому, кроме самой Геи. А еще — полубогиня была совершенно безумна.

Единственный путь к региональным мозгам вел через центральные вертикальные тросы. Все двенадцать располагались именно там — в конце пятикилометровых спиральных лестниц. Этого не знали даже титаниды. Их познания о двенадцати полубогах было ограниченным, Гея, когда создавала титанид — с уже готовой культурой и расовым знанием, — не видела причины, чего ради засорять им мозги насчет регионалов. Полубоги эти были всего-навсего придатками Геи, квазиразумными обслуживающими механизмами, которые поддерживали нормальное функционирование их собственных ограниченных владений. Для титанид думать о них даже как о подчиненных божествах значило не воздавать должное Гее. В результате титаниды знали об этих больших сгустках нейтральной материи не больше любого невежественного туриста. Гиперион был для них местностью, но не персоной.

На самом же деле все обстояло совсем по-иному, и так было задолго до рождения титанид. Во времена юности Геи, быть может, региональные мозги были всецело ей подчинены. По крайней мере она так заявляла. Но сегодня каждый из них все больше и больше проявлял самостоятельность. Теперь, побуждая выполнить свою волю,

Гее приходилось умасливать их или устрашать.

Применительно к такому регионалу, как Гиперион, все дело ограничивалось простым запросом. Гиперион был ближайшим союзником Геи на всем кольце. И все же сам факт, что ей приходилось запрашивать, показывал, насколько далеко все зашло. У Геи почти не осталось возможности прямого управления делами на ободе.

Габи виделась с некоторыми из регионалов; к примеру, десятки раз спускалась она на встречи с Гиперионом. И всегда он представлялся ей тупым автоматом. Габи вообще казалось, что злодеи куда интересней положительных персонажей. А Гиперион умудрялся дважды в одном предложении употребить слово «Гея». Габи и Сирокко виделись с ним перед самым Карнавалом. Центральный трос Гипериона всегда вызывал у Габи странное чувство. В первые свои недели на Гее она с другими членами экипажа «Укротителя» там побывала. Сами того не зная, они прошли в какой-то сотне метров от входа. Найди они его тогда — и не понадобилось бы совершать то жуткое путешествие.

С Реей все было по-другому. Габи ни разу не навещала ни одного из врагов Геи. Сирокко же навещала их всех — кроме Океана. Ей позволялось

это делать, ибо она была Феей и находилась под прямой защитой Геи. Габи же такая защита не светила. Убийство Сирокко вызвало бы бешеный гнев Геи, который немедленно обрушился бы на территорию убийцы. А убийство Габи, возможно, вызвало бы лишь ее недовольство.

Неточно, впрочем, было бы называть Рею врагом Геи. Пусть она и содействовала Океану в Океаническом бунте, Рея была слишком непредсказуема, чтобы на нее могла положиться какая-то из сторон. До этого Сирокко спускалась к ней лишь раз — и едва спасла свою жизнь. Да, Габи понимала — начинать с визита к Рее было крайне рискованно. Но не проглядывало, однако, выгоды и в том, чтобы ее пропускать, а потом возвращаться. Ибо их, Габи и Сирокко, целью было нанести визиты одиннадцати региональным мозгам. А безрассудную их надежду составляло то, что Гея об этом еще не знает.

Риск представлялся чудовищным, но Габи все же казалось, что это можно провернуть, не возбуждая подозрений. Она не ожидала полной секретности — это было бы глупо. Хотя глаза и уши Геи представляли из себя вовсе не то, чем их воображали некоторые, у богини было достаточно контактов на ободе, чтобы она, в конце концов,

узнавала почти обо всем, там происходящем.

Так что они просто надеялись взять наглостью. Часть предприятия обещала стать очень простой. К примеру, дурным тоном было бы для Феи пройти через Крий, не снисходя до визита. Если же Гея захотела бы узнать, зачем Фея навещала врага вроде Япета, Сирокко могла бы отговориться, что она, мол, просто наводит порядок в делах на ободе. Ведь это составляло часть ее работы. А на вопрос, почему она не рассказала Гее об этих переговорах, Фея могла бы вполне искренне возмутиться — ведь Гея никогда не требовала докладывать ей о всякой ерунде.

Однако визит к Рее объяснить было бы затруднительно. Несчастная, помешанная, вконец запутавшаяся, Рея могла стать самым опасным регионалом в Гее при встрече лицом к лицу. Путешествовать по ее землям можно было без всякой опаски. Она так углубилась в самокопание, что редко замечала тех, кто над ней проходил. По этой же причине, между прочим, земли Реи мало-помалу приходили в запустение. Впрочем, невозможно было предсказать поведение Реи, если кто-то осмелится с ней заговорить. Габи пыталась убедить Сирокко вообще пропустить Рею, и причиной тому была не только опасность.

Сложно было бы объяснить, зачем Фея рискнула к ней спуститься.

А тут еще это загадочное существо, что их навестило. Оно доставило Габи немало неприятных переживаний. Сперва она подумала, что это могло быть одно из орудий Геи — вроде той пакостной старушенции, которая встречала пилигримов в ступице. Теперь же Габи засомневалась. Скорее, это была просто шуточка Геи. В последнее время богиня все чаще и чаще выдумывала всяких монстров, чтобы спустить их с цепи на ободе. Вроде бомбадулей. Бомбадули пока что были самой пакостной ее шуткой.

Когда Габи спросила Сирокко, как прошла аудиенция, та, похоже, была твердо уверена, что все сошло гладко.

— Я как можно аккуратнее ее восхваляла. Мне хотелось оставить ее с мыслью, что она много выше Геи — так, чтобы она даже не снизошла до разговора с Геей, когда та в очередной раз ее позовет. Если она не будет говорить, то мое пребывание там так и останется тайной.

— Надеюсь, ты не сказала ей напрямую, чтобы она об этом не говорила?

— Я что, по-твоему, совсем дура? Думаю, я понимаю ее характер не хуже кого другого. Нет,

я выложила все карты и держалась как можно непринужденнее. И все время помнила, как в прошлый раз получила ожоги второй степени на половине тела, когда от нее смылась. Между прочим, можешь поставить рядом с ее именем большой жирный крест — если уже этого не сделала.

— Шутишь? Я даже в список ее не вносила. Сирокко на мгновение закрыла глаза. Потом потерла лоб.

— На очереди Крий — и еще один крест. Знаешь, Габи, не думаю, что у нас из этого что-то выйдет.

— А я никогда и не говорила, что выйдет. Но попытаться-то мы, по крайней мере, должны?

Ветер пронес «Констанцию» мимо длинного ряда мелких островков, что, будто чернильные пятна, пачкали центральный Нокс, а затем стих. Почти сутки мореходы ждали его возвращения. Когда же он так и не вернулся, Габи приказала всем, включая Сирокко, сесть за весла.

Клапан начал открываться после того, как они ударно отработали двадцать оборотов. Вопреки тому, что можно было ожидать, никакого потока воды из стремительно расширяющейся над ними дыры не полилось. Клапан представлял собой нечто вроде губки. Большую часть талой воды он

вбирал в себя, а потом, по мере его расширения, вода постепенно выдавливалась. Она вытекала мириадами потоков и дробилась на отдельные капли. Начиная с этого момента процесс становился достаточно сложным, ибо студеная вода и холодный воздух, неотвратимо двигаясь вниз, встречались с поднимающимися снизу теплыми воздушными массами. А поскольку путники уже, хоть и ненамного, успели отодвинуться к востоку от клапана, то львиная доля бурь и ливней устремилась мимо них — подобно Робин во время Большого Пролета — на запад, к Гипериону. И никак было не узнать, когда же ветры начнут нести в себе опасность.

Судьбу обломков, засорявших верхнюю поверхность клапана, можно было рассчитать путем несложных математических выкладок. Конечно, когда они рухнут, всплеск будет мощный. Еще бы — ведь некоторые из «обломков» представляли деревья покрупнее секвой. Но Габи знала, что проблему для «Констанции» они не составят, ибо атмосферное трение воздействия на них практически не окажет и упадут они далеко к западу.

Вся команда продолжала налегать на весла, даже когда задул ожидаемый ветер. И все также то и дело поглядывали, как опускается буря. Она

постепенно падала, наконец встретилась с морем — и стала расползаться подобно перевернутому грибовидному облаку.

На «Констанцию» налетали волны и резкие порывы ветра, трепавшие грубую ткань паруса. Габи видела, как приближается дождь, слышала его нарастающий шум, и когда он пошел, то представлял собой стену воды. Когда-то, давным-давно, отец Габи называл такие ливни «душителями лягушек».

Ветер, впрочем, сказался не таким бешеным, как опасалась Габи, но она знала, что все еще может измениться. До земли оставался еще целый километр. Те, кто не греб, стали пытаться достать до дна шестами. Когда это удалось, титаниды оставили весла людям и взялись дружно толкать плот к желанному берегу. Причаливание могло стать проблемой, ибо к тому времени на берег уже накатывали двухметровые валы. Хорошо хоть ни скал, ни рифов в окрестностях не было. Вскоре Менестрель спрыгнул в воду с канатом, доплыл до берега и взялся тянуть.

Габи уже начала подумывать, что, может, все сойдет гладко, но тут громадная волна захлестнула нос плота и смыла Робин. Крис оказался ближе всех; не раздумывая, он бросился в воду

в быстро добрался до девушки. Габи подошла, чтобы помочь обоим забраться на плот, но Крис решил, что оттуда проще будет доставить Робин прямо на берег. Они успешно добрались до мелководья, и Крис помог Робин встать — но тут обоих сшибла с ног огромная волна. На мгновение Габи потеряла их из виду; затем Крис появился с Робин на руках — он отнес ее туда, где прибой их уже не доставал, поставил на берег. Она тут же рухнула на колени, кашляя и отплевываясь, но отмахиваясь от предложенной Крисом помощи.

Титаниды выволокли «Констанцию» из воды и минут пять гарцевали среди становящихся все более злобными волнами, чтобы забрать с плота все, что требовалось. Парус, правда, унесло, но больше потерь, как будто, не было.

— Ну что ж, — начала Сирокко, когда они нашли место для лагеря — это было возвышение со множеством деревьев, которые могли защитить их от ветра, — удача от нас не отвернулась. Кроме паруса, ничего не пропало?

— Один из моих вьюков раскрылся, — призналась Валья. — Кое-что там повреждено водой, а в палатке Криса теперь отдыхают рыбы. — Титанида казалась столь удрученной, что Крис едва удержался от смеха.

— Он может расположиться вместе со мной, — сказала Робин. Габи такого не ожидала. Она впилась глазами в Робин — но та не отрывала взгляда от чашки горячего кофе. Девушка сидела вплотную к разведенному титанидами костерку, накинув на плечи одеяло. На вид она очень напоминала мокрую крысу.

— Наверное вы, четвероногие, на сей раз тоже захотите расположиться в палатках, — предположила Сирокко, переводя взгляд с одной титаниды на другую.

— Если вы, двуногие, нам позволите, — отозвался Псалтерион. — Хотя мне кажется, вы будете очень скучной компанией.

Габи зевнула.

— Похоже, ты прав. Так как вы говорите, малышки? Нам надо залезть в мешки и составить вам скучную компанию?

Габи возглавила поход — из-за отказа Сирокко делать хоть что-то, связанное с руководством. Раз сдав свое капитанство, Сирокко уже не рвалась брать на себя такую ответственность. Хотя, если положение обязывало, справлялась по-прежнему прекрасно. Но теперь она даже не желала это обсуждать; Габи будет главной — и дело с концом. Габи согласилась — и даже не сердилась, когда

титаниды невольно обращались в сторону Сирокко, если Габи что-то им приказывала. Тут они ничего не могли поделать. Для всех титанид она была Феей. Впрочем, они с готовностью делали то, что приказывала Габи, если становилось ясно, что у Феи возражений нет.

Постепенно Сирокко поправлялась. Но каждое утро по-прежнему становилось для нее кошмаром. Поскольку спала она больше остальных, то и пробуждений, с которыми приходилось бороться, у нее бывало больше. И по пробуждении она была страшна как смерть. Руки тряслись, глаза блуждали — будто искали помощь и не находили. Сон был немногим лучше. Не раз Габи слышала, как ее старая подруга рыдает в ночи.

Но справиться с этим могла только сама Сирокко. А Габи тем временем занималась лишь корректировкой маршрута. Высадились они у северного изгиба Длинного залива. Прежде, когда Габи пересекала Нокс, она всегда направлялась в Змеиный залив — сужающийся клинышек, который вел к устью Офиона. Два этих залива разделяла скалистая коса. По земле до реки было всего километров пять. Вдоль берега же — по меньшей мере километров двадцать пять. Габи не слишком хорошо знала эту местность и не

могла припомнить, тянется пляж на всем пути вокруг косы или нет. Не помнила она, и есть ли проход меж скалистых утесов на севере. А тут еще эта буря. Ветер может доставить путникам много неприятностей, если они решат следовать вдоль берега. А по земле придется вязнуть на скользких тропах, пробираясь сквозь густую тьму леса.

Габи прождала пять часов, надеясь, что буря утихнет, потом посоветовалась с Сирокко — та, как выяснилось, знала не больше Габи, — и наконец приказала сворачивать лагерь. Псалтериону суждено было прокладывать путь по земле.

Габи так и не узнала, был ли это лучший выбор, но во всяком случае оказался он неплохим. В нескольких местах пришлось тщательно выбирать маршрут. И все же в основном местность была не такой пересеченной, какой казалась. Отряд вышел на южный берег Змеиного залива. Берега там как такового и не было — залив сильно напоминал норвежские фьорды — но оттуда Габи уже знала путь. В этом самом месте Кружногейское шоссе вновь примыкало к Офиону после крюка по Северной Рее и скалистым перевалам западных гор Немезиды.

По какой-то неясной причине на этом 30-километровом участке творение Габи сохранилось

лучше, чем где-либо еще на всей Гее. Большая часть асфальта растрескалась и покорежилась, какую-то часть вообще смыло, но все же отрезками по 50 — 100 метров отряд мог идти по твердой дороге, почти не изменившейся с тех пор, как ее со своими рабочими бригадами проложила Габи. Дорожное полотно было в этой области особенно твердым и устойчивым. Габи в свое время пришлось порядочно подзаняться здесь взрывными работами. И все же она была уверена, что регулярные дожди давно смыли плоды ее трудов.

Но, тем не менее, вот она, ее дорога. Вьется мимо семи массивных насосов, что выстроились вдоль ущелья. Насосы Габи назвала Врач, Везун, Чих, Ворчун, Соня, Дурень и Рохля — и уже не собиралась за это извиняться. Ничего тут было не поделать; запасы имен из греческой мифологии Габи к тому времени истощила. Пожалуй, наиболее подходящими представлялись Чих и Ворчун. Все насосы производили жуткий грохот. Кроме того, название «Дурень» можно было воспринимать как общее для всех.

Буря стала слабеть как раз, когда отряд приблизился к высшей точке насосной системы. Собственно, это была вообще самая высокая точка на Офионе. С уровня Нокса — высочайшего

из десяти морей Геи — Семь Гномов поднимали воду еще на 4000 метров. Место это называлось Реин Перевал. С него открывался вид на горную стену Немезидиной Гряды: неровные зубья, подсвеченные изобильной зеленью и голубизной Крия — голубизной его северных озер и зеленью южных равнин, что изгибались позади гор. На перевал все еще падал неустанный дождь, но к востоку небо уже прояснилось. Габи решила, что пора мастерить каноэ. Отряд поплывет по реке и постарается достичь сухой земли, не вставая лагерем.

Снова Габи развеселил Крис. Он во все глаза наблюдал, как титаниды выбирают подходящие для каноэ деревья и после нескольких точных ударов топора собирают обильный урожай в виде реек и досок для настила. Парень изумленно качал головой при виде того, как все точно подходит для каркаса, на который оставалось только натянуть оболочку — ту самую, что сохранилась от первоначального флота в Гиперионе.

Габи неожиданно для себя поняла, что все еще наблюдает за Крисом, когда титаниды принялись нагружать лодки. Она удивлялась самой себе, но признавалась, что она во многих отношениях находит Криса неотразимым. Его почти ребя-

ческое любопытство и неизменная готовность внимательно слушать, как она или Сирокко рассказывают о разнообразных чудесах Геи, вызывали у Габи грусть и даже зависть. Когда-то и она была такой. Внимание Криса контрастировало с недостатком интереса у Робин, которая обычно слушала собеседника лишь до той секунды, когда убеждалась, что лично к ней сказанное отношения не имеет. Габи предположила, что такой Робин сделала ее нелегкая жизнь. Но ведь и у Криса жизнь сложилась не легче. Это, в частности, выражалось в его грустных, негромких сетованиях. Он был скорее застенчив — но не настолько, чтобы совсем сливаться с фоном. Когда Крис бывал уверен, что его действительно слушают, он становился прекрасным рассказчиком.

А еще Габи чувствовала к Крису физическое влечение. И это было примечательно; ведь ее последний роман с мужчиной закончился лет двадцать с лишним назад. Когда Крис улыбался, ей было хорошо. Когда же объектом улыбки становилась она, Габи, ей было скверно. Слегка асимметричное лицо Криса было безусловно симпатичным; атлетический торс дополняли красивые ноги. Небольшой валик жира на поясе уже почти растворился; еще несколько недель

лишений окончательно превратили бы его в стройного, узкобедрого мужчину. Именно в такого, какие нравились Габи. Но и сейчас ей уже хотелось поворошить его волосы. А потом, пожалуй, и сунуть руку ему в штаны — прикинуть, как там обстоят дела.

Но только не в этом походе. Не теперь — когда за ним хвостом ходит Валья, когда Сирокко держится на привязи только из-за последствий своего перепоя и когда — Габи уже начала это подозревать — когда даже Робин начинает проявлять интерес к скрещиванию представителей различных цивилизаций.

У Криса достаточно проблем и без Габи Мерсье — особенно если она попытается как-то вписать его в то несчастье, которое она сотворила из своей личной жизни. И Габи знала, что, быть может, крупнейшая проблема Криса — та, о которой он пока и не подозревает. Звалась эта проблема Сирокко Джонс. И Габи намеревалась сделать все возможное, чтобы его от нее оградить.

Участок Офиона, который теперь одолевали путники, сильно отличался от того отрезка, по которому они проплыли в Гиперионе. Это требовало некоторых перемен. Для самых опасных стремнин Габи настояла на двух опытных ка-

ноистах — одном сзади и одном спереди. Все четверо титанид были вполне квалифицированны — равно как и Габи с Сирокко. Крис еще не совсем пообтесался, но в общем подходил. Робин же оставалась полным новичком, да еще и не умела плавать. Поэтому Габи посадила ее меж двух титанид. Еще две правили второй лодкой. В третьей расположились она сама, Крис и Сирокко, а четвертую везли на буксире. На спокойных участках Габи позволяла Робин вести флотилию, присоединяясь к ней и показывая, как управлять каноэ. Робин упорно стремилась к цели и очень скоро уже кое-чего добилась.

Такое плавание бодрило. Когда череда стремнин закончилась, Крис был полон энтузиазма, а Робин сильно возбуждена. Как-то раз она даже предложила вернуться назад и проделать все снова — и выглядела при этом трехлетней девчонкой. Робин очень хотелось править впереди одной. Габи прекрасно ее понимала; ей и самой мало что нравилось больше, чем стремительные скачки по белым быстринам. Частенько, путешествуя вместе с Псалтерионом, она с риском для жизни бросала вызов реке. Но теперь, даже наслаждаясь плаванием, Габи уяснила для себя то, что давным-давно поняла Сирокко. Все стано-

вится другим, когда ты возлагаешь на себя бремя лидерства. Ответственность за других заставляет тебя перестраховываться, а порой и по-старчески брюзжать. В частности, Габи пришлось проявить предельную жесткость в разговоре с Робин насчет ношения спасательного жилета.

Не отдыхая, отряд добрался до сумеречной зоны к западу от Крия. Все испытывали приятную усталость. Плотный завтрак, легкий обед — и путники вновь пустились в плавание средь постепенно светлеющих земель. Если что-то и могло еще усилить наслаждение от путешествия по реке, так это переход из-под дождя Реи под солнечный свет Крия. Титаниды завели свое пение, которое, как всегда, начиналось с гейской народной походной песни: «Удивительный волшебник страны Оз». Габи не удивилась и не смутилась, ощутив слезы у себя на щеках, когда песня закончилась.

Наконец Офион вырвался под настоящий дневной свет — чуть к северу от западного наклонного троса, двойника Лестницы Сирокко, но с наклоном в противоположную сторону. Затем река повернула к югу и текла в этом направлении более сотни километров. Стремнины попадались все реже, хотя течение по-прежнему оставалось оживленным. Путники отдыхали, едва погружая

весла в спокойные воды и позволяя речному потоку себя нести.

Габи предложила сделать остановку. Лучшей стоянки на Немезидином Гребне она не знала — и решила, что они останутся здесь на восемь оборотов, поспят, а затем отправятся дальше. Все остались довольны, особенно титаниды, которые наконец задумали приличную трапезу — в первый раз за несколько дней.

Когда Крис предложил выудить из реки что-нибудь съедобное, Габи показала ему, какой тростник лучше срезать для удилища. Робин тоже проявила интерес, и Габи продемонстрировала ей, как сажать наживку на крючок, как забрасывать леску и как обращаться с простейшими деревянными катушками, которые захватили с собой титаниды. Втроем они зашли на мелководье, где под ногами у них оказались гладкие камни, и принялись забрасывать удочки.

— А что здесь ловится? — поинтересовался Крис.

— А что бы ты выудил примерно из такой же речки на Земле?

— Ну форель, наверное.

— Значит, здесь тоже форель. Полагаю, дюжины нам хватит.

— Ты что, серьезно? Здесь правда форель?

— Да, и причем не какая-нибудь гейская имитация. Когда-то давным-давно Гея решила, что надо как-то привлекать туристов. Это теперь они ей совсем безразличны. Но тогда многие речки были заселены, а рыба прекрасно плодится. Здоровенные дуры вырастают. Вот, к примеру, как эта. — Ее удилище согнулось в дугу. А несколько мгновений спустя Габи уже подбирала сачком рыбину, крупнее которой Крис никогда в жизни на удочку не ловил.

Робин порвала леску после первой же поклевки, а потом вытащила примерно такую же форелину, что и Габи. За каких-то полчаса они уже исчерпали установленную квоту, но Крис бился с чем-то, что скорее казалось китом, чем форелью. И все же, когда рыбина сверкнула в воздухе, у нее оказалась знакомая форма и раскраска, знакомый боевой дух. Крис играл с ней минут двадцать, а когда наконец вытащил, то оказалось, что крупнее этой форелины не видела даже Габи. Он с нескрываемым восторгом ее разглядывал — а потом поднял к небу и радостно выкрикнул:

— Ну, как тебе, Гея? Годится?

ГЛАВА XXIV
Грот

Раз Крису все-таки удалось увидеть проклятую штуковину. Лишь крошечное пятнышко далеко на севере и высоко-высоко в небе. Но именно это пятнышко было источником того долгого воя, который он слышал уже дважды. После того как тварь исчезла за горой, Крис еще с минуту мог ее слышать.

— Валья, — сказал он, — я беру влево.

— Я за тобой.

Крис подплыл поближе к Габи и Псалтериону. Держась за борт их каноэ, он положил весло, затем легко перескочил из одной лодки в другую. Габи мрачно на него выглянула.

— Слушай, Габи, тебе не кажется, что уже пора бы сказать нам, что это такое. Ведь ты сама говорила, что будешь учить нас тому, что нам неплохо бы знать.

— Разве? — Она еще больше помрачнела, но сдалась. — Но я и не пытаюсь ничего от вас скрывать. Просто об этих тварях лишний раз говорить не хочется. Я… — Тут она подняла глаза и увидела,

что к ним присоединилась Робин.

— Ну ладно. Мы зовем их бомбадулями. Они появились недавно. Совсем недавно. Первого я увидела лет шесть-семь назад, не больше. Гея, видно, долго над ними трудилась, потому что они так дьявольски фантастичны, что, по идее, и живыми-то быть не должны. Тварей гнуснее я в жизни не видела.

Короче говоря, это живые самолеты с прямоточными воздушно-реактивными двигателями. А может, не с прямоточными, а пульсирующими — толком не знаю. Тот, которого я разглядывала, был весь разворочен и сгорел чуть ли не дотла. Несколько лет назад я заказала с Земли старинную ракету с тепловым наведением и хорошо отоварила одного бомбадуля. Он оказался тридцати метров в длину и определенно органическим, хотя в корпусе до черта металла. Понятия не имею, как он устроен; его химия, должно быть, просто фантастическая — особенно в период созревания.

Так или иначе, меня заинтересовало, как он летает. У него есть крылья, и я точно выяснила, что летает он не за счет маха. Бомбадуль действует вроде аэроплана, у которого элевоны заменены крыльями. Еще у него есть две ноги, которые

складываются в полете. Хотя я сомневаюсь, что он на них далеко уйдет. А еще — два топливных пузыря, в которые заливается что-то вроде керосина. Или этанола. Или какой-нибудь смеси.

До сих пор удивляюсь, как ему удается так нажраться, чтобы произвести столько этого самого топлива, сколько нужно для полета. Тем более, что на земле он чертовски неуклюж. А на закуску, если проклятая тварь и впрямь летает при помощи прямоточного движка, ей никак нельзя приземляться никуда, кроме вершины утеса или очень высокого дерева. Такой мотор просто не заработает, пока бомбадуль не начнет движения. Так что ему нужна или добавочная тяга, или долгое падение, чтобы врубить зажигание. Об этом мне ничего не известно; пришлось наводить справки.

И для начала я решила, что сами бомбадули горючего не производят. То, чем они питаются, идет на более или менее нормальный обмен веществ. А топливо они получают из внешнего источника. Или даже из нескольких таких источников. Возможно, это еще какие-то новые существа, которые, скорее всего, живут в нагорьях. Где именно, я пока что не выяснила.

— Так эти бомбадули опасны? — спросила

Робин.

— Еще как. Хорошо еще, что их сравнительно немного. Поначалу я думала, что им бывает трудновато к кому-то подобраться, но потом выяснилось, что это совсем не так. Они набирают по пятьсот километров в час. Так что даже с работающим движком он долбанет тебя раньше, чем ты об этом узнаешь. Но ведь бомбадуль может и загасить движок — планировать над землей, и снова поджигаться, когда кого-нибудь прикончит или когда скорость начнет падать ниже критической. Короче, если видите бомбадуля, сразу старайтесь забраться в какую-нибудь канаву. Для второго захода он возвращаться не станет — если только земля не гладкая как блин. Можно спрятаться и за каким-нибудь валуном. Шансы на спасение увеличатся, если еще и распластаться на земле. У бомбадулей шипы на носах — так что они просто протыкают тебя и улетают сожрать труп где-то в другом месте.

— Как мило.

— В самом деле?

— А что они едят? — поинтересовался Крис.

— Все, что могут поднять.

— Да, но что именно? Если бомбадуль налетит на что-то размером с человека, его скорость мо-

жет упасть ниже критической.

— Будь спокоен, с людьми они прекрасно справляются. Тема, впрочем, уместная. Выяснилось, что они предпочитают добычу с весом от сорока до шестидесяти кило.

— Вот спасибо, — фыркнула Робин. — Это как раз я.

— Пожалуйста, малышка. Между прочим, я тоже. Подумать только, как славно при этом чувствует себя этакий вот здоровила. — Габи мило улыбнулась Крису, который чувствовал себя при этом далеко не славно. — На самом же деле, дай бомбадулям шанс, они с удовольствием атакуют самого крупного мужчину. И пока что прекрасно справляются. Уже убили семь человек. Налетают они и на титанид, но эта категория уже близка к желаемой. Я знаю с десяток случаев, когда титаниды погибали, но известны мне и два случая, когда бомбадули разбивались и сгорали, пытаясь это провернуть.

Но меня они, признаться, не очень беспокоят. Да, я поеживаюсь, когда слышу, как надо мной пролетает бомбадуль, потому что всей душой их ненавижу. Я ненавидела их еще до того, как одна из этих тварей унесла жизнь моего друга. И если я когда-нибудь найду их заправочную станцию,

там будет целый ад веселого огня. Поганые, жуткие зверюги. На пузырей бомбадули не нападают, но им, похоже, по кайфу летать вокруг них, пока несчастные громадины не начинают сходить с ума от страха. И немудрено. Один пузырь как-то уже вспыхнул от выхлопа, а остальные до сих пор об этом свистят.

Но если брать статистику, то есть масса тварей куда более опасных. Впрочем, бомбадули так же непредсказуемы, как акулы. Если они до тебя доберутся, тебе конец. Но у тебя есть масса шансов не дать им до тебя добраться.

Крису нравился Крий. Быть может, дело было просто в выходе из рейской ночи, но в некоторых отношениях Крий был еще чудеснее Гипериона. На западе горы Немезиды обеспечивали Крию заслон — так что неприветливое замерзшее море Океана уже не маячило перед глазами.

После того как Офион возобновил наконец свое восточное направление — далеко на юге Крия — он бодро потек через безумно буйные джунгли. Габи, правда, сказала Крису, что на самом деле в Западном Гиперионе есть чащобы и покруче, но ему и этих было достаточно. Схожие с земными породы деревьев мешались здесь с совершенно незнакомыми формами: шипами, перьями, кри-

сталлами, нитями жемчуга, пленками, сферами и кружевными вуалями. Все они клонились к воде в вечном соперничестве за свет и пространство. Хотя река здесь была полноводной, порой растения встречались и в середине.

Путники разбили в джунглях один лагерь, но все время оставались настороже. В этом лесу таились существа, которые вполне могли напасть и на людей, и на титанид. Робин от неожиданности пристрелила одну тварь размером с хорошего быка, когда та стала что-то вынюхивать у ее палатки, и лишь потом выяснила, что тварь была совершенно безобидной. Часть ее они съели на завтрак. Через пять минут после того, как труп швырнули в реку, там уже кишели угри, жадно рвавшие мертвечину. Падальщики, пояснила Сирокко и добавила, что вообще-то река здесь безопасна. Но купаться Крис все же не стал.

Так Робин впервые воспользовалась своим оружием. Сирокко попросила посмотреть, неподдельно удивляясь, что такая малышка может так ловко обращаться с полуавтоматом 45-го калибра. Робин объяснила, что использует ракетные пули вместо разрывных. Поэтому основная отдача развивалась уже вне ствола. Это особенно помогало при низкой гравитации Геи, где отда-

ча 45-го кольта опрокинула бы даже здорового мужчину. В стандартные семизарядные обоймы у Робин было загружено два типа пуль: обычные свинцовые и разрывные при попадании.

От последних рубежей гор Немезиды до конца джунглей было 120 километров. Река уже особой помощи путникам не оказывала, но, неустанно гребя, они еще всего за одну смену выплыли на равнины и разбили лагерь в нескольких километрах от кромки леса.

Пока Крис спал, их посетила делегация крийских титанид, которые безумно рады были узнать, что среди путешественников находится и Фея. Конечно, они стали молить о Карнавале. Позднее Крис узнал, что у них был для этого хороший повод; в то время как крупные аккорды Гипериона праздновали Карнавал каждый мириаоборот, аккордам в других регионах приходилось дожидаться, пока запутанные маршруты Феи приведут ее к ним. Крийским титанидам Карнавал давно уже полагался.

Когда Крис проснулся, крийские титаниды лакомились завтраком, приготовленным титанидами гиперионскими. Крис к ним присоединился, и ему мгновенно стала очевидна разница между титанидами двух разных регионов. В то время

как Валья основывалась на габаритах першерона, криане больше походили на шетландских пони. Стоя в полный рост, Крис мог смотреть глаза в глаза самым высоким из них. Буйством же раскраски крийские титаниды мало чем отличались от своих гиперионских сородичей. Шкура одной из них представляла собой вполне обычную шотландку.

Никто из гостей по-английски не говорил — этим навыком в Крис пользовались крайне редко — но Валья представила Криса всем присутствующим и перевела несколько учтивых приветствий. Крис немедленно проникся живой симпатией к одной белокожей самочке, а ее застенчивая улыбка недвусмысленно продемонстрировала ему, что симпатия оказалась взаимной. Звали самочку Сийлия (Локригиполидийский Дуэт) Гимн. Будь у нее на две ноги поменьше, Крис окончательно потерял бы голову.

Габи зашла в палатку Сирокко, чтобы передать ей просьбу крийских титанид. Раздался громкий стон, и смущенная Сийлия отвернулась от Криса. Другие крийские титаниды беспокойно ерзали. Крис вдруг воспылал яростью к Фее. Что за унижение для такого прелестного народца приходить и упрашивать жалкую алкоголичку!

Хотел бы он иметь возможность исполнять функции Феи. Ведь если кто-то и заслуживает прелестного ребеночка, то это, конечно же, Сийлия. Крис призадумался, а что, если Гея, после его следующего визита, решит сделать Магом его, Криса, чтобы он смог посодействовать этому славному народцу. Крис не сомневался, что сумеет справиться с возложенной на него ответственностью куда лучше, чем это делала Сирокко.

Идея казалась ему первоклассной, и Крис решил немедленно начать. Первым шагом должно было стать фронтальное оплодотворение — так что он потянулся к Сийлие и сразу же заметил, как расширяются ее глаза…

В сознание Крис пришел, лежа на спине у Вальи. Челюсть сильно болела. Когда он попытался сесть, то понял, что это невозможно. Он был связан, и руки его были стянуты на животе.

— Мне уже лучше, — произнес он в небо. Валья обернулась.

— Он говорит, что ему уже лучше, — крикнула она. Крис расслышал перемену в цоканье ее копыт. Вскоре по бокам у него оказались Робин и Габи. Обе внимательно его разглядывали.

— Как бы это попроще проверить, — проговорила Габи. — Прошлый раз, когда тебя развязали,

ты накинулся на Робин.

— Я помню, — без выражения сказал Крис.

— Прикусишь ты свой подлый язык или нет? — вдруг зарычала Робин на Габи. Габи явно удивилась, затем кивнула.

— Если ты уверена, что справишься одна, то валяй.

— Тогда уматывай. Ответственность я беру на себя. — Габи ускакала прочь, а Робин велела Валье остановиться и перерезала на Крисе веревки. Крис сел, разминая запястья и осторожно шевеля челюстью. Приступ был недолгий и не самый глубокий. И все же ему хватило времени, чтобы нанести тяжелое оскорбление крийской делегации, на глазах у титанид въехать Сирокко по физиономии и, убедив всех, что он уже в полном порядке, подкатить к Робин с амурными делишками. За свои выходки от получил фингал от Сирокко, а также пинок по яйцам и разбитую губу от Робин. Очевидно, его знаменитый фарт с Феей и ведьмами не срабатывал. Крис поерзал на спине у Вальи. Больно, зараза.

— Слушай, Робин, — сказал он. — Все, что я могу, это попросить прощения. Хотя и это не очень в тему. Еще спасибо, что ты меня не прикончила.

— Не было необходимости. И вообще я бы

хотела… сделать поменьше. Но ты быстро поправляешься; быстрей, чем я думала. А кроме того, теперь я знаю, каким бывает изнасилование.

Крис вздрогнул. И подумал, что мог бы с этой девушкой подружиться. А потом, как всегда, его начала затягивать черная пучина депрессии.

— Я что-то не то сказала? — Крис взглянул на Робин, думая, что она, наверное, шутит, но на лице у нее выражалось только сочувствие.

— Я… кажется, я понимаю, — сказала она. — Поверь мне, я не думала, что обвинение в изнасиловании может покрыть мужчину стыдом. Вижу, ты стыдишься, и напрасно. Я не возлагаю на тебя ответственность и теперь понимаю, почему этого всегда так боялись мои сестры. Когда до этого дошло, мне стало страшно, хотя я понимала, что никакого особого вреда ты мне не нанесешь. Если тебе от моих объяснений только хуже — скажи, и я заткнусь.

— Нет-нет, — отозвался Крис. — Но ведь в прошлый раз я тебя обманул. Откуда ты знаешь, что я и сейчас тебя не обманываю?

— Ты обманул Габи, — ответила Робин. — Я бы в тот раз не стала тебя развязывать. Понятия не имею, как я это узнаю. Просто узнаю — и все.

— А как ты узнала, что я не причиню тебе вреда,

если не считать… — было трудно продолжать, но Крис себя заставил — … ну, если не считать обычной боли от изнасилования? Как ты узнала, что я не изобью тебя, не изувечу и не убью?

— Разве я ошиблась?

— Нет. Нет, я творю черт знает что, но никогда не убиваю. Я ввяжусь в драку — но только затем, чтобы убрать с дороги того, кто мне мешает. А когда я сшибу кого-то с ног, я тут же о нем забываю. Я нападал на женщин. Одну даже изнасиловал. Но это всего лишь — по крайней мере, мне так говорили — нормальное сексуальное стремление при отключении социального сознания. Даже во времена самых худших приступов я не впадал в убийственную ярость и не получал удовольствия от причинения кому-то боли. Но это не значит, что я не могу серьезно кому-то повредить, нанести настоящее увечье.

— Примерно так я и подумала.

Крис должен был сказать кое-что еще — самое трудное.

— Мне тут пришло в голову, — начал он, — что если бы нас прихватило в одно и то же время… конечно, совсем по-разному… ну, и если бы вокруг не оказалось никого, кто смог бы защитить тебя или удержать меня… то я мог бы… без сознатель-

ного намерения, но неспособный остановиться… — Как ни пытался, закончить он так и не смог.

— Я подумала об этом, — спокойно сказала Робин. — Когда мне стало ясно, в чем заключается твой недуг, вероятность этого сделалась очевидной. И я решила пойти на риск — иначе меня бы тут не было. К тому же, как ты сам говоришь, вероятность очень мала. — Тут Робин протянула руку и сжала его запястье. — Я хочу, чтобы ты ясно понял — я не возлагаю на тебя ответственность. Такое различие я сделать способна.

Крис долго-долго на нее смотрел и чувствовал, как тяжесть понемногу уходит. Он даже отважился улыбнуться — и Робин улыбнулась ему в ответ.

Отряд снова направлялся к центральному вертикальному тросу. В Крие он располагался в тридцати пяти километрах к северу от Офиона.

Ко всеобщему удивлению, по прибытии к месту назначения Сирокко пригласила всех ее сопровождать. Впрочем, рано или поздно они обратили бы внимание, что отряд всякий раз останавливается в центре региона. А кроме того, визит к Крию не было нужды ни от кого скрывать.

Титаниды, конечно же, не пошли. От самой мысли об этом им уже сделалось не по себе. Так

что они остались под солнечным светом, когда Сирокко повела троих землян через мрачный лес гигантских колонн, который образовывали несплетенные жилы троса. В том месте, где был самый центр, оказался вход на лестницу. Вход представлял собой прозрачное строение, смутно напоминавшее собор — но далеко не столь впечатляющее, как соборы в ступице.

Лестница вилась вниз по спирали, определяемой незримой центральной жилой центрального троса. Проход был достаточно широк, чтобы по нему могла промаршировать шеренга из двадцати человек. Высота же его составляла пятьдесят метров. Лампады путникам не потребовалось, ибо с потолка свисали летучие существа, которые испускали приглушенный красновато-оранжевый свет.

Крис подумал, что Сирокко, должно быть, шутила, утверждая, что лестница идет вниз на пять километров. Но это оказалось истинной правдой. Даже при гравитации в одну четверть *жэ* невозможно было одолеть столько ступенек без отдыха на пути. Но наконец лестница закончилась. И Крис перенес спуск лучше, чем сам рассчитывал. Если не считать слегка ноющих лодыжек, чувствовал он себя превосходно.

Они вышли в пещеру куда меньших размеров, чем ожидал Крис. Ведь в конце концов здесь пребывал Крий — и, хотя он и был всего лишь подчиненным божеством, Крис все еще помнил причудливое величие апартаментов Геи.

Крий был подземным божеством — обитателем пещеры, — который никогда не видел дневного света и никогда уже не увидит. В его владениях пахло какими-то кислыми химикатами и останками мириад живых существ. Зал гудел от биения огромных сердец. Божество это работало — будто подчиненный Гее инженер: трудилось по локти в смазке, поддерживая нормальное функционирование своего региона.

Путники стояли на гладкой поверхности, что шла ободом вокруг кристаллической структуры в форме песочных часов, простиравшейся от пола до потолка. Зал составлял 200 метров в диаметре, а по сторонам его имелись открытые проходы на запад и восток.

Но главное внимание, конечно, привлекало к себе расположившееся в центре существо. В голове у Криса мгновенно возникли ассоциации с какими-нибудь механизмами тяжелой промышленности, хотя он сам не знал почему. Он запросто представил себе выплавленный

в подобную форму металл или электрические трансформаторы. И призадумался, неужели Крий там живет. Неужели действующий мозг может быть так мал? Или это лишь оконечность более крупной структуры, что располагалась за кольцевым рвом метров двадцати в ширину. О глубине же и рва и структуры можно было только догадываться.

— Не советую здесь купаться, — предупредила Габи. — Там соляная кислота в очень приличной концентрации. Вообще-то живым существам сюда заходить не полагается — вспомните, как четко это сработало с титанидами. А кислота — так, на всякий случай. Защита последнего рубежа.

— Так значит, вон там Крий?

— Он самый. Представлять мы вас не станем. Вы с Робин посидите здесь у стены и не будете делать резких движений. С Феей Крий давно знаком, а со мной будет говорить потому, что я ему нужна. Не шумите, пожалуйста. Просто слушайте и вникайте. — Габи проследила, чтобы оба уселись, и присоединилась к Сирокко на краю рва.

— Будем говорить по-английски, — начала Сирокко.

— Хорошо, Фея. Я посылал за тобой девять тысяч триста сорок шесть оборотов тому назад.

Подобный недостаток эффективности начинает недолжным образом сказываться на правильной работе систем. Я уже подумывал об отправке жалобы богине богов, но пока решил отложить.

Порывшись в складках своего красного одеяла, Сирокко что-то оттуда извлекла и швырнула это прямо в фигуру, которая возвышалась в центре кислотного озера. Получилась яркая вспышка, и по всей поверхности Крия бешено заметались красные язычки.

— Беру свои слова назад, — сказал Крий.

— Есть еще жалобы?

— Нет. У меня нет жалоб.

— Вижу, что нет.

— Будет как скажешь.

Крис, вопреки самому себе, был потрясен. Обмен репликами получился стремительным, причем со стороны Крия полностью лишенным эмоций. Сирокко не повышала голоса. И все же создавалось впечатление, будто строгая мать наказывает своего непослушного ребенка.

— Ты упомянул о «богине богов», — продолжила Сирокко. — Кто это?

— Я говорил как ничтожный слуга Геи, одной-единственной богини. Упомянутая фраза использовалась в… в метафорическом смысле, —

довольно нескладно, по мнению Криса, закончил Крий.

— И тем не менее, ты использовал слово «бог» во множественном числе. Меня это весьма удивляет. Не думала я, что подобная конструкция может прийти тебе в голову.

— Слышал ересь.

— Ты говоришь о привнесенной извне ереси или о возросшей здесь, в Гее? Ты что, общался с Океаном?

— Как тебе известно, Океан со мной общается. Не в моих силах его не слушать. Впрочем, я довольно успешно его игнорирую. Что же до привнесенных, человеческих воззрений, то о них осведомлен и не особенно увлекаюсь разнообразными мифами землян.

Сирокко снова сунула руку под одеяло. На сей раз она, однако, помедлила — и, пока она колебалась, по поверхности Крия снова тревожно заплясали красные пятнышки. Фея сделала вид, что не заметила. Некоторое время она задумчиво разглядывала пол; затем вынула из-под одеяла пустую ладонь.

Дальше разговор перешел на темы, ничего для Криса не значащие и касающиеся повседневных дел Крия. И на протяжении всей беседы Крий

поддерживал тон, который не был откровенно подчиненным, но все же ясно указывал на то, что регионалу хорошо известно, кто здесь главный. Голос Крия был негромок, слегка напоминал какое-то жужжание. Но намека на угрозу в нем не было. Сирокко непринужденно излагала приказы, будто ее роль в этом разговоре по естественному праву была сродни роли королевы в разговоре с уважаемым простолюдином — уважаемым, но все же простолюдином. Она выслушивала, что сообщал ей Крий, затем перебивала его на середине фразы и излагала свое решение. Ни разу Крий не попытался поспорить или хотя бы закончить свою мысль.

Битый час они обсуждали вопросы политики, а затем заговорили о вещах более прозаических, и к разговору присоединилась Габи. Большая часть опять-таки звучала для Криса полной бессмыслицей, но в одном месте, насколько он понял, они обсуждали неисправность ускорителя частиц, располагавшегося где-то глубоко под поверхностью и составлявшего часть Крия. Что Крий собирался делать с ускорителем частиц, осталось для Криса загадкой.

Наконец предварительное соглашение было достигнуто. Габи бралась разобраться с этим

делом в течение ближайшего мириаоборота, с условием, что Гея предложит ей приемлемую оплату. Габи также упомянула о возможном контракте с одной расой в Фебе, которая знала толк в подземных работах.

Крис мог бы поручиться, что Робин уже через десять минут все осточертело. Вскоре и он стал зевать. Не этому, казалось Крису, должен быть посвящен поход. Да, интересно было своими глазами увидеть региональный мозг и весьма занимательно было узнать, что Сирокко умеет не только вусмерть нажираться… но слишком уж длинной казалась лестница. Крис страшно боялся подъема.

Аудиенция закончилась безо всяких церемоний. Сирокко просто отвернулась от Крия, жестом предложила Крису и Робин подняться — и все четверо снова вышли на лестницу. Минут через пять плавный изгиб коридора скрыл от них грот Крия.

Оглянувшись, Сирокко устало сгорбилась. Потом присела и опустила голову на ладони, но почти тут же вскинула ее и тяжело вздохнула. Габи присела рядом и стала растирать Фее плечи.

— Здорово у тебя получилось, Рокки, — сказала она.

— Спасибо. Выпить бы. А, Габи? — Сирокко произнесла это без выражения. Габи немного поколебалась, затем сунула руку в сумку и вынула оттуда небольшую фляжку. Налила колпачок и дала его Сирокко. Та быстро его осушила. Потом вернула, не прося добавить, хотя Крис видел, что Габи готова налить еще.

Затем Габи бросила недовольный взгляд на Криса и Робин.

— Могли бы сказать что-нибудь приятное, — предложила она.

— Я бы сказала, если бы знала, о чем у вас идет речь, — отозвалась Робин.

— Кое-что произвело на меня впечатление, — сказал Крис. — Но мне показалось, что в общем все было как-то буднично.

Габи вздохнула.

— Ладно, извините. Пожалуй, так оно и было, раз уж ты об этом сказал. Просто никак не могу привыкнуть. Даже с таким сравнительно разумным малым, как Крий, никогда не знаешь, чем обернется следующий визит. Ведь он мог нас как мух прихлопнуть. Ему совсем не нравится получать приказы от какой-то чужачки. Единственное, что держит его на поводу, — это страх перед Геей. Или любовь к ней.

Честно говоря, при таких взаимоотношениях, как у них, большой разницы нет. Крис нахмурился.

— Значит, мы были в опасности?

— В опасности? — Габи взглянула на него и рассмеялась. — За десять минут до того, как мы вошли, тот зал был доверху заполнен кислотой. Сейчас он наверняка опять полон. Нетрудно было бы организовать несчастный случай. Крий даже мог бы убедить Гею, что это был именно несчастный случай.

— Он на такое неспособен, — твердо возразила Сирокко. — Уж я-то его знаю.

— Может, и неспособен. Но ведь с ним разговаривал Океан. Мне стало не по себе, когда он заговорил о своей «жалобе». Жалующийся Крий — это все равно, что миллиардер, цитирующий Карла Маркса.

— Я об этом позаботилась, — удовлетворенно заметила Сирокко. — Потри чуть пониже, ага? Вот-вот, здесь.

Крису отчего-то захотелось присесть. Ему вдруг стало непонятно, что он здесь делает. Очевидно, ему ведома лишь малая часть того, что на самом деле происходит. Да, эти две женщины оперируют вещами, которые ему, Крису, кажутся мало

связанными с реальностью. Но тот кристаллический мозг был не менее реален, чем, к примеру, плоскогубцы. Где-то далеко столь же реально существует еще один такой мозг — но нацеленный на войну, готовый на убийства. А над всеми ними сидит божество, которое коллекционирует соборы будто спичечные этикетки. И все они играют в безумцев, страдающих манией величия.

Сама мысль была запретной. Крис не мог не заметить, что, когда смертные вмешиваются в дела богов, выгодные капиталовложения позволяют богам иметь на руках все козыри.

ГЛАВА XXV
Инглезина

— Ну так как ты думаешь, Рокки? Сирокко с головой ушла в ритмы едва ли не бесконечного подъема. И теперь подняла удивленный взгляд.

— Ты о чем? Насчет Крия? Забудь. Наверняка есть какой-то способ вовлечь его в группу ad hoc. Но это потом. А пока что забудь.

— А тебе не кажется, что в той фразе был обнадеживающий знак? — упорствовала Габи. — Ну, что он проговорился насчет жалобы Гее на тебя. Что ты об этом думаешь? ?

Сирокко фыркнула.

— Да ничего.

— Ты не думаешь, что эту искорку следовало бы разжечь?

— Лучше бы ты не давила. Пойми, Габи, лед и так тонок. А ты все накаляешь и накаляешь…

— Извини. Но ты знаешь, как меня это беспокоит.

— Знаю, конечно. Но все-таки лучше бы ты не торопила события — особенно когда с нами эти двое детей. Я говорю только о том, что им «следу-

ет знать». Чем меньше они будут знать, тем для них же лучше, если дело запахнет керосином. Плохую услугу ты им окажешь, болтая о Крие и его преданности. Если это дойдет до сама знаешь чьих ушей или если кто-то из них сделает невинное замечание, кое у кого это может породить определенные мысли, о которых пока и думать не хочется.

— Пожалуй, ты права, — согласилась Габи. — Я буду осторожнее.

Сирокко вздохнула и похлопала Габи по плечу.

— Просто занимайся тем, чем сейчас занимаешься. Будь для них гидом. Тыкай пальцем во всякие чудеса. Развлекай их и помни, что им желательно узнать то, что убережет их от беды.

— А тебе не кажется, что ты сама могла бы чуть больше раскрыться? Ты могла бы научить их массе всякой всячины.

Сирокко, похоже, задумалась.

— Да, я могла бы поведать им пару-другую ценных советов насчет пьянства.

— Не будь так строга к себе.

— Не знаю, Габи, не знаю. Мне казалось, я выправляюсь. Но теперь впереди Инглезина.

Габи вздрогнула. Потом крепко-крепко сжала руку Сирокко.

Сразу за чередой вертикальных тросов Офион начинал заметно петлять. Земля здесь была такая гладкая и ровная, что река еле-еле ползла.

Робин воспользовалась этим временем, чтобы усовершенствовать свои навыки обращения с веслом. Она гребла целый день, а Фанфара инструктировала ее в наиболее тонких приемах. Робин получила от нее задачу вести каноэ по восьмеркам за минимально короткое время. Затем они вдвоем приналегли на весла, чтобы догнать остальных. Плечи Робин стали покрепче, она натерла мозоли, которые вскоре превратились в плотные наросты на ладонях. К концу дня она совсем выдыхалась, но каждое следующее утро становилось все легче.

Никакой спешки не было. На берегу с песнями для Феи стали появляться группы титанид. Стоило Габи или Сирокко крикнуть им всего одно слово, как они в великом возбуждении галопом уносились прочь. Слово это было «Инглезина». Робин выяснила, что так называется один из островов на Офионе. Подобно Грандиозо, назван он был в честь одного из любимых титанидских маршей и всегда становился местом проведения крийского Пурпурного Карнавала.

Карнавал должен был состояться через 120 обо-

ротов после первой встречи с криянами. Таким образом, у крийских титанид оказывалось время подготовиться. Путники рано встали лагерем и поздно поднялись. Робин уже куда комфортнее чувствовала себя в спальном мешке, меньше стала прислушиваться к мириадам всевозможных звуков Геи. Ей даже начало нравиться негромкое журчание Офиона, когда она расслаблялась перед сном. Оно не особенно отличалось от мурлыканья кондиционеров, которое она слушала всю свою прошлую жизнь.

Заминок с едой больше не происходило. Не посещали их и неведомые существа наподобие гигантского цыпленка. Но на одной из стоянок, когда Робин стало совсем скучно, она взяла с собой Криса поохотиться на бекасов. Девушка точно рассчитала, что Крис не усомнится в том, что бекасы, мол, нужны титанидам как добавка к вечерней трапезе. А также не посчитает якобы верный способ их поимки по меньшей мере странным. В конце концов, что в Гее не было странным?

Так что Робин увела Криса на подходящее расстояние от лагеря, показала ему, как держать мешок, строго-настрого наказала покрепче его завязать, когда бекасы туда забегут, — и отпра-

вилась на другую сторону холма якобы загонять бекасов через подлесок прямо Крису в мешок. А на самом деле вернулась в лагерь и стала дожидаться охотника на бекасов там.

Робин чувствовала за собой вину. Криса было так легко одурачить, что едва ли не все удовольствие куда-то испарилось. И Робин уже не в первый раз задумалась, честно ли разыгрывать своих товарищей в походе, который все считали опасным. Сложность заключалась в том, что ей, Робин Девятипалой, поход этот пока что особо опасным не казался. Правдой следовало считать и то, что она от своих шуточек просто удержаться не могла.

Крис отсутствовал почти два часа. Робин готова уже была за ним сходить, когда он, явно удрученный, вернулся сам по себе. Все сидели вокруг костра, приканчивая очередное сверхъестественное кушанье. Габи и Сирокко удивленно на него посмотрели, когда Крис сел и потянулся за своей миской.

— Я думала, ты у себя в палатке, — сказала Сирокко.

— Я тоже, — присоединилась Габи, а затем внимательно посмотрела на Робин. — Причем, как мне кажется, Робин сама же об этом и сказала.

— Прости, — адресуясь к Крису, сказала Робин. Тот пожал плечами, затем через силу ухмыльнулся.

— Классно ты меня провела. Я только потом вспомнил отрывок нашего разговора. Насчет того, что ведьмы ценят врунов. — Робин приятно было слышать, что в голосе Криса нет горечи. Раздражение, конечно, чувствовалось, но, очевидно, земляне, как и ведьмы, не имели привычки обижаться на дружеские розыгрыши. Или это, по крайней мере, было свойственно Крису.

История вышла наружу постепенно, так как Робин не могла особенно хвастаться, да и Крис не желал признавать свое легковерие. Пока же она раскрывалась, Фанфара перехватила взгляд Робин и сделала предупреждающий знак. Титанида внимательно следила за Сирокко. Еще один откровенный знак — и Робин слетела с камня, на котором она устроилась, и бросилась бежать.

— Гигантский цыпленок! — ревела Фея. — Гигантский цыпленок! Я тебе покажу гигантского цыпленка! Ты у меня месяц на задницу не сядешь!

Шаг у Сирокко был много шире, зато Робин проворнее двигалась. Так что неизвестно, удалось бы Фее поймать беглянку или нет, не присоеди-

нись к погоне весь отряд. Вскоре истерически хохочущую Робин приперли к стенке. Хоть она и отбивалась изо всех сил, ее легко схватили и швырнули в реку.

На следующий день отряд подобрал попутчика. Это был первый человек, которого они встретили после того, как оставили Гиперион. Невысокий обнаженный мужчина с окладистой черной бородой, он стоял на берегу реки и окликал путников. Наконец, получив разрешение у Сирокко, он поплыл к ее каноэ. Крис подрулил поближе, чтобы повнимательнее рассмотреть гостя. Судя по дряблой, обветренной коже, мужчине явно было за шестьдесят. Говорил он на урезанной, жаргонной версии английского, с примесью титанидского распева. Мужчина пригласил всех подкрепиться в селении, где он жил, и Сирокко от лица всей группы приняла предложение.

Местечко это называлось Бразильтон и состояло из нескольких куполов, расставленных среди вспаханных полей. Когда они причалили, Крис заметил нагого мужчину, идущего за плугом. Плуг волокла упряжка из двух титанид.

Всего в Бразильтоне жили около двадцати человек. Исповедовали они нудизм. Каждый носил бороду — причем женщины тоже. На

Земле растительность на лицах у женщин была кратковременной причудой моды, несколько раз возникавшей и пропадавшей в двадцать первом столетии. Теперь же это была большая редкость. Впрочем, Крису вид бородатых женщин напомнил детство, когда его мать носила аккуратную козлиную бородку. Пожалуй, ему это даже нравилось.

Габи не слишком много знала про селение нудистов, но поведала Крису, что эта группа практикует инцест. Человека, которого они подобрали, звали Прадед, и это вовсе не было прозвищем. Остальные звались как-нибудь наподобие Мать-2 или Сын-3. Была там и Прапрабабка — а вот мужчины в ее поколении не было. Когда рождался ребенок, каждый соответственно получал новое имя.

Робин заметила, что такое устройство общины кажется ей очень странным, и Крис передал ее слова Габи.

— Согласна, — кивнула Габи. — Но они ничуть не психованней все прочих группок изгнанников, рассыпанных по Гее. И хорошо было бы тебе вспомнить, что твой родной Ковен наверняка выглядел очень странно, когда зарождался. Черт возьми, да если на Земле поспрашивать, его до

сих пор таким и считают. Твои матери некогда отправились в Саргассову точку; а сегодня эти ребята с тараканами в башке прибывают сюда. Если их группы невелики, они получают у Геи разрешение остаться.

Странными у них оказались не только обычаи. Крис впервые увидел титанидско-человеческие гибриды. Одна имела длинные уши титаниды и голый хвост до колен. Еще были две титаниды с человеческими руками и ногами. Крис уже так свыкся с титанидскими ногами, что уродливыми показались ему именно гибриды.

Он решил порасспросить об этом Сирокко, но его познаний в генетике оказалось недостаточно, чтобы понять ее объяснения. Тогда он было заподозрил, что Фея знает куда меньше, чем говорит. Правда заключалась и в том, что Гея не позволила людям изучать титанидские гены — как не позволила ни одному гибриду покинуть свои пределы. Оставалось загадкой, как могут скреститься два столь несхожих существа.

Инглезина оказалась невысоким островком восьми километров в длину и трех в ширину и находилась у восточных рубежей Крия неподалеку от Фебы и Сумеречного моря. К центру располагалось идеальное кольцо деревьев два

километра в диаметре. Повсюду стояли палатки прибывших на празднество.

К острову тянулись шесть широких деревянных мостов, которые теперь были украшены лентами и знаменами. На севере и юге находились пристани, где были пришвартованы широкие титанидские суда. Поблизости также располагались пляжи для причаливания более мелких судены-шек. А ими река буквально кишела. Крийские титаниды проводили на воде больше времени, нежели их собратья в Гиперионе. По реке их прибывало по меньшей мере столько же, сколько и по мостам, сухопутными маршрутами.

Они должны были провести там два традиционных гектаоборота — девять земных суток. Валья поставила для Криса палатку — позади изящной белой кондитерской, оставленной для Феи, а палатки Габи и Робин тоже поднялись неподалеку. Крис пошел взглянуть на торжество.

Криане оказались ничуть не менее гостеприимны, чем гипериониты, но Крису было не до веселья. Он все боялся наткнуться на Сийлию. Ему все время казалось, что история с попыткой нападения на прелестную титаниду пошла по кругу, что все о нем знают и держатся наготове, опасаясь повторения бесчинств. Никто не сказал

и не сделал ничего, что бы внушило Крису такие мысли; все титаниды были само радушие. Крис твердил себе, что это просто его страх и никакой реальной основы он под собой не имеет. Но ничего не помогало. Страх захватил его — и Крис был над ним не властен.

Робин по-прежнему ночевала с Крисом. Крису было не очень понятно, зачем она это делает. Вообще-то он приветствовал такое товарищество, но порой ему приходилось туго. Робин после открытия, сделанного на берегу Нокса, старалась голой ему не показываться. Такие манеры раздражали Криса, ибо усилия, требовавшиеся, чтобы держаться умеренности, в то время как они спят в одной палатке, указывали на недоступность девушки. Несколько раз Крис даже хотел попросить ее уйти. И в то же время он думал, что Робин, быть может, просто демонстрирует отсутствие страха перед ним и таким образом доказывает ему свою дружбу. Такой жест ему не хотелось отвергать — поэтому Крис целыми ночами ворочался и метался, тогда как Робин спала сном праведницы. Пятидесятой ночью было хуже всего. Как Крис не старался, заснуть не мог. Заложив руки за голову, он смотрел на бледный свет, проникавший сквозь потолок палатки. На душе было черным-черно.

Все, завтра он ее вышвырнет. Всему есть предел.

— Что-нибудь случилось?

Он взглянул на Робин и с удивлением понял, что она тоже не спит.

— Не могу заснуть.

— Почему?

Крис развел руками, тщетно подыскивая слова, а потом решил: к чему лишние церемонии?

— Да член у меня стоит. Если очень долго не трахаться, а вокруг тебя целые сутки хорошенькие женщины… ну, вот все это дело и накапливается.

— У меня такие же проблемы, — неожиданно сказала Робин.

Крис открыл было рот, чтобы предложить напрашивающееся решение, потом еще раз подумал и промолчал. «Какое симметричное решение пропадает, — подумал он. — Ты — мне, я — тебе».

— Ты уже как-то говорил, что мы с тобой очень похожи, — начала Робин. — Я думала, как раз это тебя и раздражает. — Когда он в ответ только хмыкнул, девушка раскрыла свой спальный мешок и села. Потом протянула руку и приложила палец к его губам. — Покажешь как?

Не осмеливаясь поверить в такую удачу, Крис взглянул на Робин. И тут же его захлестнуло

чувство куда большее, чем простое желание, — чувство, которого он не испытывал аж с подростковых лет.

— А почему? Я тебе нравлюсь, или тебе просто любопытно?

— Мне любопытно, — признала Робин. — В остальном я пока не уверена. Вообще, что-то такое есть. Сирокко говорила — то, что меня учили считать изнасилованием, может быть очень похоже на настоящую любовь. Она даже сказала, что женщина может получать от этого удовольствие. Хотя я лично сомневаюсь. — Она подняла бровь. Несколько недель назад Крис и не заметил бы этого жеста под искусной лицевой татуировкой, но теперь он много лучше ее узнал. Затем он выскочил из спального мешка и обнял Робин.

Она явно удивилась, почему он сразу не вошел в нее и не взялся за работу. А когда поняла, как мужчина и женщина могут любить друг друга, то колебаться не стала. Собственно говоря, она проделывала такое, за что Трини наверняка попросила бы добавочную плату. Стыдливости Робин не знала. Она подсказывала Крису, что и когда делать, и выходило так, будто он никогда раньше этого не пробовал. И в каком-то смысле девушка оказывалась права. Хотя Крис бывал со

множеством женщин, столь уверенная в своих потребностях и столь увлеченная в их удовлетворении ему еще не попадалась.

Робин училась стремительно. Поначалу она была полна вопросов и наблюдений, то и дело желая узнать, что он чувствует, когда она делает вот так или вот так, удивляясь новым вкусам и ощущениям. Ни одно из неожиданных открытий не показалось ей неприятным, и к тому времени, когда Крис уже был готов сделать решающий ход, Робин пылала энтузиазмом к их новому проекту.

Впрочем, стоило ему в нее войти, как часть ее скептицизма вернулась. Робин признала, что это не так уж болезненно, а скорее даже приятно, но многозначительно заметила, что их взаимное расположение представляется ей неестественным, а значит, не удовлетворит ее потребностей. Крис попытался заверить ее, что все будет как надо, — но тут, к вящему своему ужасу, понял, что уже на мази. Все уже близилось, и останавливаться было поздно.

У него еще оставалось время понадеяться, что Робин дождется второго захода, когда его вдруг грубо схватили за плечо и отшвырнули прочь.

— Слезай с нее, ты, недоумок! — Это оказалась Сирокко. У Криса уже не было времени,

чтобы хоть что-то понять — просто потому, что слишком много сразу на него навалилось. Он откатился на землю, принял позу зародыша и, бешено подергиваясь, стал кончать. В лихорадочном смятении бедняга даже не знал, что ему испытывать — смущение, гнев или боль. Вскоре все кончилось — тогда Крис вскочил с пола и замахнулся на Сирокко. Замах вышел идеальный, и кулак приложился точнехонько Фее по подбородку. Какие-то мгновения, падая навзничь, Сирокко выглядела такой же удивленной, как и он сам. Но лишь считанные мгновения триумф Криса и продлился. Пока Сирокко складывалась пополам будто кукла с обрезанными ниточками, а у Криса зверски заныл кулак, вдруг откуда ни возьмись на Криса налетела Габи. Следующее, что он понял, — это как Габи, упершись ему в грудь коленом, пальцами обеих рук готова выдавить ему глаза.

Но глаза Криса остались на месте, так как Габи вдруг заколебалась. Бешеный огонь в ее глазах поутих. Она лишь треснула по земле кулаком, соскочила с Криса и потрепала его по щеке.

— Никогда не бей по кости кулаком, — посоветовала она. — Для этого есть камни и дубинки.

Габи помогла ему встать — и тут Крис заметил,

что Робин так и лежит на земле, а вид у нее — совсем обалделый. Протиснувшийся в палатку Менестрель присматривал за Сирокко, которая осторожно разрабатывала челюсть.

Ярость Криса все нарастала, но, раз между ним и Сирокко стояли Габи и еще парочка титанид, он вынужден был излить свой гнев в словах.

— Ты не имела никакого права! — бушевал он. — Проклятье! Какая муха тебя укусила? Ну вот что! Либо ты отсюда сваливаешь, либо я!

— Заткнись, — холодно проговорила Сирокко, жестом приказывая Менестрелю выйти и садясь. — Есть небольшой шанс, что я тут наделала дел. Если это окажется правдой, я встану между вами и позволю сделать из себя котлету. Но сначала разберемся. Робин, какими противозачаточными средствами ты пользуешься?

— Ты о чем? Я ничего про это не знаю.

— Вот именно. А ты, Крис?

По спине у Криса тут же забегали мурашки, но он взял себя в руки. Не может быть, чтобы она оказалась права.

— Я принимал таблетки, но это не имеет…

— Я помню, ты говорил. Когда вас…

— … Но ведь она не может иметь детей! Она сама мне сказала, и ты тоже слышала…

— Стоп. Теперь слушайте меня. — Сирокко подняла руку и не опускала, пока не убедилась, что все притихли.

— По-моему, ты ее просто не так понял. Она сказала «не может», а ты решил, что неспособна. На самом же деле имелось в виду то, что дети унаследуют ее несчастье. Поэтому она и не может забеременеть. Что толку в стерилизации, когда сам акт зачатия столь сложен? — И она взглянула на Робин, которая возбужденно мотала головой.

— Но мы всего-навсего занимались любовью, — возразила девушка.

Подойдя к ней, Сирокко обняла ее за плечи и легонько потрясла.

— Черт возьми, — сказала она, — а как, по-твоему, получаются дети? Везде, кроме Ковена, именно так их и делают…

— Но ведь я ему доверяю, как ты не понимаешь? — крикнула в ответ Робин. — Мы всего лишь занимались любовью. Мы не собирались делать детей. Он бы не стал… — Она резко повернулась и впервые неуверенно посмотрела на Криса.

По мере того, как Сирокко излагала Робин истинное положение вещей, румянец медленно сползал с лица девушки. Крис никогда не видел ее испуганной, но было ясно, что задним числом

Робин страшно перепугалась. Все замысловатое недопонимание исходило от неспособности Робин понять, что мужские половые органы производят семяизвержение, причем семяизвержение это происходит непроизвольно. А также от уверенности Криса, что Робин была стерилизована. На самом же деле ее не стерилизовали. А плодовитость Криса доказывало яйцо, произведенное им с Вальей. К тому же его таблетки потерялись во время эпизода в карантине, и он ничем не мог их заменить.

Робин, казалось, вот-вот расплачется. Она сидела опустив лицо на ладони, вся тряслась и повторяла:

— Я не знала, не знала, я правда не знала. Крис пока еще не знал, какие долговременные последствия ждут его дружбу с Робин, но одно стало для него ясно.

— Я должен перед тобой извиниться, — сказал он Сирокко.

Та ухмыльнулась.

— Ничего ты мне не задолжал. Я сделала бы то же самое. Тут не та ситуация, в которой стоит долго разбираться. — Она потерла, подбородок. — Да и потом я сама виновата. Надо было скорей убираться у тебя с дороги. Н-да, старею, замедляюсь.

— Возможно, это я ускоряюсь.

— Тоже может быть.

Словно по команде все вернулись в свои палатки, оставив Криса и Робин наедине. В воздухе повисла неловкая пауза, и Крис вдруг испугался. Если Рокки докопалась до сути, то почему не смог он? Может потому, что слишком хотелось потрахаться? Робин, похоже, испытывала схожие чувства. Крис почти не сомневался — сейчас она вспоминает их более ранний разговор и, быть может, переоценивает. Наконец, девушка ненадолго от него отвернулась, а затем осторожно сказала Крису, что очень сожалеет. В нескольких фразах она предложила ему винить себя не больше, чем винит себя она. Случилось обычное недопонимание, которого, по счастью, удалось вовремя избежать. Еще Робин сказала, что теперь боится его еще меньше, чем когда-либо.

Но той же ночью она перебралась в свою палатку.

Под конец последнего дня Карнавала Сирокко уже ходила на бровях, распевая при этом зычные песни. Габи уложила ее в постель, а наутро перегрузила в каноэ и заботливо накрыла одеялом. Отряд тронулся в путь и вскоре оставил далеко позади все уменьшающийся островок Инглезину.

Офион снова стал тих и невозмутим, пока люди и титаниды, подавленные больше обычного, мерно гребли в сторону Сумеречного моря.

ГЛАВА XXVI
Тропа славы

Водные пространства наполовину в Крие и наполовину в Фебе на картах обычно помечали как Феба или Фебское море, в жизни же так никто ее не называл. Те, кому доводилось пересекать Фебу, плыли по Сумеречному морю.

И это было подходящее название. Западная его оконечность лежала в Крие, а стало быть — при свете дня. Зато дальше оно простиралось в ночь Фебы. Видимые с расстояния, достаточного, чтобы изгиб Геи их замкнул, воды Сумеречного моря начинались в тенях темно-синего и зеленого, затем проходили оранжевое и медно-красное и заканчивались в иссиня-черном. Примерно в центре моря располагался крупный остров, известный как Аном, вечно погруженный в сумерки, где находились два озера, известные как Тарн-Гандрия и Тарн-Конкордия. Только на этом острове, и нигде больше, жила раса насекомоподобных существ, и людям, и титанидам известных как Железные Мастера. Из того немногого, что ей удалось разузнать, Робин заключила, что все

они предельно отвратительны — начиная от их запаха и кончая всеми аспектами их культуры и морали. После такой информации Робин весьма порадовалась тому, что на сей раз у Феи нет к этим Мастерам никаких дел.

Собственно говоря, путники планировали для себя избрать традиционную трассу. Северный берег Сумеречного моря был так близок к прямому маршруту через него, что грех было бы не воспользоваться безопасными гаванями — тем более, что море славилось своими внезапными, бешеными штормами.

Навигация здесь проходила без особых приключений, однако Робин держалась в стороне от остальных. Ее расстроил тот инцидент с Крисом. Она не винила его, но не могла удержаться от некоторого неприязненного чувства к нему. Робин привыкла извлекать уроки из всех тех гадостей, которые случались с ней в жизни, а что она уяснила для себя из опыта гетеросексуальной любви, так это то, что, не считая ее невежества, эта самая любовь — худший ее враг в Гее. Эта мысль была для нее не нова. Всю свою жизнь Робин привыкла ограждать себя от того, что не имело непосредственного отношения к выживанию. Но, поступая так, она частенько пропускала

то, что не ускользало от людей более терпеливых и менее разборчивых, которые прислушиваются и присматриваются ко всему — вне зависимости от того, каким тривиальным это представляется на первый взгляд.

И для Робин настала пора отбросить ту точку зрения, что Фея — всего-навсего проспиртованный зомби, а уважение к себе она вызывает лишь титулами да баснями про свои прошлые подвиги. На самом деле это казалось такой мелочью, но на Робин, стоило ей об этом задуматься, недавнее происшествие произвело сильное впечатление.

Сирокко услышала их, когда Крис начал стонать — а значит, они на грани катастрофы. Она стремительно все обмозговала, сложив воедино такие детали, как утраченные контрацептивы и генетический недуг Робин. Отсюда она вывела их взаимное неведение и возможную плодовитость Робин. Дальше она действовала не раздумывая и не заботясь о последствиях. Для Сирокко не имело значения, что ее действия могли показаться социально безобразными. Она была права, знала это — и действовала, опираясь на свою правоту.

Но этого Робин, наверное, никогда не узнать. Зато теперь она точно знала, что больше не станет недооценивать Сирокко.

Офион появлялся из Сумеречного моря примерно так же, как и из Нокса: море постепенно сужалось и в какой-то точке становилось рекой. Но вместо череды речных насосов группе предстали пять километров самых опасных стремнин, какие им когда-либо доводилось видеть. Помедлив в последнем спокойном бассейне, четыре каноэ сблизились, чтобы обсудить дальнейшие действия. Эта часть реки была знакома только Габи и Сирокко. Титаниды же слушали, медленно забирая назад.

Наконец они стали входить в стремнины по очереди — Сирокко и Менестрель впереди, а Габи с Псалтерионом замыкали флотилию. Когда пришла ее очередь, Робин возликовала от грохота и скорости. Опустившись на колени у кормы, она яростно гребла, пока Фанфара не посоветовала ей поберечь силы и позволить немного поработать самой реке. Чувствуя результаты могучих, точно рассчитанных гребков титаниды, Робин изо всех сил пыталась помогать, а не мешать. Следовало найти ритм, способ приладиться к реке. Дважды ей удавалось оттолкнуться концом весла от подводных камней, и один раз она заслужила одобрительный возглас Фанфары. Робин все еще ухмылялась, когда они, завернув за поворот,

оказались перед сотней метров самого что ни на есть жуткого хаоса, где река шла чуть ли не вертикально вниз.

Времени на раздумья не оставалось. Едва ли не раньше, чем Робин поняла, что делает, она уже прочитала молитву и покрепче взялась за весло.

Каноэ затряслось. Вода хлынула через борт и плеснула Робин в лицо; затем она стала предпринимать героические усилия, чтобы держаться носом вниз по течению. Робин показалось, что она слышала крик Фанфары, но рев реки заглушал все звуки. Древесина под ней разлетелась в щепки — и неожиданно Робин обнаружила себя в реке, держащейся за борт каноэ.

Когда она высунула голову и открыла глаза, то заметила, что Фанфара тоже стоит по пояс в воде. Затем Фанфара дотащила Робин до относительно тихого участка у берега. Потом титанида взобралась на скалистый выступ и принялась затаскивать туда нос каноэ.

— У тебя все в порядке? — крикнула она, и Робин сумела кивнуть.

После шумного обсуждения решено было, что каноэ должно закончить свой путь по стремнине. Робин велено было пересесть к Габи, а Фанфаре — переправить поврежденное судно по реке. Ро-

бин спорить не стала, но расположилась в каноэ Габи, испытывая чувство поражения.

— Я не могу это подремонтировать, — сказала всем Фанфара, обследовав поврежденные ребра каноэ. — Придется сохранить обшивку и подождать, пока мы не доберемся до очередной рощи каноэ-деревьев.

— Робин может присоединиться к нам с Вальей, — предложил Крис.

После секундного колебания Робин кивнула.

Отряд причалил к берегу на широкой илистой равнине в месте слияния Офиона с рекой Аргес, неподалеку от центра Фебы. Земля здесь была темная, и лишь изредка попадались веретенообразные деревья — серебристые и полупрозрачные в лунном свете. Феба и в самом деле оказалась чуть-чуть ярче Реи. Причиной тому служило Сумеречное море, часть которого находилась под сиянием дня и обеспечивала лучшую подсветку, чем земли, что загибались по обе стороны Нокса. Но это и без того жалкое достижение терялось в сонливости самой земли. Территория Реи была по крайней мере твердой и пересеченной; Центральная же Феба представляла собой болото.

Робин сразу его возненавидела. Она брела по щиколотку в грязи, которая как пить дать пока-

залась бы раем для угрей и лягушек — но больше ни для кого. Даже пройденные совсем недавно веселые стремнины теперь вспоминались с трудом. Робин насквозь промокла и не видела возможности в ближайшем будущем высохнуть. Не помогали и мысли о том, что, сиди она в передней части каноэ, ничего бы не случилось. И Робин в очередной раз думала о том, что она вообще здесь делает.

Впрочем, не она одна возненавидела болото. Наца извивалась как безумная в висящей на плече у Робин сумке. Змее в походе приходилось особенно тяжело. Робин понимала, что ее демона следовало оставить в Ковене. Так она и собиралась сделать — но в самый последний момент не выдержала и передумала. Когда она ослабила завязку, Наца тут же высунулась и попробовала языком воздух. Но вскоре, найдя его таким же холодным и сырым, что и внутри сумки, и не обнаружив вокруг ни одного сухого места, снова спрятала голову.

Фанфара и Псалтерион, занятые разборкой сломанного каноэ, перекладывали его содержимое на три других. Робин обратила внимание, что остальные члены отряда стоят на возвышенном месте. Возвышенным местом в Фебе могло счи-

таться такое, где ноги поднимаются на несколько сантиметров над водой. Сирокко сидела на валуне лицом к нависавшему над ними центральному тросу Фебы, но остальные упорно смотрели на север. Не узрев там ничего примечательного, Робин присоединилась к спутникам.

— Что там интересного? — спросила она.

— Понятия не имею, — ответил Крис. — Все жду, пока Менестрель наконец разродится объяснениями.

А Менестрель беспокойно переступал с ноги на ногу.

— Может, мне не стоит об этом рассказывать, — сказал он.

— Вот уж точно — не стоит, — гневно сверкая глазами, рявкнула на него Валья. Но Менестрель упрямо продолжил.

— Значит так. Вы здесь, чтобы доказать Гее свой героизм. Вот я и подумал, что стоит, пожалуй, указывать вам на предполагаемые возможности. Как вам будет угодно.

— Лично мне неугодно, — отозвалась Робин. Потом взглянула на Криса. — Слушай, ведь ты это так, в шутку? Да?

— Честно говоря, не знаю, — признался Крис. — Я пришел сюда просто потому, что Габи сказала

мне — так будет лучше, чем сидеть и ждать, пока представится возможность. В этом, безусловно, был смысл. Я-то ведь никогда не решал для себя, что непременно отвергну правила Геи. Раз я здесь, то не должен полностью их отвергать. Хотя и признаю, что не слишком задумывался о том, чтобы принять собственное решение и действовать в одиночку.

— И не надо об этом задумываться, — сказала Валья.

— Но все-таки я хочу услышать, что там такое. Робин хмыкнула, но вынуждена была признать, что и ей это любопытно.

— Видите вон ту гору? — начал Менестрель. Робин разглядела мрачное коническое пятно. — Она стоит почти у самого северного рубежа, — продолжил он. — Скверное местечко, как ни посмотри. Мало что там живет. Сам я никогда там не бывал. Но все знают, что это дом Конга.

— Какого еще Конга? — спросил Крис.

— Гигантской обезьяны, — вмешалась в разговор Габи. — А в чем дело, ребята? Пора двигаться. Каноэ уже вас ждут.

— Минутку, — возразил Крис. — Мне хочется узнать побольше.

— Да о чем тебе хочется узнать? Ну сидит он

там… — Габи с подозрением взглянула на Криса. — А-а, так ты собрался… ну ладно. — И она отвела его в сторону, поглядывая на Сирокко. Робин последовала за ними, но титаниды как стояли, так и продолжали стоять. Когда Габи заговорила, держалась она пониженных тонов.

— Рокки не любит слушать про Конга, — начала Габи и тут же скривилась. — И мне ее за это трудно винить. Лет сто назад Гея сварганила Конга, причем в единственном экземпляре. Он из того же ряда, что и драконы, про которых вам наболтала Гея; все они различны и лишены способности размножаться. Они выскакивают прямо из-под земли, когда Гея их создает, и живут столько, на сколько они запрограммированы. А запрограммированы они, как правило, надолго. Потом они умирают. Основой для Конга послужил фильм, который когда-то видела Гея. То же самое, между прочим, и с гигантским песчаным червем, что живет в Мнемосине. Есть тут и еще несколько подобных тварей. Разумеется, они становятся объектами вызова для пилигримов. Подумать страшно, сколько народу уже прикончил Конг. Если пойти на него без ружья размером с дерево или без бешеного количества динамита, то убить его невозможно. Поверьте мне, многие

уже пытались.

— И все-таки это возможно, — сказал Крис. Габи пожала плечами.

— Конечно, все возможно — если очень долго мучиться. Но, по-моему, ты его убить еще не готов. Я лично и пытаться бы не стала. Поплыли дальше, Крис. Есть куда более простые способы совершить самоубийство.

— Но почему Сирокко его боится? — поинтересовалась Робин. — Или слово «боится» тут не подходит?

— Очень даже подходит, — продолжила Габи, переходя почти на шепот. — Конг жрет все, что движется. Исключение — только Фея. Дело в том, что Гея, создавая эту тварь, наделила ее тропизмами. Он может почуять Рокки за сотню километров — и только ее запах может выманить его с той горы. Вряд ли стоит называть это любовью. Скорее — сильнейшим влечением. Он будет следовать за ней до самого края сумеречной зоны. Впрочем, надо отдать должное Гее — она всегда оставляет лазейку для спасения. Поэтому она заложила в Конге отвращение к свету — так же, как в гигантского червя заложена непереносимость холода по обе стороны Мнемосины. Так что Конг не последует за Рокки в Тефиду или в Крий.

Но если бы ветер дул с юга, нас бы сейчас в Фебе не было. Рокки, когда может, пересекает южный рубеж — если ей вообще нужно навещать Фебу, — потому что если только Конг ее почует, то сразу примчится. Если же он ее поймает, то заберет к себе на гору. Как-то раз, лет пятьдесят назад, он уже ее ловил. И только через шесть месяцев ей удалось оттуда выбраться.

— А что он тогда делал? — спросила Робин.

— Рокки об этом не говорит. — Выразительно подняв брови, Габи перевела взгляд с Криса на Робин, затем повернулась и пошла прочь.

Робин снова взглянула на гору — и тут заметила, что Крис тоже туда уставился.

— Ну-ну, ты не…

— Что она тут вам наплела?

Робин удивилась, увидев совсем рядом с собой Фею, и принялась прикидывать, как это ей удалось так неслышно к ним подобраться.

— Да так, ничего, — ответила она.

— Давай рассказывай. Я успела кое-что уловить — еще до того, как вы так предусмотрительно отошли в сторонку. Вы ведь поверили во все эти басни, так?

Робин хорошенько подумала — и с некоторым раздражением поняла, что поверила.

— Ну, вообще-то там не все вранье, — смягчилась Сирокко. — Конг и правда там живет, он двадцати метров ростом. Он и правда схватил меня и держал пленницей, но болтать я об этом не люблю просто потому, что все было страшно противно. Он гадит прямо у себя в логове. Теперь там, должно быть, метров девяносто спрессованного дерьма. Ему нравится захватывать пленников и время от времени их разглядывать, но что до сексуальных намеков, то выбросьте их из головы. Для этого Гея его даже не снарядила — у него нет половых органов.

Но у Конга дьявольское чутье — это точно. Однако все эти байки насчет того, что он вынюхивает именно меня, — полная чепуха. Его привлекают все женщины. А чует он не что иное, как менструальную кровь.

Тут Робин впервые почувствовала озабоченность. И чего ради они отправились в Фебу именно сейчас?

— Не беспокойся, — утешила ее Сирокко. — Его нюх так хорош, что и в любое другое время ты бы не чувствовала себя в безопасности. Между прочим, как ни странно, именно твой запах и может тебя защитить. Когда он хватает мужчину, он просто его жрет. Титаниды ему непонятны.

Так что, когда ему удается изловить титаниду, он откусывает человеческий торс и оставляет себе, потому что с торсом, на его взгляд, все ясно. Вот Конг и играет с ним, пока тот не распадется на части. — Сирокко помрачнела от воспоминаний, и отвернулась в сторону.

— Но убить Конга можно, — продолжила она. — Я придумала пару приемчиков, чтобы фокус сработал. Одному счастливчику лет двадцать назад даже удалось взять Конга в плен. Я думаю, он рассчитывал притащить его назад живьем, но не знаю, как именно. Короче, все кончилось тем, что Конг вырвался и сожрал парнишку.

Но теперь давно уже никто не отправляется на гору, чтобы убить Конга, потому что для пилигримов есть варианты куда более простые и куда быстрее приводящие к тому же результату. К примеру, можно вызволить из плена одну из его жертв. Если ты к тому же женщина, то риск вообще минимален, потому что Конг никогда не убивает женщин. Но я не рекомендую тебе, Робин, попадать к нему в плен — есть множество других способов приятно провести время. Я точно знаю, что Конг уже шесть месяцев держит у себя одну женщину. Там могут оказаться и другие.

Она отвернулась было от них, но затем пере-

думала.

— Между прочим, Габи не рассказала вам, как я оттуда выбралась. Если вы думаете, что это был тот случай, когда я воспользовалась полученным мною от Геи знанием и сумела перехитрить старого козла, то вы сильно ошибаетесь. Останься я только с моими нехитрыми устройствами и жалким знанием, я бы до сих пор там торчала. Правда же состоит в том, что Габи, отчаянно рискуя собственной свободой, меня оттуда вытащила. А не говорю я об этом просто потому, что это непоправимо подпортило бы мой имидж. Откровенно говоря, монстр из Конга довольно ублюдочный — но и смеха не вызывает. Так что Габи с успехом исполняет роль рыцаря в блистающих доспехах. Только вот боюсь, из меня Прекрасная Дама — ни к черту. К тому времени, как она меня оттуда вытащила, от моего самоуважения мало что осталась. — Фея медленно покачала головой. — А кроме того, я не смогла обеспечить ей традиционную награду. — И Сирокко решительно направилась прочь.

Робин еще раз посмотрела на гору, затем на Криса, в глазах у которого читалось подозрение, и тут вспомнила, что собиралась сказать перед тем, как Сирокко ее перебила.

— Нет, — твердо заявила она, беря его за руку и отводя к давно заждавшимся их каноэ. — Это именно то, чего хочет от тебя Гея. А хочет она, чтобы ты устроил для нее представление. Но ее нисколько не волнует, останешься ты в живых или нет.

Крис вздохнул, однако упорствовать не стал.

— У тебя, как видно, крайне низкое мнение о моих способностях, — сказал он. — По крайней мере о способностях самому о себе позаботиться.

Замечание сильно удивило Робин, и она посмотрела ему прямо в глаза.

Так вот ты о чем подумал? Послушай, я понимаю потребность доказать, что ты кое-чего стоишь. Во мне эта потребность, возможно, еще сильнее, чем в тебе. Но личная честь не может быть поставлена на службу злу. Это должно что-то значить.

— Это будет кое-что значить для женщины, которая там сидит. Могу поручиться, что ей все это игрой не кажется.

— Ее спасение — не твоя забота. Она чужачка.

— Удивительно слышать такое о сестре.

Робин лихорадочно стала подыскивать мотивацию. Когда же нашла, то восторга у нее она не вызвала. Робин была ненавистна сама мысль о

том, чтобы кто-то делал что-либо для увеселения Геи, этого грязного божества. Но отчасти…

— Я просто не хочу, чтобы тебе было плохо. Ты мой друг.

ГЛАВА XXVII
Всплеск огня

— Пожалуй, это будет самая опасная часть нашего путешествия, — сообщила всем Сирокко.

— Не согласна, — возразила Габи. — Хуже всего будет в Япете.

— А мне казалось — в Океане, — вставил Крис. Габи помотала головой.

— Океан крут, но перебраться через его территорию — проблема небольшая. Он до сих пор лежит в самом низу, вынашивает планы. Только вряд ли я доживу до реализации этих самых планов. Пойми, регионалы рассуждают с точки зрения тысячелетий. А вот Япет — самый активный регион из всех враждебных. Он него вполне можно ждать, что он тебя на твоем пути заметит и попробует что-нибудь в этой связи предпринять.

Отряд собрался у основания центрального троса Фебы, который, подобно своему близнецу в Гиперионе, соединялся с землей в широком изгибе реки. Хотя точнее было бы сказать, что сам трос и образовал этот изгиб путем процесса, который Сирокко нарекла «тысячелетним провисанием».

Исследования Геи под тросом наглядно демонстрировали, что в более ранние времена Офион тек прямо среди жил троса. А пока весь обод растягивался, земля под стыком уходила вверх — и в результате река нашла себе новое русло.

— Ты права насчет Япета и Океана, — сказала Сирокко. — Хотя не думаю, что Океан еще очень долго будет таким тихим и мирным. Но суть в том, что именно здесь то единственное место, где два сильных и оппозиционных Гее региона-ла правят своими территориями бок о бок. Рея слишком безумна, чтобы назвать ее врагом. По ту сторону Тефиды располагается Тейя, которая по-прежнему предана Гее. Еще дальше Метида — она враждебна, но труслива. Дионис мертв, а за ним…

— Один из региональных мозгов мертв? — удивилась Робин. — А как это сказывается на делах в том регионе?

— Не так серьезно, как ты думаешь, — ответила Сирокко. — Дионису не повезло. Когда началась война, он оказался зажат меж Метидой и Япетом. Он был слишком предан Гее, чтобы сотрудничать с заговорщиками или даже просто оставаться в стороне, — так что Метида и Япет разом атаковали его, и Дионис был смертельно ранен. Он мертв

уже три или четыре столетия, но с его землями все в порядке. Япет попытался было отхватить кусок, но удача ему не сопутствовала. Полагаю, Гея сама способна справляться с некоторыми процессами в Дионисе, которые требуют постоянного присмотра.

— У меня там была куча работы, — заметила Габи. — В Дионисе все гораздо скорее приходит в упадок. Зато там царят мир и покой.

— Суть в том, — продолжала Сирокко, — что только здесь с Фебой и Тефидой возникает ситуация, когда два сильных врага Геи оказываются рядом, бок о бок. Когда могу, я пролетаю эти места на пузыре, и, думаю, вам двоим следует знать, что есть еще и такой способ, если вы решитесь сейчас нас оставить. Мы намерены пересечь Фебу и Тефиду как можно быстрее, но это мы должны сделать по земле, ибо ни один пузырь не доставит нас от Центральной Фебы к Центральной Тефиде. А именно это мне и нужно. — Она испытующе посмотрела на Криса, затем на Робин.

— Я еще потерплю, — сказала Робин. — Но мне бы хотелось убраться отсюда. Меня беспокоит, что Конг… ну ты знаешь. У меня еще дня два будут месячные.

— Пока ветер южный, все будет в порядке, —

успокоила ее Габи. — Если же он переменится, мы двинемся быстро, обещаю. А ты, Крис?

Крис все еще думал про Конга, но совсем не так, как Робин. Его не очень беспокоила мысль, чтобы поскорее стать героем, живым или мертвым, — просто это была первая реальная возможность, которая ему представлялась.

— Я тоже потерплю.

Титанидам Феба не нравилась. Они то и дело подпрыгивали от неожиданных звуков. Один раз Валья чуть не наступила на ногу Робин. Они держались поближе к костру, который был разведен неподалеку от внешних жил троса, и пели свои песни, напоминавшие Крису свист.

И Крис их не винил.

Ему и самому было не по себе. Сирокко сказала, что долго не задержится. Вопроса о том, чтобы взять кого-то с собой — даже Габи, — здесь просто не стояло. Сирокко знала, что Феба не соизволит осушить свой бассейн с кислотой — так что надо будет остаться на лестнице и переговариваться как придется. И не было причин думать, что беседа продлится дольше нескольких минут. Сирокко попросит Фебу вернуться в материнские объятия Геи и вкусить всю сладость ее расположения — а это означало просто избегнуть последствий ее

гнева, ибо Гея мало что могла сделать для благополучия Фебы, кроме как не выдумывать новых способов ей навредить. Феба, естественно, откажется и пошлет Сирокко подальше. Возможна демонстрация силы — но не с целью серьезно ранить, а лишь напугать. Все-таки Феба не идиотка. Она прекрасно осознает, что на нее, подобно космической осадной пушке, постоянно нацелена спица. Кроме того, она хорошо помнит Большое Сжатие.

Сирокко рассказывала Крису про Сжатие, которое стало последним оружием Геи во время Океанического бунта. Внутренняя часть спиц была одета густым слоем деревьев, которые, если вдуматься, оказывались вертикальными по отношению к земле. Росли же они горизонтально из стен спицы.

Чтобы осуществить Большое Сжатие, Гея сперва на несколько недель лишила эти леса всякой влаги. Получилась самая высокая поленница, какую только можно себе представить. Гее не понадобилось давить, чтобы вырывать деревья миллионами и обрушивать их на лежащую внизу ночь. Она уже проделала это с Океаном, поджигая деревья при их падении, а затем закрывая нижний клапан спицы. Огненная буря выжгла

Океан до самого его каменного дна. Такие военные действия, очевидно, произвели на Океан сильное впечатление, так как прошли десять тысячелетий, прежде чем он снова осмелился вредить Гее.

Часы тянулись как резина, а Сирокко все не возвращалась. Она достаточно часто спускалась к региональным мозгам, чтобы с точностью рассчитать, сколько времени потребуется на спуск и восхождение. Казалось невероятным, что она проведет с Фебой больше часа, но это время уже прошло, отмеченное вялым движением гироскопических часов, — а Феи по-прежнему не было. Когда Гея закончила еще один оборот в шестьдесят одну минуту длиной, Крис присоединился к обсуждению, где решалось, не расставить ли им палатки. Большого энтузиазма эта идея не вызвала, хотя и Крис и Робин уже давно не спали. Габи вообще была не очень склонна это обсуждать; все точно знали — хотя никто об этом не говорил — что недалеко то время, когда она отправится вслед за старой подругой — с чьей-то помощью или без.

Крис отошел в сторонку и прилег на сухую землю. Сориентировав свое тела с севера на юг, он положил себе на живот гейские часы, с их

осью в западно-восточной плоскости вращения. Движение их было так же незаметно, как замерзание воды, но стоило ему отвернуться, а затем посмотреть снова, сдвиг становился очевидным. У путников имелись еще и механические часы, пользы от которых было больше, ибо они работали все время, независимо от ориентации, но эти были занятнее. Крису казалось, что он чувствует, как под ним крутится Гея. Он вспомнил схожее ощущение одной погожей ночью на Земле — и вдруг ему захотелось домой — неважно, исцеленным или нет. Совсем не одно и то же было наполниться необъятностью звездной ночи или вглядываться в мрачную, возвышающуюся над тобой спицу — в незримые, но реальные небеса.

— Пристегивайте свои мешки, вы, чудища четвероногие!

— Слушай, капитан, а может в этот раз я на тебя сяду? — радостно выкрикнул Менестрель.

— Эй, Рокки, как это ты так долго стоишь на двух ногах и не падаешь?

Возвращение Феи застало Криса на самом рубеже сна. Отряд превратился в какой-то вихрь энергии, который Сирокко направила к задаче снятия их лагеря и возвращения к каноэ. Но, в конце концов, Габи задала вопрос, ответа на ко-

торый ожидали все.

— Как прошло, Рокки?

— Неплохо. По-моему, неплохо. Феба была… разговорчивей, чем в прошлый раз. Я меня даже создалось впечатление, что это именно она… — Тут Сирокко посмотрела Крису в глаза, затем поджала губы. — Потом скажу. Но мне не по себе. Не уверена, но кажется, она что-то замышляет. Чем скорее мы отсюда свалим, тем мне будет спокойнее.

— Мне тоже, — сказала Габи, — Давайте двигаться.

Криса, пока он седлал Валью, одолевали собственные заботы. Ладони были влажными, в животе будто что-то порхало, его явно лихорадило. Присоединяя эти симптомы к предчувствию беды, которое все сильнее его охватывало, Крис был как никогда уверен, что очередной приступ совсем близко.

Ну и что? Выпусти его наружу; пусть он случится; а эти ребята сами могут позаботиться о себе. Если кому-то и будет больно, то, скорее всего, ему, а не им. Не впервые Крису приходила в голову мысль рассказать о предчувствии своего приступа, и в очередной раз он решал промолчать, отчасти понимая, что этот процесс колебаний

был идеальной защитой, ибо всегда оставался небольшой шанс, что он начнет действовать, когда еще не будет поздно.

Нет! Не теперь. Крис повернулся к Габи, которая ехала в каком-то метре справа. Но тут он заметил, что Валья повернула голову и смотрит на него, а с другой стороны различил стремительное движение.

И движение это он заметил на долю секунды раньше Вальи. Разинутая пасть, ощетинившаяся шипами, — безмолвно расширяющаяся — кружок, срезанный тонкой горизонтальной линией. Пасть была далеко — и страшно близко. Все произошло в одно мгновение.

Крис прыгнул и ударил Габи так, что она мигом слетела со спины Псалтериона.

— Вниз! Ложись! — завопил он, а Валья тем временем проревела тревогу на титанидском.

Звук ударил будто кулак, плотный как лавина, когда бомбадуль врубил свое зажигание и ускорился в каком-то метре от земли. Сам воздух затрепетал в ритме работы его мотора, а затем Криса ослепило то, что показалось ему фотовспышкой, просиявшей прямо у него в глазах. Звук же забирался все выше по неведомой Крису шкале. Обхватив ладонями затылок, он почув-

ствовал, что его волосы свились в крошечные узелки.

Габи, отчаянно задыхаясь, пыталась из-под него выбраться. Метрах в десяти от них, буквально вжавшись в землю, лежала Робин. Руки она сцепила перед собой. Из сжатых кулаков одна за другой тянулись тонкие бледно-голубые линии. Крошечные разрывные пули грохали словно хлопушки — но далеко, слишком далеко от цели.

— Он вылетел из-за троса, — крикнула Сирокко. — Всем лежать.

Крис сделал как сказано, а затем стал понемногу переползать, пока не оказался лицом к темному выступу — силуэту на фоне песков Тефиды. Теперь он сообразил, что их спасло; он, Крис, успел заметить бомбадуля прежде, чем тот оказался над палубой — во время последней фазы его падения с насеста на тросе.

— Еще один! — предупредила Сирокко. Крис что было силы вжался в землю. Второй налетчик проревел справа от него, сопровождаемый эскортом из еще двух бомбадулей.

— Не нравится мне все это, — выкрикнула Габи — совсем рядом от левого уха Криса. — Титаниды слишком велики, а земля здесь слишком плоская. — Повернувшись, Крис увидел ее лицо,

выпачканное грязью, в нескольких сантиметрах от своего.

— Мне тоже не нравится, — прокричала в ответ Сирокко. — Но вставать еще нельзя.

— Тогда давайте поползем в низину, если такая найдется, — предложила Габи. — Вперед, — тихо сказала она Крису. — Псалтерион выбрал самую нижнюю точку.

Бурокожая титанида расположилась в двух метрах позади них, в центре углубления, которое по самым оптимистичным прикидкам составляло не больше сорока сантиметров. Габи шлепнула Псалтериона по боку, и Крис тоже присоседился.

— Смотри, старина, не вздумай вставать и осматриваться, — сказала Габи.

— Не буду. Ты, Габи, сама-то не очень высовывайся. — Псалтерион кашлянул — как-то странно и мелодично.

— У тебя все в порядке? — спросила Габи.

— Сильно ушибся, когда падал, — только это он и ответил.

— Надо будет Фанфаре тебя посмотреть, когда отсюда выберемся. Черт! — Габи вытерла руку о штаны. — Надо ж было приземлиться в единственное мокрое место на этом вонючем холме!

— Северо-запад! — выкрикнула Валья, укрыв-

шаяся в месте, которого Крис не видел. Пытаться разглядеть приближающегося бомбадуля он не решился, зато сумел еще больше съежиться и вжаться в землю — так, что даже сам удивился своим способностям. Монстр проревел мимо. За ним опять следовала парочка сотоварищей. Крис задумался, почему первый налетел без сопровождения.

Когда Крис все-таки отважился взглянуть, то увидел, как прямо с троса и вправду падает бомбадуль. Пока что он казался лишь пятнышком — километрах в трех над окопавшимся отрядом. Должно быть, первый так же висел там носом вниз, поджидая верного шанса. Он мог бы налететь и когда отряд только приближался к тросу, но оказался достаточно смышленым, чтобы понять — уходя, они повернутся к нему спинами.

Этот, как будто, тоже сообразил, что теперь уже бесполезно делать низкий заход и пытаться кого-то убить. Он прошел метрах в пятидесяти над путниками, и рев его звучал как оскорбительный вызов. Еще один врубил зажигание, только еще отделившись от троса, и не смог отказать себе в удовольствии пролететь над отрядом на той же высоте. Это оказалось грубой ошибкой, так как Робин тут же получила достаточно крупную ми-

шень в радиусе обстрела, массу времени, чтобы прицелиться, и три попытки, чтобы попасть. Второй и третий выстрелы почти слились воедино. Крис наблюдал за роскошным зрелищем, когда стремительную живую машину прихватила парочка разрывных пуль. Бомбадуль представлял из себя конический цилиндр с жесткими стреловидными крыльями и раздвоенным хвостом. Не иначе как большая черная акула небес — сплошная жадная пасть, да еще и звуковые эффекты.

Какой-то миг казалось, что чудищу ничего не сделалось от выстрелов Робин. Затем тварь начала кровоточить огнем, что, казалось, рассыпался по всему небу. Все окрестности залило тускло-оранжевое свечение. Крис поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть взрыв, — но почти не услышал его из-за дикого победного вопля Робин Девятипалой.

— Хрен тебе твои бомбадули! — заверещала девушка.

Все наблюдали, как тварь по дуге взмывает вверх, а сотом начинает свое предсмертное падение. Раздалось почти ультразвуковое причитание — перед самым падением бомбадуля по ту сторону Офиона.

Когда прошло десять минут, а о тварях больше

не было ни слуху ни духу, Сирокко подползла к Габи и предложила пробежаться к лодкам. Крис был обеими руками за — на реке тоже было не сладко, но все же лучше, чем ногтями цепляться за этот жалкий клочок земли.

— Звучит разумно, — согласилась Габи. — Значит, план, ребята, такой. По сигналу люди седлают титанид, и те во весь дух скачут к лодкам. Скакать следует, глядя назад, — и смотреть во все глаза. Люди же должны смотреть во все стороны и быть готовыми мгновенно рухнуть на землю, поскольку больше двух-трех секунд бомбадули нам не предоставят.

— Кажется, тебе придется подыскать другой транспорт, — тихо вымолвил Псалтерион.

— Что? Тебе совсем плохо? Что-нибудь с ногой.

— Думаю, хуже.

— Рокки, дай же мне, наконец, лампаду. Ага, спасибо… — Она замерла, а потом в ужасе вскрикнула и выронила лампаду. В тусклом свете Крис увидел, что руки ее чуть не по локоть в крови.

— Что же он с тобой сделал? — простонала Габи. Потом опустилась к распростертому телу и попыталась его повернуть. Сирокко срочно подозвала Фанфару, а Робин и Валье приказала встать на страже. Только потом повернулась она

к раненой титаниде.

И тут Крис понял, что липкая грязь на лице и руках смешана с кровью Псалтериона. Потрясенный, он отодвинулся немного в сторону, но по-прежнему оставался сидеть в грязи. От титаниды натекли целые реки крови, а сам Псалтерион лежал в небольшом ее озерце.

— Не надо, не надо, — попросил он, когда Габи с Фанфарой попытались его повернуть. Фанфара повиновалась, но Габи приказала ей действовать дальше. Однако вместо этого титанидская целительница приложила свою голову к голове Псалтериона и ненадолго прислушалась.

— Бесполезно, — заключила она. — Его смерть пришла.

— Нет, не может быть. Не может он умереть.

— Он еще не умер. Спой прощальную песнь, пока он слышит.

Крис отошел в сторону и опустился на корточки рядом с Робин. Девушка молча на него взглянула, затем продолжила внимательно наблюдать за ночным небом.. Крис с дрожью вспомнил те минуты, когда уже был уверен, что эпизод вот-вот начнется. Собственно и начался — только не тот.

Какое-то время не слышалось ничего, кроме пения Фанфары и Габи. В сладкозвучном голосе

Фанфары не было скорби. Крис хотел бы понять почему. Габи особой певуньей никогда не была, но это не имело значения. Она задыхалась от слез, но пела. А под конец были слышны только звуки ее рыданий.

Сирокко настояла на том, чтобы тело перевернули. Необходимо осмотреть рану, сказала она, чтобы понять, как это случилось, и узнать больше о бомбадулях. Габи спорить не стала, но сама держалась в сторонке.

Когда подняли ноги и стали переворачивать, целый бушель темной влаги вылился в грязь. Крис отбежал в сторону и рухнул на четвереньки. Желудок его еще долго выворачивало даже после того, как он полностью опустел.

Потом он узнал, что рана прошла по всем телу Псалтериона и едва совсем не отсекла его торс от нижнего туловища. Решено было, что правое крыло твари резануло его через считанные секунды после того, как Крис сбросил Габи на землю. Резало крыло так аккуратно, будто на конце у него была бритва.

Псалтериона перенесли на берег реки — к месту, защищенному от атаки несколькими деревьями. Державшийся в сторонке вместе с Робин,

Крис видел, как Габи опустилась на колени и отрезала прядь ярко-оранжевых волос, а потом завязала их в надежный узел. Без лишних церемоний трое титанид перекатили труп к воде и длинными шестами столкнули его в поток. Псалтерион превратился в смутную темную фигуру, покачивающуюся на нежной ряби. Крис смотрел, как он постепенно исчезает из вида.

Отряд еще десять оборотов оставался на месте, не желая встретиться с трупом Псалтериона. Никто ничем особенным не занимался. Разговоров тоже почти не было. Титаниды, правда, шили и напевали негромкие песни. Когда Крис попросил Сирокко перевести ему эти песни, та ответила, что все они про Псалтериона.

— В основном это не очень грустные песни, — добавила Фея. — Никто из этих троих не был к Псалтериону особенно близок. Но даже самые близкие друзья не стали бы оплакивать его так, как это делаем мы. Помни, для них его уже нет. Он больше не существует. Но он все-таки существовал и если ему в каком-то смысле предстоит жить и дальше, то только в песнях. Вот они и поют про то, кем он для них был. Они поют о том, что он делал и что делало его добрым другом. Собственно, это не слишком отличается от того,

как поступаем мы, — если не считать полного отсутствия представлений о жизни после смерти. Из-за этого, полагаю, эти песни особенно для них важны.

— Лично я атеист, — вставил Крис.

— Я тоже. Но тут другое дело. Нам с тобой приходится отвергать концепцию жизни после смерти, даже если воспитывались мы с верой в нее, просто потому, что все человеческие культуры погрязли в этой идее. Везде она — куда ни плюнь. И все же я думаю, что где-то на задворках твоего и моего разума — даже если мы станем это отрицать — есть некая часть, которая надеется, или даже верит, что рассудок допускает ошибку. Даже атеисты испытывают трансформации вне тела, когда умирают, а затем возвращаются из клинической смерти. Так что где-то глубоко в душе у тебя есть эта вера. А у титанид ее просто нет. Меня поражает — как перед лицом полного исчезновения они остаются таким радостным народцем. Как знать, может, Гея и это в них заложила. А может, это их собственное нововведение. Я предпочитаю думать, что их собственный гений позволяет им подниматься над тщетой жизни — одновременно так ее любить и ничего лишнего от нее не требовать.

Крис никогда не задумывался о преимуществах «достойного погребения». Он, как и всякий человек, не мог не видеть в трупе личность умершего. А ведь именно эта связь и заставляла людей запечатывать своих мертвецов в гробы для предохранения их от червей или сжигать их, чтобы исключить все возможности трапезы для всевозможных падальщиков.

В речном погребении определенно заключалась своя незатейливая поэтичность, однако Офион совсем не заботился о сохранении пристойного вида трупа. Река вынесла Псалтериона на илистую мель в трех километрах дальше по течению. Когда отряд проплывал мимо обезображенного тела, титаниды на него даже не взглянули. А Крис не мог не смотреть. И вид кишащего падальщиками трупа еще долго преследовал его во сне.

ГЛАВА XXVIII
Триана

На картах Геи часто использовалась штриховка шести ночных регионов. Этим как бы подчеркивалось, что солнца над ними не бывает. Дневные регионы от этого становились еще более жизнерадостными. Тефиду обычно выкрашивали в желтый или светло-коричневый, чтобы показать, что этот регион представляет собой пустыню. Из-за этого путешественники часто считали, что пустыня начинается в сумеречной зоне меж Фебой и Тефидой. На самом же деле все было не так. Суровые голые скалы и песчаные заносы окружали центральное болото Фебы, простирая на юге и на севере сухопарые руки, а на западе дотягиваясь аж до центральных тросов. Офион тек к востоку через самую середину, явно стремясь еще глубже пробить там стокилометровый водный курс, известный как каньон Беспорядка. Однако, как и выходило из названия, мало какие геологические концепции были применимы внутри Геи. Каньон был именно там просто потому, что так хотелось Гее; ее три миллиона лет были вовсе

недостаточны для того, чтобы вода пробилась до такой глубины. Тем не менее, имитация получилась вполне приличная, хотя и состоящая в более близком родстве с марсианским Тифониум-Лацус, чем с гидрологически образованным Большим каньоном в Аризоне. А зачем Гея решила копировать подобную планетарную геологию, знала, наверное, только она сама.

После некоторого времени плавания по реке Робин уже была способна встать на вершину каньона и смотреть туда, где она недавно находилась. Как и в Рее, ответственность за это несли речные насосы. Из-за них путникам пришлось совершить два тяжелых волока, во время которых Робин преуспела в совершенствовании своих альпинистских навыков. Присутствие бомбадулей делало трассу Кружногейского шоссе слишком опасной, так как дорога проходила по равнине ближе к северу и была слишком открыта для атаки.

В целом, на одоление всего каньона у отряда ушли три гектаоборота. До сих пор это было их самое медленное продвижение. Свежих фруктов, что составляли самую аппетитную часть их рациона, здесь было днем с огнем не найти. Они держались на сухой провизии из своей поклажи.

Впрочем, пока еще попадалась дичь. Однажды на небольшом плато, полном малюсеньких чешуйчатых существ, титаниды убили их добрую сотню, а потом три дня коптили и мариновали в каких-то снадобьях из листьев и корней.

Робин никогда не чувствовала себя такой сильной. К своему вящему удивлению, она обнаружила, что жизнь, полная тягот, прекрасно ей подходит. Она легко просыпалась, много ела и быстро засыпала в конце дня. Если б не гибель Псалтериона, Робин считала бы себя вполне счастливой. Давно прошли времена, когда она могла такое про себя сказать.

Странно было видеть, как Офион внезапно пропадает. На восточном конце река впадала в небольшое озерцо под названием Триана — и дальше уже не выходила. До сих пор река была постоянным спутником в путешествии; отряд уходил в сторону от нее, только огибая насосы. Даже Нокс и Сумеречное море можно было рассматривать лишь как расширения Офиона. Робин пропажа реки казалась дурным предзнаменованием.

Предзнаменование относилось и к тому, что предстало перед ними. Там было настоящее кладбище. Скелетные останки мириад всевозможных

существ засоряли прекрасный пляж белого песка, создавая громадные и недвижные валы и дюны, громоздясь в шаткие голгофы. Когда отряд достиг берега, все встали в тени единственной костяной пластины восьми метров вышиной, а под ногами у них хрустели ребра существ мельче мыши.

Место это казалось концом всего. Робин, суеверной себя никогда не считавшая, никак не могла стряхнуть самых черных предчувствий. Раньше она редко замечала бледность дневного света Геи. Все говорили о «вечном дне», что преобладает на колесе; Робин же вполне могла представить все это как утро. Но не здесь. Берега Трианы застыли в вечности за мгновение до конца света. Груды костей представлялись кладбищенским горизонтом смерти, возведенным в беспредельной бурой пустыне Тефиды.

Робин вспомнила, как Габи однажды сравнила Офион с туалетом. В Триане он точно напоминал уборную. Вся смерть с великого колеса укладывалась на берега озера. Робин начала было говорить, обращаясь к Габи, но вовремя остановилась. А хотела она сказать, что здесь, вероятно, кончит свой путь и Псалтерион.

— Что, не по себе, Робин?

Подняв глаза, Робин увидела Фею. Она встрях-

нулась, стараясь избавиться от охватившей ее тоски. Не очень получилось. Положив ей руку на плечо, Сирокко повела девушку по берегу. Несколько недель назад Робин мигом сбросила бы руку, но теперь жест этот был ей как нельзя кстати. Мелкий, будто сахарная пудра, песок приятно грел ступни.

— Не стоит особенно расстраиваться, — сказала Сирокко. — На деле здесь все не то, чем кажется.

— А чем это кажется?

— Мусорным бачком Геи. Но это не так. Это действительно кладбище. Но вовсе не конец Офиона. Река уходит под землю и вытекает по ту сторону Тефиды. А кости доставляют сюда падальщики. Они около полуметра в длину, причем один вид живет в песке, а другой — в озере. История запутанная, но все давно установилось — и теперь один вид не может без другого. Они встречаются на берегу, чтобы приносить друг другу дары, сочетаться браками и обмениваться икрой. Обычное дело в Гее.

— Просто немного угнетает, — сказала Робин.

— А титаниды это место просто обожают. Немногие из них сюда добирались, но те, кому выпадает счастье, делают кучу фотографий, чтобы дома всем показывать. Тут очень даже мило

— надо только привыкнуть.

— Сомневаюсь, что смогу. — Робин вытерла лоб, затем сняла рубашку и направилась к водной кромке. Там она намочила рубашку, выжала ее и снова надела. — А почему здесь так жарко? Солнце даже кожу не греет, а песок просто раскаленный.

— Тепло идет снизу. Все регионы нагреваются и охлаждаются текущими под землей жидкостями. Жидкости эти перекачиваются к большим радиаторным пластинам в космосе, чтобы нагреваться на солнечной стороне и охлаждаться на теневой.

Робин взглянула на почти шоколадное лицо Сирокко, на загорелые руки и ноги. Потом вспомнила, что тело под красным одеялом, которое, очевидно, составляло единственный предмет одежды Феи, было таким же коричневым. Но, черт побери, это выглядело в точности как загар. Это сбивало ее с толку уже несколько недель. Ее же тело оставалось почти таким же молочно-белым, каким было по прибытии.

— А вы с Габи что, натурально темнокожие? Вообще-то мало верится — но и загореть здесь, по-моему, невозможно.

— На самом деле я чуть темнее Габи, а она такая же светлокожая, как и ты. Но ты права — солнце

здесь не при чем. Как-нибудь потом, может, и расскажу. — Тут Фея остановилась и посмотрела на восток. В разрыве высоких костяных пирамид можно было разглядеть ряд невысоких холмов в нескольких километрах от берега. Потом она обернулась и позвала всех остальных, которые, как с удивлением обнаружила Робин, отстали от них более чем на 200 метров.

— Когда разберете лодки, — крикнула Сирокко, — подходите сюда.

И через несколько минут все собрались вокруг Феи, которая присела на корточки и принялась рисовать на песке карту вытянутой конфигурации.

— Феба, Тефида, Тейя, — перечисляла она. — Триана. — Она начертила небольшой кружок, затем добавила к востоку от него целый ряд пиков. — Эвфоническая гряда. А здесь, к северу, гряда Северного Ветра. А вот здесь само Ла Ореха де Оро. — Она подняла глаза на Криса. — Это значит «Ухо из Золота», и здесь есть возможность себя проявить, если тебе интересно.

— Не интересно, — с милой улыбкой отозвался Крис.

— Отлично. К востоку…

— А может, все-таки послушаем историю про

это ухо? — сама того не желая, спросила Робин.

— Нужды нет, — отозвалась Сирокко. — Золотое Ухо ничем нас не потревожит, если только мы к нему не приблизимся. Это не какая-нибудь движущаяся угроза, вроде Конга. — Пока Робин решала, дурачат ее или нет, Сирокко уже рисовала череду пик, идущую с севера на юг по всей ширине Тефиды.

— Ярко-Синяя Линия. Кто-то, наверное, был чересчур поэтически настроен. Когда в небе особенно ясно, там и впрямь есть синеватый оттенок, но обычно это — нормальные тусклые горы. Кое-где попадаются скалистые утесы, но, если идти вот здесь, по южным склонам, можно без проблем добраться от одного пика до следующего.

От озера дорога идет на северо-восток через большую пустошь между Северными Ветрами и Эвфоникой. Называется пустошь Брешью Тефиды. — Тут Фея подняла невозмутимый взгляд. — Или, как иногда выражаются, Перевалом Ортодонтиста.

— Кажется, мы договаривались больше этой шуткой не пользоваться, — заметила Габи.

Сирокко ухмыльнулась.

— Мои извинения. Так или иначе, после Бреши

дорога идет на восток через множество невысоких и длинных подъемов и спусков, минует центральный трос, проходит Ярко-Синюю Линию и так далее — к этому озеру с наклонным тросом посередине, известному как Валенсия. Ах да, оно вроде как цвета апельсина.

— На очень длинном стебле, — вставила Габи.

— Ага. Во всяком случае не я его так называла. — Сирокко выпрямилась, стряхивая песок с ладоней.

— Откровенно говоря, — сказала она, — я не знаю, какой путь нам теперь лучше выбрать. Первоначально мы планировали двигаться по дороге и не думать о пескодухах, но теперь, когда мы…

— Что за пескодухи? — спросил Крис.

— О них потом. Я хотела сказать, что теперь меня больше беспокоят бомбадули. Раньше мы и слыхом не слыхивали о таких организованных атаках, какой подверглись в Фебе. Раньше бомбадули всегда носились поодиночке. Возможно, мы потревожили гнездовье, но есть вероятность и того, что они вырабатывают новую линию поведения. Такое в Гее случается.

Габи сложила руки на груди. Она упорно смотрела на Сирокко, а та избегала ее взгляда.

— Кроме того, можно предположить, что атака

была подготовленной, — наконец сказала Габи.

Робин посмотрела на одну, затем на другую.

— Что вы хотите сказать?

— Не волнуйся, — быстро ответила Сирокко. — Во-первых, я так не считаю, а во-вторых, не за вами же с Крисом они охотились.

Робин заключила, что Габи и Сирокко прикидывают, имела ли атака какое-то отношению к визиту Сирокко к Фебе или нет. Возможно, Феба, имея какое-то влияние на бомбадулей, убедила их попытаться убить Фею. И снова Робин поразилась, какая же странная жизнь у этих двух женщин.

— Другой вариант — отправиться через горы, — заключила Сирокко. — Некоторую защиту от бомбадулей они нам обеспечат, хотя все равно надо будет держаться настороже. Я предлагаю пройти вот здесь, через Эвфонику. — Она еще раз присела на корточки и, не прерывая объяснений, начертила маршрут. — Короткий бросок, не более двадцати километров, отсюда — и к холмам. А от конца Эвфоники до южных пределов Ярко-Синих получается около тридцати. Сколько это по времени, Менестрель?

Титанида прикинула.

— Раз Габи подсядет, один из нас пойдет мед-

леннее. Она могла бы пересаживаться дважды по ходу маршрута. Я бы сказал, что своим ходом у нас вышел бы один оборот. А для второго броска — скорее два или два с половиной. Мы уже устанем.

— Ладно. Как ни крути, этот маршрут все равно замедлит наше движение.

— Может, я чего-то недопоняла? — вмешалась Робин. — У нас с кем-то свидание?

Сирокко улыбнулась.

— Ты в точку попала. Лучше безопаснее, чем быстрее. Хотя я лично не уверена. Я полагаю, мы могли бы сделать бросок к центральному тросу, а если никаких бомбадулей там не окажется, то еще раз прикинуть, держаться нам шоссе или нет. Но мне хотелось бы услышать ваше мнение. — Она поочередно оглядела всю группу.

До этого самого мгновения Робин не понимала, что Сирокко принимает на себя руководство отрядом. Странный способ она для этого избрала — спрашивать шестерых остальных, что бы они ей посоветовали. Но факт оставался фактом. Неделей раньше этот вопрос задала бы Габи. Взглянув на Габи, Робин никакого протеста не заметила. Собственно говоря, с самой гибели Псалтериона Габи не выглядела радостнее, чем теперь.

Решение было таково, чтобы идти через горы, раз именно его избрала Сирокко. Люди оседлали титанид, а Габи на первую треть пути села за спину Сирокко. Отряд тронулся. Небо на западе уже начинало заволакиваться облаками.

ГЛАВА XXIX
По пескам

Облака оказались над головами путников, когда титаниды отдыхали после долгого пробега через дюны между Трианой и подножием Эвфоники. Сирокко взглянула на Менестреля, и тот сверился с часами.

— Второй декаоборот из восьмидесяти семи, — сообщил он ей.

— Как раз вовремя.

До Криса сначала не доходило.

— Ты в том смысле, что… Сирокко пожала плечами.

— Я облаков не делала. Но я их запрашивала, когда мы еще были в каньоне. Гея сказала, что соорудит облачность, но до дождя дело не дойдет. Всего сразу нельзя.

— Не понимаю, зачем тебе понадобились облака. — «Или как их можно запросить», — добавил Крис про себя.

— Это потому, что я еще не рассказала тебе о пескодухах. Эй, Менестрель, и вы, ребята! Готовы вы идти или нет? — Когда титанида кивнула, Си-

рокко встала, и отряхнула ноги от песка. — Давай садись. По пути расскажу.

— Пескодухи — это такие силиконовые твари. Зовем мы их так потому, что они живут в песке, и еще потому, что они прозрачные. Живи они в ночном регионе, я просто не знала бы, как с ними воевать. Но в Тефиде их достаточно хорошо видно.

Научное их название «гидрофобикус геяни». Может, я наврала с окончаниями. И это тоже хорошо их характеризует. Они вполне разумны, а нрав у них — как у бешеного пса. Я дважды с ними разговаривала — при полностью контролируемых условиях. Они такие ксенофобы, что слово «фанатизм» применительно к ним будет до смешного мягким; короче, расисты в десятой степени. Для них существует только раса пескодухов и Гея. Все остальное — или еда, или враги. Убить они помедлят, только если засомневаются, что ты такое. Но скорее всего сначала все-таки убьют, а уж потом рассудят.

— Очень скверный народец, — сумрачно подтвердила Валья.

Все три титаниды ехали грудь в грудь, чтобы Сирокко могла рассказать Крису и Робин про «студней». Крис сильно сомневался, что это хо-

рошая стратегия, и то и дело нервно поглядывал в небо. Эвфонические горы оказались более скалистыми, чем дюны, которые отряд только что одолел, но все же, на вкус Криса, недостаточно. Он спокойнее чувствовал бы себя в узких каньонах, где мог проехать только один всадник. Холмы впереди казались выше, порой вытягиваясь вверх наподобие столовых гор. И конечно, чем скалистее была местность, тем медленнее они продвигались — а значит, тем дольше оставались в краю пескодухов.

С другой стороны, бомбадулей Крис боялся больше. Может, когда он повстречается с духами, то переменит свое мнение.

— Они живут под песками, — продолжала Сирокко. — Они могут плавать, бегать или черт их знает как еще передвигаться под песком и делают это ничуть не медленней, чем я бегаю по земле.

Жизнь пескодухов сильно осложняется тем, что вода для них ядовита. В смысле, если она попадает на их тела, то духи погибают, причем много воды для этого не надо. Пескодухи погибают и в солнечный день, если влажность поднимается выше сорока процентов. Пески Тефиды по большей части сухи как кости, ибо тепло, идущее снизу, выпаривает из них всю воду. Исключение со-

ставляют только те места, где под песками течет Офион. А течет он по глубокому каналу, но все же, с точки зрения пескодухов, заражает весь песок в радиусе десяти километров. Соответственно, вся Тефида делится на два совершенно отдельных племени пескодухов. Если бы они когда-нибудь встретились друг с другом, то наверняка сражались бы не на жизнь, а на смерть, потому что они сражаются друг с другом и меньшими отрядами, которые остаются после ливневых паводков.

— Значит, дождь здесь все-таки идет? — спросила Робин.

— Очень редко. Примерно раз в год, да и то, как правило, моросящий. Но даже такой дождь поубивал бы всех духов, если бы они не научились отращивать раковину и впадать в спячку на несколько дней, как только почуют его приближение. Благодаря этому я смогла поговорить с пескодухом. Пришла сюда в бурю, отрыла одного и посадила его в клетку.

— Да, ты известный миротворец, — насмешливо, но с симпатией вставила Габи.

— Ну, попытка того стоила. Загвоздка на этом маршруте состоит в том, что горы сейчас чертовски сухие. А вот шоссе, так уж получилось, точно повторяет очертания подземного русла Офиона.

. — И, поверьте мне, не случайно, — заметила Габи. — Я считала, что это так же важно, как держаться высоких мест, когда проходишь по болоту.

— Да, это правда. Беда в том, что пару-другую духов мы можем встретить прямо здесь. Надеюсь, облачность заставит их особенно не высовываться, но не знаю, сколько это продлится. Зато можно порадоваться тому, что духи редко объединяются в группы больше дюжины, и у нас хватит рук, чтобы от них отбиться.

— Надо было мне поменять мое оружие на водяной пистолетик, — заметила Робин.

— Ты пошутила? — спросила Фанфара, роясь в левом седельном вьюке. Достала она оттуда два предмета: большую пращу и короткую трубку с рукояткой, спусковым крючком и точечным отверстием на одном конце. Робин взяла трубку, нажала на спусковой крючок — и из отверстия вылетела тоненькая струйка воды. Прежде чем упасть на песок, она пролетела добрые десять метров. Робин была в восторге.

— Можешь считать это огнеметом, — предложила Сирокко. — Точности не требует. Стреляй в общем направлении, и пусть струя летит веером. Даже промах может их ранить, а много выстре-

лов способны создать гибельную для пескодухов влажность и загнать их в песок. Пока больше не стреляй, — торопливо добавила она, когда Робин пустила еще струйку. — Скверно то, что в Тефиде нет источников, так что вода, которую мы используем в бою, впоследствии станет той водой, которой нам может не хватить для питья.

— Извини. А праща зачем? — Робин с интересом ее разглядывала, и Крис не сомневался, что девушке очень хочется взять ее в руки и опробовать.

— Дальнобойное оружие. Вот водяной баллон. Кладешь его сюда, в чашечку, оттягиваешь — и лети себе, снаряд. — Сирокко держала в руке что-то размером с титанидское яйцо. Потом бросила штуковину Крису. Тот аккуратно сжал шарик, и на руку ему плеснула струйка воды.

Валья тоже рылась в своих седельных вьюках. Она вынула оттуда пращу и короткую дубинку, сунула себе в сумку, а водяной пистолет отдала Крису. Он с любопытством осмотрел оружие, стараясь примерить его к руке и жалея, что не может сделать несколько пробных выстрелов.

— Праща требует навыка, так что она останется у меня, — пояснила Валья. — Делай, как говорит Фея, и не очень-то церемонься с выбором мише-

ни. Просто стреляй.

Подняв глаза, Крис подметил, что Сирокко улыбается.

— Ну как, чувствуешь себя героем? — спросила она.

— Скорее мальчишкой, играющим в героя.

— Ничего, увидишь пескодуха, сразу переменишь мнение.

ГЛАВА XXX
Раскаты грома

— Я и не говорила, что это всегда действует. — Уперев руки в бока, Сирокко оглядела небо — но с тем же результатом. Габи наблюдала за ней, впервые за многие годы ощущая глупое желание, чтобы Фея что-нибудь такое сотворила. Оно росло в ней вопреки пониманию, что сама Сирокко чудес не творит, что все происходит совсем по-другому. И все равно Габи хотелось, чтобы Сирокко сделала дождь.

— Она сказала, что обеспечит облачную завесу, — заметила Габи.

— Она сказала, что попытается, — поправила Сирокко. — Сама знаешь, Гея не может управлять погодой во всех деталях. Все слишком сложно.

— Она без конца это талдычит. — Увидев выражение лица Сирокко, Габи оставила все дальнейшие замечания при себе.

— Пока что мы ни одного пескодуха не видели, — вмешалась Робин. — Может, облаков хватило, чтобы отпугнуть их раньше, чем они завелись.

— Наверное, они поглубже ушли в песок, — поддержала ее Фанфара.

Габи ничего не сказала. Вместо этого она сунула руку в седельный вьюк Менестреля и вынула оттуда пузырь размером с теннисный мячик.

Отряд находился у конца подножий, откуда открывался путь к Ярко-Синей Линии. Невдалеке к востоку находился центральный трос Тефиды, а за ним, едва заметная на расстоянии, ровная черточка Кружногейского шоссе. Последний аванпост голых скал образовывал широкую чашу, заполненную песком. Чаша эта теперь лежала как раз перед путниками, ободок ее местами скрывался из виду под заносами.

Стоя на спине Менестреля и придерживаясь за плечо Сирокко, Габи по высокой дуге запустила пузырь в самый центр чаши.

Результат вышел самый драматический. Мгновенно от места падения снаряда во все стороны стремительно потянулись девять линий. В самом начале линий вздымались бугорки, а сразу за бугорками образовывались впадины, быстро заполнявшиеся песком. Бугорки двигались так же быстро, как пламя по тонкой струйке бензина. Считанные секунды спустя от пескодухов и следа не осталось.

Сирокко привстала на колени, когда снаряд плюхнулся в песок. Теперь же она приняла прежнее положение.

— Чего ты хочешь? — спросила она. — Двигаться на запад к Тейе?

— Нет. Уверена, ты помнишь, кто собирался в поход, а кто хотел остаться дома.

— И нажираться как свинья, — добавила Сирокко. Габи оставила реплику без внимания.

— Я была бы дурой, если б стала советовать пропустить Тефиду после того, как потратила столько времени, убеждая тебя вообще сюда пойти. Посмотрим. Может, что и получится.

Сирокко вздохнула.

— Как скажешь. Но теперь, ребята, смотрите во все глаза. Люди пусть следят за небом. А титаниды не спускают глаз с песка. Обычно всегда успеваешь заметить песчаный бугорок, прежде чем духи вырвутся на поверхность.

Девяти лет от роду Робин прочитала книжку, которая произвела на нее сильное впечатление. В книжке рассказывалось про старую рыбачку, которая одна в своей лодчонке поймала громадную рыбину и сражалась с ней многие сутки, пройдя штормы в открытом море. Но испугала Робин вовсе не борьба рыбачки с рыбиной. Нет

— воплощение в книге самого моря — глубокого и холодного, мрачного и безжалостного.

Как странно, подумалось Робин, что она не вспомнила эту книжку, когда они пересекали Нокс или Сумеречное море. И более того, что вспомнила она ее именно теперь, при свете дня, пересекая выжженную пустыню. И все же эти пески были как море. Повсюду перекатывались широкие волны. На расстоянии какой-то атмосферный эффект заставлял пески мерцать подобно стеклу. А под поверхностью этого моря таились твари куда страшнее той рыбины, с которой сражалась старуха.

— Я тут кое о чем подумала, — сказала Сирокко. Теперь она ехала в одиночку на Менестреле, сопровождаемая Робин на Фанфаре и Крисом с Габи на Валье. — Нам следовало бы взять к северу от шоссе, а потом вернуться на запад к тросу. Так вышло бы меньше пути по сухому песку.

Робин припомнила нарисованную Сирокко карту.

— Но тогда у нас вышло бы больше пути по открытой местности, — возразила она.

— Верно. Но сейчас меня почему-то больше тревожат пескодухи, чем бомбадули.

Робин ничего не сказала, но ее тревоги были

теми же, что и у Сирокко. Хотя ей полагалось обозревать небо, глаза постоянно опускались вниз, к копытам Фанфары, пока легкие сухие песчинки разлетались от них во все стороны. Робин не понимала, как титанида может это выносить. Ведь в любой момент может появиться чудовищная пасть — и отхватить передние ноги титаниды. Хотя Сирокко говорила, что у духов нет ртов и что еду они переваривают непосредственно через свои кристаллические панцири. У них даже нет лиц…

— Хочешь вернуться и начать по-новой? — крикнула Габи.

— Не особенно. Мы уже на полпути.

— Да, но теперь мы хоть знаем, что позади духов нет…

Стоило Габи это выкрикнуть, как обострившиеся чувства Робин подсказали ей: что-то не так. Она прекрасно представляла себе, что, должно быть, увидела Габи, и ей потребовались считанные секунды на осмотр ближайшего склона оставшейся позади пятиметровой дюны, чтобы обнаружить на песке опознавательные полоски, глубокие спереди и волочащие за собой хвосты подобно кометам. Робин увидела целый их десяток, затем поняла, что это лишь одна из пяти-шести групп.

Нужды поднимать тревогу не было. Робин увидела, как Сирокко вскочила на спине у Менестреля, поворачиваясь назад. Валья прибавила ходу, пока не поравнялась с Фанфарой и Робин. Габи передала Крису и Валье по водяной гранате.

— Дай мне тоже одну, — попросила Фанфара. Робин так и сделала, чувствуя, как титанида прибавляет ходу. Впервые за все время езды на титаниде она почувствовала легкую тряску, которую всегда связывают со скачкой на коне.

— Пока огня не открывать, — приказала Габи. — Быстрее они двигаться не могут, и мы легко будем их опережать.

— Тебе легко говорить, — заметила Валья. Ее пятнистая желтая кожа блестела от пота.

— Пора меняться, — сказала Фанфара. — Валья, передай мне ненадолго Габи. Робин, подвинься вперед. — Робин сделала, как было сказано, отметив, что она окажется зажатой между Фанфарой и Габи, и, хоть ей и больно было это признавать, вовсе от такого положения не отказалась. Незримые пескодухи пугали ее до смерти — как ничто другое во всей Гее.

— Секунду, — отозвалась Габи. Игнорируя собственный приказ, она повернулась и запустила гранату поперек дороги одной из приближавших-

ся групп духов. Те почуяли ее еще за пятьдесят метров. Некоторые рассыпались по сторонам, огибая отравленный участок, другие совсем ушли под землю.

— Ага, получили, — с довольным видом отметила Габи, перепрыгивая на спину Фанфаре. Она быстро пристроилась за спиной у Робин. — Те, что ушли вглубь, ползут медленно. С максимальной скоростью они могут двигаться только у самой поверхности, где песок не такой плотный. — Робин еще раз оглянулась и увидела, как те, что рассыпались по сторонам, только теперь возобновляют преследование.

— Ну как, друзья? — спросила Сирокко, адресуясь к титанидам. — Продержитесь в таком темпе до троса?

— Нет проблем, — заверил ее Менестрель.

— Вот и отлично, — порадовалась Габи. — Рокки, тебе стоит каждые несколько минут бросать вперед бомбочку. Так мы разгоним любые засады.

— Будет сделано. Крис, Робин, какого черта вы на землю вылупились?

Робин заставила себя смотреть в небо — по-прежнему некстати ясное, но свободное от бомбадулей. Заданий сложнее ей в жизни не

выпадало. Тяжелей всего было касаться ненавистного песчаного моря. Она поймала себя на том, что подтягивает ноги, силясь добиться, чтобы Фанфара ступала осторожнее.

Отряд поднялся на очередную дюну и уже начал спускаться по другому ее склону — и тут Сирокко вдруг выкрикнула предупреждение:

— Резко вправо! Держаться!

Робин обхватила Фанфару за пояс, когда титанида зарылась копытами в песок, чуть ли не на месте поворачивая на все сорок пять градусов. Скачка становилась все более ухабистой. Фанфара начала уставать. Робин успела заметить суматоху у подножия дюны, увидела несколько сигнальных следов — пескодухи торопливо разбегались от водяной гранаты, что неожиданно плюхнулась в самую их гущу. Потом из-за спины у Робин вылетела струйка воды, взяла веером влево и зашипела, коснувшись раскаленного песка. Взлетел песчаный фонтан. Какой-то миг в воздухе корчилось тонкое гибкое щупальце. Стоило воде на нее попасть, тварь мгновенно зашипела и разлетелась на стеклистые чешуйки, которые медленно оседали в низкой гравитации. Высвободив одну руку, Робин покрепче сжала рукоять водяного пистолета в другой и стала вы-

глядывать из-за широких плеч Фанфары. Потом нажала на спусковой крючок и щедро полила водой какое-то безобидное пятно на неровной простыне пустыни.

— Побереги воду, — предупредила Габи. Робин торопливо кивнула, испытывая страшное унижение оттого, что пистолет у нее в руке трясется. Голос Габи звучал так уверенно и спокойно, что ведьма почувствовала себя десятилетней девчонкой.

Титаниды описали широкую дугу вокруг гнезда пескодухов, которое заметила Сирокко; теперь же они снова легли на курс к тросу Тефиды. Робин вспомнила, что надо смотреть в небо, ничего там не увидела, опять оглядела пески — и снова с великим трудом заставила себя посмотреть вверх. Казалось, она целый час туда таращилась — а проклятый трос ни на метр не приближался. Наконец, она решила спросить Габи, сколько они уже скачут.

— Минут десять, — ответила та и снова оглянулась назад.

Когда она повернулась обратно, лицо ее было мрачнее тучи. Робин показалось, что на вершине дюны в пяти-шести сотнях метров позади появился след духа. Он шел параллельно ямкам от

конских копыт.

— Рокки, они по-прежнему гонятся.

Фея взглянула назад, нахмурилась, затем пожала плечами.

— Ну и что? Если мы выдержим темп, им нас не догнать.

— Знаю. Но ведь и они это знают. Так чего ради тогда гонятся?

Сирокко снова нахмурилась, и Робин это сильно не понравилось. Но в конце концов Габи сообщила, что преследователей она больше не видит. Несмотря на усталость, титаниды решили не расслабляться, пока не доберутся до троса.

И вот Фанфара уже на вершине последней гигантской дюны перед тросом. Впереди, как было видно Робин, земля не тронута пескодухами. Она прикинула расстояние между жилами и решила, что оно составляет километр.

— Бомбадуль справа, — выкрикнул Крис. — Не спускайтесь! До троса еще далеко! — Робин подняла взгляд и увидела бомбадуля. Тварь вылетала из-за троса с востока, примерно в тысяче метров над землей.

— Назад, за дюну, — скомандовала Сирокко. — По-моему, он еще нас не заметил.

Фанфара метнулась назад, и через считанные

секунды все путники распростерлись на дальней стороне.

Все, кроме Робин.

— Ложись, идиотка! Да что с тобой такое?

Робин стояла на коленях, клонясь вперед. Руки ее почти касались песка.

Но она не могла ими двинуть. Ей казалось, что прямо перед глазами в песке что-то корчится. Она не могла до конца вытянуть руки и коснуться ненавистного песчаного жара, не могла прижать к нему живот — лечь туда и ждать, пока нагрянут мерзкие пескодухи.

Тут на нее навалилась громадная тяжесть, и Робин вскрикнула. Еще сильнее она заверещала, когда прижалась к песку животом. Ее стошнило.

— Вот это кстати, — сказала Фанфара, немного отпуская Робин, чтобы та смогла повернуть голову. — Хотела бы и я так сделать. Эта влага мигом их отпугнет.

Влага, влага… На сознательном уровне Робин услышала только это слово — и быстро выбросила из головы все остальное. Песок стал влажный. Влага отпугнет жутких монстров. Потеть, плакать, плеваться, блевать… все это вдруг стало необычайно важно и осмысленно. Робин схватила горсть песка и подумала, какой же он

замечательно влажный.

— В чем дело? — выкрикнула Сирокко. — У нее что, припадок?

— Кажется да, — ответила Фанфара. — Я о ней позабочусь.

— Главное — не давай ей подниматься. Он все-таки мог нас не заметить.

Где-то очень далеко и высоко Робин расслышала вой бомбадуля. Тогда она немного повернула голову — и увидела, как он появляется из-за дюны, все еще на прежней высоте. Потом бомбадуль сделал резкий разворот, демонстрируя свой стреловидный профиль, и стал приближаться к путникам.

— Вот так так, — проворчала Сирокко. — Всем лежать. Под таким углом он нам ничего не сделает.

Все наблюдали за бомбадулем со все растущим сомнением, пока не стало очевидным, что низкий заход тварь делать не собирается. Бомбадуль просто курсировал в пяти-шести сотнях метров над землей, двигаясь куда медленнее, чем Робин запомнилось в прошлый раз.

— Эта штуковина какая-то странная, — заметила Габи, отваживаясь сесть.

— Не обращай внимания, — отозвалась Сирок-

ко, вставая, чтобы получше оглядеться. — Он собирается вернуться. Габи, ты еще последи, а всем остальным окапываться. Нужна достаточно широкая яма глубиной метра два. Впрочем, сойдет один. Надо, чтобы все поглубже зарылись в этот чертов песок. Прежде чем рыть, поплещите кругом водой. Да, и если у кого-то есть хоть малейшее желание попрыскать, валяйте немедленно. Стесняться нечего. Моча сейчас нужнее в песке, чем в ваших пузырях. — Тут, увидев выражение лица Робин и сразу сообразив, что штаны у девушки уже мокрые, Сирокко замолчала.

Робин опозорилась. Она благодарила Великую Матерь за то, что никого из ее сестер здесь нет, чтобы увидеть ее позор. Но и это было слабое утешение. Шестеро спутников уже стали ей все равно как сестры — на весь этот поход и, наверное, дальше.

Но дело никогда не оборачивается так плохо, чтобы не обернуться еще хуже. Истинность этого принципа Робин осознала во всей ее полноте, когда попыталась двинуться и поняла, что не может. Реплика Фанфары — несомненно призванная хоть как-то спасти честь Робин — оказалась правдой. Робин действительно парализовало.

В какое-то мгновение она подумала, что теперь

точно сойдет с ума. Робин оказалась бессильно распростертой на ненавистных песках Тефиды — поверхности столь для нее ужасной, что она, может статься, выдала весь отряд своей неспособностью на нее лечь. Но вместо безумия она впала в некую фатальную отстраненность. Бездумная, безмятежная, Робин слышала дикие звуки каких-то действий и мало что в них понимала. Ее больше не волновало даже то, что снизу может вылезти пескодух и сожрать ее с костями. Во рту были песчинки и остатки блевотины. Потом она почувствовала, как с носа стекает струйка пота. Видела Робин только несколько метров песка и свою протянутую туда руку. Она прислушалась.

Сирокко: «Раз подобраться к нам ближе они не могут, им придется использовать какое-то оружие среднего радиуса действия. Обычно они швырялись камнями, но за последние годы наладили какой-то копьемет или лук со стрелами».

Крис: «Скверно. В этих песках нам нечем прикрыться».

Сирокко: «И скверно, и не очень. Камнями они швырялись как сволочи. Дело в том, что их устройство… ах да, ты их еще не видел, а описать тяжело… короче, камнями они швырялись просто классно. Но они, как правило, трусливы, а чтобы

бросить камень, надо подобраться поближе. Со стрелами же можно оставаться на приличном расстоянии».

Фанфара: «Теперь, Рокки, выкладывай самое скверное».

Сирокко: «Н-да. Хорошо — что они плохо обращаются со стрелами. Просто не могут прицелиться. Но приближаться они, скорее всего, не станут, а устроят тотальный обстрел. Вот это паршиво».

Габи: «Они возьмутся за дело, выстреливая чертову уйму стрел».

Фанфара: «Так и знала, что тут какой-то подвох».

Вдалеке послышался знакомый надсадный вой бомбадуля.

Габи: «Я тебе, Рокки, повторяю: с этой тварью точно что-то не так. Не могу понять что. Сзади у него как будто что-то топорщится».

Фанфара: «Я тоже заметила».

Сирокко: «У вас со зрением лучше, чем у меня».

Какое-то время слышалось только прерывистое дыхание, да еще то и дело что-то шуршало по песку. Раз Робин почувствовала, как что-то чиркнуло ей по ноге. Затем Менестрель выкрикнул предупреждение. Что-то упало в песок в поле зрения Робин. Она в этот момент смотрела на

ноготь своего большого пальца; затем перевела глаза и взглянула на незваного гостя. Это оказался тонкий стеклянный стержень в полметра длиной. На одном конце виднелись зазубрины, другой зарылся в песок.

— Никому не попало? — Голос Сирокко. Несколько отрицательных откликов. — Они просто пуляют в воздух. Наверное, они вон за той дюной. Скоро отважатся высунуться оттуда — тогда будут садить поточнее. Держите наготове пращи.

Вскоре после этого Робин услышала звенящие хлопки титанидского оружия.

Крис: «Ого, Валья, ты, кажется, одного накрыла. Оба-на! А эти были поближе».

Сирокко: «Черт тебя побери, лучше бы за Робин приглядывал. Можно с ней хоть что-нибудь сделать? Прямо дьявольщина какая-то».

Робин услышала, как последний залп стрел падает в песок, и почувствовала, как несколько песчинок попали ей на ногу. Это не имело значения. Потом еще скользящие звуки. Чья-то рука схватила стрелу, на которую она смотрела, вытащила и отшвырнула в сторону. Появилось лицо Габи — буквально в считанных сантиметрах от ее собственного.

— Как ты, девочка? — Габи взяла Робин за

руку и крепко сжала. Затем погладила ее по щеке. — Может, тебе будет проще, если получше все увидишь? Ничего не могу придумать для твоей защиты. Впрочем, мы все в ней нуждаемся.

— Нет, — откуда-то издалека ответила Робин.

— Хотела бы я… а-а, ч-черт. — Габи треснула по песку кулаком. — Такой беспомощной себя чувствую! Представляю, каково тебе. — Робин не ответила, и Габи снова наклонилась к ней.

— Слушай, ты не против, если я пока возьму твой пистолет.

— Бери.

— У тебя еще остались реактивные пули? Ну те, с разрывными кончиками?

— Три обоймы.

— Они мне тоже нужны. Хочу попытаться зацепить того бомбадуля, если он опустится чуть пониже. А ты тут держись и старайся ни о чем не думать. Скоро попробуем прорваться к тросу.

— У меня все хорошо, — выговорила Робин, но Габи уже ушла.

— Тогда я тебя заберу, — откуда-то сзади сказала Фанфара.

Робин почувствовала, как рука титаниды обнимает ее и слегка касается влажной щеки.

— Не скупись на слезы, малышка. Это не толь-

ко для души полезно. Теперь нас каждая капля защищает.

ГЛАВА XXXI
Зарницы

— Как ты думаешь, насколько эти твари разумны? — спросил у Габи Крис, наблюдая за одиноким бомбадулем, который забирал влево для очередного высокого захода.

Взглянув на бомбадуля, Габи нахмурилась.

— Не стоит недооценивать разумности всех тварей, какие есть в Гее. Возьми себе за правило считать, что твой враг не глупее тебя и намного подлее.

— Тогда что он там делает?

Габи похлопала по стволу позаимствованного у Робин оружия.

— Может, он уже слышал про того, которого пристрелила Робин. — Потом она снова взглянула в небо и покачала головой. — Но, думаю, настоящая причина не в этом. И мне это не нравится. Очень не нравится. — Она взглянула на Сирокко.

— Ладно. Убедила. Мне тоже это не по вкусу. Крис посмотрел на одну, затем на другую, но обе молчали.

А бомбадуль продолжал кружить наверху.

Казалось, он чего-то ожидает. Но чего? Время от времени залпами по три-четыре десятка с неба обрушивались стрелы пескодухов. Выпущенные почти вертикально, стрелы, достигая земли, практически теряли свою смертоносную скорость. Одна угодила Менестрелю в заднюю ногу и сантиметров на пять-шесть проникла в мышцу. Рана получилась довольно болезненная, но стрелу с легкостью извлекли, поскольку она не была зазубрена. Заградительный огонь, похоже, был рассчитан всего лишь на то, чтобы удержать их на месте, нежели на нечто более серьезное. Крис где-то читал, что на войне миллионы залпов расходовались именно на эту цель.

Но, если духи хотели удержать отряд на месте, тому должна была быть своя причина. Либо они готовили какой-то сюрприз, либо на подходе были главные силы. В любом случае, прикидывал Крис, логичным решением выглядел бы бросок к тросу. Они бы давно его предприняли — не кружи над головой бомбадуль.

— А вы не думаете, что пескодухи и бомбадули действуют заодно? — спросил он.

Габи взглянула на него и помедлила с ответом.

— Сильно сомневаюсь, — наконец сказала она. — Насколько мне известно, духи никогда не

сотрудничали ни с кем, кроме других духов. Да и то не особенно. — Но когда она опять взглянула в небо, то, похоже, задумалась. Поглаживая рукоятку пистолета Робин, она наводила его на далекую мишень, держа ее в поле зрения и приманивая негромким умасливающим шепотком.

— Стрельба прекратилась, — сказала Валья. Крис уже несколько минут назад это заметил, но не решался сказать из страха, что по закону подлости заградительный огонь начнется снова. Впрочем, все было верно — целых полчаса с тех пор, как они вырыли себе братскую могилу, стрелы прилетали с интервалами в одну-две минуты. А теперь их давно уже не было.

— Может, я пессимистка, — сказала Габи, — но мне почему-то и это не нравится.

— Может, они ушли? — отважился Менестрель.

— А может, я недоношенная титанида?

Крис больше не мог сдерживаться. Уже не было нужды без конца напоминать себе, что Габи и Сирокко гораздо старше, мудрее и опытнее в таких делах, чем он.

— По-моему, надо сделать бросок, — сказал он. — Менестрель уже ранен. Если мы станем дожидаться, пока они снова начнут стрелять,

может выйти еще круче. — Он подождал, но все молча на него смотрели. Тогда Крис бросился на приступ очертя голову: — Может, мне только кажется — но этот бомбадуль явно чего-то ожидает. Скорее всего — подкреплений.

Крис рассчитывал, что Фея хоть на это откликнется. Ведь никаких оснований так думать, кроме прошлой сбалансированной атаки бомбадулей, когда погиб Псалтерион, у него не было.

Но, к вящему его удивлению, Габи и Сирокко лишь недоуменно переглянулись. И тут Крис понял, что даже Фея обладает лишь определенной базой данных и предугадать, что в следующий раз обрушит на нее Гея, не способна. Так что ожидать можно было чего угодно, и даже хорошо знакомые вещи здесь могли перемениться в одночасье, если бы Гея создала бы себе новые игрушки и изменила правила, по которым действовали старые.

— Помни, Рокки, ведь это говорит великий счастливчик, — заметила Габи.

— Помню, помню. Я не собираюсь сбрасывать со счета его интуицию. Тем более в такую минуту. Мне и самой-то сказать уже почти нечего. Да, очень возможно, что этот выродок наверху чего-то дожидается. Но, черт побери, как бы стре-

мительно мы ни рванули, у него хватит времени минимум на один заход. А земля там гладкая как блин.

— Я медленнее бежать не буду, — сообщил Менестрель.

— А я позабочусь о Робин, — сказала Фанфара.

— Титаниды проклятые! — в сердцах крикнула Сирокко. — Да ведь вам-то в первую очередь беда и грозит! Я-то за пару секунд в песок зароюсь, а когда ваш народ валится, так задница на полтора метра торчит!

— И все-таки я бы решился на пробежку, — сказал Менестрель.

— Мало радости лежать здесь и ждать, пока из тебя сделают подушечку для булавок.

Крис уже начал думать, что никакого решения так и не последует, ибо Сирокко, оказавшись лицом к лицу с двумя неутешительными альтернативами, вдруг потеряла всю уверенность, какую было обрела за время похода. И если уж на то пошло, то он и не считал, что лидерство было ее сильным местом. А Габи нужно было время, чтобы заставить себя принять ту роль, которая по большей части вызывала у нее отвращение. Робин лежала парализованная, а титаниды никогда не проявляли склонности обсуждать ни команды

Габи, ни команды Сирокко.

Что же касалось самого Криса, то он ни разу не был капитаном ни одной из детских спортивных команд. А в его перенасыщенной проблемами взрослой жизни никому и в голову не приходило просить его стать лидером. Но теперь побуждение взять власть в свои руки росло в нем. Крис начал думать, что, если в ближайшее время все не разрешится, настанет его черед.

И вдруг, буквально в один миг, все разрешилось само собой. Раздался оглушительный взрыв — будто молния ударила метрах в десяти от группы — и за ним последовал гулкий удаляющийся рев бомбадуля.

Все машинально припали к земле. Когда Крис отважился поднять голову, то увидел бесшумное приближение еще трех бомбадулей, плавно скользивших над вершиной дюны. Переливчатые твари казались нереальными в искаженном тепловыми токами воздухе. Прижавшись щекой к песку, Крис продолжал следить, пока бомбадули из перечеркнутых линиями точек превращались в жадные пасти с огромными крыльями. Крылья были слегка выгнуты — так что спереди бомбадули казались замершими в полете черными летучими мышами.

Они пролетели мимо на высоте пятидесяти метров. Крис заметил, как один бомбадуль что-то уронил. Это что-то оказалось цилиндрическим предметом, который, покрутившись в воздухе, приземлился на противоположном склоне дюны, слева от путников. Когда оттуда взлетел фонтан огня, Крис сразу почувствовал его жар.

— Нас бомбят! — выкрикнула Сирокко и привстала. Габи пыталась стянуть ее обратно, но она упорно указывала на третью стаю бомбадулей, залетающую с северо-востока. Для тактики тарана они были слишком высоко, но как раз перед тем, как оказаться над головами путников, бомбадули чуть-чуть приподнялись, показывая иссиня-черные брюшки с подтянутыми ногами-шасси, — и сбросили новую партию смертоносных яиц. Менестрель присоединился к Габи, чтобы стянуть Сирокко вниз в тот самый момент, когда бомбы взорвались, осыпая распростертые тела песчаным душем.

— Ты был прав! — крикнула Габи через плечо, вскакивая на ноги. Криса это не очень утешило. Он встал, повернулся в поисках Вальи — и оказался на спине титаниды раньше, чем понял, что происходит.

— К тросу! — выкрикнула Валья. Когда она бе-

шено рванула вперед, Крис чуть не выронил свой водяной пистолет. Потом, оглянувшись через плечо, он увидел реку пламени, бежавшую по склону дюны позади них, а из нее выскакивали все исчадья ада.

Казалось, там многие их сотни, и большинство было объято пламенем. Пескодухи представились потрясенному разуму Криса спутанными клубками щупалец, какими-то беспорядочными узлами. Ничего даже отдаленно похожего Крис никогда не видел. Размером каждый дух был с крупного пса. Они семенили как крабы и так же стремительно, причем все разом и без всяких команд. Духи были прозрачны, как и пламя, так что, пылая, они превращались в корчащиеся комки яростного света, что не отбрасывал тени. В ушах у Криса зазвенело от почти ультразвукового верещания и металлических щелчков — будто охлаждалось раскаленное докрасна железо.

— Хороша была бомбежка, — прокричала Габи, внезапно появляясь справа верхом на Фанфаре. На руках у титаниды покоилась Робин. — Просто не верится, что бомбадули сговорились с пескодухами.

— Может ты считаешь, что они на нашей стороне? — ядовито спросил Крис.

— Нет, конечно. Есть у тебя мысли, что делать дальше? — Она указала в небо, и Крис увидел, как две стаи бомбадулей примериваются на очередной заход.

— По-моему, надо бежать, — сказала Валья раньше Криса. — Похоже, они еще не очень навострились бросать бомбы. Им предоставились два прекрасных шанса, пока мы были беспомощны, а они оба раза смазали.

Менестрель с Феей подстроился под ход двух других титанид и теперь мчался галопом бок о бок с ними.

— Хорошо. Но они могут изменить тактику и пойти на низкий заход, тогда падайте на землю. А если придется бежать, не бегите по прямой. И немного рассейтесь. Большее количество мишеней собьет их с толку.

Титаниды привели приказы в действие. Валья зигзагами продвигалась к тросу. Это сильно отличалось от ее обычного, почти не требующего усилий скольжения. Крис держался как мог. Когда бомбадули сгруппировались для очередного налета, титанида удвоила усилия, посылая по сторонам мощные струи песка и вспенивая его копытами при каждом крутом повороте.

— Идут высоко, — сообщил ей Крис.

— Хорошо. Я продолжу…

— Повернись к ним! — крикнул он. Валья мгновенно повиновалась, и Крис пригнулся, когда над головой у него проплыли три бомбадуля — казалось, так близко, что, протяни руку, и достанешь. Тем не менее, они шли в тех же пятидесяти метрах над землей. Крис понял, что был прав. Инерция упавшей неподалеку бомбы все же могла забрызгать их жидким огнем. В ушах у него звенело, но главная сила адских приспособлений все-таки была в действии поджигательном, а не взрывном.

— Это напалм, — прокричала Сирокко, когда зигзаги трасс Вальи и Менестреля на мгновение сблизились. — Нельзя, чтобы он попал на тело. Иначе прилипает и горит.

Крису и так не хотелось, чтобы эта гадость на него попала — липкая она или нет. Он так и хотел сказать — но тут Валья вдруг взвизгнула и споткнулась.

Криса подбросило вперед к ее спине. Ударившись подбородком, он громко щелкнул зубами. Потом сел ровно, сплюнул кровь и заглянул Валье за плечо. Вокруг ее левой передней ноги обвились стеклистые щупальца. Они казались слишком эфемерными, чтобы рвать плоть титаниды и

тянуть ее вниз, в песок. И тем не менее это происходило. Она уже погрузилась по колено.

Рука Криса будто сама собой выхватила пистолет и пустила в пескодуха струю воды. Тот отпустил Валью, подался на полметра назад и принялся трястись. Крис решил было, что твари конец.

— Вода ему не вредит! — крикнула Валья и взялась колотить духа дубинкой. Два оторвавшихся щупальца какое-то время корчились сами по себе, прежде чем исчезнуть в песке. — Он ее стряхивает!

Теперь Крис видел и сам. Раненый дух тем не менее снова взялся за Валью. Не иначе, как целое гнездо стеклистых змей. Где-то неподалеку от центра гнезда, не закрепленный в определенной точке, располагался крупный розовый кристалл, который вполне мог быть глазом. Пескодух скорее напоминал какую-то беспозвоночную морскую химеру, чем сухопутное существо, и все же у него была гибкая сила кнута.

Валья встала на дыбы, и Крис удержался, только вцепившись ей в волосы. Титанида, казалось, и не заметила. Она обрушилась на тварь копытами передних ног, снова встала на дыбы и повторила маневр, а затем прыгнула прямо на корчащиеся

останки и так крепко влепила по ним задними ногами, что куски все еще летели вверх, когда она уже мчалась дальше.

Крис поднял глаза — а в небе было черно от бомбадулей.

На самом деле их там сновало штук двадцать-тридцать, но и одного было бы достаточно. Их пульсирующие выхлопы, казалось, сотрясают все вокруг.

Следующее, что понял Крис, — это что Валья стоит перед ним на коленях, тряся его за плечи. В ушах дико звенело. Крис заметил, что волосы Вальи с одного боку опалены, а левая рука и левая сторона лица кровоточат. Желтая ее кожа почти не проглядывала под слоем налипшего песка.

— Ты не так уж и кровоточишь, — сказала Валья, побуждая его опустить взгляд и увидеть красноту под обрывками его одежды. Одна штанина дымилась, и он стал по ней быстро шлепать ладонью. — Ты меня понимаешь? Слышишь меня?

Крис кивнул, хотя и еле-еле. Валья снова подняла его к *себе* на спину, и Крис с трудом стал шарить ногами, стараясь получше ее оседлать. Когда вроде бы получилось, Валья двинулась дальше.

До первой жилы троса оставалась какая-то сотня метров. Незадолго перед прибытием Крис расслышал перемену в стуке Вальиных копыт. Вместо глухих ударов о глубокий песок теперь, когда они достигли твердого камня, слышалось приятное сердцу постукивание. Вскоре Крис уже смог коснуться массивной жилы рукой. Валья развернулась, и они стали вглядываться в безбрежное море пустыни. Нигде ни следа ни Сирокко и Менестреля, ни Габи, Фанфары или Робин. Хотя где-то вдалеке ревели воздушно-реактивные двигатели, не видно было и бомбадулей.

— Вон там, — сказала Валья. — К востоку.

Там, на песке, творилась какая-то суматоха. Множество духов изменчивым облаком сновали над чем-то, лежащим недвижно.

— Это Фанфара, — тихо сказала Валья.

— Нет. Не может быть.

— Но это так. А вон там, справа от останков, боюсь, это наша спутница Робин.

Из-за наклонной жилы троса в поле зрения появилась низенькая фигурка. Она была метрах в трехстах-четырехстах от них. Крис увидел, как она остановилась невдалеке от кровавой бойни. Присела на корточки. Приложила ладони ко рту, затем выпрямилась. Крис был уверен, что ее

дальнейшие намерения ему ясны.

— Робин! Робин, не надо! — закричал он. Видно было, как она остановилась и стала оглядываться.

— Слишком поздно, — поддержала его Валья. — Она уже не жива. Иди к нам. — Она повернулась к Крису. — Я сбегаю подберу ее.

Крис крепко сжал ее запястье.

— Нет. Подожди ее здесь. — Слова эти показались ему чудовищно негеройскими, но ничего он тут поделать не мог. Перед глазами у Криса все еще стояли щупальца духа, тянущие Валью в песок. Потом он взглянул на ее ноги и похолодел.

— У тебя же…

— Не так скверно, как кажется, — успокоила его Валья. — Порезы неглубокие. В основном.

Но выглядело все это просто ужасно. Левую ногу Вальи сплошь покрывала подсыхающая кровь, а по крайней мере один из порезов оторвал целый пласт кожи. Крис беспомощно отвернулся. Робин бежала к ним. Бежала она нетвердо, руки и ноги летели сами по себе. Крис выбежал ее встретить — и сразу поспешил назад, поддерживая девушку за плечо. Задыхаясь, Робин рухнула на каменный пол. Говорить она не могла — только цеплялась пальцами за твердую поверхность, словно та бы-

ла ее старой подругой. Крис перевернул девушку на спину и взял за руку. Она была без мизинца.

— Мы уже были здесь, — сумела, наконец, выговорить Робин. — Здесь, под… тросом. А потом Габи увидела бомбадуля, и… и он шел на низкий заход. Первый раз за… за все время. И она его пристрелила! Из бомбадуля что-то вылетело с парашютом… и она бросилась туда. А вода их не убивала! Они появились прямо перед нами, и… и…

— Я знаю, — утешал Крис. — Мы тоже видели.

— … А потом Фанфара побежала искать Габи и… меня не взяла. Я не могла двигаться! Но я двинулась… я встала и пошла… за ней. Она там лежала… а потом вы меня позвали… а Габи все еще где-то там. Нам надо ее найти, надо…

— И Сирокко с Менестрелем куда-то пропали, — сказал Крис. — Но они тоже могут быть под тросом. Ты, наверное, вошла под трос западнее нас. Сирокко тоже могла войти с другой стороны. Мы… Валья, сколько я был в отрубе?

Титанида помрачнела.

— Мы тоже уже были под тросом, — сказала она. — Мы были в безопасности, но затем увидели Габи. Она бежала одна. Мы побежали ей помочь — тут-то нас чуть и не пришибло. Кажется, я и

сама ненадолго забылась.

— Ни черта не помню.

— Прошло, наверное, декаоборотов пять… или тридцать минут — с тех пор, как началась бомбежка.

— Значит, у Сирокко была куча времени, чтобы добраться до троса. Надо вначале обыскать наружные жилы троса. — Крис не стал добавлять, что тот, кто до сих пор остался в песках, наверняка уже мертв.

Все чувствовали, что надо спешить, — и в то же время трудно было выбраться из таким трудом обретенного убежища. Тогда решили потратить некоторое время на осмотр ран. Робин досталось меньше всех, да и у Криса не было ничего такого, что за несколько дней не вылечила бы обычная перевязка. А вот с Вальей пришлось повозиться. Когда разодранную ногу перевязали, титанида явно не стремилась особенно ее нагружать.

— Ну, как вы думаете? — спросил у них Крис. — Кто-то вполне может оказаться с другой стороны вот этой самой жилы, глядя в сторону песков и стараясь нас там высмотреть.

— Мы могли бы разделиться, — предложила Робин. — Они должны быть где-то у самого края. И мы пошли бы с обеих сторон.

Крис пожевал губу.

— Не знаю, не знаю. Во всех фильмах, которые я видел, такое разделение всегда приводило к большой беде.

— Ты что, свою тактику на фильмах основываешь?

— А на чем мне еще ее основывать? Может ты в таких делах большая специалистка?

— Честно говоря, нет, — признала Робин. — Нам давали подготовку для нескольких видов вторжения, но я не вижу, как ее здесь применить.

— Разделяться нельзя, — отрезала Валья. — Разделение порождает уязвимость.

Время для выработки решения вдруг вышло само самой. Робин, оглядывая пустыню, увидела появившуюся на вершине дюны Габи. Габи неслась длинными, свободными прыжками, которые давно уже перестали казаться странными Крису. Теперь он так хорошо изучил этот способ передвижения, что мог сказать: Габи страшно устала. Она слегка клонилась вбок, будто старалась не порвать там шов.

Расстояние постепенно сокращалось. Когда их уже разделяло полкилометра, Габи замахала рукой и что-то крикнула — но никто ее не расслышал.

И она тоже их не слышала, когда все трое начали бешено вопить, пытаясь предупредить ее о приближающейся сзади смертельной угрозе.

Первой вперед рванула Валья. Крис припустил следом, но титанида быстро от него оторвалась. Она была все еще в 300 метров от Габи, когда бомбадуль повел носом вверх — и сбросил свой смертоносный груз. Крис в ужасе смотрел, как яйцо бултыхается в воздухе, а его ноги сами колотили по песку. Бомба упала как раз перед Габи. Она стремительно промчалась сквозь столб огня, вся объятая пламенем.

Крис видел, как она пытается сбить пламя ладонями, слышал ее вопль. Габи уже не знала, куда бежит. Валья попыталась схватить ее, но промахнулась. Крис не раздумывал. В нос ему ударил запах горящих волос и мяса, когда он ударил ее плечом и сбил на землю; пока Валья держала ее, пока Габи билась и кричала, Крис горстями бросал на нее песок. Они перекатывали ее как рулон бумаги и не замечали, что сами обжигаются.

— Мы же ее задушим! — крикнул Крис, когда Валья всем телом навалилась на Габи.

— Надо потушить огонь, — ответила титанида.

Когда Габи перестала биться, Валья легко вскинула ее вверх и прихватила Криса, чуть не вырвав

ему руку из сустава. Он буквально взлетел ей на спину — и Валья ринулась к тросу, держа Габи, мертвую или без сознания, у себя на руках. Невдалеке от той самой жилы троса, откуда они наблюдали за началом трагедии, они столкнулись с Робин. Крис поймал девушку за руку и усадил у себя за спиной. Валья не сбавляла ходу, пока ее копыта снова не застучали по твердому камню.

Она уже собиралась уложить Габи на землю — но затем обернулась и увидела, как к тросу подлетает еще один бомбадуль. Невероятно, но этот на полной скорости летел прямо на трос — и курс его был таков, чтобы сбросить бомбы там, где остановилась Валья. Когда он вздернул нос, чтобы их выпустить — одновременно раздался страшный рев его двигателя, резко набиравшего полные обороты, чтобы уйти вверх и спастись, — Валья рванулась еще глубже в быстро мрачнеющий лабиринт монолитных жил троса.

Позади послышались взрывы. Невозможно было разобрать, который из них оповещает о гибели бомба-дуля. Валья не сбавляла ход. Она неслась все глубже и глубже в лес жил — и помедлила только тогда, когда темнота стала сгущаться почти в кромешный мрак.

— Они еще летят, — сказал. Крис. Никогда он не чувствовал такой безнадежности. Позади них, силуэтами на фоне видимого между жил тонкого клинышка неба, скользили черные двояковыпуклые линзы, какими спереди представлялись бомбадули. Крис насчитал пять штук, зная, что на самом деле их больше. Один вильнул вправо, другой влево — все они на самоубийственной скорости старались прорваться между жил. Раздался далекий взрыв, затем уже ближе, и один бомбадуль проревел прямо над головой. В темноте было особенно заметно голубое пламя его выхлопа.

Впереди раздался чудовищный взрыв, и вся внутренность троса вдруг запылала оранжевым. Тени плясали в такт с невидимыми языками пламени; затем, на краткий миг, Крис увидел, как сверху валится разбитое тело бомбадуля. Валья неслась дальше.

Вторая тварь появилась позади, и беглецы услышали, как третья врезается в жилу троса. В сотне метров от них горящий напалм стекал по жиле, будто воск по свече, расплескиваясь внизу. Впереди рванула еще одна партия бомб.

Сотрясение начало доходить до крупных камней и других массивных обломков, лежавших

наверху. Валун размером с Валью, высекая целые фейерверки искр, рухнул в двадцати метрах перед беглецами. Только Валья его обогнула, как послышался взрыв еще одного бомбадуля, за которым стремительно последовали еще два. Все это пунктиром сопровождали рвущиеся бомбы.

Валья не останавливалась, пока не заметила прозрачное строение. Это был вход на лестницу регионального мозга Тефиды. Она уперлась, не желая туда входить. Пока что лишь страх перед бомбадулями гнал ее вперед — сюда, в то место, которого ее раса традиционно избегала.

— Мы должны туда войти, — понукал ее Крис. — Здесь все рассыпается. Если нас не прикончат бомбадули, так непременно придавит какой-нибудь валун.

— Да, но…

— Валья, делай, как я велю. Пойми, ведь это я, Фартовый Мажор, с тобой разговариваю. Неужели ты думаешь, что я толкну тебя на что-то, что будет тебе во вред?

Валья еще секунду поколебалась, а затем протрусила через арочный проход. Дальше по каменному полу до начала пятикилометровой лестницы.

И титанида спустилась вниз.

ГЛАВА XXXII
Пропавшая армия

Огни напалма давно уже стекли и потухли, когда Сирокко, пешком, принялась огибать громадный трос. Менестрель следовал позади. Титаниде приходилось пользоваться только тремя ногами. Правая задняя была подвязана к туловищу. Нижний ее сустав был раздроблен.

Следы баталии были и на теле Сирокко. На голове у нее красовалась повязка, полностью закрывающая один глаз, лицо в крови, правая рука висела на перевязи, два пальца сильно распухли.

Они брели по твердому камню, окружающему основание троса, не отваживаясь выйти на пески. Последние пескодухи, которые им попались, уже носили на себе невесть какую чертовщину, позволившую им не бояться воды и не на шутку бороться с людьми и титанидами. Сирокко рисковать не хотела. Один дух, которого она прикончила, перед самой смертью сбросил с себя прозрачную и эластичную кожу. Не иначе, полихлорвинил.

Тут Сирокко заметила что-то, лежащее на песке, и протянула руку. Менестрель передал ей бинокль, который Фея неловко приложила к здоровому глазу. Это была Фанфара. Уверенность в том, что это она, придавали только оставшиеся нетронутыми небольшие клочки зеленой с коричневым шкуры. Сирокко отвернулась.

— Боюсь, никогда ей уже не увидеть Офиона, — пропел Менестрель.

— Она была славная, — пропела Сирокко, просто не зная, что сказать. — Но я плохо ее знала. Мы потом о ней споем.

Кроме единственного тела, там еще виднелись следы жуткого побоища. На песке было несколько больших черных пятен, но уже теперь неустанные дюны надвигались на них, а поднявшийся ветер сыпал песчинку за песчинкой на труп титаниды.

Сирокко ожидала худшего. Возможно, они мертвы, но пока она не увидит трупы, она в это не поверит.

Их теснили к востоку, а бегство становилось все более беспорядочным. Менестрель снова и снова пытался держаться поближе к двум другим титанидам, но всякий раз натыкался на очередную засаду водонепроницаемых духов. Только

и оставалось, что бежать. Атаки были столь настойчивы, что Сирокко показалось, будто духи охотятся именно за ней. Тогда, рассудив, что, отвлекая их на себя, она таким образом ослабит напор на своих друзей, Фея велела Менестрелю как можно быстрее бежать вокруг троса к востоку. Но за ними погнался лишь одинокий бомбадуль, который, впрочем, чуть их не прикончил. Бомба легла так близко, что обоих подбросило в воздух и швырнуло на одну из жил троса.

К тому времени стало ясно, что Сирокко ошиблась. Пескодухи охотились не только за ней; даже напротив — они за ней не последовали, и бомбадули тоже — если не считать того единственного, который их ранил. С болью в душе стали они с Менестрелем искать убежища среди жил троса и прислушиваться к далеким отзвукам сражения — беспомощные, неспособные хоть как-то помочь своим друзьям. Сперва им следовало позаботиться о своих ранах.

Сирокко собралась было двинуться дальше, но Менестрель позвал ее. Он внимательно разглядывал твердую каменную поверхность.

— Один из наших здесь побывал, — пропел он, указывая на параллельные царапины, которые могли быть оставлены только твердым, прозрач-

ным кератином титанидских копыт.

— Значит, Валья сюда добралась, — сказала Сирокко по-английски. — И по крайней мере один из наших. — Приложив свободную руку ко рту, она крикнула во тьму. Эхо замерло, и больше ничего они не услышали. — Идем. Надо войти внутрь и разыскать их.

Чем глубже заходили они во тьму, тем чаще им попадались громадные, неправильной формы глыбы, которые порой загораживали путь. Менестрель зажег лампаду. При ее свете Сирокко увидела множество попадавших сверху обломков. Жилы поднимались по меньшей мере на десять километров, прежде чем начинали свиваться в единое целое — в трос Тефиды. Фея знала, что в этом лабиринте существует своя собственная сложная экология — растения, укореняющиеся в жилах троса, и животные, которые вверх и вниз по ним снуют.

Сирокко пробиралась через завалы, сознавая, что под любой из этих массивных груд могут покоиться четверо ее друзей. И все же время от времени Менестрель кричал ей, что нашел еще один след от копыта. Вдвоем они заходили все глубже и глубже, пока не наткнулись на особенно грандиозный каменный завал. Сирокко знала,

что под тросом находится самый центр. Она бывала здесь и раньше и знала, что в этом месте должно находится прозрачное строение-вестибюль. Теперь же здесь лежали одни руины, да еще, в центре большого выжженного пятна, исковерканные трупы трех бомбадулей. От тварей только и осталось, что металл и почерневшие стальные зубы.

— Вошли они туда? — спросила Сирокко. Менестрель пригнулся, чтобы при свете лампады получше осмотреть землю.

— Трудно сказать. Есть надежда, что они успели забежать в здание, прежде чем оно рухнуло.

У Сирокко перевела дыхание. Взяв у Менестреля лампаду, она подошла к груде руин. Затем осторожно вскарабкалась на несколько шагов, пока сломанная рука и головокружение все же не пересилили. Пришлось сдаться. Она спустилась обратно. Посидела какое-то время, тяжело вздохнула, а потом встала и, подбирая небольшие камни, стала отбрасывать их в темноту.

— Что ты делаешь? — спросил Менестрель, когда прошло уже несколько минут, а Фея все не прекращала своего занятия.

— Копаю.

Менестрель наблюдал за ней. Камни попа-

дались самые разные — от мелких размером с кулак до валунов весом в несколько сотен килограммов, которые они вдвоем, пожалуй, могли бы сдвинуть. Но основную массу груды все же составляли такие громадины, которые впору было использовать как строительные блоки для возведения египетских пирамид. Наконец, Менестрель подошел и тронул ее за плечо.

— Рокки, бесполезно. Ты тут ничего не поделаешь.

— Я должна. И сделаю.

— Это слишком…

— Черт возьми, ты что, не понимаешь? Там же Габи! Дрожа, она опустилась на колени. Менестрель стоял рядом, и Сирокко, рыдая, прижалась к нему.

Когда же она снова взяла себя в руки, то высвободилась из его объятий и встала. Глаза ее пылали такой целеустремленностью, какой Менестрель уже давно не видел у Феи Титана. Она положила руки ему на плечи.

— Менестрель, старый мой друг, — пропела она, — во имя кровных уз, что нас связывают, я должна просить тебя о великой милости. Ради любви, которую мы оба испытывали к твоему передоотцу, я не стала бы тебя об этом просить,

если бы видела хоть какой-то другой выход.

— Приказывай, Фея, — в официальной тональности пропел Менестрель.

— Ты должен вернуться на родину. Там ты должен собрать всех, кто решит отправиться в великую пустыню, прибыть в Тефиду ради своей Феи, в час ее нужды. Собери великих небесных левиафанов. Призови Дредноута, Следопыта, Аристократа, Твердыню, Свистолета, Бомбасто, Его Честь и самого Старейшину тоже. Скажи им, что Фея вступает в войну с небесными ракетами, что она навеки сотрет эту погань с великого колеса мира. Скажи им, что в ответ на это клятвенное ручательство Фея просит их забрать всех, кого удастся, и привезти в Тефиду. Сделаешь ты это ради меня, Менестрель?

— Сделаю, Фея. Но боюсь, не столь многие из моего народа прибудут. Тефида далека, путь полон опасностей, и мой народ боится этих мест. Мы считаем, что Гея не заповедала нам сюда приходить.

— Тогда скажи им вот что. Скажи, что каждый, кто явится, будет вознагражден ребенком на следующем Карнавале. Скажи, что, если они мне помогут, я устрою им такой Карнавал, о каком их потомки будут петь еще тысячу мегаоборотов. —

Она перешла на английский. — Как ты думаешь, это их привлечет?

Менестрель пожал плечами и ответил на том же языке.

— Привлечет. Но не больше, чем смогут поднять пузыри.

Хлопнув титаниду по плечу, Сирокко попыталась помочь Менестрелю подняться. Вставал он медленно. Она постояла, глядя на него, затем потянулась поцеловать.

— Я буду ждать здесь, — пропела она. — Знаешь ты свист великого бедствия, чтобы призвать небесных левиафанов?

— Знаю.

— Один из них скоро тебя заберет. А до тех пор будь все время начеку. Доберись без приключений и возвращайся со многими работниками. Вели им захватить веревки, блоки и прочие снасти, лучшие лебедки, кирки и молоты.

— Я все сделаю. — Менестрель опустил взгляд. — Рокки, — вдруг спросил он, — ты думаешь, они живы?

— Я думаю, что есть надежда. Если они заперты там, внизу, Габи знает, что делать. Она знает, что меня ничто не остановит, что я их оттуда вызволю. Она прикажет остальным держаться на

верху лестницы. Отправляться к Тефиде без меня слишком опасно.

— Как скажешь, Рокки.

— Да, таково мое слово. А теперь иди, сынок.

ГЛАВА XXXIII
Зачинщица

— Это был Джин, — хрипло прошептала Габи. — Я сначала глазам своим не поверила. Но это был Джин. Он выпрыгнул из бомбадуля, прежде чем тот звезданулся.

— Габи, тебе нельзя волноваться, — сказал Крис.

— Ладно. Я немного посплю. Но я хотела сначала рассказать.

Робин никак не могла определить, сколько времени они уже находятся на лестнице. Хорошенько прикинув, она решила что вполне могли пройти сутки. Она уже раз заснула, но почти сразу проснулась от Габиных криков.

Робин с трудом могла на нее смотреть. Они сняли с Габи все, что осталось от одежды, и положили ее на два спальных мешка. В аптечке у Вальи были тюбики с бальзамом от ожогов, но бальзам кончился задолго до того, как они успели покрыть всю обожженную кожу. Нельзя было даже тратить воду, чтобы смыть весь налипший песок, — ведь когда меха опустеют, взять воду

будет неоткуда.

Хорошо хоть, что единственная лампада, прикрученная до предела, чтобы поберечь топливо, давала так мало света. Габи сплошь покрывали ожоги второй и третьей степени, смотреть на которые было больно. Весь правый бок и большая часть спины обуглились дочерна. Когда она ворочалась, кожа трескалась, и из разрывов сочилась прозрачная жидкость. Габи утверждала, что ничего там не чувствует; Робин понимала, что это означает основательное разрушение нервов. Но багровые участки вокруг этих тяжких повреждений страшно мучили Габи. Забывшись на несколько минут, она возвращалась к мучительной реальности с хриплыми воплями, что рвали ей горло и терзали душу Робин. Тогда она обычно просила воды, и ей давали несколько глотков.

Но теперь Габи казалась спокойнее, не так мучилась, так как сознавала, что вокруг нее друзья. Лежа на боку с подтянутыми к животу ногами и пристроив голову на коленях у Вальи, Габи рассказывала о последних минутах перед своим жертвоприношением.

— Это было его рук дело. Он связался с бомбадулями — они, между прочим, чертовски разумны. Он связался и с духами. Но ведь они с чужаками

компанию не заводят. Мы оба это знали, и он попытался скрыть от меня, как он добился их содействия. Я убедила его рассказать. — Габи улыбнулась — жуткая улыбка на пол-лица.

— В одном я склонна ему доверять. Этот трюк с духами совершенно меня огорошил. Оказывается, Джин одел ублюдков в пластик. Он пропускал их через распылитель с какой-то дрянью, а оттуда они направлялись прямо в бой.

Но он переоценил наше хитроумие — и сам себя одурачил. Помните, на полпути к тросу Рокки заметила, что, если бы мы сначала отправились к северу от шоссе, вернулись бы к нему, а уж потом как следует рванули бы к тросу, то вышло бы меньше пути по глубоким пескам? Так вот. Если бы мы так поступили, то нарвались бы на засаду. Джин расположил свою водонепроницаемую армию между дорогой и тросом, а эскадрилья бомбадулей притаилась в северных горах, чтобы разбомбить нас к чертям собачьим, когда нас прихватят духи. А там, куда мы двинулись, у него были лишь малые силы, к тому же не водонепроницаемые. Джин сказал, что пластик долго не держится, стирается песком, а распылитель у него имелся только один. И поместить его он вынужден был неподалеку от своих главных сил.

Она закашлялась, и Робин предложила ей еще воды, но Габи помотала головой.

— Это добро придется растягивать, — сказала она. Казалось, Габи устала от долгого рассказа, и Крис еще раз предложил ей отдохнуть.

— Сначала надо рассказать, — сказала она. — Где я остановилась. Ах да. Ты был прав, Крис. Мы остановились перед пескодухами, а потом вообще залегли, когда появился тот бомбадуль. В нем сидел Джин. Он нас искал, а когда увидел, то связался с главными силами, чтобы те подходили. Если бы мы рванули сразу, то оказались бы под тросом раньше, чем пехота или воздушные силы до нас добрались. Не думаю, что Джин стал бы рисковать собственной шеей, чтобы лично атаковать нас с воздуха. Может, я и ошибаюсь. Мотив у него был крайне серьезный.

Он охотился за мной, — сказала Габи и снова закашлялась. Но, как только кашель унялся, она продолжила: — Вся эта история и почти все наши беды в пути были связаны с тем, что Джин пытался меня убить. Пескодухи и бомбадули имели приказы атаковать в первую очередь меня, а потом, если получится, остальных. Сирокко было приказано не трогать, но, подозреваю, у Джина на этот счет были свои соображения.

— В каком смысле? — спросила Робин. — Он что, тоже действовал по приказу?

— Да, — ответила Габи. — Чертовски верно. И об этом он ни в какую не хотел мне рассказывать. Я пообещала ему, что буду отрезать от него по кусочку и следить, чтобы он прожил не меньше суток. Для вящей убедительности несколько кусочков пришлось отрезать.

Робин нервно сглотнула. Она думала, что и сама не чужда насилию, но его уровень в последних событиях ее потряс. Расквашенные носы, сломанные ребра и даже смерть были ей известны, однако настоящая война оставалась лишь преданием давно покинутой Земли. Робин сомневалась, способна ли она была сделать то, о чем рассказывала Габи. Она вполне могла бы перерезать тому Джину горло или всадить ему нож в сердце. Пытка была ей незнакома, но все же она ощущала глубокий поток лютой ненависти, текущий в Габи, источником которого был тот мужчина, Джин. И снова она почувствовала чудовищную пропасть между своими девятнадцатью годами в Ковене и Габиными семьюдесятью пятью на громадном колесе.

— Так кто же это был? — допытывался Крис. — Океан? Тефида?

— Я очень хотела, чтобы это оказался Океан, — ответила Габи. — Хотя и мало в это верила. Нет, Джин получал приказы непосредственно от той, кого я все время подозревала. Сама Гея велела ему убить меня и пощадить Сирокко. Вот почему, когда погиб Псалтерион, я не сдержалась и крикнула, что это ее рук дело. Думаю, она услышала меня и велела Джину удвоить усилия. Она предоставила в его руки источник напалма и взрывчатки.

— Так за тем нападением тоже стоял Джин?

— А вы помните, как все вышло? Крис заметил бомбадуля и столкнул меня с Псалтериона. Не сделай он этого, мы оба уже были бы мертвы. После этого Джину пришлось сделать так, чтобы это выглядело атакой на весь отряд, чтобы Рокки не знала, что охота ведется за мной. — Она снова закашлялась, затем схватила Криса за рубашку и с истерической силой приподнялась.

— Именно это вы и должны сказать Рокки, когда она сюда доберется. Она должна знать, что все это проделала Гея. Если я усну, когда она здесь окажется, первым делом скажите ей это. Обещайте мне. Если я буду в бреду или уже не смогу говорить, вы должны ей это сказать.

— Я скажу ей, обещаю, — сказал Крис. И пере-

глянулся с Робин.

Он решил, что Габи уже в бреду, и Робин молча с ним согласилась. Сирокко скорее всего мертва, а даже если, нет, крайне сомнительно, чтобы ей удалось раскидать гору камней, завалившую вход на лестницу.

— Вы не понимаете, — пробормотала Габи, оседая назад. — Ладно, я расскажу вам, чем мы на самом деле занимались, когда делали вид, что вывели вас обоих на небольшую прогулочку в парке.

Мы замышляли свергнуть Гею.

То, чем занимались Габи и Сирокко, было скорее поиском путей и средств, чем каким-то настоящим планом. Ни одна из них вовсе не была уверена, что вообще физически возможно свергнуть Гею или что от Геи как от существа можно избавиться, не разрушая Гею как тело. То самое тело, от которого всецело зависели их собственные жизни.

Как и многое в Гее, ситуация эта имела корни в далеком прошлом. Еще лет тридцать назад у Габи уже руки чесались изменить положение вещей. Сидя рядом с ней в мерцающей темноте, Робин слушала, как Габи рассказывает о том, что она до сих пор могла доверить только Сирокко.

— Долгое время Рокки и слышать об этом не хотела, — говорила Габи. — И я ее не виню. У нее была масса причин быть довольной тем, как все здесь тогда шло. У меня, между прочим, тоже. Жизнь в Гее вовсе не казалась мне ужасной. То и дело я натыкалась на что-то, что мне не нравилось, но, черт побери, — на Земле было еще хуже. По-моему, Вселенная вообще не слишком справедлива и не особенно хороша — неважно, управляется она живым Богом или нет. Я совершенно искренне верю, что если бы христианский Бог существовал, я ненавидела бы его куда больше, чем Гею. Ей до Него далеко.

И все-таки просто потому, что с этим божеством можно поговорить, просто потому, что она действительно есть, я говорила с ней и понимала, что она несет полную ответственность за происходящее, понимала, что каждая несправедливость, каждая бессмысленная гибель есть результат сознательного решения… и мне все труднее было с этим смириться. С раком, к примеру, я смиряюсь только потому, что знаю, что он растет сам — что никто его специально не выращивает и не решает опробовать на людях. На Земле так со всем. Если случается землетрясение, ты страдаешь, залечиваешь раны, собираешь осколки и

движешься дальше — к тому, что Вселенная в следующий раз на тебя обрушит. Ты не попрекаешь Бога — по крайней мере, так делало большинство из тех, кого я знала.

Но, если правительство проводит закон, который тебе не по вкусу, ты поднимаешь хай. Ты либо решаешь сбросить ублюдков на следующих выборах, либо вознамериваешься лишить их власти другими методами. А почему? Да потому, что эти несправедливости исходят от людей, а не от безразличной Вселенной, и ты чувствуешь, что можешь с ними что-то поделать.

До меня довольно долго доходило, что и здесь все обстоит примерно так же, но, в конце концов, дошло. Препятствие заключалось в том, что я, поверите или нет, долгое время действительно думала о Гее как о богине. Так много похожего. Но ведь она не применяет никакой магии. Все, что она делает, — теоретически доступно и существам, подобным нам. Так что постепенно я отошла от представления о Гее как о богине и стала рассматривать ее примерно как муниципалитет. И, черт меня побери, удержаться от борьбы с муниципалитетом, кажется, не в моих силах. — Тут Габи снова схватил приступ кашля, и ей пришлось прерваться. Робин поднесла к ее

губам мех с водой. Габи попила, затем со слезами на глазах оглядела собственное тело. — Сами видите, куда меня эта борьба завела.

Валья нежно погладила ее по голове.

— Теперь тебе нужно отдохнуть, — сказала титанида. — Тебе нужно беречь силы.

— Хорошо, — отозвалась Габи. — Но вначале нужно все выложить. — Несколько секунд Габи тяжело дышала, и Робин увидела, как глаза ее расширились от боли. Потом она попыталась привстать, но Валья удержала ее, тщательно стараясь не касаться обожженных участков. Пока Габи переводила дикий взгляд с нее на Криса, с Криса на Валью и обратно, Робин видела, как в измученных глазах растет понимание. Когда Габи заговорила, голос ее был почти детским.

— Ведь я… я умру? Да?

— Нет, надо только…

— Да, — с титанидской прямотой в вопросах жизни и смерти подтвердила Валья. — Надежды почти не осталось.

Габи вдохнула мучительный всхлип.

— Не хочу умирать, — простонала она. Потом снова попыталась сесть. Истерика придавала ей сил, чтобы еще бороться. — Я еще не готова. Пожалуйста, не дайте мне умереть, я не хочу умирать,

я… не хочу… не дайте же мне умереть! — Тут Габи вдруг прекратила сопротивление и обмякла. Долго-долго слышались лишь ее горестные рыдания — так долго, что, когда Габи снова попыталась заговорить, речь ее сделалась неразборчивой. Робин наклонилась к самым ее губам.

— Я не хочу… умирать, — шептала Габи. И долгое время спустя, когда Робин уже решила, что она уснула: — Не знала, что бывает так больно.

Наконец она уснула.

Прошло, наверное, восемь часов, прежде чем Габи снова заговорила. Или шестнадцать — Робин не могла разобрать. Никто из них не ожидал, что она вообще проснется.

Следующие несколько часов Габи рассказывала им остаток истории. Силы ее иссякали на глазах; она уже едва могла поднять голову, чтобы глотнуть немного воды, а в этом она нуждалась все чаще и чаще, если вообще собиралась рассказывать дальше.

Из-за того, что она наглоталась огня, легкие ее теперь заполнялись слизью, и каждый выдох сопровождался бульканьем. Габи то и дело забывалась, начинала обращаться к своей матери и другим людям, давным-давно сошедшим в могилу, часто звала Сирокко. Но неизменно

возвращалась к истории своей ереси, к рассказу о своей донкихотской и абсолютно провальной миссии, что имела целью свержение деспотичной власти, распоряжавшейся ее жизнью и жизнями всех, кто был ей дорог.

Габи поведала про обиды большие и малые. Подчас это оказывалось сущей ерундой — какие-то чисто личные оскорбления — но значили они порой больше крупных несправедливостей. Рассказала о введении института «вызовов», и как в ней год от года росло отвращение к тому, как несчастных людей принуждали драться и умирать ради увеселения божества, которому страсти менее сильные уже наскучили. В подробностях рассказала об издевательском отношении Геи к Фее и титанидам, пробежала список жутких игрушек Геи: длинный и позорный перечень, кульминацией которого стали бомбадули.

И вот однажды Габи рискнула задуматься — а должно ли так быть? Раз подумав об этом, она неотвратимо привела себя к мысли: какова же альтернатива? Поначалу она ни с кем этим не делилась, даже с Сирокко. Позднее, когда у Сирокко появился повод возмущаться грязными махинациями Геи, Габи осторожно подвела ее к своему вопросу, получила отпор — и отложила

все лет на пять. Но постепенно Сирокко сама заинтересовывалась. Вначале проблема оставалась чисто теоретической: может ли некто или нечто занять место Геи? Если да, то кто или что? После долгих обсуждений они отвергли земные компьютеры; ни один из них не был достаточно сложен и велик. Всевозможные прочие решения также оставляли желать лучшего. Под конец они сузили круг возможных кандидатов до одиннадцати небесных наследников — одиннадцати живых региональных мозгов Геи.

Долгое время Сирокко намерена была этим и ограничиться. Представлялось возможным, что один из регионалов, или сразу несколько, способны взять на себя функции Геи, если той случится отдать концы. Далее с любой из возникавших возможностей автоматически возникали мириады проблем, но над ними, по крайней мере, можно было размышлять. И дальше этого Сирокко идти не собиралась. Габи не считала, что причиной тому трусость, хотя то было в худший период алкоголизма Феи Титана. Просто вторая часть проблемы казалась несущественной по сравнению с первой. Все их обсуждение имело предпосылкой отсутствие Геи. Но кто поставит себя под удар? Габи с легкостью могла наплевать

на этот вопрос, зная, что мир полон дон-кихотов и что она — одна из них. И Сирокко тоже. Только ее следовало как надо к этому подвести. Итак, она и Сирокко должны устранить Гею.

Но тогда они подошли к вопросу, который до сих пор оставался без ответа.

Как вообще можно устранить Гею?

— Честно говоря, тут я попала в тупик, — призналась Габи. — И все дело не двигалось с этой точки добрых лет семь-восемь. Рокки рада была об этом забыть, а вот я никак не могла. Все это время рассудок давил на меня, напоминая, что я должна что-то сделать. Единственное, что пришло мне в голову… пожалуй, я в этом признаюсь — сейчас самое время для исповеди. Сама я никогда об этом не думала — мне явился уже готовый ответ. Я поняла, что Рокки способна что-то изобрести. Так что моей задачей стало придумать, как заинтересовать ее. От меня требовалось представить дело так, чтобы оно не выглядело невыполнимым. И тогда я принялась донимать Рокки этим самым экскурсом по регионалам. Я несколько лет ее доставала, она почти перестала со мной разговаривать — такой я стала занудой. Но я добилась своего — потому что Рокки не больше моего нравилось все то, о чем я вам рас-

сказала; просто ее труднее расшевелить. В конце концов она сдалась.

И мы использовали вас, ребята. Я уже сказала, что это исповедь, правда? Хотя мы не считали, что подвергаем вас опасности более серьезной, чем та, в какой вы могли бы оказаться. Но мы ошибались. Останься вы сами по себе, опасность была бы куда меньше. Потому что Гея то ли что-то прослышала, то ли просто ей надоело видеть, что я сама себе госпожа. Может статься, ей была невыносима мысль о том, что кого-то она тут не держит ни за одну ниточку. Ее единственная власть надо мной состояла в поддержании моей молодости, но — хотите верьте, хотите нет — я противостояла ей своей готовностью отвергнуть эту милость, если условия станут слишком неприемлемыми. Думаю, я вполне могла бы состариться и с достоинством умереть. Хотя не знаю, не знаю. Боялась я этого так же, как боюсь сейчас.

Так что Рокки просто общалась с региональными мозгами, даже близко не касаясь каких-либо скользких тем. Если вы думаете, что Рокки намеревалась открыться и предложить кому-то из них голову богини на серебряном блюде, то вы спятили. Она всего лишь прощупывала их,

пытаясь вскрыть тайное недовольство. Половину из них мы однозначно исключили еще до начала, но решили, что лучше повидаться со всеми. Ведь тогда мы могли бы отговориться от Геи тем, что якобы проводим экскурс иного рода — просто выясняем настроения в регионах. — Она попыталась рассмеяться, но только закашлялась. — Гея — единственное место, где это можно проделать в буквальном смысле.

Что должна была представлять собой следующая ступень, я просто не представляю. Пока что удача нам не сопутствовала. У Реи семь пятниц на неделе, а Крий лизоблюд — хотя он сделал несколько неожиданных замечаний… а-а, да что толку? Проект завершен, и мы оказались в проигрыше. Какого черта я не настояла на том, чтобы пропустить Тефиду?

Габи провела языком по пересохшим губам, но от воды отказалась.

— Вам, ребята, она будет нужнее. Теперь понимаете, почему так важно, чтобы вы все это передали Сирокко? Что за всем этим стоял Джин и что он действовал по приказу Геи? Если Гея узнает, чем мы занимались, Рокки окажется в большой беде. Ей очень важно это узнать, чтобы она могла прикинуть, что делать дальше. Так

обещаете рассказать?

— Обещаем, Габи, — отозвалась Валья.

Габи устало кивнула и закрыла глаза. И тут же в явном беспокойстве их раскрыла. Голос был едва слышен.

— Знаете, — сказала она, — единственное, о чем я по-настоящему жалею, это то, что рядом сейчас нет Рокки. Крис, ты… хотя нет. — Она отвернулась от Криса и нашла глаза Робин. Та взяла ее за руку. — Робин, когда увидишься с Рокки, поцелуй ее за меня.

— Обязательно.

Габи опять кивнула и быстро погрузилась в сон. Вскоре дыхание ее сделалось прерывистым, а потом и вовсе прекратилось. Когда Валья попробовала выслушать сердцебиение, то уже его не нашла.

ГЛАВА XXXIV
Откровение

Вышло очень странно.

Габи не раз читала о схожести предсмертных ощущений. Те, что оказывались на грани смерти, испытывали ощущения настолько сходные, что Габи примерно знала, чего ей ожидать. Люди рассказывали о безмятежности, отсутствии боли, о достижении покоя столь сладостного и чарующего, что они спокойно могли все оценить и решить, жить им или умереть. В реальности или в галлюцинации, но многие также сообщали о нахождении вне себя и созерцании собственных тел.

Теперь она знала, о чем они говорили, — и никакие слова не могли этого описать. Чудесно, удивительно — и странно.

Ее друзья думали, что она умерла, но сама Габи знала, что пока еще жива, однако скоро умрет, потому что дышать уже перестала. Сердце остановилось, и она ожидала последнего опыта с радостью и некоторым любопытством: «Я знаю, что значит быть? Что же значит не быть?

Разрушается ли разум на части, постепенно затухает или просто отключается? Что будет? Трубы и арфы, огонь и сера, перерождение или стационарное состояние под гул холодного межгалактического водорода? Или ничто? Если так, то что такое ничто?»

Тело больше ее не обременяло. Как хорошо быть свободной, плыть во времени и пространстве, оглядываться на застывшую позади сцену! Картина выходила поразительная.

А вот Сирокко, терпеливо сидит на груде камней. Рука на перевязи. Славно было иметь подругу. Детство и юность Габи находилась под страшной угрозой умереть без подруги, а это было бы хуже всякого ада. Спасибо тебе, Рокки, что была моей подругой…

Все это занимало больше времени, чем она рассчитывала. Теперь осталось только безбрежное небо и огромная пустыня внизу, а Габи продолжала плыть вверх. Все выше и выше — сквозь крышу обода и в космос — выше и выше…

Но куда?

И тут у нее впервые зародились подозрения.

Не грандиозная ли это шутка под самый конец? Вот удивились бы теологи, узнай они, что Ответ на самом деле…

Теперь уже нельзя было от этого отворачиваться. Чем бы Габи теперь ни стала, место ее назначения было ясно. Она направлялась в ступицу.

Если бы она только знала, как ей теперь кричать!

ГЛАВА XXXV
Побег

Крис и Робин все обсудили, рассмотрели с разных углов — и поняли безнадежность ситуации. Впрочем, человеческое животное редко теряет надежду, редко впадает в полное отчаяние в реальном мире. Будь они запечатаны сверху и снизу, тогда оставалось бы только ждать смерти. И, может статься, тогда им было бы проще. Но пока лестница все еще манила, оба знали, что должны по ней спуститься.

— А что? В лучших традициях героев, — заметил Крис. — Погибнуть в борьбе.

— Может хватит уже про героев? Речь идет о спасении жизни. Здесь у нас нет ни шанса, так что если внизу лестницы есть хоть один — мы должны им воспользоваться.

Но нелегко было заставить спускаться Валью.

Титанида превратилась в сгусток нервов. Логические аргументы заметного действия на нее не оказывали. Она легко соглашалась, что нужно поискать путь наружу и что единственно возможный маршрут ведет вниз, — но тут рассудок

ей отказывал и верх брало что-то другое. Титаниде здесь быть нельзя. А идти еще глубже совсем немыслимо.

Крис уже начал впадать в отчаяние. Во-первых, тут оставалась Габи. Невыносимо было торчать возле ее трупа. Очень скоро… нет, об этом и подумать было страшно. Ужас охватывал при мысли, что они не могут ее похоронить.

Они так никогда и не узнали, сколько времени ушло у них на спуск по лестнице. Часы остались во вьюке у Менестреля, а другого способа как-то измерить время здесь просто не было. Спуск превратился в бесконечный кошмар, прерываемый лишь скудными трапезами, когда голод становился совсем невыносим, и еще сном без сновидений в полном изнурении. Они могли сойти ступенек на двадцать-тридцать, после чего Валья садилась и начинала трястись. И, пока она сама не собирала в себе достаточно отваги, сдвинуть ее с места не представлялось возможным. Слишком она была велика, чтобы ее тащить, а слова никакого действия не оказывали.

Характер Робин — и в лучшие-то времена не особенно выдержанный — теперь сделался просто взрывным. Поначалу Крис пытался заставить ее придержать язык. А потом начал добавлять

и собственные комментарии. Ему казалось, что Робин поступает совсем не умно, когда тузит титаниду кулаками и толкает ее в отчаянном стремлении двигаться вперед, но он молчал. И просто бросить Валью тоже не мог. Робин соглашалась.

— С радостью бы ее придушила, — сообщила она, — но бросить не могу.

— Собственно говоря, мы бы ее и не бросили, — возразил Крис. — Просто прошли бы вперед и попытались привести помощь.

Робин нахмурилась.

— Себя-то хоть не дурачь. Что там на дне? Скорее всего — бассейн с кислотой. Если нет, если Тефида нас не прикончит и мы доберемся до одного из туннелей — у нас уйдут недели на то, чтобы выбраться, и недели на то, чтобы вернуться. Так что, если мы ее бросим, она умрет.

Крису пришлось признать ее правоту, и Робин вновь взялась физически обрабатывать Валью, чтобы та двигалась дальше. Крис по-прежнему считал это ошибкой — и Валья вскоре доказала, что в этом он оказался прав. Это произошло внезапно, когда Робин отвесила титаниде оплеуху.

— Больно, — сказала Валья. Робин отвесила ей еще оплеуху.

Тогда Валья взяла Робин за шею, оторвала от пола и стала держать перед собой на вытянутой руке. Робин несколько раз трепыхнулась, затем повисла без движения, пуская пузыри.

— В следующий раз, — без всякой угрозы в голосе произнесла Валья, — я так же тебя возьму и буду сжимать руку, пока твоя голова не отделится от туловища. — Потом она поставила Робин на место и придерживала ее за плечо, пока та откашливалась и отплевывалась — и не отпускала, пока не убедилась, что Робин может стоять сама. Робин попятилась, а Крис подумал — как удачно, что ее пистолет безопасно упакован во вьюке у Вальи. Но Валья, похоже, никакого зла не затаила, и об инциденте больше никто не вспоминал. Робин же с тех пор даже не повышала на титаниду голоса.

По их прикидкам они уже были на полпути к цели. Спали Крис и Робин в пятый раз. Но, когда Крис проснулся, Вальи рядом не было.

Крис и Робин поднялись. Пройдя тысячу двести двадцать девять шагов, они ее нашли. Валья сидела сложив перед собой ноги, слегка покачиваясь взад и вперед. Глаза ее остекленели, и разума в них было, казалось, не больше, чем у коровы.

Робин села, а Крис устроился рядом. Он знал,

что если сейчас дать волю слезам, то рыдать он перестанет не скоро. Так что пришлось сдерживаться.

— Что теперь? — спросила Робин.

Вздохнув, Крис встал. Потом приложил ладони к щекам Вальи и нежно их растирал, пока ее глаза, наконец, на нем не сосредоточились.

— Пора идти, Валья, — сказал он.

— Правда?

— Боюсь, да.

Она встала и позволила Крису себя повести. Двадцать шагов, затем тридцать, затем сорок. На сорок пятом шаге Валья снова села и принялась раскачиваться. После очередных уговоров Крис снова ее поднял, и они сделали шестьдесят шагов. Поднимая Валью в третий раз, Крис был полон оптимизма, намереваясь одолеть сто шагов, но вышло всего семнадцать.

Два сна спустя он проснулся от громких рыданий. Рыдала Робин. Крис поднял голову и увидел, что Вальи опять нет. Он обнял Робин, и девушка не отстранилась. Когда истерика прошла, они встали и пошли.

Казалось, уже многие годы никто не сказал ни слова. Когда-то были яростные споры, а раз они

с Робин даже перешли к тумакам. Но даже это не могло продолжаться долго; просто не было сил. После драки Крис некоторое время хромал, а Робин освещала им путь своим отменным фингалом.

Просто удивляло, что может натворить капелька адреналина.

— По-моему, пол сухой, — прошептала Робин.

— Поверить не могу.

Пробираясь между изгибами спиральной стены, они увидели то, что — невероятно, но факт — должно было быть концом лестницы — бассейн с кислотой, куда, в полной безопасности для себя, была погружена Тефида. Вместо этого, они видели в десяти шагах от себя то, что казалось водой — или кислотой, — а затем отрезок сухого пола. Саму Тефиду скрывал изгиб стены.

— Наверняка ловушка, — предположила Робин.

— Ага. Точно. Ну что, пошли назад?

Глаза Робин мгновенно засверкали, а зубы оскалились; затем она успокоилась и даже сумела изобразить подобие улыбки.

— Слушай, не знаю, как сказать… сейчас кажется, мы уже целую вечность держим друг друга за горло… но если все выйдет скверно… я в том

смысле, что…

— Что все было очень весело? — предположил Крис.

— Вообще-то я бы другое слово нашла. Ч-черт. — Робин протянула руку. — Я рада, что была с тобой.

Крис ненадолго сжал ее ладонь в своей.

— Я тоже. Но теперь молчи. Каждое слово будет звучать чертовски неловко, если мы все-таки уцелеем.

Робин рассмеялась.

— А плевать. Поначалу ты мне не нравился, но и зла я на тебя не держала. Тогда мне, кажется, вообще никто не нравился. А теперь ты мне нравишься, и я хочу, чтобы ты это знал. Для меня это очень важно.

— Ты мне тоже нравишься, — отозвался Крис и нервно кашлянул.

Потом отвел взгляд, а когда снова заставил себя взглянуть в глаза Робин, та уже отвернулась. Тогда он выпустил ее руку, держа в уме все то, что хотел сказать и не мог.

Повернувшись к Валье, Крис принялся тихонько с ней разговаривать. Он уже здорово насобачился, не говоря ни о чем конкретно, одной лишь музыкой своего голоса утешать ее

на понятном для них обоих языке. Постепенно он начинал вкладывать в свои слова значение, повторять их, сообщать, что ей следует делать, не нервируя титаниду и не бередя ее постоянные страхи. Он убеждал ее в том, что надо снова выйти на солнечный свет.

Последний километр Валью переполняла странная покорность судьбе. Она почти не останавливалась, но двигалась заметно медленнее. Крис мог бы поклясться, что временами титанида засыпает. Она явно с трудом снова и снова открывала глаза. Крис предположил, что так выражается титанидский страх или что там у них бывает взамен страха. Когда он теперь об этом задумывался, то не мог припомнить, чтобы хоть одна из титанид проявляла признаки страха — ни среди пескодухов, ни здесь, на мрачной лестнице. Вероятно, Валья не боялась Тефиды в том смысле, какой в это вкладывал Крис. Скорее, здесь имело место отвращение, подобное физической силе, направленной на то, чтобы держать ее подальше от Тефиды. Валья неспособна была дать объяснение многим своим действиям; когда Крис и Робин не побуждали ее идти вниз, она просто шла вверх — с той же неизбежностью, с какой поднимается вверх горячий воздух. А

теперь эта сила пропала, сменившись физическим и умственным оцепенением. Соображала титанида еле-еле, все чувства ее притупились, а тело действовало чуть ли не само по себе.

— Когда мы… Валья, послушай же меня. — Крису пришлось шлепнуть ее, чтобы добиться внимания. Ощущение было, что она почти ничего не почувствовала. — Валья, эту часть пути надо проделать быстро. Всего несколько сотен шагов. Вряд ли у нас будет время сидеть и отдыхать, как мы делали раньше.

— Без отдыха?

— Боюсь, да. Придется как можно быстрее пробежать оставшиеся ступеньки, держась поближе к стене — ты держись поближе ко мне, а я буду у стены — и попасть в туннель. А когда мы там окажемся, останется только подняться и выйти наружу. Понимаешь, Валья? Чтобы начать подниматься, надо будет еще чуть-чуть спуститься. Самую чуточку — и все, все будет в порядке. Понимаешь?

Титанида кивнула, но Крис сильно сомневался, что она хоть что-то поняла. Он хотел было продолжить объяснения, но потом решил, что все равно без толку. Либо выйдет, либо нет. Делай он ставку, все деньги он поставил бы против их

спасения.

Рука об руку они начали последний спуск. Совсем немного времени потребовалось, чтобы завернуть за последний изгиб коридора и войти к Тефиде, что недвижно сидела в центре своего кислотного бассейна — точно так же, как Крий. Собственно говоря, Крис бы их в жизни не различил. Оставалось надеяться, что все остальные атрибуты зала, пока ему не видные, тоже точно такие же. Но он этого не узнает, пока не ступит на пол самого зала.

— Что же так долго, Фея, что же так долго? Голос нанес Крису едва ли не физический удар.

Пришлось приостановиться и перевести дух. До этого самого мгновения он не понимал, как же он был взвинчен. Сердце бешено колотилось, а дыхание было сбивчивым. К счастью, Валья все еще двигалась. Все трое продолжали приближаться, а оставалось им лишь десять шагов.

— Я разумеется, знала, что ты там, наверху, — продолжила Тефида. — Я так понимаю, у тебя возникли проблемы. Теперь, я надеюсь, меня ты за это не винишь. Я тут ни при чем — так можешь и передать Гее.

Голос Тефиды был неотличим от голоса Крия. Тот же ровный монотон, никаких человеческих

черт; невнятный голос, словно лишенный источника. И в то же время в голосе Тефиды слышалось что-то презрительное, вызывающее, отчего кровь застывала в жилах.

— Значит, ты привела с собой Габи. А я уж начала сомневаться, встретимся ли мы еще. Она недостаточно хороша, чтобы вести дела с Крием, не так ли? Я спрашиваю — не так ли, мисс Мерсье? Тем не менее, мы ее здесь ни разу не лицезрели. Отчего же? А?

Робин с круглыми от изумления глазами подалась вперед.

— Крис, — прошептала она, — да ведь чертова тварь близорука!

Крис принялся делать ей отчаянные жесты, страшась заговорить и развеять чары. Голоса Тефида не перепутает.

— Это еще что? — спросила Тефида, подтверждая его страхи. — Почему ты со мной не говоришь? Разве учтиво сначала заставлять меня ждать, а потом, когда вы сюда добрались, тайком перешептываться. Что еще за тайны? Терпеть не могу тайн.

Вот они уже стоят на полу, и Крис заметил два туннеля, как и в зале у Крия, — один на восток и другой на запад. Все, что теперь оставалось сде-

лать, — это одолеть шестьдесят-семьдесят метров до восточного туннеля. Крис нервно ощупывал необычное оружие, которое он вынул из вьюка у Вальи. Холодное, твердое, неподатливое. Крис провел большим пальцем по двум зубьям. Быть может, и не придется им воспользоваться.

— Признаюсь, до сей поры я не понимала, зачем вы притащили с собой это животное, — сказала Тефида. — Хотя все так очевидно. Я права?

Крис молчал как рыба. Они были в десяти метрах от входа в туннель и продолжали двигаться.

— Во мне растет нетерпение, — сказала Тефида. — Может ты и Фея, но всему есть предел. Я говорю о титаниде. Как разумно с твоей стороны было привести мне трапезу. Подойди сюда, Валья.

Валья остановилась и медленно повернула голову. Впервые она взглянула на Тефиду. Крис не стал дожидаться, что она сделает дальше. Покрепче ухватив массивную двузубую вилку из разделочного набора Вальи, он отступил на шаг — и с размаху вонзил ее в круп титаниды. Первое жуткое мгновение никакой реакции не последовало; затем Валья двинулась так резко, что превратилась в какое-то мелькающее пятно. Крис только и успел заметить, как хвост ее ис-

чезает в туннеле, услышал ее визг и стук копыт; потом все звуки утонули в пронзительном свисте. Они с Робин влетели в туннель — а сзади их сопровождала жаркая волна вдруг поднявшегося ветра. Со всех сторон их окружали удушливые пары. Тефида в предельном темпе заполняла свое озеро. Пол, по которому они бежали, казался ровным. Когда кислота доверху заполнит ров, она польется вслед за ними.

Пока Робин и Крис что было сил бежали, к ним присоединялись порхающие, похожие на летучих мышей создания. По их оранжевому свечению Крис догадался, что это те самые существа, что освещали их долгий спуск и которые, как он надеялся, также селятся в туннелях. Что бы они из себя не представляли, кислотные пары им нравились не больше, чем людям.

Мимоходом Крис подметил еще один навык, которым он владел куда лучше, чем Робин. Он гораздо быстрее бегал. Робин упала позади, и Крису пришлось приостановиться, чтобы она успела его догнать. Оба кашляли, из глаз сочились слезы, но пары уже не были такими густыми, как вначале.

Опять вскрик и падение. Теперь, когда Крис остановился и пошел назад, он расслышал плеск льющейся жидкости, которая, понятное дело,

водой не была. Какое-то безумное мгновение Крис готов был кинуться прочь, но затем все же поспешил к Робин — навстречу плеску приближающейся кислоты. Поскольку светящиеся существа его альтруизмом не обладали, в туннеле совсем стемнело.

Тут он столкнулся с Робин. Какого черта он вообразил, что она сама встать не сможет?

— Беги, идиот! — завопила Робин, и Крис побежал — но на сей раз позади нее. Единственный свет в туннеле исходил от далеких летунов, чье бледное свечение создавало гало вокруг той скачущей тени, в которую превратилась Робин.

— Как думаешь, сколько еще бежать? — крикнула она.

— Пока сзади кислота не перестанет плескаться.

— План что надо. Думаешь, сможем ее перегнать? Она приближается?

— Не разберу. Вот если остановлюсь, тогда разберу.

— Значит, побежим до упаду, — выдохнула Робин.

— План что надо, — согласился Крис.

Вряд ли сиялки стали лететь быстрее. Но птицы уже были далеко впереди Криса и Робин. Значит,

это они стали бежать медленнее, заключил Крис. Дыхание выходило неровными хрипами, а в бок будто вонзили отвертку. Никакого ощутимого подъема пола Крис не замечал. Собственно говоря, пол здесь даже мог быть ниже, чем в пещере Тефиды. Вполне вероятным было и то, что Тефида может затопить всю длину того, что, как надеялся Крис, было 300-километровым туннелем, связывавшим Тефиду с ее сестрой Тейей. А еще возможно было, что туннель к Тейе не вел. Он мог в любой момент закончиться тупиком. Мог пойти под откос. Тогда они внезапно выяснили бы, что ищут спасения всего-навсего в канале для слива избыточной кислоты. Но они бежали. Просто потому, что больше ничего не оставалось. К тому же, если туннель кончался тупиком, то Валья уперлась бы в него первой. А с ней они пока что не столкнулись.

— Кажется… он… идет… вверх. Тебе… не… кажется?

— Кажется. Но… сколько… еще? — По правде, Крис никакого подъема не замечал. Просто с такой уверенностью Робин будет немного легче ставить одну ногу впереди другой. Большего ему и не требовалось.

— Я… скоро… свалюсь.

«Я тоже», — подумал Крис. Тьма совсем сгустилась. А пол был уже не такой ровный, и угроза падения увеличилась. Вставать же будет ох как тяжко.

— Еще… чуть… чуть, — прохрипел Крис.

И тут же налетел на Робин. Отшатнулся, рванул вперед — и снова с ней столкнулся. Когда же Крис взял вправо, то ударился плечом о невидимую стену туннеля. Тогда он вытянул руки перед собой и пошел. Решить, реально ли свечение, за которым он следовал — или это лишь послеобраз на его сетчатке, Крис уже не мог. Он боялся, что туннель вдруг пойдет на поворот и он врежется в стену, потом сообразил, что уже тащится так медленно, что ничем серьезным столкновение ему не грозит.

— Все, встали, — выговорил Крис и упал на колени. Впереди задыхалась и кашляла Робин.

Неопределенно долгое время Крису было ровным счетом наплевать, подкрадывается к нему по туннелю кислота или нет. Прижавшись щекой к прохладному каменному полу, он позволил себе полностью расслабиться. Работали только его легкие — да и то в постоянно уменьшающемся темпе. Горло горело, а жидкая слюна была такой изобильной, что без конца приходилось спле-

вывать на пол липкие веревки. Наконец Крис поднял голову и, упершись ладонями в пол, встал на колени. Потом, отчаянным усилием воли задержав дыхание, прислушался. И без толку. В уши колотила кровь, а разлегшаяся совсем рядом Робин все еще громко хрипела и пыхтела. Крис подумал, что, если бы кислота неслась ревущей волной, он бы ее расслышал. Впрочем, если она по-прежнему приближалась, то почти бесшумно. Тогда Крис протянул руку и тронул Робин за плечо.

— Идем. Надо двигаться.

Робин застонала, но поднялась вместе с ним. Он нашарил ее руку, и они пошли. Плечом Крис обтирал правую стену. Так они и двигались — одной рукой Крис ощущал прохладный камень, другой — податливую плоть.

— Мы точно поднимаемся, — наконец выговорила Робин. — Если бы мы спускались, та дрянь уже давно смыла бы нас на хрен.

— Согласен, — отозвался Крис. — Но клясться бы не стал. Будем идти, пока не выйдем куда-нибудь на свет.

И они шли дальше. Крис считал шаги, сам не понимая, зачем он это делает. Скорее всего, считать было легче, чем ломать голову над тем, что

ждет их впереди.

Через несколько сотен шагов Робин вдруг рассмеялась.

— Что смешного?

— Не знаю. Я… кажется, мне только теперь пришло в голову… ведь мы… мы прорвались! — Она сжала его ладонь.

Криса изумила ее реакция. Он хотел было заметить, что они еще далеки от спасения, что дорога впереди наверняка полна неведомых опасностей, когда вдруг и его переполнили чувства, сильнее которых он никогда не испытывал.

— Ч-черт! А ведь и правда! Прорвались! — Теперь они оба ржали. Потом обнялись, хлопая друг друга по спине, выкрикивая бессвязные поздравления. Крис сжимал девушку все крепче и крепче, не в силах остановиться, и та не возражала. И точно так же внезапно он понял, что плачет, по-прежнему улыбаясь. Ни Крис, ни Робин не могли совладать со стремительными наплывами чувств, высвободившихся после страшного напряжения. Оба несли какую-то околесицу. И все это время они обнимались, слегка покачиваясь и утирая горючие слезы.

Когда Крис, наконец, снова прыснул, Робин ткнула его кулачком.

— А теперь что смешного?

— Да… ничего.

— Ну, выкладывай.

Какое-то время он молчал, но Робин не отставала.

— Ну ладно. Проклятье, сам не понимаю, как я могу смеяться. Ведь ничего смешного. Многие наши друзья погибли. Но тогда… ну, когда нас обложили…

— Ну?

— Ты-то тогда вырубилась и не видела. Вот, значит. — Крис заторопился дальше, успев пожалеть, что вообще начал. Наверняка Робин многое хотелось забыть. — Короче, Сирокко приказала нам ссать. Представляешь, я был просто обязан. Ну и, черт возьми, я расстегнул ширинку и… короче, достал… и дал струю. Понимаешь, обоссал всю округу, чтобы помокрее было… и вдруг подумал: «Нате вам, духи вонючие!»

Робин доржалась почти до истерики. Крис тоже хохотал, но понемногу его начало охватывать беспокойство. Все-таки смешного было мало.

Они прошли тысячу шагов, прежде чем увидели первую сиялку, прилипшую к потолку. Тогда они и поняли, что туннель заметно расширяется. Птица сидела по меньшей мере в двадцати

метрах от пола — а быть может, и больше. Ее оранжевое свечение заливало стены, между которыми было метров тридцать. Обернувшись, Крис стал высматривать признаки влаги, но ничего такого не увидел.

Вскоре они прошли под еще одной сиялкой, а затем сразу под пятью. После стольких часов в темноте птицы казались ярче паяльных ламп.

— Интересно, что они тут едят? — сказал Крис.

— Что-то уж точно едят. Наверное, чтобы постоянно так сиять, нужна куча энергии.

— Габи говорила, что тут какая-то каталитическая реакция, — вспомнил Крис. — Но есть они все равно должны. Может, и нам удастся насытиться тем же самым.

— Рано или поздно что-то потребуется.

Крис подумал о припасах в седельных вьюках у Вальи. Затем — о самой Валье. Он уже начал за нее тревожиться. Теперь, когда сиялок было навалом, перед беглецами простирался широкий туннель. Туннель просматривался метров на 500 — и никаких признаков титаниды Крис пока что не наблюдал.

— Я тут кое о чем подумала, — сказала Робин.

— О чем?

— Ты уверен, что этот туннель ведет на во-

сток?

— О чем ты… — Крис даже остановился. Лестница пять километров вилась вниз по спирали. Еще в начале спуска Робин заметила, что по прибытии на дно сориентироваться будет непросто. Тогда они предприняли трудоемкие вычисления, чтобы выяснить темп изгиба спиральной лестницы, количество ступенек, составляющих один оборот, и свели ориентацию к простому подсчету ступенек. Таким образом, они вышли с южной стороны зала Тефиды, и, стало быть, запад находится слева, а восток — справа.

И все же их расчеты могли быть неточным — они могли ошибиться на несколько ступенек. Но главное — они не знали, откуда взяли старт. Суматоха, сопровождавшая их бегство и разрушение строения-вестибюля, не позволила зафиксировать, сколько ступенек Валья проскочила, прежде чем остановилась. А когда все утихло, верхняя часть лестницы была завалена камнями.

— Но ты же не думаешь, что она проскочила пол-оборота? — спросил наконец Крис.

— Нет, не думаю. Хотя она могла. А если так, то этот туннель ведет к Фебе, а не к Тейе.

Крис хотел бы вообще выкинуть такие мысли из головы. Положение и без того было слишком

ненадежным, а кроме того, оно могло в любую минуту измениться от стольких не зависящих от него факторов. Вполне вероятно, к примеру, что, когда они доберутся до Тейи — которая, по словам Сирокко, была дружественным регионом, — та не будет особенно расположена к незваным гостям.

— Когда рак на горе свистнет, тогда и перекрестимся, — решил он.

Робин рассмеялась.

— Нет уж. Если на том конце туннеля — Феба, лучше остаться здесь и сдохнуть от голода.

— Не будь такой пессимисткой. Мы гораздо раньше подохнем от жажды.

Туннель начал постепенно расширяться, уже больше напоминая не искусственный проход, а естественную пещеру. Хотя сиялок здесь было больше, их свет, понятное дело, стал менее эффективен в более обширном пространстве. Крис заметил ответвления туннеля на север и на юг, но им казалось, что лучше продолжать двигаться в том направлении, которое, как они надеялись, вело на восток.

— Валья, когда сюда добралась, наверняка все еще была в панике, — рассудила Робин. — А значит, продолжала чесать прямо. Если бы она одумалась, то либо вернулась бы за нами, либо

подождала, прежде чем начать обследовать боковые туннели.

— Согласен. Хотя я не ожидал, что ее так далеко занесет. И все время помню, что вместе с ней убежала вся наша провизия и вода. А пить, между прочим, хочется.

Пол пещеры сделался неровным. Крис и Робин обнаружили, что поднимаются и спускаются по покатым склонам, напомнившим им обоим песчаные дюны, которые приходилось одолевать в пустыне Тефиды. Потолок так отдалился, что сиялки стали уже напоминать звезды, выкрашенные атмосферным туманом в оранжевое. Вверху мало что можно было разглядеть, да и внизу виднелись лишь общие очертания. Заслышав бегущую воду, они стали осторожно к ней приближаться, пока речка не выдала себя медно-красными отблесками. Крис сунул туда палец, готовый мгновенно его вытереть, если вода окажется кислотой. Когда же с пальцем ничего не случилось, он поднес его к губам. Вода на вкус была слегка газированной.

Сбросив ботинки, беглецы перешли речку вброд. Она оказалась всего десять метров в ширину и полметра в глубину.

По ту сторону речки профиль местности снова

переменился. Вокруг Криса и Робин вдруг стали вздыматься неровные шпили. Раз Крис плюхнулся в двухметровую яму. Какой-то миг вечности он не знал, отсчитает ли это падение последние секунды его жизни, — пока не приземлился на карачки, громко матерясь скорее от облегчения, чем от злобы. К порезам и царапинам добавилось несколько синяков, но серьезных повреждений Крис избежал.

Возросшая осторожность после падения вскоре дала свои плоды. Действуя скорее по наитию, чем по знанию, Крис вдруг велел Робин остановиться. Когда они еще осторожнее двинулись дальше, то выяснили, что Робин была в метре от трещины, простиравшейся вниз метров на тридцать-сорок.

— Спасибо, — тихо поблагодарила Робин. Крис кивнул, но его внимание уже отвлекло какое-то свечение слева. Он безуспешно пытался что-то различить, пока не услышал звуки. Кто-то пел.

Они пошли на свет. Из безмерных серо-черных теней начали выплывать детали. Бесформенные пятна становились скалами, темные сплетения наподобие паутины оборачивались чахлыми растениями и кустами. И заметно было, что свет мерцает, будто свеча. Оказалось, что это лампада из седельного вьюка Вальи. Наконец, Крис уви-

дел Валью. Титанида лежала на боку на дальнем склоне небольшого каньона двадцати метров в глубину. Крис позвал ее.

— Крис? Робин? — крикнула в ответ Валья. — Это вы! Наконец-то я вас нашла!

Крис подумал, что это довольно странная точка зрения, но спорить не стал. Пробравшись вниз по склону со своей стороны, они с Робин затем поднялись до уровня, где лежала Валья. Выбор места для отдыха вызывал удивление. Еще двадцать метров — и она оказалась бы на ровной земле. Крис уже заподозрил неладное, и все более в этом убеждался. Охваченный внезапным страхом, он понял, что в позе Вальи есть что-то от позы лежавшего на орошенной кровью земле Псалтериона.

Когда они, наконец, туда добрались, оказалось, что лицо Вальи выпачкано запекшейся кровью. Она громко шмыгнула носом и провела рукой по верхней губе.

— Кажется, я сломала нос, — сказала титанида. Крису пришлось отвернуться. Нос Вальи был сломан. И обе передние ноги — тоже.

ГЛАВА XXXVI
Терпение

Робин тихо сидела метрах в двадцати от Криса и Вальи и слушала, как он орет на титаниду. Вскоре после того как Крис осмотрел ее раны и понял, что дело плохо, Валья предложила, чтобы они не стеснялись и быстро избавили ее от беды. Тут-то Крис и взорвался.

Тело Робин тяжелело с каждой минутой. Вскоре она сольется со скалами и мраком. Это станет избавлением. Теперь Робин понимала, что временная радость после спасения от Тефиды была ошибкой. Снова она радоваться бы не стала.

Но она видела, что Крис не сдается и опять намерен строить планы.

— Умеешь оказывать первую помощь? — спросил Крис.

— Могу пластырь наклеить. Он скривился.

— Вот и я больше почти ничего не умею. Но нам придется проделать гораздо больше. Я вот что нашел. — Он взялся за кожаный чемоданчик. Борта раскрылись, и внутри оказались сплошные кармашки и отделения. В свете лампы блеснул

металл: скальпели, зажимы, шприцы, иглы. Все аккуратно уложено — словно дожидается хирурга-любителя. — Одна из них должна была знать, как всей этой мутотой пользоваться — иначе бы они ее не потащили. Валья говорит, что у Фанфары этого добра было куда больше. Сдается мне, что здесь инструментов для порядочной операции хватит.

— Если знать, как ее делать. А что, Валье нужна операция?

Вид у Криса был измученный.

— Ее нужно как-то заштопать. Оба перелома на… ч-черт, ну как это у коня называется? Короче, между коленом и лодыжкой. По-моему, на правой ноге только одна кость сломана. Ступать она на нее, впрочем, все равно не может. А вот с левой действительно хреново. Видно, на нее вся тяжесть пришлась. Обе кости сломаны, и концы торчат из-под кожи. — Он вынул из чемоданчика тонкую брошюрку. — Здесь сказано, что это сложный перелом и что главное здесь, как правило, — избежать инфекции. Нам придется вправить кости, прочистить рану, а потом зашить.

— Честно говоря, и слышать об этом не хочу. Ты валяй прикидывай, а когда все просечешь, зови

меня и говори, что делать. Я сделаю.

Крис какое-то время молчал. Когда Робин подняла глаза, то поняла, что он внимательно ее разглядывает.

— Что случилось? — спросил Крис.

Робин даже не смогла рассмеяться. Хотела напомнить ему, что они заблудились во тьме в пяти километрах под землей, что провизии у них мало, масла в лампаде еще меньше, что на западе и востоке их поджидают дебильные полубоги, а их раненая спутница слишком велика, чтобы нести ее в безопасное место — даже если они найдут туда путь. Но потом подумала — к чему попусту тратить время? А кроме того, Крис имел в виду другое. Робин это знала, но не собиралась об этом говорить. Никогда.

Так что она лишь устало пожала плечами и отвернулась.

А Крис все продолжал ее разглядывать (Робин чувствовала на себе его взгляд — ну как же он не понимает?) — а затем тронул ее колено.

— Ничего, мы выкарабкаемся, — сказал он. — Надо только держаться друг друга.

— Сильно сомневаюсь, — отозвалась Робин, а про себя подумала — может, он и не знает.

Теперь же его очевидное неведение породило

в ней презрение. Неужели вся ее бдительность пропала даром? Неужели никто не видит ее насквозь? Робин приложила ладонь к губам, чтобы надежней скрыть усмешку. И вдруг жаркая вспышка тревоги прошла по всему ее телу. Да что с ней такое? Даже больно не было. Ничего не стоило ухмыляться, ничего не стоило держать рот на замке. Неужели тщательно возводимое всю жизнь здание чести могло с такой легкостью рухнуть? Вот Крис уже встает на ноги, уходит, возвращается, заботится о Валье. Теперь, когда он ушел, ее тайна останется нераскрытой.

В ушах стоял басовый рев. Что-то капало с подбородка. Робин усилием воли разжала зубы — и сразу почувствовала острую боль. Болела прикушенная нижняя губа.

— Это неправда! — Робин неспособна была сдержать крик, но, когда Крис повернулся и стал ждать продолжения, ей пришлось срочно придумывать какие-то слова, чтобы все выглядело так, будто ничего и не было. Будто она вовсе и не говорила, что это неправда.

— Что неправда? — спросил Крис.

— Не… не… я не сказала… ты не… — И вдруг в животе у Робин началось что-то жуткое. Она вдруг поняла, что тупо таращится на зажатый в

кулаке клок собственных волос. Стояла она на коленях, а Крис был рядом и придерживал ее за плечо.

— Теперь получше?

— Получше. Намного. Там наверху когда был огонь и твари в песке кусают а ты их не видишь потому что кругом море обложили и я не вижу но думаю надо так чтобы никто не знал потому что со мной всегда так и больше ничего не могу сделать и не хочу ничего делать только хочу *прочь* потому что они кусают а ты их не видишь и так нечестно ненавижу ненавижу ненавижу потому что они глубоко глубоко в море.

Робин позволила увести себя на ровное место. Там Крис раскатал спальный мешок и помог ей улечься. Она глядела в никуда.

Что делать дальше, Крис не знал. Тогда он просто оставил ее там лежать и вернулся к Валье.

Некоторое время спустя Робин услышала, как он снова к ней приближается.

Она не спала и вовсе не пребывала в забытьи, а прекрасно сознавала, что вокруг нее происходит. Сжав кулак, она выяснила, что пальцы прекрасно сгибаются. Значит — никакого приступа. И все же с ней происходило что-то странное. Титанида

несколько раз кричала от боли, но Робин не знала, сколько именно. Между криками были солидные промежутки времени. Она уже не помнила, плакала ли она или все сопли еще в будущем. И не могла этого объяснить. Впрочем, и не пыталась.

— Не хочешь еще поговорить? — спросил Крис.

— Не знаю.

— Я не очень понял, что ты тогда сказала. Но похоже, это для тебя очень важно. Не хочешь еще попробовать?

— Это не был приступ.

— В смысле, что…

— Сам знаешь, в каком смысле.

— Когда нас обложили. В пустыне.

— Да.

— Ты, правда, могла двигаться? Ты прикидывалась? Так ты об этом?

— Вот именно.

Робин ждала, но Крис молчал. Когда она на него взглянула, он просто сидел и смотрел. Не хотелось ей, чтобы он так сидел и смотрел. И Робин решила больше ничего не говорить.

— Нет, я не об этом, — сказала она наконец.

— Ты могла говорить, — заметил Крис.

— Значит, ты знал! Ты просто… так почему же ты… — Робин хотела сесть, но Крис удержал ее и

нежно уложил на спальный мешок. Она немного посопротивлялась, затем сдалась.

— Я заметил, что ты могла говорить, — резонно заметил он. — Я тогда подумал, что это странно. Разве нет?

— Да, — отозвалась Робин и закрыла глаза.

— Раньше ты не могла, — продолжил он, когда она больше ничего не сказала. — В смысле, в другие разы. Только заикалась.

— Это потому, что приступ захватывает все произвольно сокращающиеся мышцы. Вот почему там, в песках, когда я не могла двинуться, я знала, что это не приступ. Это было что-то другое. — Робин хотела, чтобы Крис закончил за нее мысль. Ей казалось, у него есть на это право. Но Крис, похоже, этого делать не собирался.

— Это был страх, — произнесла Робин.

— Да ну! — воскликнул Крис. — Ты шутишь! Она сверкнула на него глазами.

— Мне не до смеха.

— Извини. Вечно меня в неподходящее время разбирает. Ладно, так чего ты теперь хочешь? Ну, я изумлен. Ну, мне за тебя стыдно. Ну, никогда не ожидал, что ты окажешься такой трусихой. И так далее. И вообще. Я просто оскорблен. До глубины души. Вот, думаю, встретил такого идеального,

бесстрашного человека. А ты, как выяснилось, совсем не такая.

— Знаешь что? Оставь меня в покое.

— Не раньше, чем ты выслушаешь диагноз начинающего хирурга и недолеченного психиатра.

— Если ты и дальше намерен придуриваться, то шуточки советую поберечь.

— Ого! Проявляем признаки жизни.

— Козел! Вали отсюда.

— Не свалю. Пока ты меня не заставишь. Слушай, каких-то несколько дней назад ты бы мне за такие слова кишки вырвала и на шею намотала. Мне не нравится, что ты тут валяешься и все сносишь. Кому-то надо восстановить твое чувство собственного достоинства. И похоже, делать это придется мне.

— Ты закончил с диагнозом?

— Только отчасти. У тебя злостная нехватка самоуважения и страх испугаться. Ты, Робин, фобофобка.

Она готова была плакать или смеяться, но не хотела делать ни того, ни другого.

— Пожалуйста, заканчивай со своими речами и оставь меня в покое.

— Тебе девятнадцать лет.

— Никогда этого не отрицала.

— Пойми, какой крутой бы ты себя ни считала, тебе просто не хватило времени, чтобы проверить себя в великом множестве вариантов. Ты вошла в Тефиду с уверенностью, что ничто не может тебя устрашить, — и ошиблась. Наделала в штанишки, бросилась на землю и заревела как маленькая девочка.

— Всегда буду щадить тебя так же, как ты сейчас щадишь мои чувства.

— Пришла пора ткнуть тебя кое-куда носом. Ты всю жизнь прожила со своими приступами и так и не отважилась встать с ними лицом к лицу.

— Я никогда им не поддавалась.

— Ага, не поддавалась. Но ты не смогла к ним приспособиться. Ты едва допускаешь, что они вообще существуют. В Ковене ты стояла на страже важного оборудования и таким образом подвергала опасности и сестер, и весь твой мир.

— Откуда ты… — Приложив ладонь ко рту, Робин кусала палец до тех пор, пора жар стыда немного не рассеялся.

— Ты разговариваешь во сне, — объяснил Крис. — Пойми, Робин, эпилептикам, к примеру, запрещено водить самолеты. Будет нечестно по отношению к пассажирам, если самолет упадет.

Тяжело вздохнув, она судорожно кивнула.

— Не стану спорить. Но какое отношение это имеет к тому, что произошло в пустыне?

— Самое прямое. Ты выяснила о себе нечто малоприятное. Испугалась и обомлела. И теперь ведешь себя с этим страхом точно так же, как с припадками, — то есть никак с ним себя не ведешь. Хотя нет. Беру свои слова назад. Ведешь. В свое время ты отрезала себе палец. А теперь что ты себе отрежешь? Будь ты мужчиной, у меня было бы на сей счет весьма мрачное предположение. А так — не знаю, какая железа считается героической у женщин. Ты, случайно, не в курсе? Я тут хирургией балуюсь. Немного практики не повредит.

Робин ненавистно было его слушать. Ей хотелось, чтобы Крис заткнулся и ушел. Далеко-далеко. Внутри копилась страшная ярость, неотвратимо нарастало напряжение. Она чувствовала, если он в ближайшее время не уйдет, что-то в ней взорвется и убьет его. И в то же время она даже взглянуть на него не могла.

— Так чего тебе от меня нужно?

— Я уже сказал. Обратись лицом к своему страху. Пойми, что это случилось, и ты этим не гордишься, и это может повториться. Ты, похоже, сделаешь вид, что ничего не случилось и ты

можешь от этого избавиться. А в результате просто лежишь здесь и не можешь ничего сделать. Скажи себе, что проявила трусость — один раз, в скверной ситуации, — и начинай оттуда. Тогда ты, быть может, задумаешься, как избежать этого в следующий раз.

— Значит, допустить тот факт, что и в следующий раз я могу поступить так же?

— Такую вероятность нельзя исключать. Робин, наконец, сумела на него взглянуть. И к ее удивлению, вся злоба прошла, стоило ей увидеть лицо Криса. Никакой насмешки там не было. Она не сомневалась, что, если теперь его попросить, он больше ни слова об этом не произнесет и никогда никому не станет рассказывать. Хотя это уже не казалось таким важным.

— Ты так веришь в то, что следует поворачиваться ко всему лицом? — сказала Робин. — Я предпочитаю сражаться. Мне… мне это больше подходит. — Она пожала плечами. — Так проще.

— В каком-то смысле.

— Куда проще отрезать себе еще один палец, чем сделать то, что ты мне советуешь.

— Могу и тут согласиться.

— Я подумаю. А теперь ты оставишь меня в покое?

— Вряд ли. В скором времени я собираюсь заняться ногами Вальи. Пока я еще раз все прочитаю и приготовлю инструменты, ты могла бы приготовить что-нибудь поесть. Во вьюках у Вальи по-прежнему навалом припасов. Вода есть вон за тем гребнем. Возьми с собой лампаду; я тут фонарь смастерил. Читать при нем можно.

Робин воззрилась на него.

— Это все?

— Нет. Когда пойдешь за водой, поищи что-нибудь, что подошло бы для лубков. Тут, поблизости, все растения мелкие и корявые. Может, там что-то найдется. Хорошо бы пять-шесть прямых палок в метр длиной.

Робин потерла глаза. Ей хотелось проспать несколько лет и по возможности не просыпаться.

— Палки, вода, обед. Что еще?

— Вот что. Если знаешь какие-нибудь песни, спой их титаниде. Ей очень больно, а отвлечь ее особенно нечем. Наркотики я берегу на то время, когда буду вправлять кости и зашивать раны. — Он направился было прочь, но тут же вернулся. — И если можешь кому-нибудь помолиться, то помолись. Я ничего подобного раньше не проделывал и уверен, что напортачу. Мне

страшно.

«Как запросто он в этом признается», — подумала Робин.

— Хорошо, я помогу.

ГЛАВА XXXVII
Западный конец

Наца сбежала куда-то еще в самом начале их стоянки в пещере. Крис понятия не имел, когда именно это случилось; время стало неопределенным понятием.

Робин всю округу перевернула, пытаясь отыскать змею. Винила она только себя. Крис неспособен был утолить ее печали, так как считал, что она права. В Гее не место было анаконде. Наца, должно быть, страдала больше всех, свернувшись в заплечной сумке Робин и лишь изредка оказываясь на воле. Испытывая множество опасений, Робин, наконец, позволила змее обследовать лагерь. Скалы были теплые, и Робин выразила надежду, что ее демон не уползет далеко от света их костерка. Криса сомневался. Он чувствовал, что Робин подсознательно приписывает змее почти колдовскую разумность и преданность. Крису казалось, что от змеи столько ожидать не стоит, и Наца доказала его правоту. Как-то утром они проснулись — а Нацы нигде не было.

Много дней они обследовали окрестности. Ро-

бин обшаривала каждый уголок, звала Нацу по имени. Оставляла свежее мясо в надежде ее приманить. Все без толку. Постепенно поиски сошли на нет. Робин, наконец, поняла, что никогда больше не увидит своего демона. Тогда она принялась с пристрастием расспрашивать Криса и Валью, выживет ли, по их мнению, змея. Они отвечали, что запросто, хотя Крис не очень-то верил в это.

Со времени и поиски и вопросы прекратились. Робин смирилась с утратой, и инцидент растворился за ровным горизонтом их безвременного существования.

Серьезную проблему составляло то, что Менестрель увез все часы.

Крис упорно убеждал себя, что это действительно проблема, хотя доказательств и без того становилось все больше. Он уже испытывал потерю чувства времени даже наверху, где степень освещенности зависела от пройденного расстояния и, в меньшей степени, от погоды. Но там у них были часы, чтобы судить о времени, и Габи постоянно держала всех в курсе. Теперь же Крис понял, что уже не помнит, как давно они выступили из Гипериона. Мысленно пробегая весь путь, он останавливался на цифре между тридцатью пятью и сорока пятью сутками.

А здесь, в пещере, безвременье еще усиливалось. Засыпая, когда совсем выматывались, Крис и Робин называли такой отрезок днем. При этом они четко сознавали, что один такой день может составить десять часов, а другой — пятьдесят пять. Крис обнаружил, что у него все больше и больше проблем с припоминанием последовательности событий. Дополнительную путаницу внесло их запоздалое решение вести счет периодов сна. Прошло пятнадцать-двадцать таких периодов, прежде чем они стали делать зарубки на палочке, и теперь во все их вычисления включалось неопределенное число дней. Впрочем, даже такой календарь мог быть полезен, положи они, к примеру, что сутки в среднем длятся двадцать четыре часа. А тут Крис был далек от уверенности.

И все это имело значение. Ибо, хотя они и не располагали никаким устройством для счета времени, совсем рядом шел процесс, отмерявший время не хуже атомного распада — Валья вынашивала малышку-титаниду.

Она подсчитала, что покалечилась на тысяча двухсотый оборот своей беременности, но признала, что может ошибаться, так как совсем не помнит спуска по лестнице к Тефиде. Валья во-

обще мало что помнила начиная со смерти Габи и до ее пробуждения после неудачной попытки перепрыгнуть через расщелину — попытки, стоившей ей двух сломанных ног. Крис перевел 1200 оборотов примерно в пятьдесят суток, обратил эти сутки в месяц с двумя третями и немного приободрился. Затем он спросил титаниду, не знает ли она, сколько будут заживать ее ноги.

— Пожалуй, через килооборот я смогу ходить на костылях, — ответила Валья и услужливо добавила: — Это сорок два дня.

— Ну на костылях тут далеко не уйдешь.

— Наверное, если надо будет взбираться…

— Обязательно надо будет, — заверила Робин, уже обследовавшая местность в двух-трех километрах от лагеря.

— Тогда время для полного излечения составит пять килооборотов. Может, четыре. Очень сомневаюсь, что буду в порядке через три.

— Значит, семь месяцев. А возможно — пять или шесть. — Все сложив, Крис несколько успокоился. — Будет уже близко, но надеюсь, мы успеем тебя вытащить.

Валья выглядела озадаченной; затем лицо ее прояснилось.

— Я поняла твою ошибку, — безмятежно произ-

несла она. — Ты решил, что у меня на все уйдет девять месяцев. Но у нас выходит скорее.

Крис потер глаза ладонью.

— И сколько?

— Я часто недоумевала, почему вашим женщинам нужно столько времени, чтобы произвести на свет нечто совсем небольшое и очень далекое от завершенности. Я только не хочу никого обидеть. Но наши дети рождаются уже способными к…

— Так сколько же?

— Пять килоломок, — ответила Валья. — Или семь месяцев. Так что я точно рожу его раньше, чем мне удастся отсюда выбраться.

Безвременье уже начало пугать Криса. Раз он поймал себя на том, что пытается установить последовательность событий начиная от обнаружения Вальи — и не может. Кое-какие события он помнил просто потому, что они следовали одно за другим на протяжении определенного периода бодрствования. Так, он не сомневался, что лечил ноги Вальи вскоре после разговора с Робин, потому что помнил, как давал девушке задание. И знал, когда они поймали первую сиялку, так как это случилось сразу после первого сна.

Маленькие люминесцентные существа их не

боялись — они просто избегали оживленных мест. Когда Крис и Робин ходили по лагерю, сиялки к ним не приближались. А вот когда они ложились спать, оранжевые создания слетали на землю и устраивались в считанных метрах от них.

Тем первым «утром» Робин удалось к одной сиялке приблизиться — собственно говоря, даже протянуть руку и дотронуться до нее.

Люди были благодарны за тот свет, который обеспечивала им добрая дюжина существ, пока несколько минут спустя сиялки не начали отплывать. Робин поймала последнюю и привязала ее к колышку, где та целый день порхала. На следующее утро вернулась другая дюжина. Робин поймала всех, поскольку никаких серьезных попыток спастись они не предпринимали.

Сиялки оказались шарообразными существами, надутыми воздухом. У них были крылья, тонкие как мыльные пузыри, единственная двухпалая лапка, глаза-бусинки, но ничего похожего на головы не наблюдалось. Как Крис ни старался, никакого рта он не нашел, а следовательно, провалились все его попытки чем-нибудь их покормить. Если сиялок держали в плену больше двух «ночей», они умирали. Тогда Крис и

Робин стали пользоваться ими не больше одного «дня», а каждое «утро» ловили новую стайку. Мертвая сиялка сильно напоминала лопнувший воздушный шарик. Если их касались не там, где нужно, они довольно болезненно били током. У Криса возникла мысль, что сиялки содержат неон — оранжевый свет недвусмысленно на него указывал. И все же это казалось Крису настолько маловероятным, что он предпочел молчать.

Еще в начале стоянки Крис и Робин перетащили Валью наверх. Они смастерили носилки и перетаскивали Валью по нескольку метров, пока не добрались до площадки наверху. При одной четверти *жэ* они вдвоем могли даже приподнять титаниду, хотя далеко бы ее не утащили.

На той самой площадке они разбили лагерь и приготовились к долгому ожиданию. Они все еще были далеки от оптимизма насчет своих шансов на спасение, ибо даже самый суровый рацион обеспечивал им еду не более, чем на пятьсот-шестьсот оборотов. И все же следовало обустроить свое жилище так, как если бы они собирались остаться там те шесть-семь месяцев, которые уйдут на выздоровление Вальи. Поставив палатку, они проводили большую часть времени в ней, хотя непогоды не ожидалось даже

в теории, а температура неизменно составляла двадцать восемь градусов. Просто приятно было укрыться где-то от гулкой пещеры.

Валья стала вырезать для них всякую всячину. Она вырезала в таких количествах, что Робин без конца была занята поисками чахлых, низкорослых деревьев, древесина которых только и подходила для резьбы. Скука титаниду, казалось, меньше всего беспокоила; для нее это был просто подзатянувшийся отдых. Крис подумал, что это, должно быть, похоже на шестимесячный сон для человека.

Трое беглецов находились в западном конце неровной пещеры шириной в один километр и уходящей на неведомое расстояние к востоку. Пол ее представлял беспорядочное нагромождение упавших камней, мощных валунов, острых пиков, ям и расщелин. На север и на юг вело ошарашивающее многообразие проходов. Были там и устья коридоров, очень похожих на тот, по которому они спасались бегством. Многие из таких коридоров выглядели так, будто их специально прокладывали сквозь скалы; некоторые даже имели деревянную обшивку. Какие-то вели вниз, какие-то вверх. Другие оставались на одном и том же уровне. Но все до единого метров через

сто разветвлялись на два-три туннеля, которые через короткий промежуток разветвлялись тоже. Вдобавок в каменных стенах были трещины, обычно встречающиеся в естественных пещерах. Коридоры за ними бывали столь хаотичны, что исследовать их было бессмысленно. Многообещающая тропа могла вдруг сузиться так, что даже Робин еле-еле туда протискивалась, — а потом выйти в такой зал, о размерах которого можно было только догадываться.

Поначалу Крис вместе с Робин отправлялся на изыскания. Но когда возвращался, то находил Валью в таком отчаянии, что вскоре решил прекратить свои отлучки. После этого Робин уходила одна — если удавалось уломать Криса.

Криса поразила происшедшая с Робин перемена, которая показалась по меньшей мере драматической. Девушка слушалась Криса, даже если это шло вразрез с ее желаниями. Вначале Крис просто изумился; он не ожидал, что Робин станет выслушивать приказы от мужчины. По более серьезном размышлении он все же решил, что его принадлежность к мужскому полу здесь несущественна. Робин вполне логично действовала в составе группы, которую вначале возглавляла Габи, затем Сирокко. Впрочем, Крис

подозревал, что, прикажи любая из них сделать то, что показалось бы Робин очень не по вкусу, девушка тут же оставила бы группу. Робин никогда не причинила бы группе вреда — если не считать вредом ее уход — но на уме у нее всегда оставалось право выбора пробиваться в одиночку. Командным игроком она не была.

Однако Робин не претерпела волшебного превращения в верного последователя Криса. Разница здесь все же была. Она лишь охотнее прислушивалась к его доводам, признавала его правоту. Никакой борьбы не велось. В каком-то смысле уменьшившаяся до трех членов группа особой нужды в лидере не испытывала, но Робин редко проявляла инициативу, а Валья — вообще никогда. Так что вся тяжесть решений сама собой легла на Криса. Кроме того, Робин была слишком эгоцентрична, чтобы быть лидером. Временами она из-за этого становилась почти несносной для окружающих. Теперь в ней появилось что-то новое — частичка смирения и ответственности. Это позволяло Робин признавать свою неправоту и прислушиваться к доводам Криса, прежде чем принять решение. И именно ответственность за нечто большее, чем она сама, заставляла ее держаться Криса и Вальи вместо того, чтобы в

одиночку отправиться за помощью, чего ей, по правде, больше всего хотелось.

Они очень во многом достигли компромисса. Больше всего проблем вызывали ее осмотры пещер. Затевая один и тот же спор, с теми же доводами и даже почти в тех же словах, они убеждались, что их уже это не трогало. Скука становилась все сильней, все темы, которые оказались общими, они обсудили, так что любое несогласие приносило лишь развлечение.

— Мне не нравится, когда ты уходишь одна, — примерно в двадцать первый раз повторил Крис. — Я кое-что читал про прогулки по пещерам, и ты все делаешь не так. Ты все равно что в омут бросаешься.

— Но ты же не можешь со мной пойти. Валье нужно, чтобы ты был здесь.

— Простите меня, — вставила Валья.

Робин тронула титаниду за руку, заверяя, что совсем ее не винит, и извиняясь за то, что коснулась столь деликатной темы. Потом, утешив Валью, взялась за старое.

— Кому-то надо выходить. Если я не пойду, мы тут с голоду подохнем.

Робин говорила правду, и Крис это знал. В пещере, кроме сиялок, обитали и другие существа,

точно так же лишенные и страха, и агрессивности. К ним легко было подобраться и еще легче убить — но не так просто найти. Робин пока что обнаружила три вида — все размером с крупную кошку, медленные как черепахи, бесшерстные и беззубые. Как и чем они жили, оставалось загадкой, но Робин неизменно находила их лежащими неподвижно рядом с коническими серыми массами теплого, упругого вещества, которое могло быть сидячим животным или бесчерешковым растением, крепко укорененным. Упругие массы Робин назвала сосцами из-за их сходства с коровьим выменем, а три вида животных — огурцами, латуком и креветками. Причем вовсе не из-за вкуса — вкусом все они более и менее напоминали говядину — а в честь земных организмов, которые они пародировали. Она, кстати говоря, неделями ходила мимо огурцов, пока случайно не пнула один — и тот не вылупил на нее громадные белые глазищи.

— Нам вполне хватает, — сказал Крис. — Не понимаю, с чего ты взяла, что теперь надо ходить чаще, чем раньше. — Но, еще не докончив фразу, он уже сам знал, что это неправда. Немного мяса у них и впрямь было — но явно недостаточно для непомерных аппетитов Вальи.

— Лишнее никогда не помешает, — заспорила Робин, глазами показывая, что, пока тут Валья, сказать то, о чем они оба думают, не удастся. Между собой они уже обсуждали ее беременность и выяснили, что некоторые из их опасений титанида также разделяет. Так, Валью тревожило, что она не получает ни достаточно пищи, ни необходимую для нормального развития своего ребенка диету. — Этих гадов так трудно найти, — продолжила Робин. — Наверное, лучше бы они от меня бегали. А так можно пройти в метре от огурца и его не заметить.

Спор все тянулся и тянулся, и ничего не изменялось. Робин уходила через день — вдвое реже, чем ей бы хотелось, и в тысячу раз чаще, чем хотелось бы Крису. Всякий раз, как Робин уходила, Крис представлял ее лежащей с переломанными руками-ногами на дне ямы, лишившейся чувств, неспособной позвать на помощь и вдобавок зашедшей слишком далеко, чтобы они ее услышали. А всякий раз, как Робин оставалась в лагере, она не могла усидеть на месте, слонялась взад и вперед, орала на них, извинялась, опять орала. Она обвиняла Криса, что тот ведет себя как ее мать, обращается с ней как с ребенком, причем грубо и своевольно. Оба знали, что все это

правда, — и никто ничего не мог поделать. Робин страшно хотела уйти за помощью, но не могла, пока Крис и Валья нуждались в ее охотничьих трофеях. Крис хотел уйти еще сильнее, но даже не заикался об этом из-за Вальи. Оба кипятились и спорили до одурения. Никакого просвета не было видно до того самого дня, когда Робин злобно всадила нож в один из серых сосцов — и получила за это струю белой жидкости в физиономию.

— Это молоко Геи, — сказала Валья и тут же осушила мех, предусмотрительно наполненный Робин. — Я и не думала, что оно есть на такой глубине. На моей родине оно течет от двух до десяти метров под землей.

— В каком смысле «молоко Геи»? — поинтересовался Крис.

— Не знаю, как объяснить. Просто — молоко Геи. И это значит, что все мои тревоги позади. Мой сын вырастет сильным. Молоко Геи содержит все, что нужно для жизни.

— А мы? — спросила Робин. — Можем мы… могут люди тоже его пить?

— Люди на нем просто расцветают. Это универсальное питание.

— А как оно на вкус, Робин? — спросил Крис.

— Понятия не имею. Ты что, думаешь, я так

сразу его нахлебалась?

— Люди, которых мне довелось знать, утверждали, что у него горький привкус, — сказала Валья. — Я и сама это подмечала, но считаю, что качество его от оборота к обороту меняется. Когда Гея довольна, молоко бывает сладким. Когда Гея гневается, оно густеет и портится. Впрочем, питательных качеств оно никогда не теряет.

— А как она, по-твоему, сейчас себя чувствует? — спросила Робин.

Валья снова перевернула мех, добирая из него последние капли. Потом задумчиво наклонила голову.

— По-моему, она встревожена. Робин рассмеялась.

— О чем это Гея может тревожиться?

— О Сирокко.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказала. Если Фея все еще жива и если мы выживем, чтобы рассказать ей о последних минутах Габи и ее последних словах, Гея содрогнется.

Робин выразила сомнение, и Крис про себя с ней согласился. Ему было непонятно, какую угрозу Сирокко может представлять для Геи.

Но важность открытия от Робин не укрылась.

— Теперь я смогу отправиться за помощью, — заявила она, начиная спор, который длился три дня и про который Крис заранее знал, что его проиграет.

— Веревка. Ты уверена, что тебе хватит веревки?

— Откуда мне знать, сколько нужно, чтобы хватило?

— А спички? Ты взяла спички?

— Вот тут. — Робин похлопала по карману пальто, привязанного к верху рюкзака, на который пошел один из Вальиных вьюков. — Крис, прекрати. Мы уже раз десять всю поклажу перебрали.

Крис знал, что она права, он прекрасно понимал, что вся его возня в последние минуты направлена только на оттяжку ее ухода. Прошло четверо суток со времени его окончательной капитуляции.

Разыскав ближайшие сосцы Геи, они аккуратно перетащили туда Валью. Хотя по прямой от старого лагеря было всего 300 метров, но она пересекала две крутые расщелины. Тогда они оттащили титаниду на полкилометра к северу, в поисках другого пути, затем на километр к югу, затем обратно.

— А мех с водой у тебя есть?

— Да вот же он. — Закинув мех за плечо, Робин потянулась за рюкзаком. — Пойми, Крис, все у меня есть.

Крис помог Робин взгромоздить огромный рюкзак на спину, отчего она стала совсем крошечной и напомнила Крису маленькую девочку, которой разрешили выйти на улицу и поиграть в снегу. Крис в эти секунды очень любил ее и страшно хотел о ней заботиться. А именно этого делать было нельзя, потому что Робин этого не хотела. Так что Крис отвернулся раньше, чем она успела перехватить его взгляд.

Но рот на замке он все-таки не удержал.

— Не забывай оставлять по пути пометки. Робин молча показала Крису небольшое кайло и снова сунула его в инструментальный пояс. Пояс этот был настоящим чудом, сработанным из отделанной шкуры огурца умелыми руками Вальи. План состоял в том, что, когда Валья сможет передвигаться на костылях, они с Крисом пойдут по пути, размеченному Робин. Крису не хотелось об этом думать. Ведь если Робин до того времени не успеет выбраться и вернуться с подмогой, это будет значить, что она попала в беду.

— Если перестанешь находить сосцы, иди три сна после того, как опустеет мех. А потом, если

так их и не найдешь, возвращайся.

— Четыре. Четыре сна.

— Три.

— Мы договорились, что четыре. — Тут Робин взглянула на Криса и вздохнула. — Ладно. Три, если тебе от этого полегчает. — Несколько мгновений они стояли, глядя друг на друга. Потом Робин подошла и обняла его.

— Держись тут, — сказала она.

— И я почти то же хотел сказать. — Робин нервно рассмеялась, и Крис прижал ее к себе. Наступил неловкий момент, когда Крис не мог понять, хочет Робин, чтобы он ее поцеловал; потом решил, что наплевать, — и поцеловал. Девушка еще сильнее его обняла. Но почти сразу же, отводя глаза, отпрянула. Затем еще раз на него взглянула, улыбнулась и направилась прочь.

— Пока, Валья, — сказала она.

— До свидания, малышка, — крикнула в ответ Валья. — Я бы сказала «да не оставит тебя Гея», но ты, по-моему, предпочла бы идти одна.

— Вот уж точно, — рассмеялась Робин. — Пусть лучше сидит у себя в ступице и тревожится насчет Феи. Увидимся через килооборот.

Крис не спускал с нее глаз, пока она не скрылась из виду. Раз ему показалось, что Робин оберну-

лась и машет рукой, но уверенности не было. Вскоре осталось только скачущее световое пятно от трех сиялок в плетеной клетке. А потом и оно исчезло.

На вкус молоко Геи и впрямь оказалось горьким, причем со времени ухода Робин становилось все горче. Вкус слегка менялся изо дня в день, но этих перемен было далеко недостаточно, чтобы обеспечить то разнообразие, которого жаждал Крис. Меньше чем через какой-то гектаоборот Криса уже тошнило при одной мысли о проклятом молоке, и он начинал задумываться, не лучше ли поголодать, чем давиться этой пакостной жижей.

Как можно чаще Крис отправлялся на поиски дров и пищи, заботясь о том, чтобы надолго Валья одна не оставалась. По пути он собирал древесину и время от времени приносил одно из местных животных. Всякий раз это был повод для радости, ибо Валья тут же доставала свои припасенные специи и каждое блюдо готовила по-новому. Вскоре Крис обратил внимание, что сама она ест очень мало из приготовленного. Причем он не сомневался — это не потому, что титанида предпочитает молоко. Множество раз Крис хотел потребовать, чтобы она брала полную долю, но

так и не набрался решимости. Свою порцию он ел как скряга, растягивая трапезу на целые часы, и, если Валья предлагала, всегда брал добавку. Крис ненавидел себя за это, но ничего сделать не мог.

Время расплылось. Все острые грани хода времени совсем стерлись, начиная с того часа, как Крис прибыл в Гею. Даже раньше. Путешествие на звездолете уже начало отрывать его от земного времени. Затем было замораживание хода времени в один вечный день в Гиперионе, медленное переползание в ночь и опять в день. А теперь процесс завершился.

После долгого просвета, длившегося от Карнавала в Крие до прибытия в пещеру, Крис снова начал впадать в безумие. Теперь он думал об этом именно так — как о приступе безумия, а не как о переживании «эпизода», согласно жеманной формулировке докторов. И просто потому, что именно это и происходило. Он больше не верил, что Гея сможет его излечить — даже если захочет, и с чего бы ей вдруг захотеть. Отныне Крис определенно был обречен идти по жизни в сопровождении целой компании душевнобольных незнакомцев. Следовало только как можно успешнее с ними справляться.

Делать это в пещере было значительно легче,

чем где-либо еще. Часто Крис в буквальном смысле ничего не замечал. Мог очнуться в каком-то месте, не помня, как туда забрел, и не ведая, впал он в безумие или просто в рассеянность. Всякий раз он с тревогой бросался к Валье проверить, не причинил ли он чего-то дурного. Но, как ни странно, чаще всего титанида выглядела после этого даже радостнее, чем в предыдущие дни. Облегчало приступы невменяемости и другое — Валью явно не тревожило, безумный Крис или нормальный. Казалось даже, безумный он ей еще больше нравится.

Порой Крис задумывался, не такое ли исцеление имела в виду Гея. Ведь здесь его безумие ничего не значило. Получилось, что он сам поставил себя в такое положение.

Без всякого обсуждения Валья взяла на себя обязанность делать зарубки на календаре после каждого его сна. Это, помимо прочего, Крис расценил как доказательство того, что действительно страдает провалами памяти и приступами безумия. Что он в такое время делал, ему было совершенно неведомо. Валью он не спрашивал, а сама она об этом не заговаривала.

Зато обо всем остальном они говорили. Обходы окрестностей лагеря занимали не более «ча-

са» каждый «день», так что от девяти до сорока девяти часов оставалось практически на одни разговоры. Поначалу они рассказывали о себе, но в результате очень скоро Валья истощила все сведения. Крис и забыл, какая она невозможно юная. Хотя Валья и была зрелой самкой, опыт ее оказался прискорбно мал. Впрочем, и у Криса ушло ненамного больше времени, чтобы истощить все сведения о своей жизни. Тогда они обратились к другим темам. Они беседовали о надеждах и опасениях, о философии — титанидской и человеческой. Они выдумывали игры и сочиняли рассказы. С играми у Вальи выходило весьма посредственно, зато с рассказами — грандиозно. Фантазия и угол зрения титаниды были настолько отдалены от человеческих, что ей раз за разом удавалось изумлять Криса своими дерзкими, поразительными прозрениями о вещах, в которых она ровным счетом ничего не смыслила. Крис как никогда раньше начал подмечать, что значит быть близким к человеку, и все же не человеком. Он вдруг понял, что отчаянно жалеет все те миллиарды людей, которые не дожили до контакта с Геей, которым никогда не приходилось общаться с таким невероятным и удивительным существом, как титанида.

Терпение Вальи тоже его изумляло. Крис уже с ума сходил, а ведь свободы передвижения у него было куда больше. Он начал понимать, почему общепринятой практикой считалось добивать коней с ранеными ногами — их корпус не был предназначен для длительного лежания. Ноги титаниды были более гибкими, чем у любого земного коня, и все же ей приходилось очень туго. Целую половину килооборота Валья только и могла, что лежать на боку. Когда кости начали срастаться, она стала садиться, но не могла долго поддерживать это положение из-за того, что уложенные в лубок передние ноги все время приходилось вытягивать перед собой.

Крис впервые начал догадываться, что Валье нелегко это переносить, когда она упомянула, что в больницах титанид лечат, подвешивая на лямках — так, чтобы раненые ноги свисали вниз. Изумлению его не было предела.

— Что же ты раньше-то не сказала? — спросил он.

— Я не знала, какой из этого толк, раз уж…

— Кизяк ты конский, — выругался Крис и подождал, пока Валья улыбнется. Таков был теперь его любимый эпитет, которым Крис пользовался для нежной издевки, притворяясь, что ему

осточертела ежедневная обязанность убирать за титанидой. Но на сей раз Валья не улыбнулась.

— Я наверняка смог бы что-то такое смастерить, — сказал Крис. — Допустим, ты встала бы на задние ноги. Тогда сзади можно было бы просунуть какую-то перевязь, которая шла бы между передними ногами… да, думаю, у меня бы получилось. — Он снова подождал, но титанида упорно молчала. И даже на него не смотрела. — Валья, в чем дело?

— Не хочу причинять тебе беспокойство, — еле слышно вымолвила Валья и негромко заплакала.

Крис никогда не видел, чтобы она плакала. Каким же идиотом он был, когда думал, что все в порядке. Подойдя к титаниде, он почувствовал, что она жаждет его ласки. Поначалу неловко было утешать такую великаншу, да и положение, в каком она находилась из-за травмы, дела не облегчало. Но скоро Крис приноровился и стал утешать Валью, ни о чем другом в этот момент не думая. Ведь все это время она так мало просила, вдруг понял Крис, а он ей даже этого не давал.

— Об этом не тревожься, — прошептал он в длинную, вытянутую раковину ее уха.

— Какая же я была дурочка, — простонала

Валья. — Надо же было так по-дурацки ноги сломать.

— Нельзя винить себя за несчастный случай.

— Но я все помню. Вернее, помню-то я немного, но это помню. Я так перепугалась. Не знаю, что случилось там, позади… и на лестнице. Помню только жуткую боль и что думать я тогда могла только о бегстве. Я бежала и бежала, а когда добежала до расщелины, то прыгнула — хотя точно знала, что до той стороны не допрыгну.

— Со страху каждый может черт-те-чего понаделать, — резонно заметил Крис.

— Да, но ты торчишь здесь из-за меня.

— Мы оба здесь торчим, — признал он. — Не стану притворяться, что мне это нравится. Никому из нас здесь торчать неохота. Но раз уж ты ранена, я буду рядом, И я не виню тебя в случившемся.

Валья долго не отвечала, а ее плечи слегка подрагивали. Когда она перестала плакать, то громко шмыгнула носом и заглянула Крису в глаза.

— Только здесь мне и хочется быть, — сказала она.

— То есть как? — Крис слегка отстранился, но титанида его удержала.

— А так, что я страшно тебя люблю.

— Не думаю, что ты действительно меня любишь. Валья помотала головой.

— Я знаю, о чем ты. Но это неправда. Я всегда тебя люблю — и когда ты тихий, и когда ты бешеный. У тебя так много лиц. Кажется, только я одна все их и знаю. И все люблю.

— Пара-другая докторов заявляли, что знакомы со всеми моими лицами, — печально отозвался Крис. Когда Валья не ответила, он все-таки отважился на вопрос, который давно боялся задать. — А когда я безумен, я занимаюсь с тобой любовью?

— Да, мы занимаемся любовью в феерическом взрыве чувств. Ты мой мужественный жеребец, а я твоя андрогинная эротоманка. У нас бывает задняя возня и передние совокупления. А еще мы забавляемся по-всякому в середине. Твой пенис…

— Стоп, стоп! Я не просил грязных подробностей.

— Но я не сказала ничего низменного или порнографического, — целомудренно возразила Валья.

— Не пойму… да ты что, целый словарь сожрала? — удивился Крис.

— Ради одного эксперимента я должна знать

все английские слова, — ответила титанида.

— Что ты… ладно, потом расскажешь. Я знал, что один раз с тобой любовью занимался. И просто хотел узнать, занимался ли еще.

— Всего двадцать-тридцать оборотов назад.

— А тебя не волнует, что я это делаю только тогда, когда впадаю в безумие?

Валья подумала.

— Честное слово, я долго пыталась понять, что ты имеешь в виду под словом безумие. Порой ты теряешь самоконтроль — вот тоже слово, с которым я намучилась. Тогда у тебя возникают проблемы с женщинами твоей расы, которые не хотят с тобой совокупляться, и со всеми людьми, которые препятствуют твоим желаниям. У меня никаких проблем нет. Когда ты становишься слишком беспокойным, я просто беру тебя за волосы и держу на вытянутой руке. Когда ты немного успокаиваешься, я тебя уговариваю. И ты прекрасно откликаешься на уговоры.

Крис рассмеялся, но смех этот даже для него самого прозвучал неискренне.

— Ты меня изумляешь, — сказал он. — На Земле меня изучали лучшие доктора. И ни черта не могли со мной поделать. Давали какие-то пилюли — только что не бесполезные. Думаю, они бы в

восторг пришли, услышав о твоем методе лечения. Берешь за волосы, держишь на вытянутой руке и уговариваешь. Ну просто атас!

— Зато действует, — защищаясь, сказала Валья. — Но, наверное, это может быть эффективно только в том обществе, где все крупнее тебя.

— А мое поведение в такие времена в тупик тебя не ставило? — спросил Крис. — Ведь титаниды друг на друга не набрасываются, не так ли? Полагаю, я должен казаться тебе… ну, неприятен, когда так себя веду. Это очень не по-титанидски.

— Почти все человеческое поведение очень не-титанидское, — сказала Валья. — Когда ты, как ты говоришь, «безумен», то немного агрессивнее обычного. Но ведь тогда усиливаются все твои страсти — и любовь и агрессия.

— Но я не влюблен в тебя, Валья.

— Нет-нет, ты меня любишь. Даже это твое обличье, твое разумное лицо любит меня титанидской любовью — неизменной, но слишком большой, чтобы отдать всю ее кому-то одному. Ты так мне и говорил, когда бывал безумен. Еще ты говорил, что твоя разумная часть этой любви не признает.

— Этот псих тебе лгал!

— Нет, ты не станешь мне лгать.

— Но я здесь как раз потому, чтобы от всей этой дури излечиться! — в растущем отчаянии воскликнул Крис.

— Я знаю, — простонала Валья, опять готовая вот-вот залиться слезами. — Я так боюсь, что Гея тебя излечит и ты уже никогда не узнаешь, как ты меня любишь!

Крису подумалось, что более безумной беседы трудно себе представить. А может, он вообще сумасшедший — все время. Это тоже лежало в пределах возможного. Но ему совсем не хотелось видеть Валью плачущей. Она действительно ему нравилась — и вдруг сопротивление потеряло всякий смысл. Он поцеловал ее. Титанида мгновенно откликнулась, тревожа его своей силой и страстью, затем помедлила и приложила губы к самому его уху.

— Не беспокойся, — сказала она. — Я буду нежной.

Крис улыбнулся.

Хотя это оказалось непросто, со временем ему удалось соорудить перевязь, на которой с удобством могла отдыхать Валья, пока ее ноги восстанавливались. Довольно долго пришлось искать три достаточно длинных и прочных шеста среди чахлых кустарников, которые в пещере

сходили за деревья. Когда Крис их нашел, то быстро смастерил высокий треножник. Веревки как раз хватило, чтобы сделать перевязь и обмотать ее ненужной в теплой пещере одеждой. Валья осторожно подтянулась на руках, и Крис просунул ее ноги в петли. С удовлетворенным вздохом титанида устроилась поудобнее. И впоследствии большую часть времени проводила именно так, когда ее передние копыта болтались в нескольких сантиметрах от земли.

Но далеко не все время. В перевязи не получалось заниматься фронтальной любовью, а эта забава быстро сделалась существенной частью их жизни. Вскоре Крис уже недоумевал, как же он так долго без этого обходился, а затем понял, что, конечно же, не обходился — он все время занимался любовью с Вальей. Теперь ему казалось, что, скорее всего, он впал бы в отчаяние, доведись ему заголодать среди такого изобилия. Даже молоко Геи стало лучше на вкус, и Крис считал, что дело тут в его настроении, а не в таковом у Ее Величества.

Валья была совсем непохожа на человеческих женщин. Бесцельно было бы даже пытаться судить, лучше она или хуже, — просто она была другой. Ее переднее влагалище в пределах всех

допусков подходило Крису слишком точно, чтобы это можно было считать результатом какого-то невероятного совпадения. При таких мыслях ему почти слышалось, как Гея хихикает. Славную шутку сыграла она с человечеством, устроив все так, чтобы первые же разумные негуманоиды, с которыми земляне встретились, могли играть в те же игры, что и они, и с той же экипировкой. Валья была просторным, сочным игралищем — от кончика ее широкого носа через целые акры крапчатой желтой кожи до мягких подушечек над копытами ее задних ног. Ласки ее рук, тяжесть ее грудей, вкус ее кожи, рта и клитора казались — по большому счету — вполне человеческими. И в то же время титанида была такой непривычной со своими выпуклыми коленями, гладкими и твердыми мышцами спины, бедер и ляжек. А особенно — с ошарашивающим явлением ее пениса, когда тот влажным выскальзывал из складки. Когда же Крис целовал ее в ложбинку меж выразительных ослиных ушей, Валья пахла женщиной.

Поначалу Крис неохотно признавал присутствие большей части ее тела. Пытался притворяться, что титанида существует только от головы до переднего паха и игнорировал все, как ему

казалось, сексуальные излишества. Постепенно Валья нежно подвела его к опробованию удивительных возможностей своих остальных двух третей. Отчасти колебание Криса объяснялось тем упорным недомыслием, с которым он боролся, находя его у других, и не понимал, что сам его разделяет: поскольку часть тела Вальи конская, стало быть отчасти она лошадь, а с животными заводить интимную близость не следует. Подобные рассуждения пришлось отбросить. Причем это оказалось на удивление просто и легко. Во многих отношениях в Валье было меньше конского, чем в Крисе обезьяньего. Еще один барьер как бы устанавливался самой Вальей — она была гермафродитом (хотя афрогермодит представлялось более точным определением, ни одно из них не подходило для точного определения титаниды). Крис никогда не страдал гомосексуальностью. Валья же заставила его понять, что, пока он занимается любовью с ней, это и другие подобные слова просто лишены смысла. Она оказалась всем сразу, и не имело значения то, что ее задние половые органы были столь велики. Крис давно понял, что совокупления — лишь малая часть любовных игр.

Титанидские костыли представляли собой

длинные, прочные шесты с обитыми тканью полумесяцами на одном конце, чтобы точно подходить к подмышкам — то есть мало чем отличались от типа, тысячелетиями использовавшегося людьми. Крису не составило труда смастерить пару.

Поначалу Валья проходила лишь по пятьдесят метров и отдыхала. Затем одолевала то же расстояние обратно до палатки. Вскоре она почувствовала, что может осилить больше. Тогда Крис свернул палатку и упаковал все себе на горб. Пришлось тяжко, особенно с шестами треножника Вальи для перевязи. Не будь низкой гравитации, никогда б ему на такое не отважиться. Но все равно тяжесть была страшная.

Валья ходила вперевалку, сначала поднимая один костыль, затем другой — и сопровождая все это движениями задних ног. Все это накладывало непривычное напряжение на плечи, человеческую спину, прямой угол позвоночника. Крис понятия не имел, как выглядит скелет титаниды; лишь не сомневался, что ее позвоночный столб должен сильно отличаться от человеческого — иначе как бы она поворачивала голову на 180 градусов и делала другие немыслимые движения, которые ему довелось наблюдать. Тем не менее,

сходство тоже было — боли в спине они испытывали почти одинаковые. Под конец каждого дня похода лицо Вальи перекашивалось от страдания. Мышцы на изгибе спины становились как негнущиеся канаты. Массаж не помогал, хотя Крис старался вовсю. В конце концов, чтобы принести титаниде хоть какое-то облегчение, он принимался молотить ее кулаками, словно готовил отбивную.

Постепенно они окрепли, хотя все равно понимали, что легко им не станет. Некоторое время каждый следующий отрезок выходил длиннее предыдущего, пока они не достигли максимума, который Крис оценил в полтора километра. Ежедневно им попадалось множество отметок, сделанных Робин во время ее более раннего прохода. Не было возможности узнать, как давно сделаны эти отметки, и не было времени обсуждать, что они оба на этот счет думают. По всем прикидкам Робин уже давным-давно должна была вернуться с подмогой.

Крис и Валья тащились все дальше и дальше — и с каждым днем у них в головах все яснее вырисовывался один вопрос.

Где же теперь Робин?

ГЛАВА XXXVIII
Бравада

Робин уже давно перестала сомневаться в правоте Криса. Она ее признала. Не следовало ей таскаться по такому месту одной.

Она еще раз попыталась шевельнуть рукой. И на сей раз кое-чего добилась — один палец слегка дернулся, и она почувствовала под ним что-то твердое. Но ее охватил страх: а вдруг окажется, что тело переломано. В таком случае она вечно будет лежать во тьме, и, хотя подавляющая часть этой вечности пройдет в безмятежной нирване, следующие несколько недель станут предельно сквернымi.

Как странно думать, что меньше года назад ей было девятнадцать. Она не знала страха и тем более не думала, что не далее как завтра может оступиться и пролететь тысячу метров к своей смерти.

Впрочем, у смерти не было основания ждать до завтра. Пока Робин беспомощно здесь лежит, Ночная Птица вполне может подкрасться к ней и… и проделать все то, что она проделывает с

беспомощными ведьмами.

Робин снова изо всех сил попыталась повернуть голову. Еще совсем немного — и она ее увидит. Конечно, если, как уже заподозрила Робин, Ночная Птица и впрямь притаилась на том каменном выступе в нескольких метрах над головой. И снова ничего не вышло. Только в глаз, будто жало, вонзилась соленая капелька пота.

Надо свистеть, припомнила девушка. И тут же: чушь и нелепость. Тебе уже девятнадцать лет, скоро двадцать. Ночной Птицы ты не боялась с тех пор, как стукнуло шесть. И все же, будь она способна сморщить губы, защебетала бы как канарейка.

Робин вовсе не была уверена, что далекие звуки, которые стали слышаться вскоре после того, как она ушла от Криса и Вальи, складывались из эха ее собственных шагов, негромких шепотков рассевшихся наверху сиялок, далекого шума падающей воды. А неуверенность всегда позволяет разгуляться воображению. Вот зрелище Ночной Птицы и выпрыгнуло из детских воспоминаний, чтобы визжать и скалиться где-то совсем рядом — но вне поля зрения.

Робин не верила, что это и впрямь Ночная Птица; даже в своем теперешнем состоянии она

понимала, что такого существа никогда не было — ни здесь, ни на Земле. Всего лишь страшилка, какие рассказывают друг другу маленькие девочки, — и ничего больше. Но вся каверза насчет Ночной Птицы заключалась в том, что ее никто никогда не видел. Она слетала вниз на крыльях тени и всегда нападала сзади, могла менять форму и размеры, подлаживаясь к любому темному уголку, чтобы с одинаковой легкостью прятаться в мрачной каморке, под кроватью или даже в пыльном углу. И то, что преследовало Робин — если вообще это что-то было, — принадлежало царству грез. Ведь она ничего не видела. Иногда ей казалось, что она слышит отвратительное поскребывание когтей, постукивание жуткого клюва.

Робин знала, что, помимо огурцов, латука и креветок, в пещере есть и другие живые существа, а также различные виды растений. Попадались ей крошечные стеклянные ящерки. Ног у них было от двух до нескольких сотен. Ящерки любили тепло, и, по мере продвижения на запад, их становилось все больше. Вскоре первой утренней заботой стало для Робин вытряхивание из спального мешка всех забравшихся туда стекляшек. Еще были твари, подобные морским звездам,

улиткам и устрицам, разнообразные как снежинки. Раз Робин увидела, как сиялку прямо в полете сцапал невидимый летун, а в другой раз нашла нечто, вполне способное быть частью вездесущего тела Геи, лишенной своих каменных одежд. Или с таким же успехом могло быть существо, рядом с которым синий кит показался бы не больше пескаря. Все, что Робин выяснила наверняка, это то, что оно теплое, мясистое и, по счастью, сонное.

А если в пещере, которая на первый взгляд казалась бесконечными километрами голых камней, жили все эти твари, то почему бы там не обитать Ночной Птице?

Робин еще раз попыталась оглянуться через плечо, но на сей раз удалось лишь чуть-чуть приподнять подбородок. Вскоре она уже могла слегка дрыгать ногой. Но еще долго после того, как девушка вновь оказалась способна двигать руками и ногами, она оставалась недвижной как бревно, дожидаясь, пока обретет полный контроль над телом. Ноги ее свисали на метр ниже головы. И прежде чем спуститься по склону, следовало сто раз подумать.

Когда Робин, наконец, двинулась, осторожности ее не было предела. Она отползала назад на

локтях, пока не почувствовала, что поверхность выравнивается. Затем, повернувшись, намертво вцепилась в теплый камень. Что за чудесная штука гравитация! Но только когда она придавливает тебя к ровной поверхности, а не грозит сдернуть с ненадежного насеста. Раньше Робин и в голову не приходило задумываться о гравитации как о друге или враге.

Дрожь прекратилась, и Робин подкралась к краю расщелины, где она столько часов пролежала беспомощной. При падении она раздавила одну из сиялок. Другая, полумертвая, еле мерцала, но все же давала достаточно света, чтобы Робин могла заглянуть вниз и увидеть дно — в полутора метрах от того места, где были ее ноги.

Если бы она только-только прибыла в Гею, то посмеялась бы над таким расстоянием. А теперь не стала. В конце концов, не нужно сотни метров, чтобы убить; не нужно даже и десяти. Если как следует (вернее — как не следует) упасть, хватит и полутора.

Робин сперва осмотрела свое тело, затем снаряжение. Сильно болел бок, но после аккуратного прощупывания она решила, что ребра не сломаны. Под носом запеклась кровь; Робин ударилась лицом, когда ноги вдруг провалились — перед

самым началом ужасающего скольжения вперед ногами в неведомое. Если не считать этого, нескольких царапин и сломанного ногтя, все было в порядке. Осмотр снаряжения никаких пропаж не выявил. Клетка с сиялками сломалась, но держать там все равно пока что было некого, а новую вполне можно будет сплести из прутьев на следующей стоянке.

Робин уже потеряла счет тому, сколько раз она спасалась от катастрофы, и уже начала путаться, что можно считать спасением, а что — нет. Даже если исключить все те случаи, когда пальцы скользили по веревке, а ноги ненадолго лишались опоры, если не считать падавших в считанных метрах от нее камней, зыбучего песка, который оказался лишь по пояс глубиной, внезапного наводнения, вдруг затопившего лощину, которую она только-только собралась пересечь, — если считать лишь то, что Робин действительно чувствовала холодную, липкую хватку смерти, когда страх проникал ей в душу, — все равно выходило слишком много. Ей невероятно везло, и она это знала. Были времена, когда опасность ее вдохновляла. Теперь эти времена прошли.

Каждый новый день приносил и новые страхи. Их было так много, что Робин уже не стыдилась

бояться. Она была слишком измучена, слишком потрясена крахом той, кем себя считала. Если ей суждено из этой пещеры выбраться, то наружу выйдет уже не Робин Девятипалая, а некая подавленная незнакомка.

Быть Робин Девятипалой было непросто, но се, по крайней мере, уважали. Никто не мог бесцеремонно с нею обойтись. В очередной раз Робин задумалась над тем, что куда достойнее кончить свою жизнь здесь, где никто ее не видит. А выйти на свет значит явить всему миру свой позор.

Но немного погодя, побуждаемая силой, которой она бы сопротивлялась, если бы знала как, Робин встала и продолжила свой дальний путь на восток.

Все казалось так просто, когда она объясняла это Крису и Валье. Робин будет пробираться по пещере, неизменно направляясь на восток, пока не выйдет к залу Тейи. При этом, разумеется, предполагалось, что направление, которое они считали востоком, действительно восток. Если же нет, Робин тут мало что могла поделать.

Но вскоре выяснилось, что, кроме первого и главного предположения, ей придется сделать еще несколько. Будет ли пещера, длиной в несколько километров на запад и невесть

сколько на восток, и дальше тянуться в этом направлении. А никакого резона для этого не было. По точечным огонькам сиялок Робин могла судить об общем направлении прохода на два-три километра в ту и в другую сторону. Линия в целом казалась прямой. Однако множество изгибов и извивов вызывали в этом сомнение.

Была и еще одна неприятность. Невозможно было сказать, поднимается пещера или опускается. Начали они с уровня, про который точно было известно, что он в пяти километрах под землей, так утверждала Сирокко. Но Робин также знала, что наружная кожа Геи имеет толщину в тридцать километров и промахнуть зал Тейи запросто можно было и по вертикали.

Все сомнения Робин запросто устранили бы два простейших устройства. Подниматься в Гее означало становиться легче, в то время как при спуске вес соответственно увеличивался. Чувствительные пружинные весы запросто замерили бы разницу. Собственные же ощущения Робин были весьма неопределенными. Гироскопические гейские часы легко было использовать как компас, ибо, когда их ось ориентировали на юг-север, она уже не вращалась. Ориентируя часы до остановки, а затем поворачивая их на девяно-

сто градусов, Робин могла бы различить восток и запад по тому, шли часы назад или вперед. Но в пружинных весах ни Сирокко, ни Габи в своих походах не нуждались, и они их не захватили. А часы остались во вьюке у Менестреля.

Убив уйму времени на попытки зафиксировать свое положение и направление при помощи каких-то простых средств, Робин пребывала в еще большем недоумении. Так, вроде бы различить восток и запад можно по поведению падающих предметов. Робин натянула длинные отвесы и роняла все, что попадалось под руку, — с крайне невразумительными результатами.

Под конец она просто брела, затерянная во мраке. И так продолжалось уже три килооборота, а быть может, и больше. Она решила идти вдоль северной стены. Идея казалась замечательной, пока не более чем через двадцать снов ее похода Робин не зашла в тупик. Тогда она вернулась назад по южной стене, а та все загибалась и загибалась, пока не сделала все 180 градусов и Робин не поняла, что, сама того не ведая, забрела в боковой коридор. Ничего не оставалось, как возвратиться по проходу до отметок, сделанных ею для Криса и Вальи. Там Робин зачеркнула одну отметку и вырубила новую, направляя их в

другой коридор. Но три сна спустя тот вдруг тоже закончился тупиком.

С той поры все превратилось в кошмар длинных заходов и мучительных возвращений, черепашьего продвижения, пока Робин исключала все ложные коридоры, доходя до их концов. Тяжкая, опасная работа. Непреодолимый страх девушки состоял в том, что никакого выхода на самом деле и нет — что после всех слез, разочарований и крепнущего понимания, что она не знает, куда идет, она увидит на отдалении лагерь Криса и Вальи и поймет, что все было зря.

Начала расти и вероятность того, что однажды Крис и Валья могут с ней встретиться. Но Робин уже было все равно. По правде, она часто недоумевала, отчего бы ей просто не сесть и их не дождаться. Как славно было бы снова оказаться в их компании. Девушка жаждала увидеть их обоих… или теперь их уже трое? Интересно, как выглядит ребенок титаниды.

Чем больше она об этом задумывалась, тем больше смысла находила. Действовать втроем было бы куда лучше, чем Робин в одиночку. Безопаснее — тут и разговора нет.

И всякий раз она с еще большей решимостью устремлялась вперед. Если бесстрашной ей боль-

ше не быть, то упорства у нее пока еще не отняли. И если она должна встать лицом к тому факту, что ей страшно, она также сумеет встать лицом к самому страху — и преодолеть его.

Робин вошла в сводчатый коридор, очень похожий на тот, по которому они с Крисом бежали. Ничего нового тут не было; она уже по сотне таких послонялась. Но девушка настолько уверилась в бесцельности своего похода, что испытала больше, чем изумление, увидев конец этого, сто первого, коридора. Какое-то время она была слишком потрясена, чтобы двинуться с места. В воздухе висел неприятный запах. Робин мельком выглянула вправо, влево — а потом вниз, где у самых ног плескалась прозрачная лужица. Носки ботинок дымились.

Торопливо отскочив назад, Робин скинула ботинки. Подумать только! Ведь она могла зайти прямо туда. Могла прямо туда упасть. Пары могли заполнить легкие…

— Прекрати! — вслух сказала она — и была потрясена звуком собственного голоса. Нет смысла торчать тут и прикидывать, что могло случиться. Случилось то, что случилось. Теперь следует задуматься о том, что еще может случиться.

— Тейя! — крикнула Робин. Но что, если перед

ней теперь Тефида или Феба? Сомнительно, что их можно различить по голосу даже вблизи. А оттуда, где она стоит — в семистах метрах по темному коридору от конического регионального мозга, — это совсем безнадежно. Быть может, стоит уйти, обдумать все хорошенько, а только потом вернуться к этой проблеме…

— Тейя, мне нужно с тобой поговорить!

Она внимательно прислушивалась, не спуская глаз с края кислотной лужи в нескольких метрах от нее. Если кислота хоть чуть-чуть поднимется, Робин покажет сиялкам, что ноги могут служить не хуже крыльев.

Но голос Робин был еле слышен — едва ли тот звук мог бы достичь затопленных кислотой тоннелей. Тефида, казалось, говорила громче — но так могло только казаться трясущейся от страха и ловящей каждое слово Робин.

Робин еще раз крикнула и снова прислушалась. Ни звука. Вот на это она никак не рассчитывала. Она ожидала миллион всевозможных бед, но и представить себе не могла, что Тейя способна так и не узнать о ее присутствии.

— Тейя, я Робин из Ковена, подруга Сирокко Джонс, Феи Титана, императрицы титанид, и я… — Она попыталась припомнить еще титулы, пол-

ный набор которых в один из тяжелых моментов в Фонотеке выдала ей Габи, но безуспешно.

— Я подруга Феи, — закончила Робин, надеясь, что заверения будет достаточно. — Если ты меня слышишь, то знай, что я пришла по делу Феи. Мне нужно с тобой поговорить.

Она снова прислушалась — но с тем же результатом.

— Если ты ко мне обращаешься, то я тебя не слышу, — опять крикнула Робин. — Если ты уменьшишь уровень кислоты настолько, чтобы я смогла подойти ближе, говорить будет легче. — Она собиралась было добавить, что не желает Тейе вреда, но что-то в поведении Сирокко при разговоре с Крием заставило ее переменить решение. Робин понятия не имела, опасно ли ей принимать те же обличья, которыми пользовалась Сирокко. Может быть, ничего хуже и придумать было нельзя. И в той же мере было возможно, что Тейя не понимает ничего, кроме силы, и прикончит ее в тот самый момент, когда она проявит слабость.

От этой мысли, несмотря на весь испуг, Робин чуть не расхохоталась. А что у нее сейчас есть, кроме слабости? Может статься, приступ скрутит ее прямо перед Тейей — и она будет бессильно

лежать, пока могучее существо станет прикидывать, что с ней делать.

Да наплевать, тут же решила Робин. Все равно идти некуда. Только в дальний конец коридора — назад во мрак горького поражения. Даже думать не стоит. Надо делать то, что она должна, — и не обращать внимания на то, как дрожат руки.

— Необходимо, чтобы я с тобой поговорила, — твердо продолжила она. — А для этого ты должна понизить уровень кислоты. Уверяю тебя, если ты не сделаешь, как я говорю, Фея будет весьма недовольна — а значит, недовольство проявит и Гея. Если ты любишь и уважаешь Гею, позволь мне приблизиться!

Гулкие слова прозвенели фальшью в ее ушах. Конечно, Тейя расслышит все так же ясно, как и сама Робин. Отчаянный страх таился за каждым словом, готовый ее предать.

И все же уровень кислоты стал снижаться. Осторожно приблизившись, Робин увидела, что там, где только что был пятисантиметровый слой кислоты, теперь осталась только скользкая, дымящаяся пленка.

Тогда она быстро села и открыла рюкзак. В ботинки она напихала тряпья от рубашки, порванной много гектаоборотов назад. Когда Робин

снова обулась, пальцы пришлось поджать. Оставшейся частью рубашки и куском одеяла она обвязала ботинки снаружи. Затем ступила на влажный пол. Похоже было, что в такой концентрации кислота недостаточно крепка, чтобы сразу разъесть материю. Имело смысл рискнуть.

Тейя также соблюдала осторожность. Кислота удалялась с мучительной медлительностью — Робин даже приплясывала от нетерпения. Коридор шел под уклон. Вскоре кислота потекла со стен. Стали падать капли и с потолка. Натянув на голову одеяло, Робин шла дальше.

Наконец, она оказалась на выступе, идентичном тем, которые она видела в логовищах Крия и Тефиды.

— Говори, — раздался голос, и в это мгновение Робин едва не повернулась и не бросилась бежать. Еще бы, ведь это был тот самый голос — голос Тефиды. Но тут она вспомнила, что и у Крия голос такой же — ровный, бесстрастный. В нем не было ничего человеческого — как у голоса, выстроенного на экране осциллоскопа.

— Не двигайся, — продолжил голос, — или сразу прощайся с жизнью. Я могу действовать гораздо быстрее, чем ты думаешь, так что не полагайся на прошлый опыт. Мое право убить тебя,

ибо здесь мои священные палаты, дарованные мне самой Геей, недоступные ни для кого, кроме Феи. Только лишь моя давняя дружба с Феей и моя любовь к Гее пока что сохраняют тебе жизнь. Теперь говори и объясни мне, почему ты должна жить дальше.

«А она не особенно церемонится», — подумала Робин. Что же касалось самих слов, то, исходи они от человека, девушка наверняка решила бы, что говорящий безумен. Возможно, Тейя и впрямь была безумна, но это значения не имело. Рамки слова «безумие» были достаточно широки, чтобы включать в себя и инопланетный разум.

— Если ты намереваешься повернуться и дать деру, — продолжала Тейя, очевидно заподозрив неладное, — то тебе следует знать — мне известно, что произошло во время твоего визита к Тефиде. Знай также, что ты застала ее врасплох, тогда как мне уже многие килообороты известно о твоем приближении. Так что мне даже не потребуется заполнять зал кислотой; на дне рва есть устройство, способное пустить такую мощную струю кислоты, что она разрежет тебя пополам. Итак, говори — или готовься к смерти.

Робин показалось, что угрозы Тейи — добрый знак, равно как и ее готовность к общению была

неожиданным жестом смирения для полубога.

— Я уже говорила, — начала Робин как можно тверже. — И если ты слушала, то знаешь о важности моей миссии. Но, поскольку ты, похоже, не слушала, я повторю. С поручением исключительной важности я направляюсь к Сирокко Джонс, Фее Титана. Я обладаю сведениями, которые Фее необходимо узнать. Если же я не доберусь до нее, чтобы передать эти сведения, Фея будет в великом негодовании.

Только Робин это сказала, как ей тут же захотелось откусить себе язык. Ведь перед ней Тейя, союзница Геи, а сведения, которые Робин несла Сирокко, заключались в том, что Гея убила Габи. Все было бы ладно — если бы не вероятность того, что Тефида, которая наверняка была тут замешана, похвасталась Тейе. Судя по тому, что Тейя была в подробностях осведомлена о событиях в зале Тефиды, между ними несомненно существовало согласие.

— Что это за сведения?

— Они касаются только меня и Феи. Если Гея решит, что тебе следует это знать, она сама тебе скажет.

Наступившее молчание продлилось, должно быть, не более нескольких секунд. Но этого вре-

мени Робин хватило, чтобы постареть лет на двадцать. Однако, когда струя кислоты все-таки не вылетела, она чуть не завопила от радости. Есть контакт! Если она, Робин, может сказать такое Тейе и остаться в живых, то наверняка оттого, что уважение Тейи к Сирокко способно творить чудеса.

Теперь продержаться бы еще несколько минут.

Двигаться Робин начала медленно-медленно, не желая ошеломить Тейю. Она уже успела пройти три шага к лестнице на южной стороне зала, когда Тейя заговорила снова.

— Я сказала — не двигаться. Нам еще есть что обсудить.

— Не знаю, что нам еще обсуждать. Станешь ли ты препятствовать той, что несет послание Фее?

— Твой вопрос может стать неуместным. Если я тебя уничтожу — каково, безусловно, мое право и даже обязанность, согласно законам самой Геи, — некому больше будет плести небылицы. Фея никогда не узнает, что ты здесь была.

— Это вовсе не твоя обязанность, — возразила Робин, одновременно прокручивая в голове молитвы. — Я уже навещала Крия. Я была в его сокровенных палатах и выжила, чтобы об этом

рассказать. Для этого требуется только разрешение Феи. Мне это известно, и ты тоже должна знать.

— Прежде мои палаты были недоступны, — сказала Тейя. — Так должно быть и впредь. Ни одно существо, кроме Феи, не стояло там, где стоишь сейчас ты.

— А я тебе говорю, что виделась с Крием. Нет никого более преданного Гее, чем Крий.

— В преданности Гее никому не сравниться со мной, — искренне возразила Тейя.

— Значит, ты способна сделать не меньше Крия и отпустить меня целой и невредимой.

Вероятно, это оказалось для Тейи сложной моральной дилеммой; так или иначе, последовало долгое молчание. Робин обливалась потом, а ее носоглотка горела от кислотных паров.

— Если ты так предана Гее, — отважилась Робин, — почему тогда разговариваешь с Тефидой? — И снова она засомневалась, то ли она сказала. Но Робин была охвачена маниакальной жаждой доиграть этот фарс до конца. Не дело лебезить или умолять. Она чувствовала, что вся ее надежда — это стоять с гордо поднятой головой.

Тейя была не дура. Она поняла, что поступила опрометчиво, открыв Робин, что знает о ее при-

ключении у Тефиды. И не пыталась это отрицать, а ответила так же, как Крий, припертый к стенке Сирокко.

— Слушать не запретишь. Так уж я устроена. Да, Тефида предательница. Она упорствует в нашептывании ереси. Но обо всем, конечно, исправно докладывается Гее. Время от времени даже бывает польза.

Тут Робин заключила, что Тефида либо не знает того, что рассказала им Габи, либо не передала это Тейе. Со всей бесконечной болтовней о глазах и ушах Геи Робин не знала, насколько далеко может слышать Тефида. И решила, что границы ее палат плюс пять километров над ними — слишком далеко для прямого шпионажа с ее стороны. Но Тейя явно ничего не знала, ибо непременно передала бы все Гее. А ту вряд ли обрадовала бы перспектива знакомства Сирокко с обстоятельствами смерти Габи. В этом случае Робин уже была бы мертва.

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — продолжила Тейя. — Почему бы мне не убить тебя сейчас же и не уничтожить твое тело?

— Меня удивляют столь изменнические речи, — сказала Робин.

— Ничего изменнического я не сказала.

— Но Фея — доверенное лицо Геи, а ты собираешься ее предать. Впрочем, этот вопрос мы можем пока оставить в стороне и обсудить практическую сторону дела. Фея, если она жива, знает… — Тут она закашлялась, пытаясь выдать это за действие едких паров. «Робин, — сказала она себе, — у тебя слишком длинный язык».

— Так ты даже не знаешь, жива она или нет? — спросила Тейя, и Робин почувствовала в ее вопросе угрожающе приторный обертон.

— Не знала, — торопливо уточнила девушка. — Но теперь мне, разумеется, стало очевидно, что Фея жива. Ведь, не будь она жива, не было бы и разговора, не так ли?

— Это я признаю. Фея жива. — Красные искорки пробежали по всей конической поверхности Тейи. Робин встревожилась бы, не наблюдай она ту же картину, когда Сирокко наказывала Крия. Тейя явно переживала болезненное воспоминание.

— Итак, как я говорила, Фея знает, что я отправилась вниз по лестнице вместе с моими друзьями. Они живы, и, рано или поздно, Фея придет туда, найдет их, а тогда… — Опять искорки, и Робин задумалась, что же она такого сказала; может быть, ступает на скользкую тропку, затем поняла

— странно, почему Сирокко до сих пор за ними не спустилась. Конечно, Фея вполне может валяться пьяной на веранде Фонотеки — но о последствиях такого положения дел для ее нынешней ситуации Робин не хотелось даже и думать. Но Тея, похоже, была напугана угрозой поиска со стороны Сирокко и продолжала слушать.

— Фея станет искать, — подвела итог Робин. — А когда найдет, мои друзья скажут ей, что я ушла сюда. Ты возразишь, что я могла заблудиться в лабиринте ближе к западу, но неужели ты думаешь, что Фея успокоится, пока не отыщет мое тело? И не просто тело, а труп умершей от естественных причин, не сожженной кислотой.

Тейя по-прежнему молчала, и Робин поняла, что сказала все, что могла. Последний вопрос вдруг показался ей сомнительным. Почему Сирокко непременно должна прийти ее искать? Почему она до сих пор этого не сделала? Габи она, конечно, не бросит. Но ведь вряд ли она уже туда добралась.

Тейя, видимо, считала иначе.

— Тогда иди, — сказала она. — Уходи быстро, пока я не передумала. Неси Фее послание и знай, что за столь дерзкое осквернение моих палат удачи тебе больше не видать. Уходи. В темпе.

Робин хотела было ответить, что в жизни бы не пришла сюда, но решила, что довольно. Кислота уже начала подниматься, и ясно было, что Тейя по-прежнему способна соорудить правдоподобный несчастный случай. Тогда Робин поспешила к лестнице и запрыгала через пять ступенек.

Даже скрывшись из вида, хода она не сбавила. Ей вообще не хотелось останавливаться, но со временем усталость взяла верх. Споткнувшись, Робин упала и, совсем задыхаясь, растянулась поперек трех ступенек.

Да, она спаслась, но восторга это у нее не вызвало. Вместо восторга возникло желание, уже слишком хорошо ей знакомое, — непреодолимая потребность зареветь.

Но слез почему-то все не было и не было. Тогда Робин закинула за спину рюкзак и стала подниматься.

На выходе с лестницы Тейи оказалось много снега. Поначалу Робин не поняла, что это такое, и осторожно приблизилась к белой груде. В книгах писали, что снег мягкий и пушистый, а этот был совсем другой. Плотный, спрессованный.

Затем Робин остановилась, чтобы достать свитер. Теперь, когда все сиялки пропали, кругом было черным-черно. Последняя сиялка во вновь

сплетенной клетке почти издохла. А в торопливом подъеме по лестнице не было никакой возможности поймать еще.

Первым делом требовалось выбраться наружу. Если там не такая уж страшная непогода, Робин сможет увидеть Сумеречное море и выяснить, где запад. А дальше все было довольно туманно. Она попыталась припомнить виденную давным-давно карту. Где крепится к земле центральный трос Тейи? К югу или к северу от Офиона? Робин не помнила — а это было важно. Габи говорила, что лучший путь через Тейю — по замерзшей реке. Впрочем, раз сориентировавшись, она может пробираться на юг, а если земля станет подниматься, то осмотрится, поскольку трос крепится где-то совсем рядом с рекой.

Робин даже не успела выбраться из леса жил, когда ей пришлось остановиться и надеть на себя всю одежду. Она и знать не знала, что бывает такая холодрыга. Зябко поеживаясь, девушка подумала, что зря она, наверное, выбросила теплую парку, которую заставил ее взять Крис. Тогда это имело смысл; парка занимала чуть ли не полрюкзака, походка из-за нее делалась неуверенной и неуклюжей. Кроме того, Робин не сомневалась, что двух свитеров, легкой куртки и остального

барахла хватит в любом случае. Но Крис велел беречь парку. Причем строго-настрого велел.

По крайней мере у нее еще оставались ботинки. Они здорово помогали на самых трудных участках подъема, хотя Робин вырвала из них всю меховую обивку, от которой потели ноги. Как и вся одежда, ботинки сильно поизносились, но за счет добротной работы по-прежнему были годны. Девушка потерла снегом тронутые кислотой пальцы и решила, что теперь, когда эта дрянь разбавлена водой, разъедать она больше не будет.

Она уже готова была пуститься в путь, но тут вспомнила про еще одну деталь своего снаряжения, которую до сих пор тащила без толку, но которая теперь могла пригодиться. Порывшись в рюкзаке, Робин вытащила оттуда маленький ртутный термометр, поднесла его поближе к издыхающей сиялке и прищурилась. Сначала она глазам своим не поверила. Снова потрясла и подождала. И опять — двадцать градусов ниже нуля! Подышав на термометр, Робин увидела, как тонкий серебристый столбик ползет вверх, а потом медленно опускается. Теперь появилась еще одна опасность. Она может замерзнуть до смерти, если не станет двигаться.

«Так отрывай зад от камня и рви когти», — сказала себе Робин. Не сразу, но получилось. «Хорошо бы, конечно, для начала отдохнуть», — подумала она затем. Прежде сон на лестнице Тейи ей и в голову не приходил. Теперь же, по колено в снегу, она обдумала эту возможность. Наконец, решила немного пройтись для согрева, поспать — и отправиться в путь отдохнувшей.

Но потом все же решила этого не делать. Следовало соблюдать осторожность. Сложно было сказать, в безопасности она от Тейи на верху лестницы или нет.

Взглянув на издыхающую сиялку, Робин поняла, что надо поторопиться. Если она скоро отсюда не выберется, тьма станет полной.

Робин вылезла из-под троса, по пути уяснив для себя кое-что насчет снега и льда. Лед был куда опаснее камня, хотя и казался ровным и твердым. Что же до снега… то ей попалось столько пушистой его разновидности, что на всю жизнь разглядывать бы хватило. Местами он лежал выше головы. Несколько раз приходилось огибать громадные сугробы.

Вскоре Робин увидела серый свет, и сиялка уже была не нужна. Тогда она отшвырнула клетку и смело направилась вперед.

Непривычно было снова видеть так далеко. Погода в Тейе стояла ясная. Воздух трещал от мороза, порывистый ветер километров пять-шесть в час больно кусался. Щупая Робин, ветер словно вытягивал тепло ее тела. Слева было Сумеречное море. Значит, там запад — а следовательно, чтобы направиться к югу, придется обогнуть трос.

Если, конечно, она все правильно помнила. Разумно было бы сначала снова все обмозговать, а уж потом пускаться по пути, которым придется тащиться назад, если Офион окажется к северу от троса. Робин уже нагулялась назад по коридорам, а сейчас следовало думать и о том, что ступни уже замерзают.

Девушка припомнила, что главную часть Тейи составляет горный хребет, простирающийся от северного нагорья до южного. Офион, который держался срединного курса через регион, где-то в центре Тейи разделялся на северный и южный рукава, которые затем воссоединялись примерно там, где к земле крепился центральный трос. Южный рукав почти на всем протяжении тек под двумя ледниковыми полотнами, покрывшими большую часть Тейи, и отыскать его было почти невозможно. А вот северный не все время оставался подо льдом. В один из периодов

тридцатилетнего климатического цикла Геи он оттаивал, и тогда узкая долина в Центральной Тейе переживала краткую, блеклую весну. Но теперь был не тот период. Впрочем, даже замерзшую, реку нетрудно будет найти. Она должна быть сравнительно ровной и находиться на дне широкой долины.

Чем больше Робин об этом задумывалась, тем больше ей казалось, что ее первое воспоминание было ошибочным. Земля под ее ногами покато шла вниз. Было слишком темно, чтобы судить, есть впереди река или нет, но теперь Робин почему-то думала, что она именно там. Да и что за черт, в самом деле? Шансы все равно одинаковы, но так, по крайней мере, не надо кружить вдоль троса. И она пустилась на север.

Не успела Робин одолеть и полкилометра, как ветер задул сильнее. Слетавший с верхушек высоких сугробов снег стал липнуть к щекам. Тогда она еще раз остановилась, чтобы поправить одежду. Теперь девушка завернулась в одеяло и наладила капюшон, который плотно сидел на шее и таким образом защищал от ветра все, кроме глаз.

Пока она сидела, что-то к ней приблизилось. Сквозь метель Робин не удалось толком разгля-

деть — видно было лишь, что оно белое, размером с полярного медведя, с массивными лапами и полным ртом клыков. Оно сидело и смотрело на Робин, и Робин тоже смотрела, пока оно не решилось подойти поближе. Возможно, оно хотело всего лишь поздороваться, но Робин не стала дожидаться и выяснять, что ему нужно. Первую пулю существо впитало совершенно равнодушно и только чуть помедлило, чтобы взглянуть на расплывающееся по меху красное пятно. Когда оно двинулось дальше, Робин быстро опустошила весь магазин. Существо спокойно сложилось пополам, будто чистое белое полотно, и больше не двигалось. Заряжая пистолет последней обоймой, Робин отчаянно боролась с дрожью в руках, глухо материлась и дышала на негнущиеся пальцы. Когда она закончила, существо по-прежнему не шевелилось, но приближаться к нему Робин не стала. Обойдя труп стороной, она возобновила свой мучительный спуск.

В каком-то смысле было даже хорошо, что Робин не стала раздумывать о своих действиях после того, как доберется до реки. Потому что если б задумалась, то, вероятно, все еще под тросом бы топталась. Лучше ставить перед собой ближайшую цель, думала она, стоя на широкой и

ветреной равнине, которая должна была быть не чем иным, как замерзшим Офионом. Глянула на восток. Потом на запад. Оба направления представлялись в равной степени убийственными. Она оказалась в самом центре Тейи, более чем в 200 километрах в любую сторону до дневного света.

К востоку лежала Метида, чье тепло и радушие были, по словам Сирокко, обманчивы. Метида была врагом Геи, хотя и не столь опасным, как Тефида. А к западу, разумеется, лежала Тефида с ее пустынями. Отсюда они почему-то не казались такими уж страшными. Робин подумала о приятном жаре песков, потом вспомнила пескодухов под этими песками — и повернула на восток. На самом деле выбора тут не было. Просто хотелось несколько минут постоять неподвижно, не думая о ногах.

Самое ужасное заключалось в том, что Робин буквально сгорала, замерзая до смерти. Пальцев ног она уже не чувствовала — и в то же время пот ручьями бежал по спине. Усилия держали ее в тепле — по сути даже излишнем, — а ветер ее убивал. Но она продолжала идти.

Когда Робин несколько часов спустя споткнулась и резко вскинула голову, то поняла, что чуть

не заснула. Пришлось пересмотреть свои планы. Состояние беззаботного наркотического экстаза, столь обычного для людей, пытавшихся прожить в Гее без часов, было ей знакомо. Она понимала, как далеко можно зайти под этими чарами. Не представляя себе, сколько она уже не спит, Робин все же прикинула, что никак не меньше двух-трех суток. Устать она успела еще до того, как достигла приведшего ее к Тейе коридора, и с тех пор усердно себя изнуряла. Ясно было, что так легко можно заснуть на ходу. Во время похода по пещере такое несколько раз уже случалось. Теперь следовало найти место для сна — и как можно скорее.

Ничего подходящего вокруг не наблюдалось. Пытаясь как-то раскочегарить свои мозги, Робин все-таки сумела припомнить что-то про закапывание в снег. Выглядел такой вариант не слишком здраво, но спать на ветру представлялось еще большим безумием.

У края замерзшей реки оказалось место, где снега намело на восемь метров в высоту. Зайдя с подветренной стороны, Робин решила здесь подкопаться. Она лихорадочно выбрасывала снег обеими руками, пока не выгребла достаточно снега, чтобы поместиться. Затем заползла туда

и судорожно заделала вход. Наконец свернулась в плотный калачик и мгновенно провалилась в сон.

Раньше Робин думала, что «стучать зубами» — всего лишь фигуральное выражение вроде «дрожи в коленях», когда чего-то боишься, но теперь она явно ощущала, как дрожат ее колени. Тело тряслось. Она зашлась кашлем. Робин поняла, что скоро умрет.

Одной этой мысли хватило, чтобы она выкарабкалась из своего пристанища и встала, покачиваясь, на речном берегу. Она снова закашлялась — и не смогла остановиться, пока не вывернула наружу всю горечь своего почти пустого желудка. Потом Робин с удивлением поняла, что стоит на коленях.

Еще больше она удивилась, когда вдруг поняла, что бредет по льду. Причем, оглянувшись, уже не увидела того места, где останавливалась. Должно быть, она уже какое-то время шла, сама того не осознавая.

Все окружающее стало то появляться, то пропадать. Поле зрения так сузилось, словно Робин глядела в узкую трубку. Потом по краям покраснело — и ей пришлось подниматься там, где она упала. Ее качающаяся из стороны в сторону

фигура выглядела комически, пока Робин разглядывала не менее комические фигуры — похожие на формочки для печенья. Снежные ангелы — так они звались, и Робин понятия не имела, откуда ей это известно.

Иногда рядом шли люди. У Робин состоялась длинная беседа с Габи, причем долгое время она не помнила, что Габи уже давно мертва. Потом она выстрелила в то, что вполне могло оказаться каким-нибудь снежным монстром — или просто причудами метели. Несколько минут после выстрела пистолет приятно грел руку, и Робин подумала было выстрелить еще, пока не поняла, что целится себе в живот. Когда она положила оружие обратно в карман, кожа с ладони осталась на рукоятке. Отошел и кусок хвоста одной из вытатуированных змей. А что было еще хуже, ресницы на одном глазу совсем смерзлись, да и открытым глазом Робин почти ничего не видела.

Поначалу слепящий свет только раздражал. Просто Робин не находила ему объяснения. Ей больше не хотелось всяких паранормальных явлений вроде призрака Габи или галлюцинаторных Криса с Вальей, а этот свет казался из той же серии. Если она на него пойдет, там наверняка окажется оседланная и готовая забрать

ее Фанфара.

Хотя, если вдуматься, то почему бы и нет? Если ей все равно суждено умереть, куда приятнее сделать это в компании подруги. Что из того, что титанида мертва? Мертва так мертва — к мертвецам у Робин не было никаких предубеждений. Она славно посмеется, и Фанфаре придется признать, что жизнь после смерти действительно существует, что она и вся ее раса сильно на этот счет ошибаются. Подумав так, Робин рассмеялась и пустилась вверх по пологому склону — туда, на свет.

Впрочем, добравшись туда, она порядком протрезвела и начала понимать, в какой опасной близости к полному бреду оказалась. Надо собраться с духом. Свет реален — и, хотя неизвестно, что там окажется, если там нет для нее спасения, то ей его и не видать.

Со зрением становилось все хуже. Не налети Робин прямо на металлическую стойку, она запросто могла бы промахнуть мимо и уйти в никуда — в забвение. Но от крепкого удара зазвенели и стойка, и голова. Пришлось в полном обалдении снова подниматься и вглядываться в темноту. Впереди мигал красный свет — вспыхивал каждые секунд десять-пятнадцать. Робин

с трудом, но все же сумела различить строение, стоящее на четырех сваях и окруженное металлической балкой с ограждениями наподобие смотровой башни маяка, метров десяти высотой. К ней вела приставная лестница с деревянными ступеньками. Рядом с лестницей что-то такое было. Оказалось — небольшая вывеска чуть ниже уровня глаз. Смахнув снег, Робин прочла:

СТРОИТЕЛЬНАЯ КОМПАНИЯ МЕРСЬЕ УБЕЖИЩЕ НОМЕР ОДИННАДЦАТЬ «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ПУТНИКИ!»

Габи Мерсье, владелица

Робин поморгала, еще несколько раз прочла вывеску, чтобы убедиться, что она не испарится так же, как призрак Габи. Ничего, не испарилась. Тогда девушка облизнула губы и потянулась вперед, пытаясь ухватиться за ступеньки. Руки ее не слушались. Но как предусмотрительно со стороны Габи было сделать деревянную лестницу, подумала она, припомнив свою кожу на рукоятке металлического пистолета.

Зацепившись руками за ступеньку, Робин стала подтягиваться. Пришлось смотреть вниз, чтобы всякий раз проверять, встают ли на очередную ступеньку ноги, которых она уже не чувствовала.

Три ступеньки и отдых. Затем пять и опять отдых. Три. Две. Взглянув вниз, Робин увидела, что она уже почти на полпути. Значит, теряла сознание и сбивалась со счета. Последний отрезок лестницы с таким же успехом мог быть целым Эверестом.

Так близко.

Дверь наверху раскрылась. В проеме показалось лицо. Робин надеялась, что это Сирокко — просто потому, что в это она еще могла поверить. У Сирокко в Тейе дело — доброе и логичное. Если же там кто-то другой, то это точно мираж, фантом.

— Робин? Это ты?

Робин почуяла запах кофе и чего-то, жарящегося на плите. Просто не верилось. И точно — там не Сирокко. Все вышло так нелепо, что не было смысла даже вглядываться снова. Это была Трини — женщина, с которой она миллион лет назад занималась любовью в Титанополе. И в этот миг Робин поняла, что все это сон — все, все: и башня, и Трини.

Отпустив руки, она рухнула на спину в глубокий сугроб.

ГЛАВА XXXIX
Аванпост

Деньги Сирокко накапливались на Земле вот уже больше семидесяти пяти лет. Складывались они из премий за ученые труды, гейские путевые дневники и автобиографию «Я выбрала приключение» (идиотское название, разумеется, дал издатель), которая стала бестселлером, а также основой для сценария двух полнометражных фильмов и одного телесериала. Вдобавок Фея владела долей в, мягко говоря, доходной кокаиновой торговой компании. Некоторую часть капитала составляло даже жалование НАСА за время работы Сирокко на «Укротителе» до самой ее отставки.

В свое время Сирокко наняла швейцарского консультанта и бразильского адвоката. Дала она им всего два поручения: беречь ее деньги от инфляции и избегать конфискации доходов коммунистическими режимами. Также намекнула, что желательно вкладывать деньги в фирмы, занимающиеся космическим туризмом, и не использовать их в целях, противоречащих

интересам Соединенных Штатов. Бразильский адвокат счел последнее требование старомодным и уже не поддающимся четкой дефиниции. В ответ Фея вежливо написала ему, что адвокатов на Земле как дерьма. Бразилец все понял как надо, и на Сирокко до сих пор работали его потомки.

А потом Фея об этих деньгах забыла. Дважды в год ей приходил финансовый отчет, который она открывала лишь затем, чтобы взглянуть в конец. Фортуна позволила капиталу пережить две серьезные депрессии, когда бесчисленные недолговечные инвесторы были стерты в мелкую пыль. Агенты сознавали, что Фея может смотреть далеко в будущее и что ее не волнуют временные потери. Случались неудачные годы; общей же тенденцией был неуклонный рост.

Сирокко все это казалось ничего не значащей абстракцией. Почему ей должно быть интересно знать, что в ее собственности находятся X килограммов золота, У процентов акций корпорации «У-Плюс» и Z немецких марок в редких почтовых марках и произведениях искусства? Только если отчет прибывал в скучный день, Сирокко еще могла несколько минут похихикать над перечнем прибылей, где упоминалась всякая всячина — от борделей до эрделей и от Моне до

мулине. Лишь раз она послала на Землю письмо — когда случайно обнаружила, что владеет Эмпайр-Стейт-Билдинг и что оно предназначено для сноса. Сирокко велела вместо этого восстановить здание и в два последующих года потеряла миллионы. Зато потом все вернулось сторицей, и ее агенты решили, что Фея, несомненно, финансовый гений. Здание же осталось на месте только потому, что когда-то семилетняя Сирокко вместе с мамой поднималась на самый его верх и более приятных воспоминаний о матери у нее не осталось.

Время от времени она подумывала завещать свой капитал кому-нибудь такому или чему-нибудь эдакому, но уже оказалась так далека от земных забот, что понятия не имела, где ее деньги могут пригодиться. Они с Габи часто шутили, что стоило бы, пожалуй, выбрать фамилию из телефонного справочника и свалить все эти бумажки на кого Бог пошлет. Или, к примеру, обеспечить ими содержание роскошных санаториев для ушедших на заслуженный отдых проституток.

Но вот, наконец, эти деньги оказались очень кстати.

Трини еще очень издалека заметила самолет по посадочным огням, сияющим в ночи Тейи. И мно-

го позже услышала надсадный вой небольшого ракетного движка. Ох, не нравилось ей все это. Техника Сирокко еще не прибыла, когда Трини заняла свой пост на Убежище Номер Одиннадцать; сюда ее, как всякого порядочного человека, запузырили. А ведь одна из причин, почему Трини явилась в Гею, было желание сбежать от напора машинной цивилизации. Подобно большинству поселившихся в Гее людей, она с подозрением смотрела на любую технологию, кроме самой простейшей. Впрочем, Фею можно было понять. Сирокко развязывала тотальную войну с бомбадулями, и Трини не сомневалась, что скоро в небе ни одной этой сволочи не останется.

Самолет прополз последние метры перед соприкосновением с землей; от выхлопа взметнулись целые снежные облака. Усеянный сугробами, Офион выглядел не слишком многообещающей посадочной площадкой, но небольшой машине вполне хватило каких-то тридцати метров чистой полосы. Низкая гравитация и плотная атмосфера Геи обеспечивали отличный маневр, и самолет буквально порхал как бабочка. Прозрачные крылья были из пластика. Когда снег осел, Трини разглядела в крыльях несколько темных пятен и решила, что это либо лазеры, либо пу-

леметы. Легкий и не слишком новый самолетик модифицировали для воздушного поединка.

Из кресла пилота выбралась Сирокко. С другой стороны вылез кто-то еще — примерно ее роста.

Вернувшись к своей небольшой плите, Трини зажгла газ под кофейником. На это задание вольная художница пошла добровольно — хотя ни она, ни кто-то из людей в Гее ничего Сирокко не задолжали. Просто она услышала, что Фее нужна человеческая помощь в спасательной миссии, которая разыскивала Робин из Ковена. С того дня как Робин уехала, Трини не могла выбросить девушку из головы. Она решила, что ей больше по нраву ждать в убежище, чем спускаться по лестнице на встречу с Тейей. Так что ее забросили сюда заодно с упаковками съестных припасов, одеял, медикаментов и сжиженного газа, чтобы привести давно заброшенное убежище в жилой вид на случай, если здесь объявится кто-то из пропавших. Строение было все еще крепким, и ветер в убежище не проникал. Сирокко помогла ей вновь наладить работу маяка, но, кроме этого, делать здесь было почти нечего. Почти все время Трини проводила у окна с книгой, но только она отошла, как вдруг почувствовала, что башня слегка вибрирует. Кто-то карабкался по лестнице.

Теперь башня вибрировала куда ощутимее. Сирокко и ее спутник явно спешили. Трини открыла им дверь. Фея сразу же направилась к Робин, которая спала под целой грудой одеял. Опустившись рядом с ней на колени, Фея тронула лоб девушки и встревоженно обернулась.

— Она вся горит.

— Она выпила немного бульона, — сказала Трини, отчаянно желая хоть что-то добавить. Но добавить было нечего.

Пассажир Сирокко был знаком Трини — как и любому, что когда-либо проводил время в Титанополе. Ларри О'Хара был единственным врачом в Гее. Среди людей, разумеется. Он оказался там потому, что на Земле ему запретили практиковать. Но это никого не волновало, никто ни о чем не спрашивал. Возможно, в операциях на открытом сердце он звезд с неба не хватал, но вполне квалифицированно мог вправить кость или залечить ожог, а кроме того — ничего за это не просил. С собой Ларри неизменно носил черный чемоданчик без единого грамма электроники внутри. Теперь, снимая шубу, доктор поставил чемоданчик на пол. Со своей черной бородой и здоровым румянцем Ларри скорее напоминал лесоруба, чем врача. Пока он проводил осмотр,

Сирокко отошла в сторону. Времени доктор не пожалел.

— Она может потерять несколько пальцев на ногах, — заметил он в процессе осмотра.

— Ерунда, — отозвалась Сирокко, чем весьма удивила Трини.

Впервые толком рассмотрев Фею, женщина с еще большим удивлением поняла, что на ней, как и всегда, выцветшее кирпично-красное одеяло с дыркой посередине. Одеяло свободно драпировало ее тело, доходя до колен, и выглядело вполне пристойно, когда Фея стояла на месте, Когда же она двигалась, пристойного было мало. Ноги Сирокко было босы. Налипший на них снег быстро таял.

«Что же она за существо?» — подумала Трини. Для нее давно не было секретом, что Сирокко не как все, но она все же думала, что Фея, по крайней мере, по-прежнему человек. Теперь же она засомневалась. Да, не как все — но на вид различия были незначительны. Самым заметным представлялось то, которым щеголяла и Габи Мерсье. В Гее такими рождались все темнокожие. Но Габи и Сирокко всегда выглядели так, будто только что загорели.

Наконец Ларри отвернулся от Робин и взял

кружку кофе, предложенную Трини. Улыбнувшись ей в знак благодарности, он сел и принялся согревать руки белой кружкой.

— Ну что? — спросила Сирокко.

— Хотелось бы ее отсюда забрать, — сказал доктор. — Но пока что лучше ее не тревожить. Да и в Титанополе я, наверное, немногим больше смог бы для нее сделать. Несколько обморожений и воспаление легких, но девушка она молодая и сильная. Кроме того, титанидское снадобье, которое я ей ввел, воспаление легких лечит как зверь. При должном уходе она прекрасно выправится.

— Пока не выправится, ты останешься здесь, — заявила Сирокко. Ларри покачал головой.

— Невозможно. Моя забота — практика в Титанополе. А о ней можешь позаботиться ты — или Трини.

— А я говорю… — С отразившимся у нее на лице усилием Сирокко остановилась. Потом ненадолго отвернулась. Ларри казался заинтересованным — и не более. Трини знала, что уговорить его невозможно. Раз решив, он будет выполнять свой долг и даже спорить с тобой не станет. Что бы там ни приключилось с ним на Земле, в Гее к своей клятве Гиппократа О'Хара относился крайне серьезно.

— Извини, что я на тебя рявкнула, — сказала Сирокко. — Сколько ты еще сможешь здесь пробыть?

— Думаю, оборотов двадцать, если нужно, — заверил ее Ларри. — Но на самом деле я тебе за десять-пятнадцать минут могу рассказать, что делать. Лечение старо как мир.

— Она недавно заговорила, — сообщила Трини. Сирокко резко к ней повернулась — и Трини на мгновение показалась, что она сейчас схватит ее за плечи и начнет трясти. Но Фея удержалась. Только сверлила женщину глазами.

— Кого-нибудь из остальных она вспоминала? Габи? Криса? Валью?

— Да она еще толком и не очухалась, — ответила Трини. — По-моему, разговаривала она с Тейей. Тряслась от страха, но Тейе этого показывать не хотела. Бред один.

— Тейя, — пробормотала Сирокко. — Господи, как же она проскочила Тейю?

— Мне казалось, ты ожидала, что кто-то проскочит, — заметила Трини. — Иначе зачем было меня здесь высаживать?

— Чтобы задействовать все базы, — рассеянно ответила Сирокко. — Ты здесь прикрывала минимальную вероятность. Понятия не имею, как

ей удалось там пробраться — тем более, что… — Она нахмурилась и пристально посмотрела на Трини.

— Мне не хотелось, чтобы это так прозвучало. Надеюсь, ты…

— Все в порядке. Я очень рада, что оказалась именно здесь.

Лицо Сирокко помягчело, и, в конце концов, она даже улыбнулась.

— Я тоже. Я знаю, ты здесь была долго, и очень это ценю. Непременно позабочусь, чтобы ты получила…

— Мне ничего не нужно, — быстро сказала Трини. И снова эти глаза принялись ее сверлить.

— Хорошо. Но я все равно этого не забуду. Доктор, можно ее разбудить?

— Зови меня Ларри. Лучше ей пока отдохнуть. Она очнется в свое время, но не обещаю, что сразу начнет говорить что-то внятное. У нее сильный жар.

— Мне крайне важно с ней поговорить. От этого зависит жизнь остальных.

— Понимаю. Дай ей еще несколько часов, а потом я посмотрю, что можно сделать.

Сирокко молчала как рыба и даже не вставала со стула. Но ее нетерпение словно располза-

лось по всей комнате. Трини никак не могла расслабиться. А вот у Ларри был большой опыт ожидания. Он прекрасно проводил время за чтением книги.

Трини всегда любила готовить, а убежище ломилось от продуктов, которые у нее не находилось случая использовать. Робин смогла сделать лишь пару глотков бульона. Чтобы хоть чем-то себя занять, Трини приготовила яичницу с ветчиной и оладьи. Ларри с удовольствием поел, а Сирокко только рукой махнула.

— Тейя! — воскликнула она однажды, отчего Ларри и Трини разом подняли головы. — О чем я болтаю? Тейя! А как, черт меня побери, они проскочили Тефиду?

Ожидаемого продолжения не последовало. Ларри снова уткнулся в книгу, а Трини принялась в семнадцатый раз прибираться. На койке тихо спала Робин.

Стоило Робин застонать, как Сирокко вскочила и мгновенно оказалась у койки. Ларри отстал ненамного. Пристроившейся сзади Трини пришлось быстро отступить, когда Сирокко отодвинулась, позволяя Ларри проверить у Робин пульс.

Когда Ларри тронул ее за руку, Робин открыла

глаза, попыталась убрать руку и медленно заморгала. Что-то в голосе Ларри ее успокоило. Она взглянула на него, затем на Сирокко. Трини она поначалу не заметила.

— Мне приснилось… — начала Робин, но тут же замотала головой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Сирокко. Глаза Робин медленно открылись.

— Где тебя носило? — капризно спросила она.

— Хорош вопросец. Будешь слушать ответ? Но только придется немного помолчать.

Робин кивнула.

— Ладно. Первым делом я послала Менестреля в Титанополь за командой, чтобы разобрать завал у входа на лестницу. Если ты помнишь, она была совершенно отрезана.

Робин снова кивнула.

— Много времени ушло на то, чтобы всех туда доставить, и больше, чем я думала, на то, чтобы расчистить завал. Титаниды рвались работать, но очень странно вели себя под тросом. Могли уйти прочь, а когда их обнаруживали, не помнили, как уходили. Пришлось задействовать человеческую подмогу — и потратить еще больше времени.

Но, в конце концов, мы все расчистили и командой из семи человек спустились к Тефиде.

Никогда не видела, чтобы зал был так затоплен. Разговаривать со мной Тефида не стала, и тут я ничего не могла поделать, ибо ей и Гея не указ.

Тогда я притащилась сюда. Я почти не сомневалась в том, что все вы погибли, но не собиралась останавливаться до тех пор, пока не найду ваши тела — сколько бы времени на это ни ушло. Если бы вас убила Тефида, я… не знаю, что бы я сделала. Но непременно сделала бы что-нибудь такое, чего она никогда бы не забыла. Так или иначе, оставался призрачный шанс, что вы проскочили ее и пробрались в катакомбы.

— Так и было. А Валья…

— Погоди еще говорить. Побереги силы. До сих пор, насколько мне известно, мы с Габи были единственными людьми, которые там побывали. Вообще-то я мало что знаю о катакомбах, кроме того, что они тянутся бесконечно и что куда-то по ним пробраться невозможно. Тем не менее, я отправилась повидаться с Тейей и сказала, что, если кто-либо из вас объявится, она должна будет без всяких оговорок пропустить. Затем я попыталась обследовать восточный конец катакомб, но через несколько недель пришлось сдаться. Я никуда не продвинулась. Тогда я решила, что рискну уйти, организую должным образом снаряженную груп-

пу, которая спустится и обнюхает там каждый сантиметр. Но для этого пришлось заказать на Земле кучу всякой всячины. Я не верила, что хоть кто-то из вас прорвался, и я…

— Понимаю, — шмыгнув носом, сказала Робин. — Но Тейя… вот черт. Я думала… думала, я сама ее проскочила. А оказывается, она просто со мной играла. — Похоже было, что девушка вот-вот расплачется, но даже для этого она оказалась слишком слабой.

Сирокко взяла Робин за руку.

— Прости меня, — сказала она. — Ты не так поняла. Я сильно сомневалась, что Тейя исполнит приказ, если при этом не будет меня, чтобы его подкрепить. Она повернута на своем уединении. Я боялась, если кто-то из вас там объявится, она его убьет и свалит все на Тефиду. Ведь она знала, что я уже так и думаю. И я тут ни черта не могла поделать — разве только встать лагерем у ее порога на несколько месяцев. Возможно, мне в любом случае следовало так поступить, раз уж…

— Все в порядке, — прервала ее Робин. И слабо улыбнулась. — Я справилась как надо.

— Да, девочка, ты справилась замечательно, и когда-нибудь мне непременно нужно будет узнать, как именно. Так или иначе, я сделала что

могла — хотя сейчас уверена: сделать надо было куда больше. Через три-четыре дня я снова намеревалась спуститься к Тейе, но вдруг пришел вызов от Трини — ты тут в дверь ломилась. Ну я и примчалась.

Робин закрыла глаза и кивнула.

— Тем не менее, — продолжила Сирокко после паузы, — мне очень о многом нужно тебя расспросить, и если ты чувствуешь, что готова отвечать, то давай начнем. Прежде всего самое главное. Почему Габи отпустила тебя к Тефиде? Я ее знаю, и она меня знает, даже пусть у нас не все всегда гладко. Она должна была знать, что я найду способ своротить эти скалы к чертовой матери и забрать вас оттуда. Потом, когда она не вышла вместе с тобой, я стала гадать, куда она подевалась. А теперь думаю, что она ранена и не смогла… — Голос умолк. Робин открыла глаза, и в них был такой откровенный ужас, что Трини сразу все поняла. Она отвернулась.

— Я думала, когда вы разобрали завал… — простонала девушка.

Повернувшись обратно, Трини увидела, что Сирокко словно окаменела. Наконец губы ее ожили, но голос был мертв.

— Мы ничего не нашли, — проговорила Фея.

— Не знаю, что и сказать. Мы оставили ее там. Хотели ее похоронить, но там даже не было… — Робин зарыдала, Сирокко встала, глаза ее смотрели в никуда, когда она повернулась к двери, и Трини поняла — никогда ей не забыть этих мертвых глаз, что пронеслись по ней, будто ее там и не было. Ощупью найдя щеколду, Фея Титана открыла дверь и вышла на узкую веранду. Ларри и Трини слышали, как Сирокко спускается по лестнице, а потом остались только безутешные рыдания Робин.

Они уже начали за нее тревожиться, но, когда выглянули, увидели Сирокко стоящей по колено в снегу, спиной к ним, в сотне метров от убежища. Прошел час — а она даже не шевельнулась. Трини уже собиралась выйти и привести Фею назад, но Ларри решил дать ей еще время. Потом Робин сказала, что должна с ней поговорить, и Ларри спустился по лестнице. Трини видела, как они разговаривают. Головы Сирокко не поворачивала, но последовала за Ларри, когда он положил ей руку на плечо.

Фея вошла в комнату — и ее мертвое лицо попрежнему ничего не выражало. Молча присев у койки Робин, она стала ждать.

— Габи мне кое-что рассказала, — начала

Робин. — Заранее приношу извинения, но, по-моему, она хотела, чтобы об этом узнала только ты. Здесь слишком мало места, чтобы секретничать.

— Ларри, Трини, — произнесла Сирокко, — вы не подождете в самолете? Я мигну маяком, когда вам можно будет вернуться.

Ни Робин, ни Сирокко не двигались, пока Трини с доктором одевались, обувались и выходили наружу, негромко прикрыв за собой дверь. Им пришлось провести малоприятный час в самолете, защищавшем от ветра, но не от мороза. Но никто не жаловался. Когда маяк вспыхнул, они вернулись в убежище, и Трини не сразу подметила перемену в лице Сирокко, хотя перемена была явной. На это лицо по-прежнему больно было смотреть, оно по-прежнему было мертво — но уже по-иному. Раньше оно казалось лицом трупа, теперь же было словно высечено из гранита.

А глаза пылали огнем.

ГЛАВА XL
Достойное наследство

Наверняка бывают обязанности попроще, чем сопровождать беременную титаниду в местности, которая вполне могла бы обескуражить горного козла. Однако Крис представлял себе положения и еще более сложные, и менее приятные. Положение несколько облегчала компания, а также тщательно размеченный маршрут.

Все утряслось, и со временем стало казаться, что иначе и быть не могло. Руки Вальи все крепли, но походка не улучшалась, так как титанида быстро тяжелела. Приходилось быть как никогда осторожными, ибо ее растущая неуклюжесть могла спровоцировать соскальзывание задних ног — и серьезно повредить все еще хрупкие передние ноги. По мере того как подходил срок, новые восторги задних сексуальных забав все утихали и наконец прекратились. Зато передний секс становился все роскошнее по мере того, как заживали ноги. Крис постепенно терял то возбуждающее ощущение дикой экзотики, которое прежде испытывал рядом с Вальей. Теперь

он порой просто недоумевал, как это она могла казаться ему чужой и странной. Однако с более тесным знакомством завязались непринужденные отношения, порождавшие еще большую близость.

Валью разносило как зреющую тыкву. Лицо ее стало лучезарно-красивым, а на и без того пятнистой коже, что любопытно, высыпали все новые коричневатые веснушки.

Удивляться было чему. Поначалу Крис ровным счетом ничего не знал о рождении титанид, но к тому времени, как должен был родиться Змей, он уже был подкован не хуже Вальи.

Так, он узнал, что не просто из-за общего местоимения Валья называет своего ребенка «он». Пол был заранее обговорен с двумя другими родителями. Крис узнал — хотя и не смог до конца в это поверить, — что Валья общается с зародышем неким образом, удовлетворительно описать который она не смогла. Титанида заявила, что они вместе подобрали ему имя, хотя она повлияла на решение из-за не зависящего от их воли обстоятельства. Дело заключалось в титанидском обычае называть ребенка в честь первого музыкального инструмента, которым он овладевал. Обычай этот давно уже соблюдался далеко не

всеми, но Валья придерживалась старых традиций. Поэтому она заранее стала работать над первым инструментом для своего сына — змеем, витой деревянной трубочкой, наподобие медного рожка. Выбор материалов в пещере был весьма ограничен.

Крис узнал, что роды не будут болезненными и долгими, а Змей, только родившись, уже будет способен говорить и ходить. Но, когда Валья выразила надежду, что он будет говорить по-английски, первой мыслью Криса было, что она совсем сдурела. Этого он не сказал, но сомнение выразил.

— Я знаю, — сказала Валья. — Фея тоже сомневается. Это уже не первая попытка родить ребенка, который сможет разговаривать сразу на двух молочных языках. Но даже Фея не может утверждать, что это в принципе невозможно. Наша генетика отличается от вашей. У нас внутри многое происходит по-другому.

— Что, к примеру?

— Про научную сторону мне ничего не известно. Но ты должен признать, что мы другие. У себя в лаборатории Фея успешно скрещивала наши яйца с генетической материей лягушек, рыб, собак и обезьян.

— Это противоречит всему, что я знаю о генетике, — признал Крис. — Впрочем, я не так много и знаю. Но что тут общего с англоговорящим Змеем? Даже если бы хоть один из его родителей был человеком — а ты сама знаешь, что это не так — мы, когда рождаемся, только и можем, что верещать.

— Фея называет это эффектом Лысенко, — сказала Валья. — Себе самой она уже окончательно доказала, что титаниды могут наследовать требуемые характеристики. Мы — те из нас, кто считает, что знание английского можно передать по наследству, — считаем, что, если знание родителей будет достаточно углубленным, дело может выгореть. Ты как-то спрашивал меня, не проглотила ли я словарь. На самом деле почти так оно и есть. Для успеха эксперимента необходимо, чтобы все родители знали все английские слова. Эта цель труднодостижима, но у нас очень хорошая память.

— За это я могу поручиться. — Порой это раздражало Криса, и ему потребовалось время, чтобы привыкнуть. Но до конца он так и не привык. Крис и сам не знал, почему это его расстраивает. И все-таки то и дело расстраивался.

— Но мне интересно зачем, — много позже

сказал Крис. — Зачем вам английский, когда ваш собственный язык так прекрасен? Я, правда, его не понимаю, но очень бы хотел. Впрочем, насколько мне известно, не считая Сирокко и Габи, которым его имплантировали, никто из людей не заходил в овладении титанидским пением дальше зачаточной стадии.

— Это правда. Мы владеем своим языком инстинктивно, а людям, несмотря на их подчас колоссальные интеллектуальные достижения, удача здесь не светит. Наши песни не подвергаются грамматическому разбору. Более того — они редко одни и те же, даже когда выражается одна и та же самая мысль.

Фея рассудила, что тут действует и телепатическая составляющая.

— Неважно. Я вот о чем говорю — вернее, спрашиваю. Зачем вы так усиленно над этим работаете? Чем вам плох титанидский? По-моему, уже чудо, что вы рождаетесь, зная хоть какой-то язык. Зачем вам сдался английский?

— Наверное, ты недопонял, — сказала Валья. — Змей будет владеть нашим пением. Это уже точно. Я бы и думать не стала о том, чтобы лишить его этой способности. Скорее бы я пожелала, чтобы он родился только с двумя ногами, как…

ох, милый. Пожалуйста…

Крис посмеялся и заверил ее, что все нормально.

— Я только намекала на поговорку, которой пользуются, когда у кого-то что-то не выходит. Тогда мы говорим: «Ходит на двух ногах, и обе левые».

— Я и не сомневался.

— Клянусь тебе… но ты опять надсмехаешься. Ничего, когда-нибудь я к этому привыкну.

— Не привыкнешь, если я не помогу. Но ты так и не сказала, зачем вы над этим бьетесь.

— Мне казалось, это очевидно.

— Не для меня. Валья вздохнула.

— Ладно. Почему именно английский? Просто потому, что первые люди в Гее говорили на нем и он сразу привился. А почему вообще земной язык… Дело в том, что со времен первого контакта здесь селится все больше и больше людей. Больших групп не прибывает, зато мелкие — постоянно. И вполне понятно наше желание лучше вас узнать.

— Малоприятные соседи, которые пришли навсегда? Так?

Валья подумала.

— Не хотелось бы говорить о людях пренебре-

жительно. Как отдельные личности, некоторые из них замечательны.

— А как раса мы сущая чума.

— Не мне об этом судить.

— Почему? Ты приговорена к нам так же, как и все остальные. И я с тобой согласен. Мы страшные подонки, когда начинаем о чем-то вместе мозговать. Тогда и появляются всякие атомные бомбы и тому подобное. А большинство отдельных личностей… а-а, черт. — Тут Крис испытал острые уколы шовинизма, которых терпеть не мог — но не мог и избежать. Это заставляло его искать защитные доводы, чтобы предъявить их Валье. Но сейчас таких доводов не нашлось. — Знаешь, — сказал он наконец, — я вдруг понял, что не встречал титаниды, которая бы мне не понравилась.

— А я многих встречала, — сказала Валья. — И знаю их лучше тебя. Но я не встречала титаниды, с которой не смогла бы поладить. Я никогда не слышала, чтобы одна титанида убила другую. И я никогда не встречала титаниду, которую бы я возненавидела.

— Ага, вот в чем соль, правда? Вы, ребята, ладите между собой куда лучше, чем мы.

— Придется согласиться.

— Тогда говори. Скажи мне правду. Забудь хоть на минуту, что я человек…

— Да я об этом и не вспоминаю.

Валья хотела пояснить, но Криса интересовало другое.

— Просто скажи мне все, что ты думаешь о присутствии в Гее людей. Что думаешь ты лично и что думают титаниды в целом. Или мнения разделяются?

— Мнения, конечно, разделяются, но я согласна с теми, кто за большие ограничения. Да, мы не единственная разумная раса в Гее и говорим только за себя. Но что касается земель, где мы живем — Гипериона, Крия и Метиды, — то здесь нам хотелось бы иметь право голоса в том, кого туда пускать, а кого нет. Думаю, процентов девяносто мы бы завернули назад.

— Так много?

— Может быть, и меньше. Ты просил меня быть откровенной — вот я и стараюсь. Люди принесли в Гею алкоголизм. Вино мы всегда любили, но та бурда, которую вы зовете текилой, а мы… — Валья пропела краткую мелодию — … что переводится как Смерть-со-щепоткой-соли-и-кружком-лимона, вызывает у нас болезненное пристрастие. Люди принесли венерические

болезни — единственные недуги земного происхождения, которые нам передаются. Люди принесли садизм, насилование и убийство.

— Как похоже на историю американских индейцев, — заметил Крис.

— Сходство есть, но, по-моему, оно скорее иллюзорное. Множество раз на Земле более мощная технология, встречаясь с более слабой, ее подавляла. Но на Гею люди доставляют только то, что могут принести с собой — а это не столь уж серьезный фактор. Кроме того, наше общество далеко не примитивно. Но мы бессильны что-либо поделать. У людей слишком хорошая протекция.

— В каком смысле?

— Гее нравятся земляне. В том смысле, что они ей интересны. Она любит за ними наблюдать. Пока они ей не надоели, нам приходится принимать всех, кто сюда прибывает. — Увидев лицо Криса, Валья вдруг сделалась такой же озабоченной.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала она.

— И о чем же?

— Что, будь установлены нормы, ты бы их не прошел.

Крису пришлось признать, что она права.

— Ты ошибаешься. Как бы тебе получше объяснить… Вот ты расстраиваешься из-за своих эпи-

зодов насилия. — Валья вздохнула. — Пожалуй, мне следует сказать больше. Легко произнести справедливую диатрибу по поводу людей, которые могут не нравиться. Множество землян мой народ отверг бы без всяких условий: предубежденных, слабоумных, вероломных, заблудших. Дурно воспитанных — которых еще в невинном детстве не научили, как стать достойными людьми. Мы считаем, что корни всех человеческих бед лежат в недостатке воспитания. Похоже, вы рождаетесь только с жестокостью и аппетитом — и часто эти побуждения перерастают в образ жизни.

И все же с представителями вашего рода мы вступаем в отношения любви-ненависти. Порой мы обожаем, а порой ненавидим пламя ваших страстей. В каждом из вас есть черточка насилия, и мы это принимаем. Для нас это нетрудно, раз уж мы намного крупнее; без пистолета у вас мало шансов причинить кому-либо из нас вред. Между прочим, мы прежде всего хотели бы запретить это уравнивающее оружие. Не имея агрессивных побуждений, мы не можем позволить вам стать нам равными физически.

И есть среди вас личности, чья внутренняя суть пылает так ярко, что мы бываем ослеплены ее

сиянием. Лучшие из вас намного замечательней лучших из нас. Мы это знаем и принимаем. Ни у кого из вас нет нашего смирения, но мы понимаем, что смирение — это еще не все. Мы многое можем предложить человеческому роду. Правда, человеческий род пока что особого интереса не проявил, но мы не теряем надежд. Однако и нам следует у вас учиться. Мы долго пытались перенять ваш огонь, все лучше вас узнавая. И раз уж здесь, в Гее, Лысенко оказался прав, мы теперь пытаемся впитать вас в себя. Вот зачем мы учим английский.

Крис никогда не слышал от Вальи ни таких долгих, ни таких страстных речей. Он думал, что все о ней знает, но теперь понял, что это не так. Крис уже подметил, и даже упоминал об этом Валье, что ее произношение постепенно улучшается. А со словарным запасом титанида уже далеко его перещеголяла. Когда требовалось, она могла разговаривать на его родном языке в десять раз лучше самого Криса. Это его не раздражало; Крис понимал, что по мере сближения она будет раскрываться все больше и больше.

Так и должно было быть. Но кое-что ему не нравилось.

— Не хочу, чтобы это показалось резкостью, но

должен вот о чем тебя спросить. Вся история с яйцом из той же серии? Заветы Лысенко?

Не буду лгать. Да, и это тоже. Но я никогда не стала бы заниматься с тобой любовью без чего-то более сильного. Я говорю о любви, которая, насколько мне известно, единственное чувство, идентичное у людей и титанид.

— Сирокко так не считала.

— Она ошибается. Да, я, конечно же, понимаю, что любовь связана у людей с ревностью, страстью и собственничеством. У титанид же все по-иному. Но это не делает иным само чувство. Просто немногие люди познали любовь, не окрашенную всеми этими наслоениями. Тебе придется поверить мне на слово; в этом мы вас превосходим. Люди тысячелетиями пели и писали о природе любви, но так и не нашли определения, которое бы всех удовлетворило. Для нас же любовь — не загадка. Мы ее понимаем. Именно в песне — и в ее лучшей подруге поэзии — люди ближе всего подошли к сути любви. И тут нам есть чему их научить.

Крису хотелось в это поверить, но его по-прежнему раздражало что-то, чего он никак не мог до конца осознать. Валья уже объясняла, как она справляется с его приступами бешенства. Быть

может, именно из-за этого глубоко внутри себя он и не мог ей поверить?

— Крис, ты меня не обнимешь? — спросила титанида. — Я чувствую, что расстроила тебя. Мне это ужасно не нравится.

Валья, похоже, заметила его колебания, так как глаза ее наполнились слезами. Они сидели в каком-то метре друг от друга — и все же Крис почувствовал разверзшуюся меж ними пропасть. Это испугало его. Ведь совсем недавно она казалась так ему близка.

— Я боюсь, что мы станем друг другу слишком чужими. Ты никогда не поймешь меня, а я не пойму тебя. Но ты должен! И я должна! — Тут она остановилась и немного успокоилась. — Дай я снова попробую. Я ни за что не сдамся.

Я сказала, что лучшие из вас лучше нас. Могу тебя заверить, что мы это видим. Змей тоже увидит сразу же, еще новорожденным. Когда появляется один из таких лучших людей, мы сразу это замечаем. Но, если собрать их вместе, ты никогда бы не понял, что у них общего. Это не какое-то одно качество — и даже не всегда одни и те же. Многие отважны, другие трусливы. Застенчивы или бесстыдны. Умны или глупы. Многие внешне очень яркие; они лучше чувствуют жизнь и горят

таким огнем, которого нам прежде было и не представить. Другие, на человеческий взгляд, совсем подавлены — как бываешь подавлен ты — но на наш взгляд они лучатся светом.

Мы толком не знаем, что это за свет, но хотелось бы его хоть немножко — только без той тяги к самоуничтожению, что составляет проклятие вашего рода. А быть может, даже и с этой ужасной тягой, ибо тепло его бесподобно.

Для таких людей у нас есть песнь. Вот она… — Валья пропела, но затем быстро переметнулась обратно на английский, словно чувствовала, что времени мало и что она опять не успеет до него достучаться. — В примерном переводе это значит «Те-кто-однажды-могут-запеть» или, более буквально, «Те-кто-могут-понимать-титанид». Если только захотят. Боюсь, перевод вышел нескладный.

Сирокко такой человек. Ты не почувствовал и сотой доли ее тепла. Габи была такой. И Робин такая. Кое-кто в Титанополе. В поселении, мимо которого мы проплывали в Крие. И ты. Не будь ты таким, я бы скорее камень полюбила. А я безумно тебя люблю.

«Интересно у нее получается», — подумал Крис. И еще: какое совпадение, что все они четверо об-

ладают этим неуловимым качеством. И еще: вот стыд-то, ведь она такая необыкновенная, только как мне сказать ей?..

Но все эти мысли вдруг смыло прочь переживание, которое Крис позднее описал для себя как похожее на явление утопающему в одно мгновение всей его жизни или как вспышку гениальности, о которых часто рассказывают. Выводом же оказался вопрос: «И как это я так долго был таким кретином?» А заключение состояло во внезапном осознании, что он тоже безумно ее любит.

Валья мгновенно увидела вспыхнувшее в нем чувство — и если Крису требовалось доказательство изложенным ею теоремам, то лучшего было не найти. Но оно ему не требовалось. И, пока Крис пытался придумать что-то более интеллектуальное, чем «я тебя люблю», Валья его поцеловала.

— Я же говорила, что ты меня любишь, — сказала она, и Крис кивнул, серьезно задумываясь над тем, сможет ли он теперь когда-нибудь перестать улыбаться.

Знать процесс рождения титаниды и представлять себе связь разумов матери и ребенка было совсем не одно и то же. Крис замучил Валью вопросами на этот счет и получил некоторые

ответы. Да, она могла спросить Змея, а тот мог ответить. Нет, Змей не мог сообщить ей, знает ли он английский.

— Он мыслит рисунками и песнями, — объяснила Валья. — Песнь его непереводима — или, разве что, на уровне эмоций. В определенном смысле титанидские песни вообще непереводимы. Именно поэтому никому из людей так и не удалось составить титанидско-английский словарь. Я слышу и вижу то, что он думает.

— Как же ты тогда спрашивала у него, какое имя ему хочется?

— Я обрисовала инструменты, которые здесь можно было изготовить, и мысленно на них поиграла.

Когда его разум выразил восторг, я поняла, что он Змей.

— А обо мне он знает?

— Он очень хорошо тебя знает. Правда, не знает, как тебя зовут. Вскоре после рождения он об этом спросит. Он знает, что я тебя люблю.

— А знает он, что я человек?

— Прекрасно знает.

— И что он на этот счет думает? Не станет ли это проблемой?

Валья улыбнулась.

— Змей родится без предубеждений. А дальше все зависит от тебя.

Титанида лежала на боку в удобном месте, приготовленном для нее Крисом. Роды приближались, а Валья была радостна и безмятежна, не испытывала никакой боли. Крис чувствовал, что ведет себя так же по-дурацки, как любой новоиспеченный отец за дверями родильной палаты, но ничего не мог с этим поделать.

— Кажется, я еще многого не понимаю, — признался он. — Змей что, выползет, сядет тут и сразу начнет излагать свою точку зрения по поводу цен на кофе в Крие? Или все-таки начнет со стадии агуканья?

Валья посмеялась, но недолго. Мышцы ее живота заработали подобно руке, сжимающей резиновую грушу. Затем она глотнула воды.

— Он будет слаб и растерян, — ответила титанида. — Он многое увидит и ничего не скажет. Ведь он пока что не полностью разумен. Сейчас его мыслительные пути как бы залиты смазкой для сохранности. Их сначала нужно будет прочистить, а только потом использовать. Зато дальше… — Она замолчала, прислушиваясь к чему-то для Криса неслышному, затем улыбнулась.

— Придется тебе с этим подождать, — сказала

она. — Змей почти здесь, и я должна провести ритуал, передаваемый в моем аккорде из поколения в поколение.

— Конечно-конечно, — торопливо согласился Крис.

— Пожалуйста, будь снисходителен, — продолжила Валья. — Я могла бы вложить в ритуал всю красоту моей песни, но, раз Змей будет говорить по-английски, я решила нарушить традицию и спеть на твоем языке… а еще потому, что ты здесь. Сомневаюсь, что по-английски у меня выйдет красиво. Мое сочинение может прозвучать нескладно, и…

— Бога ради, не извиняйся, — замахал руками Крис. — Давай начинай. А то времени не останется.

— Хорошо. Первая часть уже готова, я лишь буду пересказывать. А в конце добавлю свое. — Проведя языком по пересохшим губам, Валья уставилась в никуда. — «Желты как небо Мадригалы». — И она запела:

— «Вначале была Богиня, и Богиня была колесо, и колесо было Гея. И отняла Гея комок плоти от тела своего, и сделала из него первых титанид, и поведала им, что Гея — Богиня. Титаниды не спорили. Они обратились к Гее, говоря: „Что ты

хочешь, чтобы мы делали?“ И Гея ответила: „Не имейте других Богинь, кроме меня. Будьте плодовиты и размножайтесь, но помните, что место ваше ограничено. Поступайте с другими так, как бы вам хотелось, чтобы они с вами поступали“. Знайте, что когда умрете, то возвратитесь во прах. И не донимайте меня вашими бедами. Я не стану вам помогать». Так титаниды возымели бремя свободной воли.

Средь первых был тот, что звался Саранги Желтокожий. Со многими сотоварищами отправился он к великому древу и увидел, что оно хорошо. Впоследствии он дал начало аккорду Мадригалов. Оглядев мир, он познал, что жизнь сладостна, но что однажды он умрет. Опечалился Саранги и задумался, как ему жить дальше. Тогда возлюбил он Альта, Виолончель и Валторну. Вчетвером они спели Диезный Миксолидийский Квартет, и Саранги сделался задоматерью Пикколо. Альт стал передоотцом, Виолончель передоматерью, а Валторна задоотцом».

Еще некоторое время песня в таком ключе и продолжалась. Крис больше прислушивался к мелодии, чем к словам. Перечень имен мало что для него значил. Род прослеживался исключительно по задоматери, хотя и другие родители

неизменно упоминались.

Крис не мог проследить свою родословную до десятого колена, как это делала Валья, зато он знал, что его прародители в тысячном или миллионном колене — либо Адам и Ева, либо пара обезьян. А у Вальи десять поколений составляли всю историю. Змей станет одиннадцатым в роду. Именно это ярче, чем что-либо другое, продемонстрировало ему, что значит быть титанидой — членом расы, знавшей, кем и когда она сотворена. Хотя Крис не знал, насколько верны слова в начале песни, они вполне могли быть точной, буквальной истиной. Гея сотворила титанид где-то около 1935 года. С таком сроком вполне могла справиться и устная традиция, а титаниды вдобавок были дотошными хранительницами летописей.

Впрочем, песня была не просто перечислением задоматерей и ансамблей, которые образовывались для рождения на свет новых поколений. Валья пела песнь каждой упоминаемой титаниды, порой невольно переходя на кристальное пение своего рода, но чаще оставаясь в пределах английского. Перечисляя доблестные подвиги и добрые дела, она не упоминала о бедах и неудачах. Правда, Крису довелось услышать о

страданиях времен войны титанид с ангелами. Затем появилась Фея, и в песнях все чаще стали упоминаться стратегемы, призванные привлечь ее внимание к предложениям на Карнавале.

— «… и Табула удостоилась милости Феи. Исполняя Эолийское Соло, она дала жизнь Валье, о которой мало что можно до сего времени пропеть, которая оставляет петь ее песнь грядущим поколениям. Валья полюбила Хичирика, рожденного во Фригийском Квартете другой ветви аккорда Мадригал, и Гитару, Лидийское Трио из аккорда Прелюдия. Они дали жизнь Змею (Двухбемольное Миксолидийское трио) Мадригал, который сам споет свою песнь».

Тут Валья замолчала, откашлялась и принялась разглядывать свои ладони.

— Я же говорила, что выйдет коряво. Быть может, у Змея выйдет лучше, когда придет его час. На титанидском песнь течет как река, а на английском…

— Он будет тобой гордиться, — сказал Крис. — Впрочем, начало не из лучших, правда? — Он обвел рукой голые скалы темной пещеры. — Наверное, рядом с тобой следовало быть Хичирику, Гитаре и всем твоим друзьям.

— Да. — Валья подумала. — Еще мне следовало

попросить тебя спеть.

— Ты бы сразу об этом пожалела.

Титанида рассмеялась.

— Ну, тогда — оп-ля! Крис, вот он.

И точно. Поблескивающая от влаги фигурка появлялась медленно, но неотвратимо. У Криса просто зудело чем-то помочь — вскипятить воду, вызвать врага, утешить Валью, помочь Змею выйти… Хоть чем-нибудь, но помочь. Но, если выход Змея в мир можно было ускорить, он выскочил бы на землю будто пущенное двумя пальцами арбузное семечко. Подперев голову рукой, Валья тихонько посмеивалась. Да, если доктор и требовался, то не ей, а Крису.

— Ты уверена, что я ничем не могу помочь?

— Да, поверь мне. — Валья рассмеялась. — Хотя… Можешь его поднять — только осторожно, не наступи на пуповину. Она ему еще некоторое время понадобится. Принеси его мне. Поднимай обеими руками за животик. Его туловище повалится вперед, так что проследи, чтобы он не ударился головой. А вообще-то — не беспокойся.

Все это она уже ему говорила, но хорошо, что теперь повторила еще раз. В этот момент Крис не чувствовал себя достаточно компетентным, чтобы вообще совать свой нос, — не говоря уж о

том, чтобы брать на руки новорожденную титаниду. Подойдя поближе, он присел на корточки и осмотрел младенца.

— Он не дышит!

— Я же говорю — не беспокойся. Задышит, когда будет готов. Принеси его мне.

Змей казался бесформенной кучкой из палочек и влажной кожи. Поначалу Крис просто не мог разобрать, где у него хвост, а где голова. Затем все вдруг прояснилась, и он увидел прелестное личико спящей девочки с прилипшими к нему розовыми растрепанными волосами. Ничего себе девочка… груди у нее уже вполне сформировались. Да и вообще никакая не девочка. Этим фокусом титаниды не переставали дурачить землян, представляясь женщинами независимо от истинного пола. Передний пенис Змея был там, где и полагалось, — меж передних ног, прикрытый розовыми лобковыми волосами.

Крис хотел понежнее, поосторожнее. Но после нескольких попыток пришлось сдаться и приложить нешуточные усилия. Змей весил немногим меньше самого Криса. У него были длинные ноги-палочки. Над узкими бедрами возвышалось туловище, которое тут же повалилось вперед, стоило Крису поднять новорожденного. Неся

Змея к матери, Крис аккуратно высвобождал запутавшуюся пуповину. Потом Змей зашевелился и задней ногой лягнул Криса по голени. Было не больно, но с этого момента младенец затеял настоящую борьбу. Валья что-то пропела, и он мигом успокоился.

Наконец Крис передал Змея Валье, она положила его перед собой и прижала верхнее туловище к своему. Голова новорожденного болталась. Крис заметил, что все вышло так, как сказала Валья: пуповина не крепилась к животу, а исчезала в заднем влагалище — там же, где у Вальи скрывался другой конец.

Крис пока не знал, чего ему ждать. Он видел юных титанид, но таких юных — еще нет. Пока что, на его взгляд, Змей выглядел… нет, нельзя сказать «уродливо». Пожалуй, скорее нелепо. Но разве человеческие младенцы не выглядели, на взгляд Криса, мягко говоря, нелепо. Вдобавок они бывали окровавленные. Крису не нравилась собственная привередливость — это никак не вписывалось в представления Вальи о нем как о здоровом жизнелюбе. Лучше про него давным-давно никто не говорил. И все же с первым впечатлением о Змее ничего было не поделать. Юная титанида сильно смахивала на недокорм-

ленную четырнадцатилетнюю девочку, которую только-только выловили со дна озера. Хотелось даже применить к Змею искусственное дыхание рот в рот.

Змей громко захрипел, потом закашлялся — и начал дышать. Сначала последовали несколько шумных вдохов и выдохов, но затем ритм был найден. Вскоре после этого Змей открыл глаза и в упор уставился на Криса. То ли даже вида землянина ему хватило, то ли он еще просто неважно видел, но почти сразу же Змей заморгал и спрятал лицо на груди у матери.

— Он еще немного покапризничает, — сказала Валья.

— Я тоже.

— Ну, как он тебе?

«Так, приехали», — подумал Крис.

— Он прекрасен, Валья.

Нахмурившись, титанида еще раз оглядела Змея, словно прикидывая, не упустила ли она чего-нибудь.

— Наверное, ты опять шутишь. Не может же быть, чтобы ты так плохо владел английским.

Чувствуя себя так, будто бросается головой в омут, Крис откашлялся и произнес:

— Странный он какой-то.

— Вот именно. Но он очень скоро выправится. Он будет замечательный. Неужели ты не увидел его глаза?

Они занялись туалетом новорожденного. Крис помыл Змея и вытер, а Валья расчесала ему волосы. Титанида оказалась права — Змей действительно выправлялся. Высохнув, кожа его стала мягкой и теплой — и внешность утопленной беспризорницы сразу куда-то испарилась. Пуповина вскоре высохла и отвалилась. Должно было пройти еще немало времени, прежде чем он перестал бы казаться худым, но истощенности уже не чувствовалось. Скорее, пока мышцы приходили в тонус, Змей выглядел гибким и пышущим энергией. Туловище держалось без посторонней помощи. Пока Крис и Валья суетились вокруг его юного тела, Змей наблюдал за ними, но ничего не говорил. Такой возбужденной Крис ее никогда не видел.

— Знаешь, Крис, если бы я только могла это описать, — сказала она. — Ничего чудеснее… я так хорошо это помню. Вдруг обрести разум, чувствовать, как пробуждаешься от сна примитивных желаний и как вокруг тебя обретает форму огромный мир, полный других созданий. А растущая потребность говорить — почти как приближение

оргазма. Впервые зарождающаяся мысль, что с другими можно общаться. Понимаешь, Змей уже знает слова, но без приложения к ним вещественности они для него все еще загадочны. Он будет полон вопросов, но редко будет о чем-то спрашивать. Он просто увидит камень и подумает: «Ага, так вот он какой, камень!» Потом подберет камень и подумает: «Ну вот, я подобрал камень!» Он будет задавать множество вопросов самому себе, находить ответы — и это ощущение открытия так необыкновенно, что самая распространенная мечта титаниды — родиться еще раз, и снова все это пережить. К сожалению, на многие вопросы ответов не найдется — но таков уж закон жизни. Мы должны стараться все-таки найти эти ответы и всегда быть добрыми. Надеюсь, ты будешь терпелив, позволишь ему думать в своем темпе и в свое время обрести броню фатализма. Нельзя, чтобы он перенимал ее у нас, ибо тогда…

— Обещаю, Валья, обещаю. Я еще долго буду на тебя поглядывать, чтобы ты намекала мне, что тебе желательно, и как можно больше буду оставаться на заднем плане. Но у меня по-прежнему на уме твой безумный эксперимент. Интересно, будет он говорить на…

— Ты человек, — вполне раздельно произнес

Змей. Крис уставился на широко расставленные глаза младенца, которые невинно на него смотрели. Потом понял, что до отказа разинул рот, и быстро его закрыл. На губах Змея обозначился намек на улыбку, неуловимую, как у Моны Лизы. Воображаемый мячик диалога был теперь в руке у Криса, а ведь он только и хотел, чтобы оставаться где-нибудь на заднем плане.

— Ага, человек. Причем очень удивленный. Я… — Увидев, что Валья еле заметно повела головой, Крис умолк.

Потом обдумал свои слова. Все верно, разум еще не призван. Крису следовало ступить куда-то на нейтральную землю между агуканьем и Геттисбергской речью — вот только знать бы, где эта нейтральная земля.

— Как тебя зовут? — спросил Змей.

— Крис.

— А меня — Змей.

— Рад познакомиться.

Улыбка окончательно проявилась, и Крис почувствовал ее тепло.

— Я тоже рад познакомиться. — Он обернулся к матери. — Валья, а где мой змей?

Валья потянулась куда-то себе за спину и отдала сыну любовно вырезанный змеевидный

рожок в обрамлении из мягкой кожи. Змей взял инструмент и принялся вертеть в руках. Глаза его засияли. Наконец, приложив к губам мундштук, он подул — и в воздух выплыл мрачный басовый тон.

— Я голоден, — заявил Змей. Валья предложила ему сосок. Новорожденный был так любопытен, что никак не мог сосредоточиться. Водя глазами и крутя головой, он умудрялся одновременно удерживать сосок в рту. Он взглянул на Криса, затем на инструмент, покрепче зажал его в руке, и Крис заметил, как на лицо юной титаниды нисходит благоговейное изумление. В этот самый миг Крис понял, что они со Змеем думают об одном и том же, хотя каждый по-своему. Итак, он и вправду Змей.

Ребенок развивался в точности так, как и предсказывала Валья.

Слово «жеребенок», впрочем, точнее к нему подходило. Змей был долговязый и неловкий, резвый и порывистый. Когда пришло время ходить, он за десять минут перепробовал все аллюры — а потом потерял интерес ко всем, кроме сумасшедшего галопа. Девяносто его процентов составляли ноги, а значительную часть ног — коленки. Угловатость Змея была очень далека от грациозной

статности взрослых, но зачатки этой статности уже, несомненно, присутствовали. Когда Змей улыбался, пропадала нужда в сиялках.

Малыш очень нуждался в ласке — и ни Валья, ни Крис на нее не скупились. Никогда Змей не отстранялся от прикосновения. Поцелуй Криса воспринимался с таким же восторгом, что и поцелуй матери, — и с таким же восторгом возвращался. Он любил, чтобы его холили и гладили. Валья пыталась нянчить его лежа, но Змея такое не устраивало. Она вставала на костылях, и он ее обнимал. Нередко вот так, стоя, он и засыпал. Тогда Валья просто отходила и оставляла его спать, уперев подбородок в грудь. Змею предстояло нерегулярно засыпать еще три килооборота, а затем навсегда с этим покончить.

Долгое время Крис смотрел на Змея как на ходячее несчастье, которое только и ищет место, где бы влипнуть. Ему и без того тяжко было помогать Валье одолевать трудные участки, недоставало только безрассудного юнца, чтобы раньше времени довести Криса до седых волос. Змей прекрасно справлялся с этой ролью. Однако, как и предсказывала Валья, ровным счетом ничего не случилось. Со временем Крис тревожиться перестал. Змей четко знал свои пределы и, хотя

постоянно старался их расширить, границ никогда не переступал. В титанидских детей словно был встроен гувернер; раз их изначально нельзя было защитить от несчастного случая, они страдали от происшествий почти так же редко, как и взрослые титаниды. Крис об этом задумывался — его забавляла мысль, что различие между титанидами и людьми, быть может, состоит в отсутствии у титанид безрассудства, — но жаловаться не собирался.

Змей так преуспевал в узнавании вещей, что очень долго Крис редко думал о чем-то, способном доставить серьезное беспокойство в первой части похода. Тем сильнее оказалась внезапная тревога, когда рядом с одной из путевых отметок оказалось теплая парка Робин и целая гора снаряжения.

— Ведь я велел ей любой ценой ее сохранить, — жаловался Крис, указывая Валье на парку. — Черт побери, она же вообще не знает, что такое мороз!

— А какой мороз на вкус? — пожелал узнать Змей.

— Не могу тебе ответить, сынок, — сказала Валья. — Придется тебе подождать и самому его попробовать. Крис, у Робин была еще одежда. Если она всю ее наденет…

— Крис, а кто такая Робин?

— Один добрый друг и верный товарищ, — сказал он. — Только вот, боюсь, товарищ этот может оказаться в большой беде. Если мы только ее не догоним.

— Можно мне это надеть?

— Попробуй, только будет очень жарко. А вообще-то хорошо бы забрать парку и остальные вещи. Как, сможешь?

— Конечно, Крис. Если ты сможешь меня догнать.

— Обойдемся, парень, без этого. И прекрати свои хиханьки да хаханьки. Если я медленно хожу, тут уже ничего не поделаешь. Зато вот так тебе слабо? — Крис встал на один вытянутый палец ноги — нехитрый трюк при низкой гравитации — и исполнил пируэт почище заправской балерины. Одним пальцем он при этом касался макушки, а завершил все изящным поклоном. Валья зааплодировала, а Змей смотрел с недоверием.

— Как, на одной ноге? Я не могу…

— Ага! Что, съел? А теперь пошли, и…

Тут Крис умолк и повернул голову. Позади было немного ярче, чем когда-либо за последние… он понятия не имел, за сколько и чего. Послышался

глухой рокот, и Крис тут же понял, что краем уха уже давно его слышит, сам того не сознавая. Донесся гул далекого взрыва.

— Что это? Это не…

— Тсс. Пока никаких вопросов. Я… Валья, спрячь его вон за тот валун. Держитесь поближе к земле, пока…

И вдруг заговорил усиленный мегафоном голос. Эхо искажало слова почти до неузнаваемости, но Крис ясно расслышал свое имя и имя Вальи. Последовало несколько вспышек, которые медленно поплыли вниз на небольших парашютиках, а рокот перешел в знакомое стрекотание вертолетов. Крис узнал голос. Это была Сирокко.

Она все-таки за ними пришла.

ГЛАВА XLI
Гладиаторы на арене

Танцор снова встретил их, стоило выйти из лифта. Такой же элегантный и загадочный, как и в прошлый раз. Все на месте — сияющие ботинки, белые кожаные гетры, тросточка, цилиндр и фрак. Робин молча стояла рядом с Крисом и ждала, не осмеливаясь перебивать. Танцор непринужденно исполнил серию отходов, перешел во вращение, где его голова казалась застывшей на одном месте, пока в вихревом движении не делала полный оборот.

— Нет, не понимаю я этого, — вздохнул Крис, когда танцор испарился. — Как, впрочем, и соборов.

Робин промолчала. Со времени своего предыдущего визита она помнила, какие песни и пляски исполняет Гея, манипулируя людьми в свое удовольствие. Все должно было что-то значить, но Робин вовсе не претендовала на то, чтобы все распознать. Танец ничем ее не тронул; теперь она намеревалась послушать песни.

— Мне по-прежнему снится этот сон, — сказала

Робин. — Мы садимся рядом с Геей, и первое, что она говорит, это: «А теперь вторая часть вашей проверочки…»

Крис искоса на нее взглянул.

— По крайней мере, чувство юмора у тебя осталось. Часом, новенькую пушку с собой не захватила?

— Уже в багаж упакована.

— Хреново. А как ноги? Помощь нужна?

— Спасибо, перекантуюсь. — Робин уже отметила, что здесь, в ступице, костыли ей не требуются. Ноги ее все еще были в повязках, но при такой низкой гравитации ступать на них можно было безболезненно. Они с Крисом пробирались все дальше по лабиринту каменных строений — на сей раз без провожатой.

Небеса остались такими же, какими она их помнила. Тот же чудовищный ковер, те же россыпи кушеток и слоновых подушек, те же низкие столики, ломящиеся от блюд. И то же ощущения веселья, густо замешанного на отчаянии. В самом центре, в окружении идиотических ангелов, сидела богиня.

— А вот и солдаты возвращаются с поля боя, — хрюкнула она вместо приветствия. — Слегка подавленные, малость удолбанные, но, по боль-

шому счету, целые и невредимые.

— Не совсем, — возразил Крис. — Робин потеряла несколько пальцев на ногах.

— Ах да. Ну если она потрудится снять повязки, то увидит, что с пальцами все в порядке.

На протяжении всего пути по ступице Робин испытывала странные ощущения, но думала, что это эффект фантомного присутствия, уже хорошо ей знакомое. Теперь же она одну за другой подняла обе ноги и прощупала повязки. Пальцы снова были на месте — все десять.

— Нет-нет, не благодари. Я вряд ли могу ожидать твоей благодарности, ибо без моего вмешательства в твою жизнь ты бы их не лишилась. Я также взяла на себя ответственность и исправила то, что считаю промахом татуировщика, когда восстанавливала кусочек змеи, который украшал один из пропавших пальцев. Надеюсь, ты меня не осудишь.

Робин зверски озлилась, но промолчала. И поклялась себе, что он обязательно исправит и сделает все, как было.

Да, Гея вправе была сказать, что Робин подавлена, — хотя во время своего первого визита она пристрелила бы богиню за подобное заявление, — но у нее еще хватало гордости противостоять

подлым трюкам.

— Присаживайтесь, — предложила Гея. — Еду и питье берите сами. Присаживайтесь и все-все мне расскажите.

— Мы лучше постоим, — отозвался Крис.

— Мы надеялись, что визит много времени не займет, — добавила Робин.

Гея перевела взгляд с одного на другую и скорчила кислую гримасу. Потом взяла с ближайшего столика бокал и грохнула его об пол. Один из лизоблюдов поспешил подойти и поставить новый бокал на влажное колечко, оставшееся от предыдущего.

— Вот как, значит. Пора бы мне уже привыкнуть, но я всякий раз слегка удивляюсь. Я не отрицаю, что вы брали на себя риск, какой вообще-то лучше не брать. И пожалуй, могу в какой-то мере понять ваше негодование оттого, что, прежде чем получить мои дары, вам пришлось себя проявить. Но войдите в мое положение. Если бы я всем сразу давала что могу, меня скоро забомбили бы всевозможные нищие, попрошайки, факиры, фокусники, паразиты и просто всякая погань со всех концов Солнечной системы.

— Не вижу, в чем проблема, — не удержалась и заспорила Робин. — Стульев тут навалом, а старт

ты уже взяла хороший. Почему бы, к примеру, не организовать хор?

— А язычок у тебя по-прежнему острый. Эх, была бы я человеком, столь изысканное жало нашло бы, куда вонзиться. Но увы, мне безразлично твое презрение. Так к чему зря его тратить? Оставь его для тех, кто слаб, кто бросает своих товарищей в беде, кто хнычет и зарывается в глубины своего страха. Короче, для тех, кто не проявил себя так, как ты.

У Робин аж кровь отхлынула от лица.

— Тебе никто не говорил, — быстро вставил Крис, — что ты болтаешь в точности как злодейка из дешевого ужастика?

— Ах так? Как бы в этом году тебе не стать двенадцатым. — Гея развела руками. — Да, люблю я старые фильмы. Но меня уже все это утомило. Второе действие сегодняшнего вечера вот-вот начнется, так что…

— А зачем понадобился танцор? — выпалила Робин. Она сама удивилась, что спросила, но почему-то ей вдруг показалось это важным.

Гея вздохнула.

— Почему вы, люди, так бежите от загадочности? Почему все должно быть разложено по полочкам? Что плохого в нескольких неболь-

ших секретах? Ведь они только придают жизни немного пикантности.

— Терпеть не могу секреты, — заявил Крис.

— Будь по-вашему. Танцор — помесь Фреда Астера с Айседорой Дункан, плюс несколько щепоток Нижинского, Барышникова, Драммонда и Грея. Реальные люди тут не при чем, уверяю вас, — хотя я обожаю разворошить пару-другую могил и исследовать прах на предмет пригодных для клонирования генов. Нет, всего лишь гомологи, изготовленные на основе оставшихся от них записей, переписанных на нуклеиновые кислоты вашей покорной слугой и овеянные дыханием жизни. Танцор — весьма удобное орудие моего разума — как, впрочем, и это мясо… — Гея помедлила, чтобы стукнуть себя кулаком в грудь — … но, тем не менее, всего лишь орудие. В каком-то смысле и он, и та, что сейчас говорит, — оба танцуют в моем мозгу. Эта старуха нужна для общения с эфемерными существам, а танцор — для совершенно конкретных целей, которые я в определенный момент преследую. Но я все-таки ожидаю, что, несмотря на отвращение и презрение, вам небезынтересно узнать, отошлю я вас отсюда какими вы были — или исцеленными. — Вопросительно подняв бровь,

Гея по очереди оглядела Криса и Робин.

Робин, хоть ей и больно было это признать, вся превратилась в слух. Разумная ее часть утверждала, что она не играла по правилам Геи, а если и сделала что-то такое, чем заслужила награду, то глупо было бы от нее отказаться. Но что-то в глубине души вело изменнические речи. «Не очень-то ты хорошо сражалась, когда тебя вывели на арену, — говорило оно. — А награды тебе всегда хотелось». Но Робин не хотела показывать свою заинтересованность.

— Прежде чем объявить решение, я всегда предпочитаю выслушать вашу оценку, — сказала Гея. Откинувшись на спинку стула, она переплела толстые пальцы на брюхе. — Робин, ты начнешь.

— Нет у меня никакой оценки, — с готовностью отозвалась Робин. — Не знаю, насколько ты осведомлена о том, что мне удалось, а что я завалила. Вполне могу предположить, что тебе известно все вплоть до самых черных тайн моей души. Пожалуй, во мне произошла занятная перемена. Раньше я презирала твои правила, а Криса они завораживали — или, по крайней мере, так мне казалось. Теперь я уже не знаю. Я много думала обо всем, что произошло. Мне очень за многое стыдно. В частности и за то, что я неспособна

признать свою человеческую слабость. Сделаешь ты со мной что-то или не сделаешь — не так важно. Я уже кое-чего достигла. Хотела бы я знать точней, что это такое и что обладать этим не так больно. Но, так или иначе, к себе прежней я уже не вернусь.

— По-моему, тебя это слегка печалит.

— Возможно.

— Все куда проще, когда не нужно оглядываться на себя. Но такое отношение к действительности долго не держится.

— Тоже возможно.

— Впереди у тебя радости посерьезнее.

— Пока ничего о них не знаю. Гея пожала плечами.

— Я могу и ошибаться. Я никогда не набрасывала на себя личины непогрешимости, предсказывая поведение существ со свободной волей. Впрочем, опыт у меня значительный. И мне представляется, что, победила ты или проиграла, ты сильнее того, через что прошла.

— Может быть.

— Стало быть, я решаю, что ты заслужила исцеление.

Робин подняла глаза. Благодарить богиню она не собиралась, но ее слегка огорчило то, что Гея

этого и не ждала.

— Собственно говоря, ты уже исцелена и можешь уйти хоть сейчас. Желаю тебе удачи, хотя мне интересно…

— Минутку. Как это я уже исцелена? Когда это могло случиться?

— Пока ты смотрела на танцора. Когда вы с Крисом вошли в лифт на ободе, я быстро погрузила вас в сон — так же, как и в первый раз. Тогда необходимо было установить природу ваших недугов и средства для их исцеления — если таковые имелись. Без обследования я бы не смогла предложить вам тот договор. А на сей раз это уже скорее требовалось мне, чем вам. Мне нужно было знать, что вы делали с тех пор, как мы в последний раз виделись. Я изучила ваш опыт, тщательно все продумала и приняла решение. Вы никакой перемены не почувствовали. И ничего не заметили, потому что я сфабриковала вашу поездку на лифте и вернула вас в чувство, смешивая того человека, что танцует в моем сознании, с реальным парнишкой в реальных гетрах. Некоторую неловкость вы, возможно, подметили, но я уже прилично насобачилась и уверяю вас — хоть мне и не под силу описать вам мои методы, они вполне здравы и научны. Если

вы против, то можете..

— Минутку, — перебил Крис. — Если ты…

— Не перебивать, — сказала Гея, грозя пальцем. — Твоя очередь еще впереди. Короче говоря, вам следовало держать в уме старое предостережение, что нельзя садиться в машины к незнакомцам. Особенно здесь.

— Я припоминаю один очень длинный рейс, — внезапно озлобившись, проговорила Робин. — Далеко-далеко вниз. Теперь оказывается, поездка вверх тоже с подвохом.

— Извиняться не собираюсь. Не хочу и не буду. Тот длинный рейс достается всем. Обычно пилигримы получают наглядное и яркое представление о собственной смертности. Ты, Крис, пожалуй, единственный, кто своего Большого Пролета так до самой смерти и не припомнит.

— Я хочу сказать насчет…

— Чуть позже. По-моему ты, Робин, говорить собиралась.

Девушка одарила Гею тяжелым взглядом.

— Ага. Как мне узнать, что я исцелена? Ты же не думаешь, что после прошлого визита я стану тебе доверять.

Гея рассмеялась.

— Нет, не думаю. К сожалению, права потреби-

теля здесь никак не защищаются. Да, я признаю за собой склонность к невинным шуткам. Но что касается исцеления, то тут моя репутация безупречна. Могу поклясться, что отныне — если только тебе как-нибудь не свалится на голову кирпич, что, как известно, может повлечь за собой эпилепсию, — все припадки у тебя в прошлом. Теперь, Крис, твоя очередь. Что ты думаешь насчет…

— Я хочу кое о чем заявить. Не знаю, исцелила ты меня или нет, но делать этого не следовало. Ты не имела права.

На сей раз обе брови Геи удивленно приподнялись.

— Ну это еще как сказать. Я, собственно, хотела спросить тебя, считаешь ли ты, что заслужил исцеление. Но раз ты так самоуверен, то ответ ясен заранее.

— Нет у меня никакого ответа. Зато у меня есть мнение. Ты отправила меня становиться героем, и я вернулся живым. Уже одно это чего-то стоит. Только не верю я больше в героев. А верю в обычных людей, которые, как могут, справляются со своими судьбами. Просто делаешь то, что должен, и выбора у тебя при этом не больше, чем у кирпича, про который ты тут болтала.

Всю первую часть похода я обдумывал все, что делал, — от прохода по стремнинам до чистки зубов — и прикидывал, геройство это или нет. Потом я совершил пару-другую подвигов, которые, уверен, прошли бы тест. Но тут я понял, что тест фальшивый. Ты берешь критерии из книжки с комиксами, а потом смотришь, как люди пляшут под твою дудку. Я тебя презираю.

— Правда? Ты слишком много себе позволяешь. Раз уж ты не ответил на мой вопрос, то могу тебя огорчить — ты тоже исцелен. А теперь догадайся, на чем я основала свое решение. На твоем подвиге по спасению жизни Габи в Фебе? Или на твоем решении сносить скуку смертную под боком у Вальи?

— Ты… — Робин видела, как в Крисе вскипел гнев, и видела, как он заставил себя сдержаться. Она не сомневалась, что Крис взял себя в руки из-за той же мысли, что вдруг напугала Робин при упоминании имени Габи — насколько Гея обо всем осведомлена?

— Я не хочу никакого исцеления, — говорил тем временем Крис. — На Землю я возвращаться не собираюсь, а здесь мои проблемы мало что значат. Кроме того, от тебя я исцеление принимать не желаю.

— Потому что ты меня презираешь, — сказала Гея, с усталым видом отворачиваясь. — Так ты, кажется, сказал. Само собой, титанидам ты вреда нанести не можешь, но как насчет живущих здесь людей? Кто о них позаботится?

— Я не собираюсь среди них болтаться. Кроме того, мне уже и так лучше. С тех пор, как я вернулся в Титанополь, мои эпизоды сделались почти одинаковыми и не такими бурными. Послушай, я… да, признаюсь. Я не настолько горд, чтобы не принять от тебя одну милость. Зря я тут лишнего наговорил. Вообще-то на уме у меня было, если ты предложишь мне исцеление, предложить тебе заменить его кое-чем другим. В смысле, ты сказала, что я заслужил исцеление — независимо от того, что я сам об этом думаю. Пожалуй, ты могла бы подумать о том, что в чем-то мне задолжала.

Теперь Гея вовсю улыбалась, и лицо Робин запылало сочувствием к Крису. Она понимала, как все это для него оскорбительно.

— У нас было устное соглашение, — сказала Гея. — Весьма конкретное. Допускаю, что имела от него все выгоды, что диктовала все условия и что обсуждению они не подлежали. Но не забывай — я все-таки здесь хозяйка. Впрочем — умираю, хочу услышать, с чем же я, по-твоему,

должна согласиться. — Богиня приняла театральную позу внимательного слушателя и несколько раз подмигнула Крису.

— Ты уже сделала это для Сирокко и Габи, — не глядя на нее, тихо проговорил Крис. — Если ты думаешь, что я и дальше буду клянчить, то не дождешься.

— О нет, не жду, — отозвалась Гея. — Конечно же, клянчить ты больше не станешь. Прекрасно представляю, чего тебе это стоило после такой патетической речуги о героях, подвигах и презрении. Нет, я просто бы изумилась, возьмись ты еще клянчить. Бывает, ошибаюсь я в людях — но уж не настолько. И теперь просто жду, чтобы ты это назвал. Будь поконкретней. Чего ты хочешь?

— Способности петь.

Хохот Геи зазвенел в мрачной пустоте ступицы. Казалось, конца ему не предвидится. Вскоре все завсегдатаи небесного кинофестиваля тоже хохотали — в полном согласии с известным принципом, что смешное для хозяина несмешным быть не может. Поглядывая на Криса, Робин ждала, что он вот-вот набросится на паскудную старуху с картофельной мордой, но Крис опять невесть как сдержался. Постепенно смех затих — сначала посерьезнела Гея, затем все остальные.

Склонив голову набок, богиня, казалось, задумалась.

— Нет. Отказать. В обеих просьбах. Не стану я тебя разлечивать. И петь учить не стану. Надо было сначала читать, а потом подписывать — и знать свои желания, прежде чем сюда являться. Я настаиваю на букве договора. Это может показаться грубым, но вскоре ты поймешь, что все не так плохо, как кажется. Когда я тебя исцелила, произошло смешение разных твоих индивидуальностей. Так, ты обнаружишь, что стал несколько ближе к насильственным тенденциям, которые так заводили твою титанидскую суку. Это, вкупе с более квалифицированным использованием твоего пениса, должно поддерживать в животном смирение и преданность еще по крайней мэре…

Тут Крис уже уселся на нее. Робин рванулась на помощь, но вынуждена была столкнуться с целым роем гостей Геи, которые — пусть и не самая крутая камарилья, с какой ей приходилось сталкиваться, — единодушно готовы были отличиться перед Геей. Робин отделала нескольких. Эти поднялись бы нескоро, но остальные взяли числом и в считанные секунды разложили ее на полу. Повертев головой, Робин заметила, что

Крис в том же положении, что и она, а Гея снова взбирается на свое кресло.

— Отпустите их, — сказала она, усаживаясь. Изо рта у нее капала кровь, но, несмотря на это, богиня ухмылялась. А быть может — из-за этого; Робин не знала. Поднявшись, Робин встала рядом с Крисом. Она порезала руку и теперь поднесла ее ко рту, чтобы высосать кровь.

— Понял, о чем я? — продолжила Гея так, будто ничего не случилось. — Тот Крис Мажор, что когда-то сюда явился, никогда бы такого номера не выкинул. И мне это нравится. Хотя тебя, знаешь ли, занесло. Тем не менее, сделку я с тобой заключу. Не думаю, что ты здесь у меня надолго. На сей счет я осведомлена куда лучше тебя. Мне кое-что известно о титанидской любви и о том, насколько она отличается от человеческой. Твоя подружка очень скоро начнет раздвигать свои стройные ноги для других… брось, пожалуйста. К чему повторять пройденное? — Она подождала, пока Крис несколько успокоится. — Вот видишь — твоя реакция доказывает, что я права. Не стану отрицать, что Валья тебя любит, но она будет любить и других. Этого ты снести не сможешь. И свалишь отсюда с великой горечью на сердце.

— Можешь побиться об заклад?

— В этом и состоит сделка. Возвращайся через… ну, скажем, через пять мириаоборотов. Нет, буду великодушна. Скажем, через четыре. Это примерно четыре с половиной года. Если ты и тогда захочешь быть излеченным и по-прежнему будешь хотеть петь, я сделаю для тебя и то и другое. Ну как, идет?

— Идет. Я вернусь.

Впоследствии Робин не могла припомнить, сказал ли Крис еще хоть слово. До нее вдруг дошло, какую часть руки она сосет. В нарастающем ужасе поглазев на собственную руку, она дико завопила и прыгнула. Гея снова покатилась со своего кресла. Следующее, что помнила Робин, было то, как она сидит на полу, а первым ощущением оказалась боль в мизинце — том самом, которому там быть не полагалось. Она пыталась еще раз его укусить, а Крис силился оторвать ее руку ото рта. Не стоило ему так беспокоиться. Робин сама отняла руку и тупо уставилась на укусы.

— Не могу, — пробормотала она. — Не могу.

— И раньше не могла, — напомнила ей Гея. — Ведь ты его ножом отрезала, помнишь? А широкой общественности потом наплела, что откусила. Тогда тебе такие фокусы славно удавались; ради крутого имиджа ты бы самое себя

выпотрошила и высушила. Да, Робин. Ты была такой засранкой, которую разве что только мать родная любить станет. — Богиня слегка запыхалась. — Впрочем, почему «была»? Нет, детишки, вы это прекращайте. Черт возьми, уже дважды на дню колотят! Мне что, и дальше сносить насилие и побои? Какая богиня такое бы потерпела? А? Я вас спрашиваю!

Робин уже не интересовала болтовня Геи. Грустный факт — который ей, как и многие другие, предстояло встретить лицом к лицу — заключался в том, что Гея оказалась отчасти права. Она уже не была Робин Девятипалой.

— Можете не прощаться, — сказала Гея. — Поцелуи и объятия не обязательны. Просто уходите.

Крис помог Робин встать, и всю обратную дорогу к лифту, который снова мог отправить ее полетать по спице Реи, Робин думала только об одном — осталась татуировка на животе или нет. Единственное, в чем она была уверена, это то, что она постарается как можно дольше туда не смотреть.

ГЛАВА XLII
Битва ветров

Сирокко сидела на плоском скалистом выступе над Местом Ветров, самой границей похожего на столовую гору образования, что заставляло трос, известный как Лестница Сирокко, так напоминать руку, вцепившуюся в почву Восточного Гипериона. Под ногами у нее от земли расходились пальцы-жилы, чьи узловатые костяшки разгладились за миллионы лет беспрестанного ветра. Между жил — там, где между пальцев находятся перепонки, — разевали пасти эллиптические провалы. Жадно глотая воздух, они нагнетали его в промежуточные воздуховоды в тросе — гнали наверх, чтобы выдуть в далекой ступице и бросить обратно в спицы в грандиозном цикле восполнения, что составлял само существо жизни Геи. Земля здесь была голой, и все же жизнь, бурлящая под ней и вокруг нее, а порой пробивавшаяся до самой дальней молекулы, заставляла кости Сирокко вибрировать.

Гея казалась такой невообразимо громадной, что легко было впасть в отчаяние.

Наверное, за всю историю Геи нашлась одна-единственная, которая осмелилась открыто бросить ей вызов. Сирокко, великая Фея, объявила об этом во всеуслышанье, будто и впрямь могла разговаривать с Геей на равных. И только она сама знала, как легковесен ее вызов и только сама могла перечислить ненавистный список собственных преступлений. Для начала Гее потребовалось вытоптать всю землю вокруг Феи, чтобы поставить ее на колени. Пройдет время, и Сирокко будет корчиться под нею как червь и воспринимать любой нажим как истинное благо.

То, что курс богини мудр, уже было очевидно. Единственная, кто осмеливалась вести себя вызывающе, была теперь мертва, а труп ее пожрала гневная земля — тело Геи. Весьма наглядный урок. Не могло быть никакого сомнения, что эта Габи была всего-навсего идиоткой. Бунт ее, прискорбно мелкий и ничтожный, сгинул вместе с ее жизнью. Не успела она сделать и первых шагов, как гнев Геи уже на нее обрушился. Убийство Габи вызвало у Геи не больше забот, чем их бывает у спящего слона, навалившегося на муху.

Сирокко уже много часов не двигалась, но, когда сзади послышался крик, обернулась. Потом встала. Сначала ангел казался крылатым

пятнышком, но быстро вырастал в размерах. Его разноцветные крылья умело изгибались под коварными ветрами — и, наконец, опустили причудливое существо в двух метрах от Сирокко. Сзади летели еще пятеро.

— Они вернулись в Титанополь, — сообщил ангел. Они явно предлагали ей отправиться в путь. Но слишком малы были плечи Сирокко для гнева Геи. Ангел, прищурившись, разглядывал ее.

— Ты уверена, что тебе этого хочется? — спросил он.

— Я никогда ни в чем не уверена. Идем.

Они вместе дошли до края обрыва. Прямо под Феей оказалась заборная дыра, именуемая Великой Плакальщицей, а также известная как Передний Пах Геи.

Ангелы пододвинулись к Сирокко сзади. Двое с обоих боков взяли ее под локти своими жилистыми руками. Остальные четверо должны были обеспечивать страховку опасного полета в кромешной тьме.

Сирокко ступила за край, и ветер подхватил ее словно сухой лист. Влетев прямо в трос, Фея устремилась к ступице.

ГЛАВА XLIII
Тонкая алая линия

Сирокко называла это действо Безумным Чаепитием, но сама понимала, что сравнение хромает; просто когда-то она чувствовала себя там примерно как Алиса. Свита отчаяния, окружавшая Гею, скорее подошла бы для экзистенциалистской сцены Беккета, чем для кэрролловской Страны Чудес. И все же Сирокко не удивилась бы, предложи ей там кто-нибудь чашку чая.

Толпа исключительно тонко чувствовала настроение Геи. Сирокко никогда не видела лизоблюдов более нетерпеливыми, чем пока она приближалась к пирушке, — и столь резко насторожившимися, когда Гея наконец ее заметила.

— Вот радость-то! — сочно прогудела богиня. — Да неужто это капитан Джонс? Чем же мы обязаны чести столь внезапного и необъявленного визита? Эй, ты, как там тебя, принеси-ка Фее самый большой стакан чего-нибудь холодненького. Неважно чего — только чтобы воды было поменьше. Садись вон в то кресло, Сирокко. Быть может, тебе еще чего-нибудь хочется? Нет?

Хорошо. — Казалось, Гея не знает, что сказать дальше. Сидя в своем широком кресле, богиня что-то бубнила, пока Фее не подали стакан.

Сирокко посмотрела на стакан так, будто в жизни ничего подобного не видела.

— Наверное, тебе лучше сразу бутылку, — предположила Гея. Сирокко посмотрела ей в глаза. Потом опять взглянула на стакан, перевернула его и стала водить по кругу, пока не образовалась на полу лужица. Пустой стакан Сирокко швырнула вверх — так, что, покинув круг света, он все еще взлетал. Сфера сплющилась и начала расплываться по ковру.

— Никак ты хочешь сказать, что завязала? — осведомилась Гея. — А как насчет ширли-темпла? Я только-только получила от одного поклонника на Земле чудненький миксер. Весь керамический, и в форме тела свеженького мистера Америка. Клянусь, кучу денег стоит. Особенно удается коктейль мартини. Джин мистеру льешь до подбородка, а вермут — до…

— Заткнись.

Слегка наклонив голову, Гея поразмыслила — и сделала, как было сказано. Потом сложила руки на брюхе и стала ждать.

— Я здесь, чтобы заявить о своей отставке.

— Но я тебя о ней не просила.

— Я сказала, ты слышала. Быть Феей я больше не желаю.

— Ты больше не желаешь. — Гея сочувственно прищелкнула языком. — Все, знаешь ли, не так просто. Но, похоже, тут счастливое совпадение. Последние несколько лет я частенько задумывалась, не пора ли положить конец твоему назначению. Сопутствующие блага, разумеется, также бы оказались изъяты. Поскольку это практически равнялось смертному приговору, я не торопилась с решением. Но факт остается фактом. Если ты вспомнишь те качества, которые мне требовались, когда я нанимала тебя на работу, то согласишься, что уже давненько не соответствуешь занимаемой должности.

— Даже не собираюсь возражать. Фактом остается то, что сразу же после очередного Карнавала в Гиперионе я слагаю с себя должность. А до той поры я навещу другие титанидские земли, чтобы…

— «Сразу же после…» — Гея ударилась в наигранное изумление. — Нет, вы только ее послушайте! Просто не верится — сколько за один день можно натерпеться дерзостей! — Смех богини немедленно подхватили несколько ее подха-

лимов. Сирокко перевела взгляд на одного из людишек и смотрела на него до тех пор, пока он не решил, что лучше бы куда подальше смотать. К тому времени все притихло, и Гея жестом предложила Сирокко продолжать.

— Добавить почти нечего. Я обещала титанидам запоминающийся Карнавал, и я им его устрою. Но я требую, чтобы в дальнейшем ты установила другой способ воспроизводства титанид, подлежащий моему одобрению, и с десятилетним испытательным сроком. За это время я смогу пронаблюдать за его действием и убрать оттуда все фокусы.

— Ты требуешь, — проговорила Гея. И поджала губы. — Знаешь, Сирокко, должна тебе сказать — ты меня с этим делом совсем загоняла. Клянусь, никогда не думала, что у тебя хватит пороху здесь появиться — зная, что мне обо всем известно. У тебя даже речь прорезалась. Странно, но ты сейчас демонстрируешь те качества, что были у тебя в самом начале и за которые я сделала тебя Феей. Если ты помнишь, в список входили отвага, целеустремленность, страсть к приключениям и героизм. Прискорбно, но впоследствии, ты их растеряла. Вообще-то я не собиралась заводить речь о моих недавних сомнениях. Но ты сама

спровоцировала своими дурацкими требованиями. Я даже начинаю задумываться, не лишилась ли ты рассудка.

— Напротив, я его вновь обрела. Гея нахмурилась.

— Давай-ка начистоту, идет? Мы обе знаем, о чем идет речь, и я признаю, что действовала поспешно. Да, я приняла все слишком близко к сердцу. Но и она тоже была хороша. Большой глупостью было с ее стороны отправить этих двух детишек с подобным сообщением; наверняка она тогда уже ничего не соображала. Но факт остается фактом. Габи…

— Не смей произносить ее имя. — Сирокко лишь слегка повысила голос, но Гея резко прервалась, а первые ряды ее свиты непроизвольно подались назад.

Гея, судя по всему, искренне удивилась.

— Ее имя? При чем тут ее имя? Если ты только не повернулась на баснях о собственной колдовской силе, то я просто не понимаю. Имя — пустой звук; ничего магического в нем нет и быть не может.

— Не желаю слышать, как ты его произносишь. Тут Гея впервые озлилась.

— Я слишком долго терпела, — процедила

она. — Я прощаю тебе и другим такие оскорбления, каких не снесла бы никакая другая богиня. А все потому, что не вижу смысла в бесконечных убийствах. Но ты испытываешь мое терпение. Так вот. Больше я не потерплю. Можешь считать это предупреждением.

— Ты терпишь, потому что тебе так нравится, — ровным тоном произнесла Сирокко. — Жизнь для тебя игра, и ты любишь манипулировать фишками. Вся эта публика, к примеру, нужна, чтобы целовать тебя в жопу, когда тебе того захочется. Так что я буду оскорблять тебя, когда пожелаю.

— А они — целовать, — сказала Гея, снова улыбаясь. — Да, конечно же, ты права. Ты снова доказываешь мне, что при желании можешь устроить мне такое представление, какого больше ни от кого не дождешься. — Она помолчала, явно ожидая, что Сирокко продолжит. Но Сирокко молчала. Запрокинув голову, она смотрела на далекую, прямую и острую как бритва линию алого света наверху. Линия эта была первым, что Сирокко заметила во время своего первого и страшно давнего визита в ступицу. Когда-то она стояла здесь бок о бок с Габи и гадала, что бы это могло быть. Впрочем, линия тянулась так высоко, что и думать особенно не стоило. Все равно им

было до нее не добраться.

Но Сирокко даже тогда чувствовала, что это важно. Всего лишь ощущение — но она им доверяла. Там, в самой недостижимой точке мира, полного ошеломляющих горизонтов, располагалась какая-то жизненно важная часть Геи. И оттуда, где сейчас сидела Сирокко, было до нее по меньшей мере километров двадцать.

— Полагаю, тебе любопытно будет услышать ответ на твои запросы, — наконец сказала Гея. Сирокко опустила голову и снова взглянула на богиню. Лицо ее ничего не выражало — как, впрочем, и с самого начала разговора.

— Вовсе не любопытно. Я уже сказала, что намереваюсь делать, а потом сказала, что следует сделать тебе. Больше говорить не о чем.

— Сомневаюсь. — Гея пристально на нее посмотрела. — Дело в том, что это совершенно невозможно. Ты должна это знать. А значит, ты должна представить для меня какую-то угрозу, хотя я понятия не имею, что это может быть.

Сирокко лишь мельком на нее взглянула.

— Не могла же ты вообразить, что я смиренно удовлетворю твои… ну ладно, соглашусь с твоими требованиями, если тебя так больше устраивает. Требование или просьба — какая разница, если

ответ все равно отрицательный? Теперь ты должна сказать мне, что собираешься делать.

— Так ты говоришь «нет»?

— Разумеется.

— Тогда мне придется тебя убить.

Во всей необъятной ступице повисла мертвая тишина. Несколько сотен людей вяло сгруппировались позади кресла Геи, ловя каждое ее слово. Все они были трусы — или их бы там не оказалось. Теперь большинство явно прикидывало, как Гея предпочтет избавиться от этой женщины. Но некоторые, глядя на Сирокко, начинали подумывать, в такое ли уж надежное место они вложили свою преданность.

— Нет, ты точно с ума спятила. Ни урана, ни плутония у тебя нет — и раздобыть их тебе негде. А даже если и есть где, сомневаюсь, что ты сумела бы сварганить оружие. Но даже если с помощью не знаю какой магии ты соорудила бы атомную бомбу, то все равно никогда бы ею не воспользовалась. Ведь тогда погибли бы и так обожаемые тобой титаниды. — Гея снова вздохнула и беззаботно махнула рукой. — Я никогда не претендовала на бессмертие. И знаю, сколько примерно лет мне осталось. Я вовсе не неразрушима. Атомные бомбы — в достаточном

количестве и математически точно размещенные — могли бы разрушить мое тело или, по крайней мере, сделать меня необитаемой. А не считая этого, я просто не знаю, что могло бы нанести мне серьезный вред. Так как же ты собираешься меня убить?

— Голыми руками, если потребуется.

— Или умереть при такой попытке.

— Все может статься.

— Это точно. — Гея закрыла глаза, губы беззвучно зашевелились. Наконец она снова взглянула на Сирокко.

— Мне следовало этого ожидать. Теперь тебе не так больно будет расстаться с жизнью, чем жить дальше с тем, что случилось. Признаюсь, тут и моя вина. Но мне не хочется, чтобы ты пропала зазря. Ты стоишь всей этой компании, и даже больше.

— Я не стою ничего, пока не сделаю то, что должна.

— Сирокко, прости меня за то, что я совершила. Дай мне шанс. Я думала, что смогу скрыть свои дела, но ошиблась. Но ты же не станешь отрицать, что она замышляла меня свергнуть, а ты ей помогала…

— Я сожалею только об одном. Что так долго

медлила.

— Конечно. Это можно понять. Я сознаю всю глубину твоей горечи и ненависти. Все получилось так нелепо и ненужно. Ведь я это сделала больше из-за гордыни, чем от страха; ты же не думаешь, что меня всерьез тревожили ее жалкие потуги…

— Следи за словами в ее адрес. Больше предупреждать не стану.

— Извини. Но ни она, ни ты не смогли причинить мне даже малейших неудобств. Я уничтожила ее просто за ту дерзость, с какой она думала, что все это можно провернуть. Но этим поступком я лишила себя твоей преданности. Теперь оказалось, что цена слишком высокая. Я хочу вернуть тебя и боюсь, что не смогу. И все-таки мне хочется, чтобы ты осталась хотя бы ради придания этому месту большего достоинства.

— Этому месту и впрямь не хватает достоинства. Но у меня тоже нет лишнего, чтобы делиться.

— Ты себя недооцениваешь. То, чего ты требуешь, невозможно. Ты не первая Фея, назначенная мною за три миллиона лет. Есть один-единственный способ оставить эту должность — вперед ногами. Никто ее не пережил, и никто никогда

не переживет. Но я могу кое-что сделать. Я могу ее вернуть.

Прижав ладони к вискам, Сирокко очень долго молчала. Потом сцепила руки под своим бесформенным одеялом и стала медленно покачиваться взад и вперед.

— Только этого я и боялась, — ни к кому не обращаясь, сказала она.

— Я могу воссоздать ее точно такой же, какой она была, — продолжила Гея. — Тебе известно, что у меня есть образцы ткани вас обеих. Когда вы проходили предварительное обследование и когда отчитывались для процедуры «обессмерчивания», я записала все ваши воспоминания. Теперь это может оказаться очень кстати. Я могу вырастить ее тело и наполнить его ее жизнью. Клянусь, она будет собой; невозможно будет заметить разницу. То же самое я сделаю и с тобой, если, несмотря ни на что, мне все-таки придется тебя убить. Я могу вернуть ее тебе, и лишь с одной маленькой переменой. Я удалю ее побуждение уничтожить меня. Только это — и ничего больше.

Она ждала, но Сирокко молчала.

— Ну ладно, — сказала Гея, нетерпеливо махнув рукой. — Я даже этого не стану менять. Она во

всех отношениях будет собой. Сверх этого я вряд ли могу что-нибудь сделать.

Сирокко смотрела в одну точку чуть выше головы Геи. Теперь она опустила глаза и уставилась на ее кресло.

— Только этого я и боялась, — повторила Фея. — Я даже не хотела сюда являться, чтобы мне не пришлось выслушать это предложение и искуситься. Слишком уж это заманчиво. Как славно было бы со многим смириться и найти оправдание тому, чтобы жить дальше. Но затем я прикинула, что бы по этому поводу подумала Габи, и решила, что все это просто грязная, подлая дьявольщина. Ей жутко было бы подумать, что она выживет в виде куколки Габи, слепленной тобой из твоей же гниющей плоти. Она бы обязательно захотела, чтобы я сразу прикончила это отродье. Подумав еще немного, я решила, что всякий раз, как его увижу, я вытягивала бы из себя по жиле, пока бы их совсем не осталось.

Вздохнув, она взглянула вверх, затем опять на Гею.

— Так это твое последнее слово?

— Да. Не надо…

Грохот пяти выстрелов слился в одно. Пять дырок возникли рядом друг с другом на одеяле

Сирокко, а ее тяжелое кресло отъехало на два метра назад, прежде чем она перестала палить. Из затылка у Геи хлынула кровь. По меньшей мере три пули вошли ей в грудь. Сброшенное с кресла, ее обмякшее тело катилось еще метров тридцать — и только тогда замерло.

Не обращая внимания на столпотворение, Сирокко встала и подошла к трупу. Там она вытащила из-под одежды тяжелый кольт Робин, приставила его к голове Геи и сделала три последних выстрела. Действуя стремительно во все нарастающем затишье, она достала металлическую банку, открыла ее и облила труп прозрачной жидкостью. Потом бросила спичку и отступила, когда пламя, вначале взметнувшись в воздух, стало красться по ковру.

— С красивыми жестами пока все, — процедила Сирокко. Затем повернулась к толпе и качнула пистолетом в сторону ближайшего собора.

— Теперь у вас один выход — бежать к спице, — сказала она толпе. — Когда доберетесь до края, прыгайте. Там вас подхватят ангелы и благополучно опустят в Гиперион. — Сказав это, Сирокко выкинула лизоблюдов из головы. Ее не интересовало, выживут они или нет.

Задыхаясь от спешки, она выбросила пустую

обойму и достала из потайного кармана полную. Аккуратно ее вставила — а потом зашагала прочь от разгорающегося пожара.

Наконец, оказавшись достаточно далеко, чтобы дым не мешал обзору, Сирокко пошире расставила ноги и подняла пистолет над головой. Целясь почти вертикально вверх, она принялась стрелять в тонкую алую линию. Фея не торопилась, делала промежутки между выстрелами, и перестала палить, только опустошив всю обойму.

Потом достала следующую.

ГЛАВА XLIV
Гром и молния

В середине четвертой обоймы Сирокко стало беспокоить странное чувство. Поначалу даже палец на крючок не ложился. Покачав головой, она все-таки прицелилась и выстрелила. Потом сглотнула сухой комок. Вполне возможно было, что «красивые жесты» все еще продолжаются; точно она знать не могла. Даже если она попадает в эту штуку, ее пули могут оказаться слишком мелкими и безвредными. Тем не менее, Сирокко выстрелила и готова была стрелять еще.

Что-то подсказывало ей: беги. В другое время необычное ощущение могло бы ее развлечь, но теперь, в ее нынешнем положении, ничего веселого тут не было. Сирокко выстрелила еще дважды, и патронник вновь оказался пуст. Вытащив пустую обойму, она отшвырнула ее. Та шумно застучала по полу.

И опять то же самое чувство — еще сильнее. Невесть отчего хлынули слезы. Чертыхаясь, Сирокко стала ждать смерти, но та что-то не торопилась.

Тут она вдруг поняла, что сейчас чувствует, — и ледяные мурашки побежали по всему телу. Неизвестно почему Сирокко обрела внезапную уверенность, что это Габи велит ей уходить.

Не иначе, тут какой-то фокус Геи. Сделав несколько неуверенных шагов, Сирокко ощутила облегчение.

Стоило только остановиться, как это чувство вернулось.

Но почему она решила умереть? С начала ничего такого в планах не было. После совета лизоблюдам она собиралась смываться вслед за ними. Не тут ли сработал фокус? Не могла ли Гея вложить в нее голос Габи, чтобы сбивать ее с толку, пока не прибудет орудие мести?

Внезапно Сирокко доверилась этому чувству и двинулась в сторону соборов.

Сам воздух, казалось, раскололся, когда молния внезапно ударила в то место, где она только что стояла. Сирокко бросилась бежать, а гнев Геи изливался на нее отовсюду. Алая линия наверху сияла куда ярче обычного.

«Прыгай!»

Сирокко повиновалась, резко взяла влево — и еще одна молния чуть-чуть ее не накрыла.

В ничтожно малой гравитации ступицы можно

было развить страшную скорость — только вот росла она медленно. Ноги не имели достаточного сцепления с полом, чтобы сразу развить хорошее ускорение. Сирокко начала с мелких, семенящих шагов, постепенно удлиняя их до метра. И скорость, раз набранная, уже не падала. Сирокко неслась вперед, редко касаясь земли, — а кругом буйствовали молнии.

Главную трудность теперь представляла смена направления. Когда Сирокко решила вильнуть вправо, сложно оказалось воплотить желаемое в действительность. Она все-таки справилась, но на сей раз не могла сказать, помогло это или нет. Туда, куда она направлялась прежде, молния не ударила.

Некоторые соборы, сотрясаемые постоянными ударами молний, а теперь подвергнувшиеся атаке снизу, рассыпались. Каменные гаргульи падали вокруг Сирокко, пока она обгоняла отставшую часть толпы. Шпили медленно покачивались, дробились на куски — и чудовищные каменные блоки неотвратимо плыли вниз. Хотя весили они здесь всего несколько килограммов, их массы вполне хватило бы сокрушить все на своем пути.

Уже не в силах свернуть, Сирокко вдруг поняла,

что несется прямо на копию Нотр-Дам. Тогда она поджала ноги, опустилась на несколько сантиметров, потом резко оттолкнулась и взмыла вверх. Облетев островерхую крышу, медленно опустилась и оттолкнувшись, снова поднялась. Внизу, будто растревоженный муравейник, беспорядочно кружили остатки Безумного Чаепития. А впереди уже виднелся покатый склон и жерло спицы Реи. Сирокко решила больше не касаться земли — инерция и так должна была пронести ее над пропастью. Несколько людишек из свиты богини добрались до края и теперь глазели на прыжок, который никому из них и не снился.

Сунув руку в потайной карман, Сирокко достала оттуда баллончик сжатого газа. Потом развернулась лицом к алой линии, одним концом прижала цилиндр к животу, а на другом открыла клапан. Газ шипел, постоянное давление угрожало развернуть ее, но Сирокко держала равновесие. Вскоре она поняла, что набирает скорость.

Когда баллончик опустел, Сирокко что было силы его отшвырнула, затем бросила вслед две оставшиеся обоймы. Так она опустошила все содержимое карманов. Собралась было швыр-

нуть и пистолет, но заколебалась. Робин хотела получить его назад — если, конечно, будет возможность. Тогда Сирокко выскользнула из своего красного одеяла, скомкала его в плотный комок и швырнула. В этой спешке важна была каждая унция реактивной массы.

Проклятье! Конечно же следовало израсходовать оставшиеся пули вместо того, чтобы просто их выбрасывать. Тогда и серапе не пришлось бы выбрасывать. Но всего сразу не предусмотришь. Кроме того, когда она посмотрела вперед, то увидела, что это уже неважно. Всю внутреннюю поверхность гигантского цилиндра спицы Реи испещряли мириады электрических змеек. Сирокко надеялась быстро вылететь из-под обстрела, но теперь ей предстояло пробиваться сквозь весь этот строй.

Внизу она увидела медленно кружащиеся фигурки своего эскорта. Ангелы ожидали Сирокко там, где она и велела. Прямо у нее на глазах одному из них досталось — впечатление было, словно подорвали пуховую подушку. Тошнота подступила к горлу, и Сирокко отвернулась. Оставшиеся пять не рассыпались, как она боялась. На первый взгляд могло показаться, что они удирают, так как Сирокко видны были только их ноги и отча-

янно машущие крылья. Но она тут же сообразила, что ангелы своим несравнимо лучшим баллистическим чутьем раньше просчитали задачу. Несколькими секундами позже, проносясь мимо них, Сирокко испытала облегчение оттого, что не расстреляла оставшиеся пули. Скорость и без того оказалась велика — был риск оставить ангелов далеко позади.

Развернувшись, Сирокко стала падать спиной к земле. Не имело смысла высматривать вспышки молний, ибо тут уже нельзя было ничего поделать. Она раскинула руки, чтобы чуть сбросить скорость, а ангелы сопровождали ее падающее тело по мерцающему туннелю.

ГЛАВА XLV
Слава и удача

Валья сменила свои костыли на титанидскую версию кресла-каталки — два колеса с резиновыми шинами двух метров в диаметре, прикрепленные к деревянной раме чуть шире тела титаниды. Спереди и сзади нижней части ее человеческого торса располагались прочные перекладины, к которым привешивалось брезентовое полотно с дырками для передних ног и ремни, крепившие всю конструкцию. Вначале Крис нашел каталку по меньшей мере странной, но быстро забыл об этом, увидев, насколько она практична. Впрочем, Валье не так уж долго предстояло в ней находиться; ноги быстро заживали, но титанидские лекари были очень осторожны в отношении переломов.

В каталке Валья передвигалась быстрее, чем мог бегать Крис. Сложность составляли только повороты, которые приходилось выполнять медленно. И, как и все кресла-каталки, титанидская модификация плохо справлялась с лестницами. Взглянув на широкую деревянную лестницу,

которая спускалась из-под зеленого балдахина на краю титанопольского древа, Валья, нахмурив брови, сказала:

— По-моему, я смогу туда подняться.

— А я уже отлично представляю себе, как ты оттуда летишь, — отозвался Крис. — Погоди минутку, я приведу Робин. Змей, где корзина с едой?

Малыш сначала удивился, затем смутился.

— Кажется, я ее забыл.

— Ну так беги домой и принеси. И нигде не задерживайся.

— Ага. Увидимся. — И от Змея тут же осталось только облачко пыли.

Крис пустился вверх по лестнице. Грубо сработанная, она вполне соответствовала всему древесному окружению, в том числе и набору букв из стянутых веревками палок — совсем как у входа в лагерь бойскаутов. Надпись гласила: «Отель Титанополь». Взобравшись на четвертый уровень, Крис постучался в дверь третьей комнаты. Робин крикнула, что открыто, — и, зайдя внутрь, Крис застал девушку за упаковкой вещей в чемодан.

— Раньше никогда барахло не копила, — сказала она, тыльной стороной ладони вытирая пот со

лба. В Гиперионе был очередной жаркий денек. — Пожалуй, это еще одна перемена. Почему-то теперь неохота ничего выбрасывать. Может, присядешь? Сейчас я тебе место очищу… — Она стала перекладывать стопки штанов и рубашек — в основном титанидского производства.

— Признаюсь, я удивлен твоими сборами, — садясь, сказал Крис. — Я думал, ты еще поболтаешься здесь хотя бы пока мы не выясним, удалось ли Сирокко…

Робин бросила рядом с ним на койку уродливый металлический брусок. Оказалось — ее фамильная ценность, кольт 45-го калибра.

— Несколько часов назад доставили, — пояснила она. — Разве ты не слышал? По-моему, этими новостями уже весь город гудит. Помнишь, что несколько дней назад творилось? Так вот. Все было не просто так — в небесах действительно состоялась великая битва, и Сирокко сумела улизнуть. Но Гея недовольна, и ее шпионы шныряют повсюду. Куча слухов. Карнавал отменен; раса обречена. Или Карнавал состоится, но будет слишком поздно. Сирокко тяжело ранена. Она в коме. Или она в добром здравии и ранила Гею. Это только те сплетни, которые я слышала, — а ведь я даже из гостиницы не выходила.

Крис удивился — но не тому, что не слышал о новостях. Весь день он сидел дома с Вальей и Змеем, а когда упаковали еду, отправился прямо в гостиницу. Несколько декаоборотов назад они уже обсуждали странные явления, когда трос Места Ветров начал медленно покачиваться, а со стороны Реи стал доноситься непрерывный грохот.

— А что тебе достоверно известно?

Робин протянула руку и похлопала по пистолету.

— Вот это. Кольт здесь, а значит Сирокко добралась до обода. Надеюсь, она нашла ему хорошее применение. Что с ней случилось дальше — представления не имею.

— Быть может, она не рискует здесь показываться, — предположил Крис.

— Такой слух тоже ходит. Я вообще-то надеялась… ну что она придет и отдаст мне пистолет. Тогда у меня будет возможность… короче, перед ее уходом я так ее толком и не поблагодарила. За то, что она отправила Трини меня дожидаться. Теперь уже, может, и не удастся.

— Сомневаюсь, что ты нашла бы нужные слова. Я лично не смог.

— Наверное, ты прав.

— А когда мы последний раз виделись, она все извинялась за то, что втянула меня в такую беду.

— И передо мной тоже. По-моему, она думала, что погибнет. Но как я могу ее винить? Откуда ей было знать, что… должно будет… случиться… — Робин приложила ладонь к животу. Казалось, ее сейчас вытошнит.

— Осторожней, — предупредил Крис.

— Неужели я даже с тобой не могу об этом поговорить?

— Тебя затошнило?

— Сама не пойму. Скорее я испугалась, что меня затошнит. Тяжело будет к этому привыкнуть.

Крис понимал, о чем она говорит, но придерживался мнения, что несколько месяцев спустя они об этой прощальной шутке Геи уже и не вспомнят.

Это разрешало одну загадку, но сама природа решения не позволяла кому бы то ни было его разгласить. Когда пришло время об этом задуматься, обоим показалось странным, что, несмотря на весь проделанный в Гее анализ и несмотря на весь опыт пилигримов, являвшихся к богине за исцелением, ни в одной книге не упоминалось о Большом Пролете. Причина оказалась проста. Гея не позволяла никому об этом рассказывать. Они

не могли обсуждать и свои достижения, и чужие и даже заикнуться о том, что в обмен на исцеление им было предложено что-то совершить.

Крис не сомневался, что это самый надежно охраняемый секрет столетия. Как и несколько тысяч тех, кто с ним его разделял, Криса не удивляло, что никто так и не заговорил. Им с Робин, конечно же, было не удержаться от того, чтобы проверить охранную систему, о которой они узнали по возвращении в Титанополь.

Второй раз это проделывать уже не хотелось никому.

Гордости это в Криса, разумеется, не вселяло. Но ничего тут было не поделать. Гея обеспечила ему психологическую блокировку, достаточно гибкую, и он мог свободно разговаривать с Робин или с любым, кто уже про это знал. Но, попытайся Крис рассказать кому-то еще о Большом Пролете, о своих приключениях или о чужих подвигах в погоне за чудесным исцелением, он испытал бы боль столь невыносимую, что не смог бы выговорить и слова. Зарождаясь в животе, эта боль стремительно расходилась по всем мышцам подобно раскаленным докрасна змеям.

Никакой «клаузулы возможного отказа» тут не было — или, по крайней мере, так ему сказали.

Про себя Крис точно знал, что проверять это не станет. Попытайся он записать свои впечатления, результат был бы тот же. В ответ на вопросы, касавшиеся запретных тем, он даже не мог сказать «да» или «нет». Допустимым ответом могло считаться «без комментариев». Еще лучше — «не ваше дело». Самым же безопасным было просто промолчать.

Система эта имела определенную привлекательность — для тех, разумеется, кто не стал ее жертвой. Насколько мог судить Крис, она действовала безупречно. Всем направлявшимся к Гее визитерам приходилось совершать поездку в капсулярно-лифтовом агрегате затем, чтобы от доков на внешней стороне обода попасть во внутреннюю часть. В процессе этой поездки визитеры погружались в сон, обследовались, а перед выпуском прочищались. Ни один обладатель любого запретного знания не мог покинуть Гею, не получив блокировки.

Крис прикинул, что лучше всего соблюдать максимальную осторожность в разговорах со всеми, кроме Робин, Вальи и других титанид. В Гее были еще люди, которые знали то же, что знал он, но сложно было сразу разобраться, кто они. Впрочем, если он сомневался, то мог полу-

чить предупредительный укол, едва раскрыв рот, чтобы заговорить о походе. Большего не требовалось. Одной дозы последствий гнусной обработки вполне хватало.

Набив один чемодан, Робин взялась за другой. Крис заметил, как она взяла маленький термометрик, задумчиво на него поглядела и швырнула в багаж. Он мог представить себе ее затруднения. Множество взятого ею в поход снаряжения приобрело сентиментальную ценность. А в довершение всего после их возвращения в Титанополь чуть ли не каждая титанида в городе желала взять Криса или Робин за пуговицу и преподнести в подарок какую-нибудь прелестную безделушку. На полках в доме у Вальи для размещения всего добра уже не хватало места.

— По-прежнему этого не понимаю, — сказала Робин, аккуратно заворачивая в папиросную бумагу изысканный набор резных деревянных ножей, вилок и ложек. — Нет, я не жалуюсь — разве только на то, что не представляю, как мне все это упаковать. Мне непонятно, чем мы заслужили такое внимание. Ведь мы ровным счетом ничего для них не сделали.

— Мне Валья худо-бедно объяснила, — отозвался Крис. — Мы вроде как знаменитости. Конечно,

до Сирокко нам далеко, но тоже в своем роде. Мы ушли как пилигримы и вернулись исцеленными. Значит, Гея сочла нас героями. Стало быть, мы достойны даров. А еще — титаниды, конечно, до утра будут спорить, что нисколько они не суеверны, — но по тому, как нам удалось спастись, они заключили, что мы невероятно везучие. Вот они и надеются, что хоть капелька нашего везения перейдет к ним, если они будут с нами любезны. Когда все-таки наступит время Карнавала, везение им ох как потребуется. — Тут Крис принялся разглядывать свои ладони. — Что касается меня, то здесь еще одна причина. Назовем это пособием новичку или свадебным душем. Я собираюсь стать членом их сообщества. Вот они и хотят, чтобы я чувствовал себя как дома.

Взглянув на него, Робин открыла было рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла. И снова принялась паковать вещи.

— Ты думаешь, я совершаю ошибку, — произнес Крис.

— Я этого не сказала. И не скажу, даже если бы и вправду так думала. А я так не думаю. Я знаю, что для тебя Валья. Или мне кажется, что знаю. Само-то я ни к кому ничего подобного не испытывала.

— А вот я думаю, что ты совершаешь ошибку, —

тем же тоном произнес Крис.

Всплеснув руками, Робин развернулась и принялась на него орать.

— Что ты несешь? С чего это я вдруг стала такой дипломаткой, а ты мелешь все, что тебе в голову взбредет? Черт бы тебя побрал! Я пыталась быть милой, но все, хватит! Могу тебе сказать — ты сам не уверен в том, что делаешь. Не до конца уверен. Во-первых, всю оставшуюся жизнь ты намерен бояться Геи, а во-вторых, ты еще сам не знаешь, как тебе понравится, когда Валья начнет приводить домой своих новых любовников. Ты только надеешься с этим свыкнуться — но не уверен, что сможешь.

— Можно мне извиниться?

— Погоди минуту. Я еще орать не закончила. — Но затем Робин развела руками, присела рядом с ним на койку и продолжила.

— Я тоже не уверена, не совершаю ли я ошибку. Трини… — Она яростно замотала головой. — Да, у меня на многое открылись глаза, и не все обстоит так скверно. Меня пугает, что из-за перемен, которые произошли со мной здесь, дома мне придется тяжело. И раз уж о доме, то я порой едва могу вспомнить, какой он. Мне кажется, я здесь уже миллион лет. Я выяснила, что многое, во что

верят мои сестры, всего лишь досужие выдумки — и сомневаюсь, что сумею им об этом сказать.

— Что, например?

Искоса на него взглянув, Робин чуть скривила губы.

— Значит, тебе хочется последних откровенностей от дикой марсианки? Хорошо. Теперь я точно знаю — сколько мужчину ни корми, пенис у него с мою руку не вырастет. Моя матушка сильно на этот счет заблуждалась. Не было у нее оснований утверждать и то, что все мужчины с утра до ночи насилуют всех женщин. А также то, что все мужчины чудовища.

За последнее время я много разговаривала с Трини. У меня появилась первая возможность пообщаться с женщиной, хорошо знакомой с земной цивилизацией. Я обнаружила для себя множество преувеличений. Система подавления и эксплуатации не столь ужасна и откровенна, как я думала, но она по-прежнему никуда не делась — даже спустя столетие после того, как мои сестры решили держаться от нее подальше. Тогда я спросила себя: стала бы я предлагать ввести в Ковене какие-то перемены? И ответила себе: нет. Если бы я нашла на Земле абсолютно равное общество, ответ, возможно, был бы другим. Хотя

и в этом я не уверена. Какой цели послужили бы эти перемены? Мы отлично справляемся. Ничего ненормального в нас нет. Мало, очень мало кто из моих сестер смог бы доверять мужчинам. Совсем немногие смогли бы их полюбить. Так что бы мы стали делать, вернувшись на Землю?

— Понятия не имею, — сказал Крис. Потом подумал, что это прозвучало слишком осуждающе, и добавил: — Ничего не имею против Ковена. Я вовсе не хотел, чтобы ты вставала на защиту своего образа жизни. Он в ней не нуждается.

Робин снова развела руками.

— Быть может, отчасти и нуждается — иначе я бы так сразу не завелась. Впрочем, меня это не волнует. Поначалу трудно будет держать рот на замке насчет многого из того, что я узнала. Зато у меня будет хорошая практика, как уметь молчать.

Некоторое время они молча сидели рядом — каждый погрузился в собственные мысли. Крис думал о том, что чуть было между ними не завязалось — или, точнее, о двери, которая чуть было не открыла перед ними возможность чего-то подобного. Впрочем, для серьезных размышлений все это уже было в далеком прошлом. Крис испытывал глубокое уважение и привязанность к той

отчаянной девушке, какой Робин была прежде. Теперь она казалась немного подавленной, но далеко не побитой, и он понял, что чувства его к ней не переменились.

Тут в голову Крису пришла одна мысль, и он решил попытать удачи.

— А знаешь, твое положение в ковенском обществе меня совсем не беспокоит, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Твой новый палец. Ведь отрастить палец — тут, должно быть, колоссальная лабра.

Робин посмотрела на руку, потом озорно ухмыльнулась.

— Пожалуй, ты прав.

Подойдя к единственному окну в номере, Крис посмотрел на Валью, терпеливо ожидающую его у подножия лестницы.

— Когда отбывает твой корабль?

Робин взглянула на наручные часы, и Крис улыбнулся. Он тоже такие носил. Неотвязная тяга следить за временем была у них общей.

— У меня еще дека… десять часов.

— Валья приготовила закуску к пикнику. У нее на уме одно чудное прохладное местечко вниз по реке. Мы и так хотели тебя пригласить, а теперь пикник станет твоей отвальной.

Робин улыбнулась.

— Замечательно. Только дай мне сначала все упаковать.

Крис помог ей, и вскоре на полу выстроились три объемистых тюка. Подняв два, Робин принялась бороться с третьим.

— Тебе помочь?

— Нет, я са… а-а, черт, о чем я говорю? Я возьму эти, а ты прихвати тот. Можно оставить их у кассы — оттуда их отправят на корабль.

Крис последовал за Робин вниз по лестнице и помог ей сдать багаж. Затем они присоединились к Валье и Змею. Выйдя прогулочным темпом из-под титанопольского древа, все четверо оказались под колоссальным сводом гейского окна Гипериона. День выдался жаркий, но с Океана уже задувал ветерок, обещая скорое похолодание. В воздухе висела дымка, источник которой был далеко на нагорьях, где воздушный флот Сирокко обнаружил топливопроизводящую тварь — родителя и попечителя бомбадулей. Гнусная нечисть пылала уже полкилооборота.

Но, несмотря на дымку, воздух был восхитителен. Пахло ожидающими скорой жатвы титанидскими посевами. А главное — ни в чем не было угрозы. Четверо спутников шли по пыльной

тропе меж покатых холмов. По обе стороны, будто обнимающие руки матери, вздымался могучий изгиб Геи.

На берегу Офиона они расстелили одеяла. Пока все ели, Крис наблюдал за рекой, задумываясь о том, сколько раз одни и те же воды протекали мимо этого места — и сколько раз предстоит им еще протечь, прежде чем долгой жизни Геи придет конец. Когда титаниды запели, Крис охотно присоединился. Вскоре и Робин стала подпевать. Они пили, смеялись, немного плакали — и снова пели, пока не настала пора уходить.

ЭПИЛОГ
Semper fidelis

Колесо по-прежнему вращалось, и Гея по-прежнему оставалась одна.

Убойный корабль землян был на своем привычном месте — глубоко в гравитационном поле Сатурна. Команду его ежегодно меняли, чтобы облегчить тяготы дежурства. А каждое десятилетие проходил обследование его смертоносный груз, и дефектные ракеты заменялись.

Присутствие корабля не было пустой угрозой, но Гея спокойно ее игнорировала. Богиня твердо знала, что не даст повода для атаки. Пока Земля в ней нуждается, ей нечего бояться. Политическим абсурдом было бы оспорить ее диктат в своем собственном теле или ее совещательный голос на земном шаре. Рассказы о сделках и вызовах, достигни они ушей землян, могли бы вызвать временное недовольство — и не более. Гея могла предложить людям тысячи даров. Система ее безопасности доставляла удовольствие и ей самой; Гею развлекало прибытие ничего не подозревающих пилигримов.

О степени уверенности Геи в себе говорило то, что угрозу от землян она ставила даже ниже ничтожной угрозы отступницы Феи. Но Гея привыкла соблюдать осторожность. Высоко в ступице ее мысли быстрее света метались по кристаллической матрице пространства, само существование которой бросало вызов земной физике. Громадные отверстия зияли в этой матрице подобно дырам от сгнивших зубов, но даже в упадке мозг Геи содержал в себе силу, далеко превосходящую возможности всех человеческих компьютеров вместе взятых.

Ответ вышел таким, какой и ожидался. Никакой угрозы Сирокко не представляла.

Высокогорья в Гее были уникальны. Каждый километр связывался с каким-то региональным мозгом, а управлением, которое осуществлялось на столь солидном расстоянии от силовых центров, вполне можно было пренебречь. В определенном смысле здесь лежала нейтральная территория.

В сумеречной зоне меж Реей и Гиперионом, много выше земли, в самых недоступных пределах нагорий, у входа в пещеру стояла на страже одинокая титанида. Неподалеку зрел роскошный урожай коки. Услышав донесшийся изнутри звук,

Менестрель повернулся и зашел в пещеру.

Сирокко Джонс, до недавних пор известная как Фея Титана, а теперь именуемая Демоном, уже очнулась и теперь корчилась в холодном поту. Совсем голая, она так исхудала, что по ней можно было изучать анатомию. А глаза казались глубокими провалами.

Менестрель подошел и стал держать ее, пока дрожь не утихла. Вскоре после приземления в Гиперионе Сирокко нашла славный запас спиртного — несмотря на то, что Фонотеку уничтожило единственное в своем роде стихийное бедствие: дождь соборов. Потом Менестрель разыскал Сирокко и привез ее в пещеру.

Теперь он приподнял ей голову и помог выпить чашку воды. Когда Сирокко вытошнило, Менестрель уложил ее обратно. Но вскоре глаза ее открылись. Впервые за много дней Сирокко сама сумела приподняться и сесть. Заглянув ей в глаза, Менестрель увидел там тот огонь, который, казалось, давно в них погас, — и воспрял духом.

Гея еще услышит о Демоне.